

8

2024

ISSN 0132-1625

50 ЛЕТ
ЖУРНАЛУ

СОЦИОЛОГИЯ

Социология профессий:
поиск перспектив

Трудоспособность рабочих –
от трудового поиска
до дожития в профессии

Россияне об иммигрантах:
от негативных оценок
к радушному приему?

Финансы в социологическом фокусе

Антироссийская риторика:
риски экстремизма

НАУКА

— 1727 —

Журнал основан
в июне 1974 года

К 50-ЛЕТИЮ СОЦИСА

- 3 Социология профессий: состояние и перспективы (круглый стол)

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА

- 22 СМЕЛОВА А.А. Социальные исследования финансов как новый вектор для социологического изучения современного общества
- 37 АНДРЕЕВА Ю.В. ЛУКЬЯНОВА Е.Л. Трудовые биографии российских рабочих: от трудового поиска до трудового дожития

ДЕМОГРАФИЯ. МИГРАЦИЯ

- 49 МОКИН К.С. Эволюция исследований миграции: от СССР к современной России
- 61 ВОРОНИНА Н.С. Динамика установок россиян по отношению к иммигрантам: результаты анализа данных Европейского социального исследования за 2006–2021 гг.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

- 79 ГАБАРАЕВА М.Р. Дискурс «деколонизации» в антироссийских Telegram-каналах, ориентированных на Северный Кавказ (опыт контент-анализа)
- 94 ВАСИЛЬЕВА О.В. Патриотизм как прагматичный и/или аффективный выбор (на материалах Республики Саха (Якутия))

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

- 105 АТАНЕСЯН А.В. Политическая социология в Армении: становление и приоритетные направления
- 117 ДАНИЛОВ А.Н. Белорусские авторы на страницах журнала «Социологические исследования»

ЮБИЛЕЙ

- 124 КРАВЧЕНКО С.А. – 75 лет!
- 125 КРАВЧЕНКО С.А. Диагностика синергийно сложных рисков через призму генотипа культуры
-

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

- 137 БЕРЕЗИНА Н.В. Теория медиа и будущее Церкви

ФАКТЫ. КОММЕНТАРИИ. ЗАМЕТКИ

- 146 АГАФОНОВА Д.Ю., РОМАШКИНА Г.Ф. Социальный капитал: доверие и общественное участие (на примере Тюменской области)
- 155 БАЛАКИНА Г.Ф., НАТСАК О.Д. Социальное самочувствие и адаптационные практики населения Тувы: гендерная дифференциация

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 161 ЛЯЛИКОВА С.В., НАЗАРОВА И.Б. Социальная динамика населения и человеческий потенциал (итоги конференции)
- 163 ВАСИНА О.В. Актуальные проблемы социологии: международный опыт
- 164 ЯКОВЕНКО Н.В., САДЫКОВА Х.Н. О работе III демографического форума
- 166 ТАНАТОВА Д.К., ХАМАТХАНОВА М.А. Юбилейный конгресс о проблемах молодой семьи

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД НОВОЙ КНИГОЙ

- 168 РОЙ О.М. Феномен ресентимента: историческая аллюзия или суровая реальность?

175 CONTENTS

НОВЫЕ КНИГИ ПО СОЦИАЛЬНЫМ НАУКАМ (2-я стр. обл.)

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ (4-я стр. обл.)

При подготовке направляемых в журнал статей просим руководствоваться правилами, указанными на сайте журнала (<http://www.socis.isras.ru/>; <http://www.isras.ru/socis.ru>) или в № 1 и № 7 журнала. Статьи присылать по электронной почте (socis@isras.ru) в формате *.doc. Авторы **несут ответственность** за подбор и достоверность приведенных данных.

Решение о публикации принимается в течение **2-х месяцев** со дня регистрации рукописи. Принятие решения о соответствии/несоответствии поступивших статей профилю, концепции и тематике журнала является прерогативой редколлегии и редакции журнала. На основе рецензирования редакция принимает окончательное решение о публикации (или отклонении) статей.

Полная или частичная перепечатка материалов допускается только после разрешения редакции. Ссылка на источник обязательна.

Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителей, редколлегии и редакции.

Полнотекстовые версии статей выставляются в свободном доступе на <http://www.socis.isras.ru/>, <http://www.isras.ru/socis.html> через три месяца после выхода номера.

По возникающим вопросам обращаться по телефону редакции: +7 (499) 128-84-39 или писать на электронный адрес редакции: socis@isras.ru

© Российская академия наук, 2024

© Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, 2024

© Редколлегия журнала «Социологические исследования» (составитель), 2024

От редакции. Публикуя материалы круглого стола, посвященного социологии профессий, считаем важным отметить, что в этом году – юбилей Павла Васильевича Романова (1964–2014). Ему исполнилось бы 60 лет. П.В. Романов внес в развитие дисциплины значительный вклад: был одним из первых исследователей, развивавших социо-антропологическое направление в социологии профессий, значимое в России рубежа 1990–2000-х гг., когда зарождались новые процессы в сфере занятости и профессионального труда и требовались новые подходы для понимания изменений в мире профессий. Его работы не теряют своей ценности и включены в актуальные научные дискуссии.

© 2024 г.

СОЦИОЛОГИЯ ПРОФЕССИЙ – СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ (круглый стол)

Участники: АБРАМОВ Роман Николаевич – доктор социологических наук, профессор департамента социологии, ведущий научный сотрудник Международной лаборатории исследований социальной интеграции НИУ «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник отдела теории и истории социологии, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва (rabramov@hse.ru, socioportal@yandex.ru); МАНСУРОВ Валерий Андреевич – доктор социологических наук профессор, главный научный сотрудник, руководитель сектора социологии профессий и профессиональных групп, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва (mansurov@isras.ru); МОСКОВСКАЯ Александра Александровна – кандидат экономических наук, директор Центра социального предпринимательства и социальных инноваций, НИУ «Высшая школа экономики», Москва (amoskovskaya@hse.ru); ПОПОВА Ирина Петровна – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва (irina_porova@list.ru); СТАРЦЕВА Наталья Николаевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры «Управление персоналом и социология» Уральского государственного университета путей сообщения, Екатеринбург (Nstarceva@usurt.ru); ЮРЧЕНКО Олеся Викторовна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва (olesya@mail.ru); ЯРСКАЯ-СМИРНОВА Елена Ростиславовна – доктор социологических наук, PhD, ординарный профессор, заведующая Международной лабораторией исследований социальной интеграции НИУ «Высшая школа экономики», Москва (eiaraskaia@hse.ru). Все – Россия.

Аннотация. Обсуждается современная проблематика социологии профессий и ее перспективы. В центре дискуссии – анализ предмета и объекта этой дисциплины, ее теоретических и методологических оснований, выделение перспективных направлений исследований, специфики ее бытования в отечественной социологии. Отмечены наиболее значимые аспекты предметной области социологии профессий, связанные с регулированием профессиональной деятельности, взаимодействием профессионалов и профессиональных сообществ с государством, обществом, рынком. Внимание уделяется анализу истоков дисциплины, адаптации ее концептуальных и методологических подходов: важную роль сыграли разработки в отечественной социологии труда, занятости и управления, исследования интеллигенции, интеграция подходов социологии, антропологии, этнографии профессий, других дисциплин. Показаны и противоречия в развитии теоретических и методологических объяснительных моделей социологии профессий, а также направлений исследований. Отмечается, что несмотря на кризис дисциплины, ее потенциал в исследовании современных процессов в сфере труда и занятости, социальной политики, формирования профессиональных сообществ остается высоким.

Ключевые слова: социология профессий • профессия • профессиональные группы • профессионализм • интеллигенция • неовеберианский подход • этнография профессий • социально-антропологический подход • социология труда • качественные методы • кризис

DOI: 10.31857/S0132162524080019

1. Социология профессий развивается в России не так давно. Какими вы видите ее предмет и объект? Почему возник интерес к этому направлению? Насколько она органична для российской социологии? Как связана эта исследовательская область с предыдущими исследованиями российских социологов, можно ли считать ее предысторией, например, социологии труда? Как она отвечает на актуальные вопросы?

Мансуров В.А. Профессии – явление, сформировавшееся исторически не так давно в связи с усложнением трудовой деятельности, развитием абстрактного знания. Появились различные подходы к его исследованию. Мы пытались разобраться с пониманием того, что такое профессия и что такое профессиональная деятельность [Мансуров, Юрченко, 2009]. В российской социологии путь к освоению этого подхода шел через социологию труда. Приходило понимание, что важны институциональные аспекты трудовой деятельности как ответа на определенные социальные потребности. Одно из направлений, связанное с социологией профессий (далее – СП), – исследования интеллигенции, группы людей, которые занимались определенным видом профессиональной деятельности, готовились к этому обществом и ценились, поскольку только они могут выполнять определенные задачи. Уже в наших первых исследованиях мы делали акцент на том, что внутри интеллигенции есть подразделения по признаку профессиональной деятельности (см.: [Профессиональные отряды..., 1985]). Исследовали проблемы профессиональной подготовки инженеров, врачей, учителей, преподавателей вузов. С 1980-х гг. начались наши контакты с зарубежными коллегами. Стало развиваться международное направление, возникла рабочая группа в Международной социологической ассоциации по социологии профессиональных групп. Исследовательский комитет, самый молодой в структуре МСА, возник позже, и мы, вместе с зарубежными коллегами, принимали участие в его создании. Это было очень интересно для нас – ведь очень трудно идентифицировать интеллигенцию. И для себя мы определили, что интеллигенция – это слой (группа) людей, которые работают для других; защищают не свои интересы, а интересы других людей. Такая морально-этическая характеристика. Определение профессиональной группы в таком аспекте близко к пониманию профессии на Западе. Поэтому и появилась попытка развития контактов с зарубежными коллегами – мы работали в двух проектах, с британскими и финскими коллегами. В конце концов у нас получилось доказать, что это действительно значимое направление исследований и его следует определить как социологию профессиональных групп. В этом как раз наш вклад в развитие этого исследовательского направления. Мы, в свою очередь, поняли пользу этого подхода в исследованиях интеллигенции – так называемом русском направлении, поскольку западные исследователи давно не занимаются интеллигенцией как явлением. В 1980-е гг. мы занимались сравнением и описанием подходов в международной социологии и для себя определили, что неовеберианский подход больше всего соответствует нашей истории движения к пониманию этой проблемы. Он акцентирует аспект служения: профессионал, обладая специфическими профессиональными знаниями, служит другим, работает для других. Конечно, все подходы имеют слабости, но поскольку мы двигались в этой логике, мы не просто заимствовали его, – мы сами к этому пришли. Эта проблематика созрела.

Ярская-Смирнова Е.Р. Эта отрасль имеет в России несколько истоков – конечно, нужно упомянуть отечественную социологию труда, занятости, управления, а также зарубежные подходы, причем не только социологические, но и те, что развивались в русле современной антропологии, этнографии профессий, работы и организаций. Ее

предметная область находится на пересечении эмпирического поля разнообразных профессий и концептуальных проблематизаций, порождающих исследовательские вопросы.

Уже десять лет, как нет с нами Павла Романова. Между тем начатое им дело развивается и продолжается. Речь идет о таком направлении, как социальная антропология организаций и профессий, в частности, менеджмента, а также о наших совместных проектах в сфере СП государства всеобщего благоденствия, где этнографический подход, антропологические перспективы занимали одно из центральных мест [Романов, 2003]. В качестве эмпирического поля для СП «менеджмент» означает не только определенный социальный феномен и специфическую социальную практику, но и социальную группу с соответствующей структурой. Эти исследования начались в период социально-экономических реформ, организационных инноваций в 1990-е гг., когда расшатывались основания традиционных условий и механизмов интеграции и регулирования производства. В такой период менеджеры сталкивались с необходимостью пересмотра сложившихся в прежних обстоятельствах моделей организационного дизайна и управления, привычных способов контроля. Речь шла о таких важных для социологического исследования профессий феноменах, как управление и собственность, культура, власть, рациональность.

Социально-экономические, политические и культурные трансформации российского общества существенно влияли и продолжают влиять на формирование новых социологических полей и подходов. Общественные перемены катализируют переосмысление и переработку оснований любой занятости, профессионализированного труда, а сами практики, в свою очередь, способны повлиять на ход социальных реформ.

Мы с коллегами работаем в духе неовеберовских подходов к изучению профессий [Эвлеттс, 2009; Сакс, 2020], рассматривающих смыслы профессионализма в качестве особого культурно-исторического конструкта, связанного с легитимацией профессионалами своего права на собственную монополию в рамках определенного сектора услуг [Романов, Ярская-Смирнова, 2009; 2015]. Исследовательская методология опирается, главным образом, на интерпретативизм и реализм, а эмпирические методы по большей части относятся к качественной, этнографической традиции. Подобные исследования реконструируют повседневный опыт реализации социальной политики, которая понимается как процесс нормализации и рационализации благополучия индивидов, организаций и обществ.

Абрамов Р.Н. Могу констатировать, что СП и занятий так и не сложилась в российской социологии как самостоятельная дисциплина, опирающаяся на международные объяснительные модели и традицию. Она не смогла выработать собственные подходы к изучению профессий и профессионализма, учитывающие страновой контекст. За небольшим исключением [Мансуров, Юрченко, 2009; Романов, Ярская-Смирнова, 2009; Московская, 2010], в российском социологическом поле профессии понимаются максимально широко – как любые формы постоянной занятости с элементами прекарности, либо имеется преемственность с советской традицией социологии труда, где профессии изучались вне исторической институциональной перспективы как массовидные социальные слои, встроенные в сложившийся социально-экономический порядок.

СП и занятий в моем понимании, во-первых, должна обладать теоретическим историческим видением эволюции отдельных профессиональных сообществ в их связи с социальными институтами, культурными переменными и внутренней динамикой, которую далеко не всегда можно понять, опираясь на данные опросов. Во-вторых, СП и занятий должна активно и творчески применять теоретические объяснительные модели из социологии знания, STS, социальной эпистемологии, социологии морали, не рассматривая профессиональные группы только лишь в рамках прикладного анализа, опирающегося на структурно-функционалистскую логику. В-третьих, необходимо принимать во внимание экологическую среду, в которой действуют, изменяются и осуществляют пересборку профессиональные сообщества. Я имею ввиду институциональную инфраструктуру, конкурирующие профессии и занятия, организационные и корпоративные среды, технологические и культурные вызовы, перед которыми стоят профессии.

В России, к сожалению, пока что такого, стереоскопического взгляда на профессии не хватает. Все это не означает вектора на экзотизацию повседневности и устройства профессиональных сообществ, который просматривается в некоторых исследованиях, выполненных в жанре социальной антропологии и этнографии. Безусловно, уникальные способы самоорганизации профессий, профессиолекты, неформальные хозяйственные уклады, возникающие вокруг отдельных занятий, очень важны, однако различные профессиональные сообщества в той или иной степени изоморфны, поскольку действуют в общих социальных обстоятельствах.

Имеется огромный потенциал СП и занятий, так как многие из профессиональных сообществ не изучены и не охарактеризованы в их социокультурном генезисе. К тому же проблематика профессиональной власти, автономии, этики, способов самоорганизации профессиональных сообществ, их противоречивых отношений с государством и корпоративными структурами являются не только предметом научного интереса, но позволяют понимать, каким образом сильные воздействия на сообщества, предпринимаемые в ходе реформ, отражаются на качестве профессионализма и характера труда профессионалов.

Юрченко О.В. СП, как считает французский социолог Ш. Гадеа, остается «неизведанным континентом» для европейских социологов [Гадеа, 2011]. Это утверждение актуально и для России, если мы говорим о СП в ее классическом англосаксонском понимании. Классическая СП фокусируется на изучении «социальных характеристик профессиональной деятельности, обусловленных природой, организацией и динамикой власти в профессиональных группах с высоким уровнем подготовки и специальных знаний» [Попова, 2024].

Интерес к властным ресурсам профессионалов в нашей стране возник в начале 2000-х годов. В этот период развивался рынок медицинских, юридических и образовательных услуг, стали заметными новые профессии, такие как менеджеры и социальные работники, а также формировались профессиональные сообщества и ассоциации. В наших исследованиях мы предполагали, что в соответствии с логикой рынка профессионалы станут в значительной степени «саморегулируемыми» сообществами [Freidson, 2001] и контроль многих аспектов их деятельности перейдет от государства к ним самим. Однако, несмотря на рост профессиональных сообществ, такая профессионализация по западному типу в нашей стране не произошла.

Отечественную социологию труда можно рассматривать как область, пересекающуюся с СП в ее современном состоянии, когда объектом изучения становятся все роды занятий без исключения. Изначально СП фокусировалась только на «элитных» профессиях, таких как врачи, юристы и преподаватели вузов, которые могли перераспределять власть и влияние в обществе в свою пользу.

Сегодня социология труда и СП помогают анализировать, как устроены профессиональные сообщества, как формируются отношения между государством и профессионалами, как складывается профессиональная идентичность, а также как происходят взаимодействия и мобильность различных профессиональных групп. В нашей стране такие исследования востребованы локально, на уровне отдельных организаций или исследовательских групп, но в целом они не оказывают влияния на социальную политику и проводимые реформы.

Старцева Н.Н. Интерес к профессии как к предмету исследования в XIX в. был обусловлен рядом социально-экономических и идейно-теоретических предпосылок. Первые связаны с переходом от традиционного к индустриальному типу общества и соответственно с бурными процессами профессиональной дифференциации и интеграции. Появление новых видов деятельности было сопряжено с ростом числа специализированных общностей (профессиональных групп), осуществляющих эту деятельность. Возникла потребность в изучении не только профессий, но и профессиональных групп: их роли в социальной системе, образа жизни и особенностей культуры их представителей. А также отдельной личности профессионала: характера его труда, процесса профессионализации, его взаимоотношений с другими субъектами, включенными в поле профессиональной

деятельности. Все это и стало предметом изучения формирующейся отрасли социологического знания – СП. Вторые – идейно-теоретические предпосылки оформления СП обусловлены появлением классических трудов экономистов и социологов: К. Маркса, Г. Спенсера, Э. Дюркгейма, М. Вебера. На их идеях и взглядах выстраивалась методология анализа мира профессий (марксистский, институциональный, функциональный, структурный, деятельностный и другие подходы), позволяющая и сегодня исследовать новые формирующиеся профессиональные феномены.

Бесспорно, процесс институционализации СП не был безболезненным. Отмечу, что в отечественной социологии свою роль сыграла и екатеринбургская школа, инициатором которой можно назвать Г.Б. Кораблеву, выпустившую первый в стране учебник по СП. И сегодня нередки дискуссии относительно объекта и предмета ее изучения, тезауруса и методов познания. Полагаю, что объектом СП можно считать профессии и как специализированные виды деятельности, выделившиеся в результате общественного разделения труда, и как особые типы социальных общностей, и как институты общества. Под предметом СП следует понимать закономерности становления и развития профессии как особого социального института общества, призванного обеспечить функционирование и развитие профессиональных общностей и их взаимодействий путем институционализации и воспроизводства правил, стандартов, норм и образцов профессионального поведения.

В чем же специфика именно социологического подхода к изучению профессиональных феноменов и в чем ее отличие от социологии труда? В отличие от социологии труда, которая чаще оперирует такими понятиями, как «труд», «работа», «рынок труда», «занятые», «безработные» и пр., СП использует иной тезаурус: «профессия», «занятие», «профессиональная общность (группа)», «профессионал», «профессионализация», «профессиональная дифференциация», «профессиональная мобильность», «профессиональная структура» и т.п. Уделяя пристальное внимание субъектам, действующим в рамках профессионального поля – профессионалам и профессиональным группам, она фокусируется на вопросе о процессе становления и обособления профессий в историческом и особенно в современном контексте (процесс институционализации видов деятельности и профессионализации профессиональных групп), что и определяет специфичность данного отраслевого подхода. СП обращает внимание на личность профессионала как представителя определенной профессиональной общности, которая объединяет людей, схожих не только по выполняемым функциям, владению идентичными знаниями и умениями, но и придерживающихся одинаковых ценностей, следующих одним нормам и правилам поведения, занимающих одни позиции в социальной иерархии.

Московская А.А. Предметом СП для меня является профессиональная деятельность человека в его качественной специфике и с фокусом на интеллектуальный вклад – будь то индивидуальная или групповая деятельность. В этом разительное отличие СП от исследований занятости и труда, где качественная сторона профессиональной деятельности переводится в количественные параметры – трудовой контракт (чаще коллективный трудовой контракт или коллективный договор), рабочее время, оплату труда, нормативные характеристики защиты занятости и дохода и трудовых споров с работодателем. В СП важно то, что человек делает как профессионал своего дела и как активный член профессиональной группы. Из этой позиции вытекает прямая связь между профессионалом и обществом. СП отвечает на вопросы: какую пользу профессионал приносит и в каких формах она существует; как сознательно взаимодействует с коллегами, чтобы эту пользу повысить либо утвердить. Для социологии труда, экономической социологии, тем более – экономики труда, отношения профессионала с обществом в лучшем случае ограничиваются темой производительности труда. Но она, опять же, имеет счетные параметры, в которых конкретность деятельности унифицирована стоимостью либо рабочей силы, либо продукта. Преобладающий подход в этих дисциплинах – обратный СП, не влияние профессионального человека на свои целевые группы либо результаты труда, а влияние

экономики и общественных институтов на положение работника. Поэтому он «работник», а не «профессионал». СП, наоборот, говорит о труде с позиций субъекта деятельности – личности или личностей, участников горизонтальных связей с коллегами, наделенных знаниями, свободой, ответственностью.

Попова И.П. СП фокусирует свое внимание, во-первых, на профессиональных группах с высоким уровнем профессиональной подготовки и специальных знаний, чья роль в современных обществах ключевая; во-вторых, на специфике и условиях регулирования их деятельности. Последнее важно с точки зрения эффективности использования интеллектуально-профессионального потенциала этих групп. Поэтому в центре внимания – процессы перераспределения ресурсов, основанных на знаниях, а следовательно, вопросы регулирования профессиональной деятельности, а также взаимодействие с государством и обществом, включая влияние на социальное неравенство и институты гражданского общества, преобразование экспертного влияния в рыночные преимущества. В этом – основное предметное поле СП: исследования в нем чаще всего сосредотачиваются на борьбе за расширение профессиональной автономии; профессионализации, включающей институционализацию профессиональных организаций; укреплении профессионального статуса, формировании профессиональных норм, ценностей, идентичности. На мой взгляд, это «родовая» характеристика СП, отличающая ее предмет среди других подходов в исследовании трудовой деятельности и профессионального разделения труда. Но, безусловно, происходит расширение как объекта, так и предмета СП. И исследования профессий, в движении от исходного значения термина «профессии» как определенных высокостатусных профессиональных групп, предоставляющих экспертные услуги, к менее специфическому и более широкому его пониманию, включают все больше тем и проблематизаций. С этим связаны другие обозначения данного направления – социология профессий и занятий, социология профессиональных групп. В российской исследовательской практике мы видим явное сближение проблематики СП с социологией труда, хотя следует отметить и пересечение предметных областей с социологией управления, организаций, социальной политики, образования, медицины, культуры, науки. Об этом говорит и анализ рубрики журнала [Попова, 2020]. Такое положение дел объясняется «корнями» этой области в исследованиях отдельных социальных слоев и проблематики труда в российской социологии в предыдущий период [Абрамов, 2014]. В то же время предметное обособление от них стимулирует также интерес к качественным методам в исследовании специфических аспектов этой проблематики, и эти методы в СП, на мой взгляд, сейчас преобладают.

2. Какова проблематика дисциплины сегодня? Существует много направлений в ее рамках, к проблематике каких дисциплин/отраслей социологического знания она сегодня тяготеет? Что остается отличительной, «родовой» основой этой дисциплины?

Ярская-Смирнова Е.Р. Для ответа на этот вопрос заглянем в недавние выпуски одного из старейших журналов по тематике СП *Work and Occupations* за 2023–2024 гг. Подавляющее число статей посвящены проблемам неравенства, дискриминации, коллективного действия и активизма в различных сферах занятости, труда, профессий. Здесь рассматриваются коллективные действия представителей рабочих профессий, исторический и актуальный контексты рабочего движения, в том числе проблемы интерсекциональной дискриминации и политических репрессий, роль профсоюзов и инициативных объединений профессионалов. В поле зрения авторов – коллективные выступления представителей различных отраслей и специальностей – от работников супермаркетов до креативного класса, фрилансеров, работников на удаленке. Тематическая классика – власть профессионалов из сферы медицины, интерпретации официантами и работниками супермаркетов их взаимодействий с клиентами и не утратившая своей актуальности тема повседневной «невидимой» и «грязной работы», выполняемой мигрантами. Новые

темы – работники с скрытыми нарушениями ментального здоровья – их усилия по совладанию со стигмой. Другие статьи посвящены прекарности труда, гендерному разрыву в уровне зарплаты, а также наделению полномочиями и усилению инициативы социально исключенных профессионалов – речь идет, в том числе, и о работниках высокой квалификации, занятых в телекоммуникационной индустрии и высшем образовании.

Отечественные исследователи вносят вклад в формирование собственного лица этой отрасли, реконструируя исторические срезы и актуальные зарисовки повседневности и интерпретируя профессиональную культуру отдельных групп специалистов, выявляя ценностные дилеммы помогающих профессий и многое другое. В России нет специализированного журнала по социологии профессий и работы, но ряд периодических изданий предоставляют свои ресурсы тематическим выпускам, рубрикам и отдельным статьям, а также рецензиям на новые книги в этой области знаний.

Мансуров В.А. Многое зависит от того, в рамках какого подхода исследователь работает, как он к этому пришел. Наш путь, например, многолетний. Мы практикуем свою логику исследования: когда начинаем заниматься какой-то группой, прежде всего исследуем ее историю, статистику, различия в формах организации, в функциях подгрупп, в сферах деятельности, в типах поселений, территориально-географические различия. Сравниваем эти процессы с информацией по другим странам. Проблематика, которая представляется нам наиболее актуальной – взаимоотношения профессиональной группы с государством: как их ценят, в какой форме они получают свои бонусы – все это тоже нужно исследовать, и это долговременный процесс. Ведь можно исследовать маленький фрагмент проблематики профессиональной группы, это интересно, конечно, но нет глубины, базы. В Советском Союзе были возможности глубоких исследований социальных институтов за счет исследовательских структур. Примером может послужить Академия образования. Это очень важно, хотя, к сожалению, при определенных условиях социальные институты начинают работать на решение внутренних проблем, а не на выполнение социальных функций в обществе. Мы старались исследовать – каково реальное взаимодействие общества и профессиональных групп. Т.е. это комплексный подход к исследованию профессиональных групп и с точки зрения истории, и с точки зрения взаимоотношений в обществе, и с точки зрения перспектив. Насколько это актуально для государства, для управленческих структур – большой вопрос. Врачам повезло – пандемия COVID-19 заставила все общество носить врачей на руках. Это подтолкнуло к актуализации вопроса, о котором я говорил всегда, – надо социальное равенство соблюдать: за одну и ту же работу люди должны получать одну и ту же оплату, независимо от того, где они живут, в какой организации работают. Сейчас мы сдвинулись с этой точки в отношении некоторых профессиональных групп. С инженерами еще есть проблемы, но не с оборонным комплексом, там очень быстро пошло развитие. Опять же – актуализация в связи с СВО. Можно сказать, что кризисы в развитии общества могут играть и позитивную роль, в частности, привлекают внимание к тем профессиональным группам, которые участвуют в решении этого кризиса. Значимость профессиональной деятельности определяется и тем, как люди сами себя оценивают, и тем, как их оценивает государство, общество. Потому что в основе оценки лежит социальная потребность и, соответственно, социальные институты, которые ее удовлетворяют. Но есть профессиональные группы, которым сложно «заслужить» такую оценку. Например, ученые. К ним относятся подозрительно и недоверчиво везде в мире. Сейчас, когда кризис, стало проще понимать их роль, особенно в науках, связанных с обороной, созданием новых видов вооружения. Есть спокойные периоды развития профессиональных групп, и есть периоды трансформаций, изменений, новых дифференциаций внутри них. Например, проблематика профессионалов и менеджеров, управленцев. Профессионалы в управлении – это очень важно, поскольку они знают специфику деятельности, которой управляют. С другой стороны, есть тенденции профессиональной подготовки управленцев – они тоже полезны, поскольку знают много того, что не знают профессионалы. Но плохо и то, когда в науке, например, руководителями

университетов или институтов становились люди, которые не знали основную деятельность. У нас некоторые министры не имеют опыта практической профессиональной работы. К сожалению, управленцы и исследователи не всегда дружно взаимодействуют. Вот эти три больших разделения актуальны: профессионалы, исследователи, управленцы.

Еще один важный аспект – проблема вмешательства в профессиональную деятельность со стороны. Это ИТ, искусственный интеллект. ИТ – сервисные службы, они должны обслуживать работу профессионалов, но чувствуют они себя чуть ли не главными по отношению к ним. Появляются роботы, которые замещают профессионалов, например, врачей. Проблема взаимодействия сервисных служб и базовых профессиональных групп – серьезнейшая социальная проблема. И это важно исследовать.

Юрченко О.В. В западной СП сегодня значимое внимание уделяется концепции «нового профессионализма» (см., напр.: [Noordegraaf, 2020]). Эта концепция рассматривает, как менеджеры и потребители услуг ограничивают власть профессионалов. Менеджеры внедряют новые формы контроля, системы мониторинга, отчетности и оценки производительности. Потребители услуг становятся более требовательными и информированными, что также снижает автономию профессионалов. В результате власть по-новому перераспределяется между профессионалами, менеджерами и потребителями, что значительно изменяет общественную жизнь.

Концепция «нового профессионализма» отчасти применима и к профессионалам в других странах, включая постсоветские, где также изменяется взаимодействие между профессионалами и внешними социальными группами. Однако эта тема почти не поднимается в российской науке.

Современные российские исследования в области СП и антропологии профессий склоняются к «портретным» описаниям, фокусируясь на индивидуальных характеристиках и особенностях профессионалов, их социальных ролях, идентичности и взаимодействиях. В основном изучаются профессионалы как отдельные личности, а не как члены сообществ с общими интересами. Это отчасти связано с низкой активностью профессиональных сообществ в нашем обществе.

СП включает множество направлений, но ее основой остается изучение социального и властного статуса профессионалов, их автономии, социального влияния и профессиональной этики. Эти вопросы также рассматриваются в смежных областях, таких как социология медицины, социология образования и пр. Несмотря на близость тематики, разные отрасли социологии остаются обособленными и мало влияют друг на друга.

Абрамов Р.Н. Сложившееся теоретическое ядро СП и занятий объясняет бытование профессиональных сообществ в сложном институциональном окружении в исторической протяженности. Это не отменяет внимания к уникальным феноменологическим составляющим профессионализма, служащим объектом изучения социальной антропологии. К тому же СП тесно связана с социологией знания, социологией организаций и менеджмента, социологической теорией и исследованием социальной стратификации. В России в наследие от советской социологии осталось сильное влияние социологии труда и трудовых отношений, хотя в западной традиции эти дисциплины находятся чуть поодаль от СП, преимущественно занятой изучением сферы интеллектуального труда с относительно высокой автономией и связанностью групп занятий с правящими слоями капиталистического общества или с реализацией социальной политики. У нас почти не случилось рецепции международных подходов к изучению профессионализма. В редких публикациях можно найти проблематизацию профессий через призму накопленного дисциплиной теоретического багажа, а еще реже – понимание исторической перспективы в динамике профессионализма.

3. Каковы наиболее перспективные направления, темы исследований в рамках этой дисциплины? Что кажется наиболее важным? Какие проблемы поднимают ваши собственные исследования? Каким вы видите собственный вклад в их развитие в перспективе?

Юрченко О.В. К «вечным» и важным темам СП можно отнести профессиональную этику (альтруизм), автономию (свободу действий по собственной инициативе) и власть на рабочем месте. Вопрос альтруизма помогает исследовать баланс между интересами профессионалов и потребителей их услуг. От профессионалов с высоким уровнем подготовки и специальными знаниями, особенно от врачей и педагогов, ожидается отношение к профессии как к призванию. Однако профессионалы всегда находятся в поиске баланса между личными интересами и альтруизмом. Это проявляется по-разному в разных социальных контекстах, и в этом плане интересны, например, исследования врачебного альтруизма во время пандемии COVID-19.

Другой важный вопрос связан с распределением власти и влияния. Соотношение властных полномочий профессионалов и потребителей услуг различается в разных обществах. Мы еще помним времена, когда врач в Советском Союзе всегда был прав, а пациент оставался терпеливым реципиентом. Сегодня пациент обладает гораздо большей властью, даже если рассматривать только систему открытых отзывов и онлайн-жалоб. Усиление роли пациента делает врачей более уязвимыми, что представляет собой важную область для дальнейшего изучения.

Мои собственные исследования сместились от изучения врачебного сообщества к исследованию педагогов: сначала дошкольных работников, а затем учителей. Многие исследователи меняют фокус своих работ в зависимости от изменений в их собственном статусе или роли. Когда мои дети пошли в школу, меня начали интересовать вопросы на пересечении СП и социологии образования. Сегодня меня волнуют вопросы автономии учителя и ученика, а также баланс контроля и власти в их взаимоотношениях. Автономия важна и для профессиональной группы: когда люди чувствуют, что могут действовать самостоятельно, они становятся более мотивированными, ответственными и креативными.

Абрамов Р.Н. В силу сложности изучения и закрытости соответствующих сред, фрагментарно изучены складывающиеся корпоративные профессии, находящиеся «под зонтом» крупного и среднего бизнеса, госкомпаний, или новые цифровые занятия, связанные с искусственным интеллектом, криптовалютами и популяризированной онлайн-психологией. Если корпоративный профессионализм часто находится вне досягаемости исследователя, то в отношении новых цифровых занятий отметим, что, хотя они внешне нередко сами по себе являются медийным феноменом, их деятельность трудно поддается интерпретации с помощью имеющихся теоретических моделей.

По разным причинам все труднее получить доступ к исследованию профессий социальной сферы – школьных учителей [Ларкина, 2022], преподавателей вузов, медицинского персонала, социальных работников, работников МФЦ, социальных служб. Фактически здесь преобладают два подхода. С одной стороны, есть примеры масштабных массовых опросов, организованных по заказу госорганов и встроенных в управленческо-бюрократическую логику. В данном случае результаты таких исследований могут представлять академический интерес, но главным образом используются для совершенствования административного контроля над профессиональными сообществами в интересах заказчика. С другой – имеются примеры «партизанских» исследовательских интервенций в соответствующие профессиональные среды. Здесь чаще всего преобладает априорно критический взгляд на труд и профессионализм «уличной бюрократии» (street-level bureaucracy) в духе Дэвида Гребера и стремление к экзотизации изучаемых сообществ [Гребер, 2016]. Однако есть потребность в сбалансированном социологическом взгляде на эту категорию профессий (отличным, но одним из многих примеров является исследование М. Сакса, посвященное медицинской профессии в Великобритании [Saks, 2003]), который может быть реализован как вне очевидного заказного бюрократического контекста, так и при возможности легального взаимодействия исследователя с организациями, где трудятся соответствующие группы профессионалов. К сожалению, независимое, но не ангажированное «андерграундное» исследование этих групп в настоя-

щее время сильно затруднено в силу системной закрытости организаций и корпораций для социолога.

Старцева Н.Н. Существенные изменения мира профессий связаны с трансформацией статуса традиционных профессий, появлением новых видов деятельности, занятие которыми не предполагает наличия классического образования, а требует лишь освоения некоторого набора компетенций, распространением новых форм занятости (фриланс, самозанятость). Большая доля выпускников вузов и ссузов работают не по полученной специальности или профессии, что говорит о высоком уровне профессиональной маргинализации и стимулировании профессиональной мобильности молодежи. В этой связи для СП все так же актуальны вопросы, касающиеся профессионального выбора, «входа» в профессию.

Активно развиваются направления, связанные со становлением новых профессиональных феноменов – видов деятельности и профессиональных групп, – которые только начинают путь своей институционализации и профессионализации. Представляют интерес неклассические профессии и профессионалы, занятые ими, – ивент-менеджеры [Ваторопин, Старцева, 2017], IT-специалисты [Старцева, 2019; Касьяненко, Алабин, 2017], программисты [Земнухова, 2019]. Последние две группы сегодня динамично развиваются, дифференцируются и обособляются, процесс их институционализации явно определен внешними объективными факторами, но идет «изнутри», а не «сверху», поскольку политические структуры не поспевают за динамично меняющимися экономическими структурами и миром профессий.

Остаются, на мой взгляд, крайне непроработанными проблемы, связанные с потребностью рынка труда в парапрофессионалах и транспрофессионалах [Малиновский, 2007]: в первом случае – это вопросы профессиональной мобильности, во втором – профессиональной дифференциации и интеграции. «Белым пятном» в рамках СП остаются вопросы, касающиеся «простых» видов деятельности и людей, что выполняют эти рутинные, иногда «грязные» работы [Хьюз, 2003а; 2003б], – санитаров, водителей такси, горничных, специалистов быти-индустрии и пр. Огромный исследовательский потенциал имеют вопросы, связанные со стереотипностью восприятия образа, особенностями входа в профессию, специфики дифференциации и профессиональной мобильности, ролью в структуре социальных отношений представителей не столько «классических» профессий (врач, учитель, юрист, политик и пр.), сколько «занятий», особенно тех, которые часто попадают в поле лженауки (целители, тарологи, экстрасенсы) или исследуются на пересечении с такими отраслями социологического знания, как социология девиантного поведения, например, проститутки.

На мой взгляд, используемая методология базируется на классических парадигмах макроподхода (системный, структурный, структурно-функциональный, институциональный, марксистский подходы). Недостаточно исследований, выполненных в рамках качественной стратегии и микроподхода с использованием методологии символического интеракционизма, феноменологии, социальной антропологии. Фактически единичны случаи попыток рассмотреть профессиональные феномены через призму сетевого подхода и конструктивистского структурализма, хотя, на наш взгляд, исследовательский потенциал их огромен. Именно поэтому перспектива личных исследовательских планов скорее сопряжена с изучением неклассических видов деятельности и их рассмотрением через призму не столь популярной в кругу исследователей СП методологии сетевого подхода и конструктивистского структурализма П. Бурдьё (теория поля, капитала).

Ярская-Смирнова Е.Р. Больше всего меня привлекают ракурсы повседневности, феноменологического вслушивания и всматривания в то, как практикуется профессия. Речь идет о социально-антропологических исследованиях неявных социальных взаимодействий, неформальных отношений, культурных практик, скрытых от глаз внешних наблюдателей в среде профессий, организаций, городских пространств – том новом для отечественной социальной мысли направлении, которое мы с П. Романовым и многими другими коллегами развивали с 2000-х гг. (см., напр.: [Ярская-Смирнова, Романов 2007; 2011]). Важно «раскодировать» повседневную жизнь профессиональных групп и сообществ.

Ресурсами позитивных изменений для социального антрополога являются поиск общего языка для всех участников организационных взаимодействий, критический анализ существующих проблем, решение и предупреждение конфликтных ситуаций, конструирование «мостиков» между сосуществующими в организации субкультурами, предоставление права голоса тем, кто обычно «молчит и замалчивается» – социальным группам, занимающим самые нижние слои организационной иерархии.

Еще одним интересным для меня сюжетом выступает идеология профессионализма: во-первых, это нормативная ценностная система, необходимая для сплоченности и стабильности, и, во-вторых, это система аргументов, направленных на оправдание власти и доминирования профессионалов как механизма социального контроля [Evetts, 2013]. Благодаря такому подходу вскрываются многообразные профессиональные идеологии, мифы, формируется полезный исследовательский скепсис в отношении «профессионального проекта» как процесса, направленного на обеспечение восходящей мобильности, легитимации собственной монополии, поддержание юрисдикции в пределах рынка определенных услуг.

Эти аспекты хорошо интегрируются в такой социологической концептуальной метафоре, как профессиональная культура, под которой подразумевается ценностно-символическая система, связанная с формальными и неформальными практиками и отношениями представителей конкретного рода занятий. Одной из таких ярких и очень интересных профессиональных сред является социальная работа [Kononenko, Romanov, 2014]. Несмотря на глобальный характер многих профессий, их конкретное функционирование осуществляется в различных социальных, культурных, экономических и политических контекстах, включая контекст социальной политики, – что не может не влиять на нормы, ценности и практики специалистов.

В рамках интерпретативистского подхода важно рассмотрение сферы и способов конструирования значений и смыслов в неформальном профессиональном дискурсе, жизненном мире. Здесь возникает интерес к так называемому скрытому знанию, *tacit knowledge*, а также множественности уровней символической интерпретации в организационной среде. В неовеберовском подходе (см. [Романов, Ярская-Смирнова, 2014; Сакс, 2020]) профессиональная культура рассматривается в динамике взаимоотношений между работниками, клиентами, государством, рынком и гражданским обществом. Культурный ресурс здесь – групповая идентичность, способы повышения престижа, репутации профессии и организации.

Мансуров В.А. У нас новый виток исследований профессиональных групп – мы занимались врачами, вместе с западными коллегами, это нас очень продвинуло как исследователей. Но мы соблюдали все-таки свой стиль работы, свою методологию. Одно из различий определялось тем, что у зарубежных коллег давно существовала грантовая система. А грантовая система – это яд для академических глубоких исследований: ввиду того, что время ограничено, ты решаешь какую-то очень небольшую конкретную задачу. Гранты чаще всего выполняют функцию помощи в сборе информации, они направлены не на развитие науки в целом, а на решение конкретной проблемы. У нас накопилось много информации, прежде всего по трем большим профессиональным группам: врачи, учителя, инженеры (см.: [Профессиональные династии..., 2020]). Мы рассматриваем, чем они отличаются друг от друга в реальной нынешней ситуации.

Попова И.П. Мой собственный исследовательский интерес связан с воспроизводственными процессами в профессиональных группах. Он касается широкого круга вопросов, и одно из перспективных в методологическом плане направлений – социальный конструкционизм, который помогает представить процессы конструирования социального контекста формирования профессиональных групп. Профессиональная группа, на которой я фокусирую свои исследования, – ученые. Основные аспекты связаны и с драматическими изменениями в ее состоянии в 1990-е гг., и со значимой ролью в современном обществе. Эта профессиональная группа отличается высоким уровнем профессиональной

автономии, определяющей эффективность профессиональной деятельности в этой сфере, и в то же время в сильной степени зависит от поддержки государства, если говорить о фундаментальной науке, бизнес-структур, если говорить о прикладных исследованиях. Баланс этих факторов важно учитывать в формировании образцов профессиональных карьер в этой сфере деятельности как моделей воспроизводства профессиональных групп. СП дает широкий взгляд на контекст этих процессов, связанный с социальным контролем, конструированием профессиональных карьер, и, безусловно, в ее поле втягиваются многие другие подходы и дисциплины, среди которых относительно новое для российской социологии направление исследований карьеры. В этом – пластичность СП, универсальность ее инструментов.

4. Как, на ваш взгляд, будет развиваться это исследовательское направление? Сохранит ли исследовательский интерес, обновит ли свою актуальность в современных условиях?

Абрамов Р.Н. СП и занятий переживает непростые времена. Теоретическая и аналитическая база СП и занятий все хуже справляется с быстрыми и непредсказуемыми трансформациями профессионализма и профессиональных сообществ. Цифровизация, моральные стрессы, прекаризация труда, культура отмены, корпоративные требования, миграция и политические перипетии сказываются на профессиональных сообществах неожиданным образом и требуют отдельного изучения.

Есть ощущение, что в международном контексте период расцвета СП и занятий позади, и в настоящее время она пытается успеть за стремительно меняющейся исследовательской и более широкой социальной повесткой. В России по-настоящему она не сформировалась, несмотря на растущее число публикаций, посвященных профессиональным группам. Не произошло рецепции ведущих евро-американских концепций и исследовательского дизайна при изучении профессиональных сообществ. Крайне мало и крайне слабо изучаются социальная история профессионализма и эволюция профессий в институциональном окружении, поскольку это требует подключения разных типов знаний, данных и теоретических интерпретаций, что усложняет задачу исследователей. Одновременно среди исследователей возникают моды на определенные темы, связанные с профессиями и занятиями – эмоциональный труд, фрилансерство, прекарность, цифровизация, искусственный интеллект и т.п. Это помогает актуализации дисциплины, но нередко излишняя концентрация на этих сюжетах не учитывает социологические характеристики профессионализма.

В целом сегодня, возможно, происходит размывание тематического поля СП и занятий, связанное с нарастающей гибридизацией социологического знания, когда границы между дисциплинами зыбки и находятся в движении. С этой точки зрения, трудно сказать, какое будущее этой дисциплины в России, но востребованность исследований профессий и занятий, конечно, сохранится.

Юрченко О.В. Мне трудно ответить на этот вопрос, потому что я вижу две противоположные тенденции. С одной стороны, с пессимистической точки зрения, мы можем столкнуться с упадком интереса к СП. В западных странах прикладная СП заняла свое значимое место в реальной жизни. Социологи активно взаимодействуют с сообществами потребителей услуг, профессионалами и чиновниками в различных ведомствах, проводят исследования по запросу заинтересованных сторон и помогают решать актуальные проблемы, способствуя развитию саморефлексии в профессиональной среде. Тогда как в России СП не получила такого прикладного значения и не нашла широкого применения в реальной профессиональной практике, особенно среди чиновников в сфере образования или медицины.

С другой стороны, с оптимистической точки зрения, СП предлагает ценный инструментарий для анализа различных профессиональных групп. Возможно, ее значимость будет расти в будущем. Сейчас, когда появляются одни профессии и исчезают другие, СП

может стать частью программ адаптации, способствовать развитию профессиональных сообществ и ассоциаций. В прошлом году я обратила внимание на то, что многие выпускные работы бакалавров факультета социологии НИУ ВШЭ были связаны с проблематикой СП. Это указывает и на перспективы в этом направлении.

Мансуров В.А. Я думаю, мы уже прошли глубину спада интереса к исследованиям профессий. Обновление интереса происходит именно из-за кризиса. П.А. Сорокин посвятил этому направлению серьезные исследования, сделав вывод, что гораздо важнее профессиональная структура – как основа существования и развития общества, научно-технического прогресса, чем социальная структура, политические взаимоотношения. Поэтому что производство часто избыточно, профессиональный подход – основа правильного видения взаимодействия природной и социальной сфер. Вообще, профессиональный подход во многом снимает многие социальные трудности. И здесь возникает другая важная проблема – доверие к профессионалам тех людей, которым они служат. Несмотря на все проблемы с армией, доверие к ней всегда было высоко в обществе, судя по опросам. И это не случайно. Любое общество внутренне интегрируется при внешней угрозе. Эта интеграция – тоже актуальное направление исследований. Ведь пытаюсь совершенствовать социальные механизмы, мы можем их просто нарушить, важен профессиональный подход.

Какая часть профессиональных знаний может быть передана в сферу искусственного интеллекта – знаний, созданных исследованиями профессионалов? Профессионалы теперь должны бороться за свое место, доказывая необходимость контроля в сфере искусственного интеллекта. Самое важное – базовые ценности. Сохранение и формирование социальной памяти, базовых социальных ценностей, мировоззренческих основ человека, понимания взаимоотношения общества и природы, – это функции профессионалов. И на каждом этапе нужно, чтобы этим занимались профессионалы. Важный вопрос – «я и общество», а также комплекс вопросов, связанный с воспитанием этой позиции, – это зона ответственности социологии, а присутствие социологии в воспитании молодежи постоянно уменьшается.

Попова И.П. Исследователи фиксировали кризис СП уже много лет (см.: [Elliott, 1972]). Во многом это связано с методологическими проблемами и с тем, что изначально созданные концептуальные рамки дисциплины ограничивались определенным пониманием профессий и связанной с этим дискуссией о том, что такое профессии и занятия, что отличает профессионалов, в чем ограничения теории черт и т.д. Однако потенциал проблематики, которую способна охватывать эта дисциплина, отталкиваясь от главного посыла – фокусирования на экспертном знании, – гораздо выше, и призывает использовать этот фокус исследовательского внимания к соответствующим профессиям. В текущей современности трансформации экспертного знания и экспертного труда, их взаимоотношений с обществом в широком смысле и возникающих проблем – доверия, честности, регулирования профессионального труда, проблем профессионального контроля, автономии и т.п. – основная тенденция. Методологические проблемы нивелируются, многие из них, значимые в прошлом, отодвигаются актуализацией новых проблем. Это дает надежду на обновление актуальности дисциплины в целом. По крайней мере, именно соответствие реальной проблематизации социальных процессов, адаптация ключевых подходов, при сохранении их оригинальности, реалистичность, а не схоластичность, могут стимулировать развитие дисциплины.

Московская А.А. СП переживает кризис, а это значит, что она должна претерпеть какие-то изменения. Этот кризис длится с конца 1980–1990-х гг. и совпадает с либеральными реформами и трансформациями социальной сферы в развитых странах, которую государство перестало ограждать от вторжения рынка и коммодификации услуг. На этот процесс накладывается ускорение глобализации и превращение многих рынков из региональных и локальных в глобальные и взаимозависимые, что активно подгоняется цифровизацией. С этими процессами сопряжены развитие новых – «рыночно-ориентированных»

профессий и девальвация некоторых старых, а также господство – временное – количественных и ценовых измерений труда и трудового вклада, «экономизм» социальных наук. Для того чтобы СП вышла из кризиса – вместе со многими профессиями, – унифицирующий «экономический» тренд в социальных науках должен исчерпать себя. Я уверена, что признаки этого мы увидим довольно скоро вместе со сдвигом интереса от технических и счетных дисциплин – к социальным и неформализуемым. Это будет сопровождаться появлением и новых профессий, и новых способов общественного регулирования. Пока мы видим конвергенцию профессий и сочетание экспертных и менеджерских функций в руках профессионалов. С моей точки зрения, это – переходный процесс от одной системы организации профессий к другой. СП все больше сосредоточивается на профессиональной конвергенции и взаимодействии профессионалов с господствующими институтами.

Сейчас много говорится о том, что скорость изменений на рынках и в сфере знаний такова, что стабильно находиться в одной специфической сфере деятельности невозможно, по крайней мере, для интеллектуального труда. Но это – нестабильная и временная ситуация, а периоды нестабильности в истории сменяются периодами стабильности. Кроме того, выход профессионалов «за пределы» своей профессии, организации или дисциплины обусловлен не ростом, а падением спроса на знание, и профессионалы компенсируют это самообразованием и принятием новых функций. Технологическая и рыночная трансформации должны переформатировать рынки и разделение труда, после чего спрос на знание начнет расти. С этим моментом я и связываю возникновение новых профессий и дальнейшее раскрытие потенциала СП. А пока, вооружившись опытом СП, будем наблюдать за трансформацией.

Ярская-Смирнова Е.Р. Интенсивные социальные и культурные изменения в современном обществе тесно связаны с трансформирующейся ролью профессий и их определением в контексте социальной политики на локальном и международном уровнях. Неолиберальные тенденции в управлении социальной политикой с их акцентами на учете потребностей клиента и конкуренции между провайдерами обуславливают изменение требований к услугам специалистов, занятых в здравоохранении и социальной защите.

Необходимо восполнение аналитического зазора между процессами, сопровождающимися энергичный рост автономии классических и новых профессий, с одной стороны, и недостаточностью академической рефлексии о внешних и внутренних регулятивных процессах и идеологиях профессиональных групп – с другой. Важно обсуждать различные аспекты отношений между социальным государством, профессиями и гражданами, чтобы получить новые знания о процессах профессионализации в современном российском обществе, механизмах саморегуляции, открывающих профессиональным группам возможность сохранять свою независимость, служить общественным ценностям. Другой аспект – анализ внутренних и внешних рисков в отношении профессиональной автономии, возникающих в условиях рыночного общества или в результате давления государственного аппарата.

Старцева Н.Н. Искренне верю, что исследовательский потенциал данной отрасли социологического знания не исчерпан. Слишком динамично развивается мир профессий, появляются новые виды деятельности, и они требуют не только изучения, но встройки в существующий порядок профессиональной иерархии.

5. В чем российская специфика в сравнении с общей картиной международных исследований? Что наиболее значимо в развитии этого исследовательского направления для российских социологов?

Мансуров В.А. В профессиональном сообществе преобладает понимание того, что социология, любая ее отрасль – часть большой социологии, которая работает на всех, на все общество. Это наука не зависит от политической подоплеки. Но есть свои особенности. У зарубежных коллег – это более узкий подход к профессиональным группам, они неплохо работают на различиях разных уровней профессионализма внутри

профессиональной деятельности. Например, в многочисленных и очень конкретных исследованиях медицинских сестер и нянь. Оттуда мы взяли понятие *semi-professional job*. Объем абстрактного мышления в таких исследованиях невелик и касается скорее конкретных исследовательских задач. У нас более широкий подход, на базе интересов всей общественной системы и понимания, что профессиональная деятельность – это деятельность, с помощью которой удовлетворяется социальная потребность.

Юрченко О.В. Многие из моих статей, написанных в соавторстве с профессором В. Мансуровым, затрагивали вопрос российской специфики в сравнении с международными исследованиями. Эта тема была особенно актуальна в начале 2000-х гг. Тогда ценность СП оспаривалась в нашем научном сообществе. Моя диссертация, защита которой состоялась в 2001 г., стала одной из первых, в которой использовались западные теории СП. В то время даже в лучших библиотеках, таких как ИНИОН и библиотека Института социологии РАН, была всего пара переводных книг по этой теме. Отсутствие доступа к западным статьям и наша длительная изоляция от европейских и международных конференций привели к определенному скептицизму по отношению к западной СП. Тексты сектора «Социологии профессий и профессиональных групп» в Институте социологии РАН были направлены на то, чтобы пояснить значимость и особенности этого направления, показывая, что западные и отечественные исследования взаимодополняют и обогащают друг друга.

Ярская-Смирнова Е.Я. Зарубежная СП XX в. фокусировалась в основном на контексте капиталистических стран, что вполне понятно, учитывая герметичный характер отечественных социальных наук. Различия между трактовками профессионализма, унаследованными нами от советского обществоведения, и теми, которые характеризуют разнообразные современные подходы СП, на наш взгляд, недостаточно отрефлексированы (см.: [Abramov, Iarskaia-Smirnova, 2018]). Остается не до конца понятой степень контроля со стороны государства и, соответственно, влияние такого контроля на автономию и культуру профессиональных групп.

В наших исследовательских проектах мы сознательно отказались от классического социологического разделения предметного поля на «профессии» и «виды занятости». В российском контексте исследование любых отраслей, специализаций и родов занятий непротиворечиво может происходить под эгидой СП, тогда как в мировой практике такой взгляд означал бы пересмотр некоторых теоретических установок или расширение парадигмальных рамок. Собственно, в противовес англосаксонскому делению на профессии и занятия континентальные социологи в 2010-х гг. предложили включить в анализ широкое многообразие занятий с их всевозможными вариациями через обращение к социологии профессиональных групп – дисциплине, предлагающей более широкую аналитическую и историческую перспективу, в отличие от СП, сфокусированной на ограниченном круге групп, именуемых профессиями. Границы определения «профессии» в социологии важно отрефлексировать также, обращаясь к роли организационного контекста, той или иной индустрии в формировании идеологии и идентичности тех или иных работников.

Важно отрефлексировать ценностные установки, которые проявляют себя в национальных и локальных дискурсах профессий социального государства, в риторике социальной политики и практике социального обслуживания. Профессии становятся полигоном выработки новых подходов к управлению, и в то же время они остаются ключевыми игроками политического процесса, участвуют в обеспечении тех видов обслуживания, к которым постоянно апеллируют институты государства и граждане. Роль социологической рефлексии этих процессов будет только расти.

Московская А.А. Я уже писала об этом вопросе [Московская, 2010]. Советская политэкономия не приветствовала СП как буржуазную науку, подчеркивавшую качественное неравенство труда и неравенство вознаграждения за него, в то время как «задачей социализма» было движение к равенству. Из двух смежных социологических дисциплин «прижилась» социология труда, не СП. Иными словами, советская политэкономия унаследовала

капиталистический взгляд на труд как на товар и стоимость, в которых конкретная человеческая деятельность унифицирована и обезличена. Наоборот, «буржуазная» СП (буржуазная уже потому, что конкретность профессий высвечивает их качественное неравенство) возвратила труду человеческое лицо и конкретно-социальное значение.

Неразработанность в XX в. СП, ее фактическое поглощение социологией труда в России отразилось на траектории развития в постсоветский период. Во-первых, среди социологов и экономистов господствовал безличный, ориентированный на большие массы «работников» количественный, стоимостный подход к труду. Во-вторых, постсоветская капиталистическая трансформация пришлась в России на период обсуждения в западной СП кризиса профессионального проекта в связи с постепенной утратой многими профессиями уникального положения, высокого социального статуса и охранительных институтов государства, защищавших «market closure». Профессии социальной сферы, науки, многих отраслей культуры долгое время были защищены государством либо напрямую, либо через признание высокого общественного статуса саморегулируемых профессиональных ассоциаций от колебаний спроса и предложения на рынках услуг. В итоге уникальность положения профессий и профессионалов в обществе, связанная с носительством знаний, которые недоступны другим и высоко ценятся в обществе, стала размываться. Для исследователей в России это подтвердило преимущества безличного стоимостного подхода, он оказался универсальным и господствующим, а качественная специфика профессий как будто была не в силах перед ним устоять... В-третьих, еще одно развивающееся с конца 1990-х гг. в России смежное направление – экономическая социология – также исходило из рыночного универсализма, добавив неонституциональный привкус исследованиям труда через обсуждение трудовых норм, но сохранив унифицирующий рыночный принцип, не нуждаясь в изучении каких-то еще качественных аспектов профессиональной деятельности. В-четвертых, в России с царских времен довольно слабо развиты отношения гражданского регулирования и саморегулирования, а без них трудно увидеть во всем многообразии профессиональной деятельности единый предмет, изучать профессиональные группы и находиться в рамках СП как субдисциплины.

Все эти обстоятельства повлияли на то, что в СП в России преобладающим стал этнографический подход, который прекрасен как основа понимания профессиональной деятельности, но он оказался едва ли ни единственным в России носителем СП. Для изучения профессиональных ассоциаций, профессионального саморегулирования, профессиональной свободы принятия решений, развития профессионального знания использовались другие субдисциплины. Исследование профессиональных ассоциаций отождествлялось с исследованием профсоюзов, исследование профессионального саморегулирования – с гражданскими инициативами и деятельностью НКО, исследования принятия профессиональных решений – с менеджментом организаций, исследования развития и использования профессионального знания – с социологией знания. Но даже если принять господство унифицирующих и количественных наук о труде, без участия СП остаются открытыми вопросы повышения качества и ответственности профессионального труда, поиска механизмов защиты жизненно важных сфер деятельности от вторжения непрофессионалов и любителей быстрой наживы, создания профессиональной базы для открытий в области науки и техники, развития карьеры как способности приносить пользу другим, а не как торговли компетенциями в стремлении к экономическому успеху.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамов Р.Н. «Структурщики» и «заводские социологи»: к истории исследований социально-профессиональных групп в СССР в 1960–1980-е годы // Социологические исследования. 2014. № 10. С. 50–59.
- Ваторопин А.С., Старцева Н.Н. Российские ивент-менеджеры: формирование профессиональной группы // Социологические исследования. 2017. № 7(399). С. 32–42.
- Гадея Ш. Социология профессий и социология профессиональных групп. За изменение перспективы // Антропология профессий, или посторонним вход разрешен / Под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2011.

- Гребер Д. Утопия правил. О технологиях, глупости и тайном обаянии бюрократии. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016.
- Земнухова Л.В. Социотехнические факторы лиминальной позиции тестировщиков // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. № 6. С. 69–85.
- Касьяненко И., Алабин А. «Айтишники» как современная профессиональная группа // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2017. Т. 9. № 14. С. 98–104.
- Ларкина Т.Ю. Трудовая полуавтономия российских учителей в забюрократизированной школе // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2022. № 3. С. 136–150.
- Малиновский П. Вызовы глобальной профессиональной революции на рубеже тысячелетий // Российское экспертное обозрение. 2007. № 3 (21). С. 21–23.
- Мансуров В.А., Юрченко О.В. Социология профессий. История, методология и практика исследований // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 36–45.
- Московская А.А. Проблемы становления модели профессии: российский опыт в западном исследовательском контексте // Мир России. 2010. № 3. С. 90–114.
- Попова И.П. Социология профессий // Научно-образовательный портал «Большая российская энциклопедия». URL: <https://bigenc.ru/c/sotsiologija-professii-022f1c> (дата обращения: 28.03.2024).
- Попова И.П. Социология профессий как проект (по материалам журнальной рубрики) // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 57–69. DOI: 10.31857/S013216250010023-8.
- Профессиональные отряды интеллигенции / Отв. ред. В.Ф. Сбытов. М.: ИСИ РАН, 1985.
- Профессиональные династии: воспроизводство профессиональных групп / В.А. Мансуров, Р.М. Валиахметов, Ю.В. Ермолаева, Е.Ю. Иванова [и др.]. М.: ФНИСЦ РАН, 2020.
- Романов П. Власть, управление и контроль в организациях: антропологические исследования современного общества. Саратов: СГУ, 2003.
- Романов П., Ярская-Смирнова Е. Социология профессий: аналитические перспективы и методология исследований. М.: Вариант, 2015.
- Романов П., Ярская-Смирнова Е. Мир профессий: пересмотр аналитических перспектив // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 25–35.
- Сакс М. Неовеберизм и профессии // Социологические исследования. 2020. № 6. С. 28–41. DOI: 10.31857/S013216250009646-3.
- Старцева Н.Н. Дифференциация сообщества IT-специалистов: социологический аспект // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 11. С. 113–116.
- Хьюз Э.Ч. Работа и человеческое Я / Пер. с англ. В.Г. Николаева // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология. 2003а. № 4. С. 138–150.
- Хьюз Э.Ч. Хорошие люди и грязная работа // Социальные и гуманитарные науки за рубежом. Сер. 11. Социология. 2003б. № 4. С. 151–166.
- Эветтс Дж. Новые вызовы доверию и профессионализму // Свободная мысль. № 11. 2009. С. 127–142.
- Abramov R., Iarskaia-Smirnova E.R. Professionalism and Professionalization in Russia // Global Encyclopedia of Public Administration, Public Policy, and Governance. Cham: Springer, 2018. Ch. 961. P. 1–11.
- Elliott P. The sociology of the professions. L.: Macmillan press, 1972.
- Evetts J. Professionalism: Value and ideology // Current Sociology. 2013. Vol. 61(5–6). P. 778–796. DOI: 10.1177/0011392113479316.
- Freidson E. Professionalism, the third logic: on the practice of knowledge. University of Chicago Press, 2001.
- Kononenko R., Romanov P. Globalization processes in Russian social work // International Social Work. 2014. No. 57. P. 435–446. DOI: 10.1177/0020872814536418.
- Noordegraaf M. Hybrid professionalism and beyond // Journal of Professions and Organization. 2015. No. 2(2). P. 198–206.
- Noordegraaf M. Protective or Connective Professionalism? How Connected Professionals Can (Still) Act as Autonomous and Authoritative Experts // Journal of Professions and Organization. 2020. Vol. 7. No. 2. P. 205–223.
- Noordegraaf M., van Der Steen M., van Twist M. Fragmented or connective professionalism? Strategies for professionalizing the work of strategists and other (organizational) professionals // Public Administration. 2014. Vol. 92(1). P. 21–38.

Подготовила И.П. ПОПОВА

Попова Ирина Петровна – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (irina_porova@list.ru).

SOCIOLOGY OF PROFESSIONS – SITUATION AND PROSPECTS (Round Table)

Participants: Roman N. ABRAMOV, Dr. Sci. (Sociol.), Prof. of Sociology Department, Leading Researcher of the International Laboratory for Social Integration Research, HSE University; Leading Researcher Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow (rabramov@hse.ru, sociportal@yandex.ru); Elena R. IARSKAIA-SMIRNOVA, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Head of International Laboratory of Social Integration Research, HSE University, Moscow (elena.iarskaia@gmail.com; eiarskaia@hse.ru); Valeriy A. MANSUROV, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Chief Researcher, Head of the Sector of Sociology of Professions and Professional Groups, Institute of Sociology of FCTAS, Moscow (mansurov@isras.ru); Aleksandra A. MOSKOVSKAYA, Cand. Sci. (Econ.), Director, Centre for Social Entrepreneurship and Social Innovation Studies, HSE University, Moscow (amoskovskaya@hse.ru); Irina P. POPOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow (irina_popova@list.ru); Natalya N. STARTSEVA, Cand. Sci. (Soc.), Assoc. Prof., Ural State University of Railway Transport, Yekaterinburg (NStarceva@usurt.ru); Olesya V. YURCHENKO, Cand. Sci. (Sociol.), PhD, Senior Researcher of the Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow (olesya@mail.ru). All – Russia.

Abstract. The «round table» discussed the problems of sociology of professions and the prospects for a relatively new section in the journal «Sociological Studies» in the year of the anniversary of the journal. The discussion focuses on the analysis of the subject and object of this discipline, its theoretical and methodological foundations, issues of modern problems of the discipline, the most promising research areas, the specifics of its existence in Russian sociology. The most significant aspects of the sociology of professions subject area are related to the professional activity, the interaction of professionals and professional communities with the state, society, and the market. Attention is paid to the analysis of the discipline origins, the adaptation of its conceptual and methodological approaches: developments in the national sociology of labour, employment and management, studies of the intelligentsia, approaches of sociology, anthropology, ethnography of professions, and other disciplines played an important role. Contradictions in the development of sociology of professions theoretical and methodological explanatory models, as well as research directions, are also shown. It is noted that despite the long-term crisis of the discipline, its potential in the study of modern processes in the field of labor and employment, social policy, and the formation of professional communities is still high.

Keywords: sociology of professions, profession professional, groups, professionalism, intelligentsia, Neoweberian approach, ethnography of professions, socio-anthropological approach, sociology of labour, qualitative methods, crisis.

REFERENCES

- Abramov R., Iarskaia-Smirnova E.R. (2018) Professionalism and Professionalization in Russia. In: *Global Encyclopedia of Public Administration, Public Policy, and Governance*. Cham: Springer. Ch. 961: 1–11. DOI: 10.1007/978-3-319-31816-5_3100-1.
- Abramov R.N. (2014) “Structuralists” and “Industrial Sociologists”: on the History of Studying Social Professional Groups in the USSR, 1960–1980th. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 50–59. (In Russ.)
- Elliott P. (1972) *The sociology of the professions*. London: Macmillan press.
- Evett J. (2009) New challenges to trust and professionalism. *Svobodnaya mysl* [Free Thought]. No. 11: 127–142. (In Russ.)
- Evett J. (2013) Professionalism: Value and ideology. *Current Sociology*. Vol. 61(5–6): 778–796. DOI: 10.1177/0011392113479316.
- Freidson E. (2001) *Professionalism, the third logic: on the practice of knowledge*. University of Chicago Press.
- Gadea Sh. (2011) Sociology of professions and sociology of professional groups. For changing the perspective. In: Romanov P., Iarskaia-Smirnova E. (eds) *Anthropology of professions, or is unauthorized entry allowed*. Moscow: Variant, CzSPGI. (In Russ.)
- Graeber D. (2016) *Utopia of power. About technology, stupidity and the secret charm of bureaucracy*. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russ.)
- Hughes E.C. (2003a) Work and the human Self / Translated by V.G. Nikolaev. *Socialnye i humanitarnye nauki. Ser. 11. Sociologiya* [Social and Humanitarian Sciences. 11. Sociology]. No. 4: 138–150. (In Russ.)
- Hughes E.C. (2003b) Good people and dirty work. *Socialnye i humanitarnye nauki za rubezhom. Ser. 11. Sociologiya* [Social and humanitarian sciences abroad. 11. Sociology] No. 4: 151–166. (In Russ.)
- Kas'yanenko I., Alabin A. (2017) IT specialists” as a modern professional group. *Interaksiya. Intervyu. Interpretaciya* [Interaction. Interview. Interpretation]. Vol. 9. No. 14: 98–104. (In Russ.)

- Kononenko R., Romanov P. (2014) Glocalization processes in Russian social work. *International Social Work*. 2014. No. 57. P. 435–446. DOI: 10.1177/0020872814536418.
- Larkina T. Yu. (2022) Labor semi-autonomy of Russian teachers in a bureaucratic school. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i socialnye peremeny* [Monitoring public opinion: Economic and social changes]. No. 3: 136–150. (In Russ.)
- Malinovskij P. (2007) Challenges of the global professional revolution at the turn of the millennium. *Rossiiskoe ekspertnoe obozrenie* [Russian Expert Review]. No. 3 (21): 21–23. (In Russ.)
- Mansurov V.A., Yurchenko O.V. (2009) Sociology of Professions. History, Methodology and Practice of Research. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 36–45. (In Russ.)
- Moskovskaya A.A. (2010) The Formation of a Professional Model: Russian Experience from the Western Research Perspective. *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya* [Universe of Russia. Sociology. Ethnology]. No. 3: 90–114. (In Russ.)
- Noordegraaf M. (2015) Hybrid professionalism and beyond. *Journal of Professions and Organization*. No. 2(2): 198–206.
- Noordegraaf M. (2020) Protective or Connective Professionalism? How Connected Professionals Can (Still) Act as Autonomous and Authoritative Experts. *Journal of Professions and Organization*. Vol. 7. No. 2: 205–223.
- Noordegraaf M., van Der Steen M., van Twist M. (2014) Fragmented or connective professionalism? Strategies for professionalizing the work of strategists and other (organizational) professionals. *Public Administration*. Vol. 92(1): 21–38.
- Popova I.P. (2020) Sociology of Professions as a Project (Based on the Materials of the Journal Section). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 57–69. DOI: 10.31857/S013216250010023-8. (In Russ.)
- Popova I.P. (2024) Sociology of professions. In: *Scientific and educational portal "Big Russian Encyclopedia"* URL: <https://bigenc.ru/c/sotsiologija-professii-022f1c> (accessed 28.03.2024). (In Russ.)
- Professional dynasties: reproduction of professional groups (2020) / V.A. Mansurov, R.M. Valiahmetov, Yu.V. Ermolaeva, E.Yu. Ivanova [et al.]. Moscow: FCTAS. (In Russ.)
- Romanov P. (2003) *Power, management and control in organizations: anthropological studies of modern society*. Saratov: SGU. (In Russ.)
- Romanov P., Iarskaya-Smirnova E. (2015) *Sociology of Professions: Analytical Perspectives and Research Methodology*. Library of the 'Journal of Social Policy Research'. Moscow: Variant. (In Russ.)
- Romanov P.V., Yarskaya-Smirnova E.R. (2009) World of Professions: Revision of Analytical Perspectives. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 25–35. (In Russ.)
- Saks M. (2020) Neoveberianism and professions. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 28–41. DOI: 10.31857/S013216250009646-3. (In Russ.)
- Saks M. (2003) *Orthodox and Alternative Medicine: Politics, Professionalization and Health Care*. London: Sage.
- Sby'tov V.F. (ed.) (1985) *Professional detachments of the intelligentsia*. Moscow. (In Russ.)
- Starceva N.N. (2019) Differentiation of the community of IT specialists: a sociological aspect. *Gumanitarnye, socialno-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki* [Humanities, socio-economic and social sciences]. No. 11: 113–116. (In Russ.)
- Vatoropin A.S., Startseva N.N. (2017) Russian event managers: formation of a professional group. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7(399): 32–42. (In Russ.)
- Zemnukhova L.V. (2019) Sociotechnical factors of the liminal position of testers. *Zhurnal sociologii i socialnoj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. No. 6: 69–85. (In Russ.)

Prepared by I.P. POPOVA

Irina P. POPOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (irina_popova@list.ru).

Received: 10.07.24. Accepted: 26.07.24.

Экономическая социология. Социология труда

© 2024 г.

А.А. СМЕЛОВА

СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ФИНАНСОВ КАК НОВЫЙ ВЕКТОР ДЛЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

СМЕЛОВА Алёна Андреевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры экономической социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия (a.a.smelova@spbu.ru).

Аннотация. Статья представляет новое для российской социологии направление – социальные исследования финансов. В его рамках ведется работа по формированию научных понятий и проблем, поиску новых инструментов познания общества. Целью статьи выступает исследование социологической перспективы изучения финансов: как социологи видят предмет своего научного поиска и сопутствующие ему теоретические проблемы. Становление этого направления на Западе протекает уже более 20 лет, поэтому каждое десятилетие выделено в отдельный исследовательский этап, для которого проведен аналитический обзор ключевых социологических научных трудов европейских социологов из специализированных выпусков академических журналов. Выявлены круг актуальных исследовательских вопросов и теоретических проблем, их эволюция и степень изученности. Сделан вывод о том, что изучение социологических проблем финансов – ключ к пониманию устройства современного общества в силу оказываемого ими трансформирующего влияния на всех уровнях – от государственного и организационного до индивидуального.

Ключевые слова: социальные исследования финансов • социология финансов • междисциплинарность • финансовый рынок • финансиализация общества

DOI: 10.31857/S0132162524080029

За последние 20 лет в российской социологии появились многочисленные исследования финансового поведения населения. Они носят преимущественно прикладной характер, охватывая тему финансиализации¹ повседневности². ИСЭПН ФНИСЦ РАН (А.В. Ярашева, О.А. Александрова, Н.В. Аликперова и др.) и Аналитический центр НАФИ регулярно публикуют результаты социологических исследований финансового поведения

¹ Под финансиализацией понимается социетальный процесс изменений в экономической, политической, социальной, культурной и других сферах жизни в результате распространения логики финансов за пределы финансового рынка (подробнее см.: [Mader et al., 2021]).

² См. исследования социологов Д.О. Стребкова, О.Е. Кузиной, Д.В. Моисеевой, Н.В. Халиной, П.М. Козыревой, Н.Е. Тихоновой, Г.Г. Силласте, Ю.А. Кораблина, П.В. Разова и др., а также психологов О.С. Дейнека, О.В. Медяник и др.

россиян: мониторинг уровня финансовой грамотности, эмпирические данные о сберегательных, инвестиционных и потребительских стратегиях населения, модели трудового поведения, динамику использования страховых инструментов как технологии обеспечения финансовой безопасности домохозяйств, а также оценки влияния цифровизации на развитие рынка финансовых продуктов и услуг в России, и др. В то же время сфера финансов оставляет широкое поле для исследований. Данная статья призвана расширить представления об исследовательских рамках для социологов и представителей других социальных наук аналитическим обзором социологических теоретических проблем исследований финансов³, а также привлечь внимание к динамично развивающемуся направлению социологической науки. Как происходило становление направления «социальные исследования финансов» и какой предмет изучения выбирают социологи? Какие теоретические социологические проблемы в области финансов им удалось выделить? Обо всем этом пойдет речь далее.

Институциональное оформление социальных исследований финансов. Социальные исследования финансов как научное направление вместе с сообществом ученых социальных и гуманитарных наук начали формироваться с конца 1990-х гг., когда финансы превратились в *самодостаточный и ключевой сектор экономики, где создавалась большая часть добавленной стоимости, не связанный ни с производством товаров, ни с их дистрибуцией*. В 2000 г. академическое движение объединяется в Ассоциацию социальных исследований финансов в Париже с целью привлечь ученых со всего мира. И это удается сделать. Социальные исследования финансов превращаются в междисциплинарную (cross-disciplinary) область исследований благодаря работам ученых из международной политической экономики, социально-экономической географии, антропологии и социологии, математических наук, поведенческой экономики, правовых исследований, культурологии, исследований науки и технологий и др.

Первоначально финансы были предметом изучения международных политэкономов, затем ими заинтересовались ученые из других дисциплин. Поворот к междисциплинарности в развитии предмета финансов объяснялся необходимостью выйти за рамки дисциплинарных течений с их строго очерченным кругом проблем и методов решения, шифров научных специальностей, рубрик академических журналов и научных жанров, а также необходимостью найти новый источник конструктивной критики и обновления исследовательской программы. Цель социальных исследований финансов заключалась в развитии исследовательского интереса у широкой аудитории ученых во всем мире. Обсуждение проблем проходило на специализированных дискуссионных площадках (в т.ч. онлайн), публикации научных результатов появлялись в новых академических журналах. Междисциплинарный подход способствовал тому, что знания о финансах, с одной стороны, быстро накапливались в результате действия синергетического эффекта от сотрудничества ученых, а с другой – быстро проникали в различные дисциплины и субдисциплины, наполняя их новым проблемным содержанием.

Немаловажно, что междисциплинарный подход позволил сделать открытым для определения и интерпретации само ключевое понятие «финансы». Напомним, что в экономической науке под финансами понимается совокупность экономических отношений, возникающих в процессе формирования, распределения и использования централизованных (государственных) и децентрализованных (корпоративных и частных) денежных средств, а также кредитных и инвестиционных инструментов для всех трех субъектов – государства, организаций и домохозяйств. В целом понятия, используемые в этой области, были заимствованы из финансовой практики и превращены в научные термины путем добавления

³ Для подготовки данного обзора проанализировано более 100 научных статей: Socio-Economic Review – 21 статья за период 2005–2024 гг.; Economic Sociology. European Electronic Newsletter – 36 статей за период 2001–2024 гг.; Finance and Society – 44 статьи за период 2015–2024 гг. и монографий – [Knorr-Cetina, Preda, 2005; 2012; Loundsbury, Hirsch, 2011], а также статьи из других академических журналов.

общенаучной терминологии, разработанной в философии. Финансы, благодаря теоретической поддержке ученых, превратились в социальный инструмент управления глобальной экономикой (этому способствовали практики международного кредитования, интернационализации валюты, разных форм инвестирования и др.). Задача социальных и гуманитарных ученых заключалась в «оправдании финансов» (термин Р. Шиллера), создании их положительного образа, в представлении их как источника устойчивого развития общества.

Первые тематические социологические статьи по финансам появляются на страницах журналов *PolitiX*, *Socio-Economic Review* и *Economic Sociology*. *European Electronic Newsletter*. Последний уже 20 лет публикует специальные выпуски, посвященные исследованиям не только финансов, но денег и налогов, под редакцией таких ученых, как Дж. Хейлброн (J. Heilbron), Й. Беккерт (J. Beckert), Н. Бандель (N. Bandelj), А. Менникен (A. Mennicken), Н. Додд (N. Dodd), Р. Диас-Боун (R. Diaz-Bone), З. Варга (Z. Vargha), А. Рона-Тас (A. Rona-Tas). В свет выходит коллективная монография «Социология финансовых рынков» [Knorr-Cetina, Preda, 2005], затем – «Оксфордская хрестоматия по социологии финансов» [Knorr-Cetina, Preda, 2012].

Влиятельными оказываются труды М. Аболафия «Создание рынков: оппортунизм и сдерживание на Уолл-стрит» [Abolafia, 2001], Д. Маккензи «Двигатель, а не камера: Как финансовые модели формируют рынки» [MacKenzie, 2006] и «Рынки в движении: экономическая социология финансового кризиса в США» [Loundsbury, Hirsch, 2011]. В 2018 г. увидел свет коллективный труд «Становление финансов: перспективы социальных наук» [Chambost et al., 2018].

Помимо вышеперечисленных, ключевые социологические работы по финансам были написаны таким ученым, как О. Годешо (O. Godechot), Ф. Муниеса (F. Muniesa), В.А. Лепине (V.A. Lepinay), Д. Бьюнза (D. Beunza), Д. Старк (D. Stark), Э. Эспозито (E. Esposito), А. Лангеноль (A. Langenohl) и др.

В рамках социологического направления можно выделить ряд относительно самостоятельных субдисциплин – фискальную социологию, изучающую налоговую политику государства, социологию денег, предметом которой являются валюты, экономическую социологию, рассматривающую финансовую подсистему (финансовый рынок и его финансовые инструменты) как подчиненную производственной подсистеме, и социологию финансов, исследующую финансовую подсистему как самостоятельную сферу, не подчиненную производству.

Появление и развитие исследовательского интереса к финансам: что изучают социологи? Первый классический социологический труд, посвященный феномену финансового рынка, был написан М. Вебером («Биржа» – «Die Börse» (1896), в русском переводе «Биржа и ее значение» (1897), «Биржа и биржевые сделки» (1897)). В центре его исследования – фондовая биржа, которую он понимал как средство власти в экономической борьбе между государствами, цена на рынке является результатом этой борьбы. Одним из наиболее важных моментов в биржевой торговле Вебер назвал рациональную спекуляцию *a la baisse* (игра на понижение), т.н. дешевую покупку и дорогую продажу, совершаемую в разное время в расчете получить прибыль. Первым объектом спекулятивной сделки выступила валюта (точнее бумажные деньги, банкноты, государственные ренты и колониальные бумаги). Гигантских масштабов спекулятивная деятельность достигла позднее – в период постройки железных дорог, под дело которых были выпущены ценные бумаги.

После Вебера начала оформляться новая европейская традиция социологического исследования финансов. Так, термин «финансовая социология» был использован австрийским экономистом Р. Гольдшайдом (R. Goldscheid) в его работе «*Staatssozialismus oder Staatskapitalismus*» (1917). Он поддерживал, наряду с уже состоявшейся дисциплиной финансовой экономики (Finanzwissenschaft), наукой о сборе налоговых отчислений, появление новой дисциплины – финансовой социологии (Finanzsoziologie), дающей широкую перспективу для общества в целом. Финансовая социология как научная дисциплина

возникает в Австрии и Германии после поражения в Первой мировой войне для решения экономико-политических проблем, вызванных ограничением военной силы и финансовой власти. В качестве своей предметной области она обозначает исследование борьбы за власть между различными социальными группами, их способы конкуренции, формулирования интересов и противостояния им, их отношения к государству и госслужащим. Она рассматривает финансовые перспективы разных социальных слоев и возрастов, ищет типологии групповых интересов и их изменения в условиях институциональной динамики. Как отмечает Г. Кольм (G. Colm) в работе «Проблема финансовой социологии» («Probleme der Finanzsoziologie» (1936)), *финансовая социология – это подлинная социология, поскольку исследует истинные интересы и мотивы действий людей, причем государственный бюджет является главным фокусом и основой политического процесса*. Финансовая социология начала XX в. связана с именами таких ученых, как Дж. Лэндманн (J. Landmann), Х. Джект (H. Jecht), Г. Кольм, В. Парето, Дж. О'Коннор (J. O'Connor), Ф.К. Манн (F.K. Mann) и др. [Blomert, 2001]. Главный вопрос, который стоял перед финансовой социологией, заключался в поиске внешних и внутренних источников финансирования бюджета государства для поддержания государственной власти в стране.

В 1970–1980-е гг. интерес социологов к государственным (публичным) финансам вновь усиливается благодаря кризису социальной политики государства всеобщего благосостояния, когда в капиталистических развитых странах встает вопрос о совместимости принципов рыночной экономики и социальной поддержки широких слоев населения со стороны государства. Поэтому тема фискального кризиса становится ключевой [O'Connor, 1973; Block, 1981], как и проблематика трансформации системы налогообложения капиталистических государств, ее влияние на структуру государственной власти [Peacock, Wiseman, 1979; Campbell, 1993]. В 1990-е гг. усиливается тема социологического анализа подоходного налога (отметим, что после финансового кризиса 2008 г. самым сложным и дискуссионным среди политиков стран G20 и МВФ был вопрос глобального банковского налога, который так и не был решен, но оставлен на усмотрение национальных государств) и налоговых лазеек в законодательстве [Allen, Campbell, 1994; Roberts, Hite, Bradley, 1994; Campbell, 1996]. Это касается как капиталистических, так и посткоммунистических стран [Новикова, 2005].

В XXI в. социологи⁴ продолжили исследовать связь между государственными финансами и более широким социальным порядком. Дисциплина стала фокусироваться на таких вопросах, как роль государства в спорах о национальных приоритетах и бюджетных планах, субсидиях и налогах, тарифах и даже условиях, при которых частные банки могут ссужать деньги у центральных банков (например, исследования С. Куинн (S. Quinn), Г. Хюрлиманна (G. Huerlimann), Й. Пацевича (J. Pacewicz), М. Прасада (M. Prasad). Изучалось, как государственные финансы могут усиливать или уменьшать неравенство, укреплять или разрушать социальные иерархии; создавать целые социальные классы или отдельных политических субъектов и формировать представления граждан о естественных основах солидарности и т.д.

Важно отметить, что в современной европейской научной литературе активнее используется термин не «финансовая социология», а «*фискальная социология*», чтобы разграничить предмет исследования – публичные финансы или государственный бюджет для фискальной социологии и корпоративные и частные финансы для социологии финансов (подробнее см. выпуски *Economic Sociology. European Electronic Newsletter – Taxing Inequality and Fiscal sociology* (2020) и *Sociology of Finance* (2001), *Economic Sociology and Sociology of Finance* (2007), *Sociology of Money and Finance* (2010), *Economic Sociology of*

⁴ Тема фискальной социологии подробно рассмотрена в профессиональных обзорах российских исследователей Е.Г. Новиковой, А.Г. Саниной, П.А. Захарына и др.

Finance (2013)). В отличие от фискальной социологии, социология финансов⁵ фокусирует внимание на логике частных финансов и финансовом рынке как внешнем источнике поддержания стабильности домохозяйств и власти корпораций.

В 1980-е гг. американские экономсоциологи занялись изучением финансов как сферы, подчиненной производству. Их интересовали проблемы социальной структуры финансового рынка, системы отношений «фирма-банк», поиска контрагентов и доступа к кредиту (напр., см. исследование рынка ценных бумаг В. Бейкера, 1981, 1984). Другая часть американских экономсоциологов, начиная с 1990-х гг. во главе с В. Зелизер, а затем и ее последователями в лице Ф. Верри (F. Wherry) и Н. Бандель (N. Bandelj), занялась изучением «множественности денег». Социологи стали рассматривать деньги не как посредника в товарообмене, а как инструмент социализации. Изучались включенность разных социальных групп в денежную культуру, отношение к использованию безналичных денег и взятию денег в долг у банков как *цивилизованной* практики в современном обществе.

Концепцию «множественности денег» развили и европейские социологи – в частности, Н. Додд (N. Dodd). В отличие от Зелизер, которая занималась выявлением социальных смыслов унифицированных по форме денег, Додд утверждал наличие в обществе не унифицированных форм денег. Его центральной идеей становится появление новых форм денег, возникших в результате развития финансовой системы (международной деятельности банков и других финансовых организаций) и разрушения принципа однородности, свойственного национальным валютам (вследствие социальных практик пользователей). По его мнению, эпоха, в которой деньги определялись государством, подходит к концу. Появляется идея об альтернативных видах денег: деньги могут быть организованы группами, небольшими сообществами, нациями, группами наций, частными организациями, в зависимости от того, для чего они необходимы. Ценность этих денег будет зависеть от того, какой ценностью обладают те или иные социальные отношения (внутри группы, сообщества или между странами). Поскольку социальным отношениям присуща динамика, то такая же динамика будет свойственна и деньгам. Вне социального контекста, сами по себе деньги ценности не имеют [Dodd, 2014]. Одни формы денег будут предназначены для противодействия формам социальной и финансовой изоляции, другие – для объединения в сообщества или для обхода ограничений, выдвигаемых надзорными структурами – банками, корпорациями и государствами. В будущем ожидается появление все новых и новых форм денег. Уже есть примеры криптовалют для сообществ, выступающих за расширение прав и возможностей этнических и религиозных групп, за устойчивое/ответственное потребление, за зеленую повестку на планете Земля и др. (напр., ChristCoin, Bitcoen, VeganNation, SolarCoin, EverGreenCoin, TreeCoin и др.). Подобная логика прослеживается и в сообществах любителей компьютерных игр и цифровой одежды. Обладание криптовалютой (и ее количество) становится критерием деления на бедных и богатых внутри этих сообществ. В этой связи интересна идея А. Хейза (A. Hayes) о криптовалютах как закрытых социальных мирах со своей внутренней социальной дифференциацией. Следует упомянуть о появлении цифровых валют ЦБ, которые будут использоваться как социальная технология, создающая новые способы интеграции и координации между членами сообщества как на уровне страны, так и на международном уровне. По мнению Додда, со временем это будет способствовать преодолению разделения мира на отдельные национальные государства и регионы с их различными денежными режимами. А в конечном итоге развитие этого процесса должно привести к созданию универсальных мировых

⁵ В европейской академической литературе используется термин «sociology of finance», что можно перевести с английского языка как «социология финансов». Термина «financial sociology», который можно было бы перевести как «финансовая социология», нет. В русскоязычной академической литературе термин «финансовая социология» используют социологи из Финансового университета при Правительстве РФ для описания финансового поведения российского населения в рамках методологии *экономической социологии* (например, Финансовая социология: учебное пособие / Под ред. А.В. Новикова, А.В. Ярашевой. М.: Финансовый университет, 2016).

цифровых денег. Поэтому начавшийся процесс денежной деглобализации – выпуска цифровых валют ЦБ является еще одной фазой экономической глобализации, управляемой США.

Социологов финансов интересует другой вопрос – они рассматривают финансы через призму систем знания и информации, а также технологий, их конструирующих. Прежде всего, речь идет о финансовой информации, которая содержится в ценах и не только помогает принимать решения участникам финансовых рынков для совершения сделок, но и подталкивает всю финансовую систему к дальнейшим финансовым сделкам в рамках рыночного обмена. Поэтому сущностью финансовых рынков с их спекулятивным «изобилием» и волатильностью⁶ является быстрый поток информации, организованный в единую коммуникационную систему посредством ИКТ.

Финансовые рынки, по сути, являются информацией⁷. Примерами являются фондовые индексы, котировки, рейтинги, различная финансовая отчетность, финансовые новости и их комментарии, мнения финансовых аналитиков и трейдеров, экспертные оценки информационных агентств, банковские транзакции др. Финансовая информация постоянно изменяется, не имеет устойчивых механизмов и моделей. Участники рынка непрерывно обмениваются информацией для поддержания деловых связей. Этот социальный обмен может быть основан как на принципах реципрокности (например, когда информация преподносится партнеру в качестве подарка), так и рыночного обмена (в случае с покупкой аналитического отчета от международных поставщиков финансовой информации Bloomberg и Thompson Reuters или российских – РБК и Прайм). Эта перспектива влияет на понимание социологами современности – когда реальность начинает маркироваться новостями. Поэтому финансовый рынок – это «разворачивающаяся структура, не тождественная сама себе» [Кнорр-Цетина, Брюггер, 2005: 447]. Знание о финансовом рынке – это знание о направлении цены на финансовые активы (ценные бумаги, сырье, валюту и др.). Отметим, что знание о рынке – средство построения отношений в финансовой системе. Потоки знаний о финансах отображают финансовый мир глобальной социальной формы, который сформировался в результате отрыва финансовой подсистемы от локальных (национальных) производственных экономик и их включения в систему глобальных финансов. Весь финансовый мир порождается информацией и знанием и не существует вне «рынка-на-экране».

«Рынок-на-экране» представляет собой рефлексивный механизм, который визуализирует потоки финансовой информации и презентует их профессиональной аудитории рыночных игроков. Использование ИКТ помогает передать сообщения из одной части света (одной фондовой биржи) в другую посредством кодирования и декодирования сообщения. Сообщение будет передано без ошибок, в неизменном виде, т.к. ИКТ не требуют проведения языкового перевода из-за использования двух языков – математики (статистики/программирования на Python или R) и английского (аналитический язык, активно использующий редуцированные формы слов). Именно финансы превращают их в ключевые языки глобальной социальной коммуникации, демонстрируя на мониторах ИКТ одновременно на всех фондовых биржах мира ценовое состояние рынка (например, сырьевые индексы, котировки биржевых товаров, валют и ценных бумаг, процентные ставки ЦБ и др.).

«Рынок-на-экране» трансформирует связи между людьми в процессе обмена рыночной информацией и знанием, включая в коммуникацию неживых объектов – ИКТ; так он порождает постсоциальные отношения [Кнорр-Цетина, Брюггер, 2005; MacKenzie, 2021]. Неживые объекты финансового рынка – ИКТ вроде технологий «голосового брокера», телефонов с экраном, мультимониторов для трейдинга, алгоритмов, запущенных

⁶ Показатель изменчивости цены.

⁷ «Все здесь – это информация», «Что мы действительно продаем, так это информацию» [Кнорр-Цетина, 2012: 606].

на компьютерных серверах торговых фирм, информационно-аналитических систем: Reuters, Bloomberg, Tenfore и др. – действуют глобально и способствуют изменениям в экономике разных стран, обеспечивая возможность социального взаимодействия субъектов в обход «старым» социальным структурам. ИКТ помогают обойти традиционные институты цензуры, экспертизы, создавая символическую интеграцию в глобальном финансовом мире.

Так финансовые ИКТ формируют глобальный финансовый рынок. Он включает властные отношения и отношения эксплуатации в *новом объектно-центрированном пространстве*. Информация приобретает форму цены финансового актива. Социологи финансов утверждают, что *цена* является перформативным конструктом, она формируется не благодаря *объективному фактору* – соотношению сил спроса и предложения саморегулирующегося рынка, как это представлено в господствующей неоклассической экономической теории, а в результате влияния *ряда субъективных факторов* – мнений, прогнозных оценок, ожиданий, как правило, доминирующих участников рынка (включая транснациональные корпорации и правительства стран глобального Севера). Подобная «цена» помогает доминирующим участникам устанавливать *субъективные* (низкие) цены и извлекать финансовую прибыль из экономик стран (глобального Юга), а с ней и их богатство «мирным» путем⁸.

В связи с подобным определением финансового рынка следует упомянуть, что первые работы по социологии финансов сосредотачиваются вокруг истории формирования финансовой информации и знания (появления финансово-статистических бюллетеней, журналов книг финансовых чартистов (специалистов по техническому анализу рынка), рекламных объявлений ценных бумаг, прайс-листов, фондовых индексов (А. Преда), бухгалтерской отчетности (М. Капрон (M. Capron), Э. Кыяпелло (E. Chiapello), Б. Колассе (B. Colasse)). Далее социологи исследуют роль технологий в конструировании финансовых рынков: технологий коммуникации (тиккера (А. Преда), телеграфа, компьютера, роботов-трейдеров (искусственного интеллекта) (Д. Бюнза и Д. Старк), технологии алгоритмического управления и автоматизированной высокочастотной торговли (Д. Маккензи) др.).

Три волны социологических исследований финансов: ключевые исследовательские вопросы и проблемы. Временные границы *первой волны*⁹ социологических исследований финансов можно отнести к концу 1990-х гг. и до первой половины 2010-х гг. В этот период социологи стали изучать финансы через призму концепции «перформативности», исследуя потенциал влияния научных теорий и финансовой информации на социальное конструирование глобальной экономики (а по сути, и всего мирового порядка, возглавляемого страной-гегемоном США). *Перформативность была призвана объяснить социальные процессы формирования финансового рынка* (как глобального механизма интеграции), его координацию, механизмы внутренней нестабильности, процесс ценообразования на международных рынках, повторяющиеся кризисы рыночной системы и роль финансов в этом процессе, и др. (см. [Лаундсбери, Хирш, 2011, Смелова, 2014; Аболафия, 2020]). Особое внимание уделялось проблемам внедрения в финансовую практику теоретических моделей, в то же время эмпирическая детализация экономик разных стран внимания не получила. Глобальный финансовый рынок (а он в одночасье был признан глобальным – см.: [Knorr-Cetina, Preda, 2005]) представлялся как универсальный механизм, существующий вне истории, политики, культуры, демографических различий и пр. Вопросы, волновавшие социологов, были связаны с возможными усовершенствованиями в архитектуре глобальной экономики, а затем с причинами и последствиями финансового кризиса 2008 г. В фокусе исследовательского внимания находились вопросы: что такое финансовый рынок как социальный конструкт? Что такое спекуляция как вид социального

⁸ Особенно актуальным этот тезис звучит при социологическом анализе цен на российские углеводородные ресурсы.

⁹ Понятие «волна» выбрано для обозначения концентрации статей и монографий по обсуждаемой проблеме, тем не менее спад публикационной активности еще не означает полное угасание интереса к проблеме и ее окончательное научное решение.

действия? Как этот вид деятельности отделился от азартных игр в истории экономики, утратил черты девиантности и стал легитимным типом социального действия, вокруг которого стали выстраиваться другие нормативные категории? Как финансовые инвестиции стали ключевым социальным институтом капитализма? Является ли мировой финансовый кризис социально сконструированным [Knorr-Cetina, Preda, 2005]?

Теоретическая заслуга социологов заключалась во *включении социальных субъектов* (трейдеров, спекулянтов, финансовых инженеров, финансовых журналистов и аналитиков и др.) и *нечеловеческих субъектов*, или *актантов* (теоретических моделей, технологий ИИ и алгоритмического управления и др.) в *абстрактные финансовые модели рынков*. Социальные субъекты привносят свои интерпретации рыночной реальности в общественные представления о движении финансового рынка, разрабатывают и внедряют нормативные модели оценки рисков, производят финансовые новости, влияющие в т.ч. и на маркетинг финансовых продуктов и услуг. Следуя логике Б. Латура, создание знания о финансовом рынке стало представляться как результат взаимодействия актантов и субъектов посредством «перевода» технической информации [De Goede, 2005].

Понимание финансов социологами как перформативной практики предполагало, что сами *материальные структуры финансовых рынков*, включая цены, издержки и капитал, *стали рассматриваться как дискурсивно сконструированные*. К примеру, социолог Е. Эспозито рассматривала ключевые для финансового рынка категории «риск» и «неопределенность» (термины, активно используемые Ф. Найтом, Э. Гидденсом, У. Беком, Д. Харви) через призму перформативности [Esposito, 2011; 2013]. С этой перспективы неопределенность может быть измерена посредством математических расчетов и превращена в риск, оцениваемый финансовыми инженерами банка, а затем покрываемый посредством создания сбалансированного портфеля ценных бумаг с единственной целью – гарантированного получения ожидаемой прибыли инвестором в будущем. Отметим, что модели управления рисками исходят из понимания будущего, опирающегося на *предписание модели будущего*, которое, по сути, является настоящим. Предсказанное будущее может произойти (тогда это считается барнсианской перформативностью (термин Д. Маккензи)¹⁰, а может и не произойти (тогда речь идет о контрперформативности). Как показал социолог В. Лепинэ, когда прогнозы, основанные на оценках крупных банков и крупных инвесторов (владельцев крупного капитала), не сбываются, в глобальной экономике разворачиваются крупные социетальные кризисы [Lépinay, 2011].

Заметим, что эти последствия укоренены в особом типе социального времени, в рамках которого финансовый рынок существовал в конце XX – начале XXI в. Этот тип можно описать как время, утратившее свою хронологическую последовательность и ставшее

¹⁰ Согласно классификации Д. Маккензи, можно выделить три уровня перформативности в зависимости от их силы действия: первому уровню соответствует общая перформативность, второму – эффективная, а на третьем находятся барнсианская перформативность и контрперформативность. Общая перформативность – аспект экономической науки (теория, модель, концепция, программа, материальное устройство и т.д.). Он инкорпорируется в реальную экономику, делая ее более управляемой. Эффективная перформативность как подмножество общей перформативности – это практическое использование какого-либо аспекта экономической науки, которое делает возможным появление определенных экономических процессов в нестандартных или отклоняющихся условиях и изменяет ход их протекания, с тем чтобы внедрение теории, концепции, модели и др. принесло материальную выгоду. Барнсианская перформативность названа в честь социолога-конструктивиста Б. Барнса, который подчеркивал в социальной жизни центральную роль самоподтверждающихся циклов обратной связи, или так называемых самоисполняющихся пророчеств (в терминологии Р. Мертона). Такие «пророчества», верования, убеждения и др. встраиваются в инфраструктуру финансовых рынков и определяют его работу по заданному сценарию. Они могут быть инкорпорированы в технологические системы, алгоритмы, материальные устройства и др. и в таком случае имеют эффект даже при скептическом отношении субъектов, принимающих решения. Такие «пророчества» должны приносить выгоду своим создателям и вводить в заблуждение тех, кто их использует, даже разобравшись в деталях «пророчества» [MacKenzie, 2006].

множественным, вобрав в себя время экономик разных стран. Его главной характеристикой стала *асинхронность*. Причиной этого выступает изменчивость, или, по определению экономистов, *волатильность*, не только количественная (которую можно математически измерить и выразить, например, в рыночных ценах), но и качественная (ее сложно измерить, но можно выразить, например, в потребительских эмоциях). Именно волатильность – подлинный источник прибыли инвесторов, использующих деривативные¹¹ инструменты (например, фьючерсы или форварды) для игры на финансовых рынках разных стран. Инвесторы зарабатывают капиталы на будущем времени, – которое еще не наступило или, возможно, никогда не наступит, если строго ожидать событий в соответствии с (проданной) прогнозной моделью будущего. Таким образом, как отмечает А. Лангеноль, социологическая перспектива финансов позволяет увидеть временное измерение экономических процессов как проекцию решения действующим субъектом проблем «*неопределенности*» и «*ожиданий*»¹², существующих в его социологическом воображении, и понять мотивы инвестиционных решений на финансовом рынке [Langenohl, 2018].

Вторая волна социологических исследований финансов инициирована появлением профильного академического журнала «Finance and Society», который быстро обрел статус ключевой площадки междисциплинарных исследований в области финансов. Вопросы, поднимаемые учеными в 2010-е гг., касались *соединения общих положений неолиберализма с концепцией финансиализации*: детализацией финансовых инструментов и практик, финансовых инфраструктур и множественности финансовых субъектов, действующих в рамках открытой мировой экономики. Хотя понятие «финансиализации» вошло в академическую науку еще в середине 2000-х гг. благодаря работе экономиста Г. Криппнер [Krippner, 2005], социологи подошли к исследованию этого феномена только в середине 2010-х гг. В частности, они исследовали, *как меняется капиталистическая система под влиянием финансиализации*, т.е. что происходит при возрастании роли финансового капитала в «развитых англоговорящих странах» и мире в целом, и совместимо ли это с развитием демократии или нет. Тема финансов стала рассматриваться в паре и взаимовлиянии с этикой долга, временем и его восприятием, технологиями безопасности, литературой, искусством и др.

Одной из самых ярких социологических идей этого периода стало использование странами глобального Севера финансов в качестве *технологии международной безопасности*. Первоначально они выступали инструментом борьбы с терроризмом на глобальном уровне – благодаря контролю над финансовыми операциями (путем замораживания активов и блокировки счетов, отслеживания благотворительных пожертвований и переводов в криптовалюту и др.) происходило регулирование социальных границ включения или исключения из глобального финансового пространства террористических организаций. В дальнейшем, перекрывая доступ к капиталам глобального Севера, финансовые институты, вроде МВФ и Всемирного банка, могли финансово изолировать целые социальные группы, сообщества и даже страны¹³.

¹¹ Дериватив – производный, или вторичный финансовый инструмент, состоящий из базового актива и условий по сделке с этим активом. Выпускается на основе первичного финансового инструмента, позволяет получить прибыль, не владея (первичным) базовым активом. В качестве базового актива могут выступать ценные бумаги, сырьевые товары, валюта и др.

¹² Например, инфляционные ожидания Центробанка или ожидаемая доходность ценных бумаг.

¹³ Например, с 2014 г. Россия подвергается ряду запретов и ограничений со стороны стран глобального Севера во главе с США в финансовой сфере, среди которых: полный запрет на новые инвестиции в РФ, а также на прямые и не прямые операции с российским золотом; ограничения на предоставления займов и инвестиционных услуг для российских банков («Сбербанка России», ВТБ, «Газпромбанк», Внешэкономбанка (название изменено с 2018 г. на ВЭБ.РФ), «Россельхозбанка»), приостановка участия РФ в G8, заморозка резервов ЦБ РФ, находящихся в банках стран G7, что составляет половину резервов ЦБ; отключение части российских банков от системы SWIFT (ВТБ, «Открытие», «Новикомбанк», «Совкомбанк», «Промсвязьбанк» ВТБ, «Россия» и ВЭБ.РФ; ограничения возможности российских компаний вести расчеты в долларах, евро, фунтах и иенах; запрет на сделки

Другой пример – использование финансов как *технологии социальной безопасности* (или финансового страхования от социальных рисков). Гражданин может застраховать свое финансовое будущее с помощью накопительных пенсионных программ, страховых программ, сберегательных или инвестиционных продуктов; международный трейдер может купить валютные фьючерсы, чтобы защитить себя от рисков колебания валюты. В социологическом смысле секьюритизация представляет собой процесс, в ходе которого финансовые активы (ссуды, ипотека и задолженность по кредитным картам) перепродаются на финансовых рынках, превращаясь в социальные ценные бумаги [De Goede, 2017]. Таким образом, финансовая индустрия обеспечивает социальную безопасность от неопределенного будущего, изобретая в то же время новые *неопределенности*, от которых необходимо страховаться.

Третья волна социологических исследований финансов после 2020 г. призвана решить новые задачи. Актуальны вопросы: почему финансовые рынки порождают нестабильную динамику и неравномерные модели распределения? Как общества будут справляться с растущей эксплуатацией и усиливающейся социальной дифференциацией? Как будут формироваться глобальные цепочки создания богатства? Наконец, каким образом возможно пересечение логики финансов с другими логиками – логиками цифровизации и криптосферы, логиками экологизации (изменения климата, неравных географических условий для добычи полезных ископаемых и утилизации отходов), логиками национальных правительств и новых методов ведения войн (к примеру, финансовых) [Samman et al., 2022]. И, кстати, совместимы ли вообще война и социально-экономическое развитие (что ранее отрицал неоллиберализм)?

Представляя современную модель глобальной экономики, социологи обращают внимание на то, что она опирается не только на финансовые рынки, но и на *центральные банки, правительства и государственные финансовые учреждения, использующие рыночную логику частного финансового сектора* (например, речь идет о выпуске государством облигаций или цифровых валют ЦБ) (подробнее о возникающем направлении социальных исследований центрального банка см.: [Coombs, Thiemann, 2022; Wansleben, 2023])¹⁴ и др.). Финансовая политика становится в один ряд (если не выше) с фискальной

с облигациями российского федерального займа на вторичном рынке; приостановка работы на территории РФ карт платежных систем Visa, Mastercard и American Express, выпущенных зарубежными банками или российскими банками за границей, невозможность их использования на сайтах зарубежных интернет-магазинов; отказ от обработки карт платежной системы МИР банками ряда стран (частично – Турцией, Вьетнамом, Таджикистаном, Казахстаном; полностью – Узбекистаном, Арменией, Кыргызстаном); коллективное игнорирование публичных выступлений представителей РФ на заседаниях стран Большой двадцатки, Всемирного банка и МВФ; помимо этого Банк международных расчетов приостановил доступ ЦБ РФ к своим услугам, Всемирная федерация бирж исключила Московскую биржу из своего состава, Международная ассоциация рынков капитала приостановила членство российских организаций в деятельности рабочих групп, Европейский инвестиционный банк, Европейский банк реконструкции и развития, Международный банк реконструкции и развития (основное кредитное учреждение Всемирного банка), Азиатский банк инфраструктурных инвестиций прекратили реализацию своих программ в РФ и др.

¹⁴ Л. Ванслебен представляет социологический взгляд на усиление роли центробанков в обществе: находясь внутри национального государства, они выступают центральной организацией проведения денежно-кредитной политики, необходимой для развития глобального рынка капитала и глобальной экономической системы в целом. Они проводят «интенсивные политические эксперименты», вроде введения гибких обменных курсов валют или таргетированной инфляции. При этом возникает проблема согласования противоречивых интересов: представителей экспортных секторов экономики, выступающих за стабильный обменный курс в сочетании с низкой инфляцией; банков, требующих стабильной инфляции и стабильных ставок рефинансирования; участников финансовых рынков, ожидающих высокой инфляции для обеспечения прибыльности по своим активам; работающего населения, теряющего в результате дезинфляционной политики ЦБ свои трудовые доходы и вынужденного обращаться к кредитам. Такой социологический ракурс способствует повышению интереса исследователей к политике, проводимой ЦБ РФ. (Дезинфляция – термин, используемый для

политикой государства. С одной стороны, это свидетельствует о превращении государства в центр финансиализации, а с другой – само государство становится объектом финансиализации. Ключевая категория этой политики – финансовый долг (заемные средства), который распределяется по всем ступеням общества, а степень равномерности такого распределения становится исследовательской проблемой. Теперь целью государства является наличие конкурентоспособного государственного долга, соглашений о более выгодных условиях кредитования и более низких процентных ставках.

Интересно, что глобальная финансовая экономика постоянно осуществляет мониторинг своих реальных и потенциальных угроз (альтернативных финансовых идей или знания), приводящих ее к дестабилизации. Они могут быть инициированы, например, оспариванием легитимности существующего мирового порядка другими странами-претендентами, изменениями в социальных системах, вызванных в т.ч. технологическими инновациями, войнами, культурными фрагментациями и др. [Samman et al., 2022]. Борьба с этими альтернативами осуществляется в декларировании «открытости» к новым сценариям развития (таким как появление цифровых технологий и цифровых валют ЦБ, региональных валютных инициатив или корпоративных платежных систем) и их «встраивании» в существующую глобальную финансовую систему для ее пролонгации и повышения жизнеспособности.

Одной из таких больших угроз становится *быстрое накопление финансового капитала в странах глобального Севера без привязки к реальной экономике* и его невостремленности странами глобального Юга¹⁵. Возможным выходом становится глобальная популяризация экологической проблематики и появление так называемых зеленых финансов (например, зеленых облигаций¹⁶, направленных на сохранение биоразнообразия и стимулирование экологически чистых технологий производства). К слову, в XIX–XX вв. подобные кредиты давались на проведение индустриализации экономики «развивающихся» стран. Сегодня логика кредитования сохраняется, но цели меняются. На повестке дня европейского академического сообщества стоит вопрос о работе с критикой *проблемы конструирования зеленых финансовых продуктов на основе доллара США*, созданных для стран глобального Юга. Почему игнорируется возможность создания зеленых финансовых продуктов на основе национальных валют или почему именно частные инвесторы и управляющие банков превращаются в «эпистемологических хранителей» (термин Д. Габора), получая «право» создавать локальные зеленые финансовые инструменты [Gabor, 2021]; как они могут ограничить роль правительств стран глобального Юга в процессе снижения рисков для инфраструктурных активов, и как это сказывается на упрощении выхода на финансовые рынки этих стран?

Еще одна угроза связана с появлением цифровых технологий и, соответственно, новой элиты, способной капитализировать эти цифровые технологии. Последнее время все чаще говорят о финтехкапитализме, платформенном, алгоритмическом капитализме. Появляются исследования о финтех явлениях, вроде «апплеизации финансов» – «appleization of finance» (речь идет о корпоративных платежных системах – ApplePay, GooglePay, AliPay и др.) [Hendrikse, Bassens, Meeteren, 2018]. Однако вопрос о *поглощении финансового капитала цифровыми технологиями* все еще открыт. Цифровые технологии и криптовалюта,

описания случаев замедления скорости инфляции, т.е. *темпов роста* общего уровня цен на товары и услуги в валовом внутреннем продукте. Дезинфляция обычно управляется инструментами денежно-кредитной политики ЦБ, но также может быть вызвана ростом производительности или технологий. Дезинфляционная политика способна подрывать социальную силу трудящегося населения и укреплять структурную власть капиталистов).

¹⁵ Это одна из причин смены парадигмы для промышленного сектора. «Коричневые» технологии индустриально развитых стран вынужденно заменяются дорогостоящими «зелеными» технологиями.

¹⁶ В России рынок зеленых облигаций развивается с 2018 г. Первый выпуск был организован компанией «Ресурсосбережение ХМАО», ежегодно на платформе ИНФРАГРИН публикуется список 75 компаний – лидеров отрасли.

бесспорно, стали драйвером развития финансового капитализма, они продвинули финансовизацию повседневности на системный уровень, утвердив принципы процента и ренты в глобальной экономике. Особую роль в этом процессе, конечно, сыграли новые СМИ, которые обеспечили широкий охват населения и легкость проникновения финансовых идей в мировоззрение людей (например, идеи ответственности индивида за свое финансовое будущее – см. программы финансовой грамотности, инициированные Всемирным банком).

Наконец, есть угрозы, связанные с появлением войн и непрогнозируемых социально-экономических изменений. Они также могут нивелироваться посредством финансовых инструментов – ограничения использования международных межбанковских систем передачи финансовой информации, платежных систем, финансовых резервов, запрета на покупку ценных бумаг военных корпораций и инвестирования в технологии двойного назначения, и др. Степень и масштаб *использования финансов как технологии борьбы с экзогенными и эндогенными шоками* зависят от точности и полноты представления карты финансовой власти в глобальной экономике (стран глобальных Севера и Юга), с учетом ее динамики во времени и пространстве. Для этого необходимо уметь выявлять силу финансовых связей и их потенциал действия [Samman et al., 2022]. Однако это еще только исследовательская задача на ближайшую перспективу.

В третью волну также появляются исследования, посвященные *ассетизации* (assetization) – процессу превращения материальных и нематериальных благ в финансовые активы (financial assets). Заметим, в исследованиях по финансовизации часто отмечается, что для развития системы глобального финансового капитализма требуется создание новых финансовых активов как источника накопления богатства в обществе. Однако сами активы и процесс их создания экономистами не изучались. Первые социологические работы по ассетизации появились в 2020 г. [Birch, Muniesa, 2020; Adkinset al., 2020], в них высказывалась идея, что главным объектом, ради которого субъекты вступают во взаимодействие на финансовых рынках, является не рыночный товар, а актив. Под активом понимается объект, который позволяет своему собственнику сохранять ценность¹⁷ и извлекать долгосрочную экономическую ренту за счет владения и контроля, а не за счет прибыли от рыночного обмена (продажи). Примерами активов являются финансовые и юридические объекты (права собственности), цифровые данные, криптовалюты и NFT (невзаимозаменяемые токены), инфраструктурные и природные объекты, недвижимость¹⁸, инновации, общественные блага, «монетизируемые социальные проблемы», а также люди и их знания и умения. Отметим, что эти объекты не являются простыми товарами (если посмотреть с марксистских позиций – они не имеют какой-либо явной потребительской ценности, отдельной от их меновой стоимости). Они не являются также общим платежным средством. Процесс преобразования объектов в активы выстраивает мосты между индустриальным и финансовым капитализмом, между финансовым и цифровым капитализмом [Langley, Leyshon, 2017], используя методы финансовой оценки. Между финансами и активами существует особая социальная взаимосвязь, которую еще предстоит исследовать.

¹⁷ Здесь «ценность» понимается в самом широком социологическом смысле, в значении накопленного в обществе материального и нематериального богатства, индивидом или организациями.

¹⁸ Примером экономики активов выступают инвестиции в жилую недвижимость, основанные на кредите. Покупка жилья выступала способом сохранения накопленного богатства и стимулом для экономической активности при переезде в крупные города с высоким спросом на рабочую силу. Процесс демократизации кредитования с низкими процентными ставками по ипотечным кредитам и организованное сокращение запасов социального жилья способствовали расширению приобретения жилья за счет заемных средств и росту цен на недвижимость. Невозможность обслуживать свой долг со стабильным падением трудовых доходов привела к тому, что массовые покупатели ипотечного жилья вынуждены перепродавать ставшие «токсичными» активы банкам и инвестиционным компаниям. Это привело к перераспределению активов в пользу банков и *новому социальному неравенству*: образовались слои, лишенные права собственности на жилье, и, как следствие, на накопленные ими сбережения или наследуемую недвижимость как базу их актива.

Заключительные рассуждения. В начале XXI в. финансы претендуют на то, чтобы стать ключом к пониманию устройства общества, анализу его проблем и поиску инструментов познания. Включенность в финансовый рынок утверждается в качестве главного признака цивилизованности для любого государства и его народа. А распространение финансовой логики за пределы финансового рынка заставляет любое общество играть по правилам финансов.

Междисциплинарный дискурс социальных исследований финансов, вобрав в себя методологический потенциал социальных и гуманитарных наук, помог социологам (фискальным социологам, социологам денег, экономсоциологам и социологам финансов) дать ответы на ключевые вопросы о современном устройстве общества: о сущности социального действия как рационального и укорененного в финансовой культуре стран глобального Севера; о сущности социального времени как неопределенного, асинхронного, создающего добавленную стоимость; о факторах статичного (устойчивого) и динамичного воспроизводства общества – капитале и активах; о характере знания в обществе – сконструированного социальными субъектами: изменчивого, создающего ценность и имеющего цену; о связанности финансовых пространств национальных государств в единую глобальную финансовую систему посредством цен, устанавливаемых на финансовом рынке. Наконец, это вопросы о структуре мировой экономики – об отрыве сферы финансов от реальной производственной экономики и увеличении их социального влияния в обществе. Встает проблема социальной структуры глобального финансового рынка, в которой особую роль играют страны – обладатели большого финансового капитала (глобальный Север) и страны-получатели капитала (глобальный Юг); ключевой институт – ЦБ, создающий новые способы социальной интеграции и координации между участниками глобального финансового рынка. Важно понимание появления субъектов, выпускающих новые валюты и социальные ценные бумаги; развертывания конкуренции стран за лучшие соглашения о госзаимках с международными финансовыми институтами и за лучшие инвестиционные условия для обеспечения устойчивости госбюджетов; и даже оценка потенциала финансов – стать новой технологией социальной безопасности для мира, способной заменить военные технологии безопасности вроде ядерного оружия как оружия сдерживания.

Интересно, что универсальность полученных знаний об обществе обеспечивается использованием математических методов (теории вероятности при изучении распределения рисков и финансовых ресурсов, математического моделирования – для редукции качественного многообразия социальных процессов и статистики – для создания утраченной материальности в экономике). Финансовые инновационные инструменты представляются как лишенные социального контекста, авторов и географии происхождения, когда маскируется тот факт, что каждый из них был создан как «политический» проект. Частные финансы выходят из-под контроля государства, что усиливает положение частных инвесторов, банков и корпораций на международной арене. Поведение людей определяется логикой банковских продуктов и услуг, в основе которых заложены финансовые категории «риска», «неопределенности», «волатильности», «ожиданий», «безопасности» и др.

Социологический анализ изучения финансов позволяет понять, что главное в финансовой экономике – это не максимизация прибыли, и не прибыль как таковая (деньги). Намного важнее оказывается социологическая интерпретация финансового капитала как источника социальной власти. Впрочем, понятие «капитала» социологами постепенно дополняется понятием «актива» – объекта, обладающего высокой финансовой оценкой и превращающего своего собственника в рантье только за счет владения им и контроля. Поэтому финансовый капитализм предстает как модель устойчивого (т.е. замкнутого) воспроизводства социальной власти, не предполагающая дальнейшего общественного развития. Таким образом, социальные исследования финансов как междисциплинарная область знания вносят свой вклад в развитие социологической дискуссии о том, что такое общество в его современной форме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Кнорр-Цетина К. Эпистемика информации: модель потребления // Экономическая социология: теория и история / Под ред. Ю.В. Веселова, А.Л. Кашина. СПб.: Нестор-История, 2012. (перевод). С. 605–632 [Knorr-Cetina K. (2012) The Epistemic of Information: A Consumption Model. In: *Economic Sociology: Theory and History*. Ed. by Yu.V. Veselov, A.L. Kashin. St. Petersburg: Nestor-Istoriya: 605–632 (In Russ.)]
- Кнорр-Цетина К., Брюггер У. Рынок как объект привязанности: исследование постсоциальных отношений на финансовых рынках // Экономическая социология. 2005. Т. 6. № 2. С. 29–49 (перевод). [Knorr-Cetina K., Bruegger U. (2005) The Market as an Object of Attachment: Exploring. Postsocial Relations in Financial Markets. *Ekonomicheskaya sociologiya* [Economic Sociology]. Т. 6. No. 2: 29–49. (In Russ.)]
- Козырева П.М. Финансовое поведение в контексте социально-экономической адаптации населения (социологический анализ) // Социологические исследования. 2012. № 7. С. 54–66. [Kozyreva P.M. (2012) Financial behavior in the context of socio-economic adaptation of the population (sociological analysis). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No 7: 54–66. (In Russ.)]
- Новикова Е.Г. Фискальная социология: опыт западных исследований налогообложения // Экономическая социология. 2005. Т. 6. № 1. С. 95–103. [Novikova E.G. (2005) Fiscal Sociology: The Experience of Western taxation studies. *Ekonomicheskaya sociologiya* [Economic sociology]. Vol. 6. No. 1: 95–103. (In Russ.)]
- Смелова А.А. Экономическая социология финансового кризиса // Теория и практика общественного развития. 2014. No. 2. С. 104–108. [Smelova A.A. (2014) Economic Sociology of Financial Crisis. *Teoriya i praktika obschessvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development]. No. 2: 104–108. (In Russ.)]
- Abolafia M.Y. (2001) *Making Markets: Opportunism and Restraint on Wall Street*. Harvard University Press.
- Abolafia M.Y. (2020) *Stewards of the Market: How the Federal Reserve Made Sense of the Financial Crisis*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Adkins L., Cooper M., Konings M. (2020) *The Asset Economy: Property Ownership and the New Logic of Inequality*. Polity.
- Allen M.P., Campbell J.L. (1994) State Revenue Extraction from Different Income Groups: Variations in Tax Progressivity in the United States, 1916 to 1986. *American Sociological Review*. Vol. 59. No. 2: 169–186.
- Birch K., Muniesa F. (eds) (2020) *Assetization: Turning Things into Assets in Technoscientific Capitalism* (Inside Technology). The MIT Press.
- Block F. (1981) The Fiscal Crisis of the Capital State. *Annual Review of Sociology*. Vol. 7: 1–27.
- Blomert R. (2001) Sociology of Finance – Old and New Perspectives. *Economic Sociology European Electronic Newsletter*. Vol. 2. No. 2: 9–14.
- Campbell J.L. (1993) The State and Fiscal Sociology. *Annual Review of Sociology*. Vol. 19: 163–185.
- Campbell J.L. (1996) An Institutional Analysis of Fiscal Reform in Postcommunist Europe. *Theory and Society*. Vol. 25. No. 1: 45–84.
- Chambost I., Lenglet M., Tadjeddine Y. (eds) (2018) *The Making of Finance: Perspectives from the Social Sciences*. Routledge.
- Coombs N., Thiemann M. (2022) Recentering Central Banks: Theorizing State-economy Boundaries As Central Bank Effects. *Economy and Society*. Vol. 51. No. 4: 535–558.
- Dodd N. (2014) *The Social Life of Money*. Princeton University Press.
- Esposito E. (2011) *The Future of Futures: The Time of Money in Financing and Society*. Edward Elgar Publ.
- Esposito E. (2013) The Structures of Uncertainty: Performativity and Unpredictability in Economic Operation. *Economy and Society*. Vol. 42 (1): 102–129.
- Gabor D. (2021) The Wall Street Consensus. *Development and Change*. Vol. 52. No. 3: 429–459.
- de Goede M. (2005) Resocialising and Repoliticising Financial Markets: Contours of Social Studies of Finance. *Economic Sociology European Electronic Newsletter*. Vol. 6. No. 3: 19–28.
- de Goede M. (2017) Financial Security. *Finance and Society*. Vol. 3. No. 2: 159–72.
- Hendrikse R., Bassens D., Meeteren M. (2018) The Appleization of finance: Charting incumbent finance's embrace of FinTech. *Finance and Society*. Vol. 4. No. 2: 159–180.
- Knorr Cetina K., Preda A. (eds) (2005) *The Sociology of Financial Markets*. Oxford University Press.
- Knorr-Cetina K., Preda A. (eds) (2012). *The Oxford handbook of the sociology of finance*. Oxford University Press.
- Krippner G. (2005) The Financialization of the American Economy. *Socio-Economic Review*. No. 3: 173–208.
- Langenohl A. (2018) Sources of Financial Synchronism: Arbitrage Theory and the Promise of Risk-Free Profit. *Finance and Society*. Vol. 4. No. 1: 26–40.
- Langley P., Leyshon A. (2017) Platform Capitalism: The Intermediation and Capitalization of Digital Economic Circulation. *Finance and Society*. Vol. 3. No. 1: 11–31.

- Lépinay V.A. (2011) *Codes of Finance: Engineering Derivatives in a Global Bank*. Princeton University Press.
- Loundsbury M., Hirsch P.M. (eds) (2011) *Markets on Trail: The Economic Sociology of the US Financial Crisis*. Emerald.
- MacKenzie D. (2006) *An Engine, Not a Camera. How Financial Models Shape Markets*. The MIT Press.
- MacKenzie D. (2021) *Trading at the Speed of Light: How Ultra Fast Algorithms Are Transforming Financial Markets*. Princeton University Press.
- Mader P., Mertens D., van der Zwan (eds) (2021) *The Routledge International Handbook of Financialization*. Routledge.
- O'Connor J. (1973) *The Fiscal Crisis of the State*. St. Martin's Press.
- Peacock A.T., Wiseman J. (1979) Approaches to the Analysis of Government Expenditures Growth. *Public Finance Quarterly*. Vol. 7. No. 1: 3–23.
- Roberts M.L., Hite P.A., Bradley C.F. (1994). Understanding Attitudes Toward Progressive Taxation. *Public Opinion Quarterly*. Vol. 58. No. 2: 165–190.
- Samman A., Boy N. et al. (2022) After the boom: Finance and society studies in the 2020s and beyond. *Finance and Society*. Vol. 8. No. 2: 93–109.
- Wansleben W. (2023) *The Rise of Central Banks: State Power in Financial Capitalism*. Harvard University Press.

Статья поступила: 01.11.21. Финальная версия: 02.05.24. Принята к печати: 27.06.24.

SOCIAL STUDIES OF FINANCE AS A NEW VECTOR FOR SOCIOLOGICAL RESEARCH OF MODERN SOCIETY

SMELOVA A.A.

St. Petersburg State University, Russia

Alena A. SMELOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof. for Economic Sociology Department, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia (a.a.smelova@spbu.ru).

Abstract. The article introduces readers to a new academic direction for Russian sociology – social studies of finance. This research field is actively producing new scientific concepts and topics, as well as the epistemic tools to study society. Sociologists play their part in this collective work. The purpose of this article is to demonstrate sociological perspectives of finance, to investigate how sociologists see the subject of their scientific search and its theoretical problems. It is noted that the formation of the academic field has been going on for more than 20 years, therefore, each decade was allocated to a separate research wave, for which an analytical review of key sociological scientific works of the European sociologists from the specialized issues of academic journals (*Socio-Economic Review* и *Economic Sociology*. *European Electronic Newsletter*, *Finance and Society* etc.) was conducted. This analysis helped identify a range of relevant research issues and theoretical problems, to trace their evolution. As a result, the author concludes that the study of the sociological problems of finance is a key to understand the structure of modern society, for it has transformative influence on society at all its levels – from state and organization to individual.

Keywords: cross-disciplinary research, social studies of finance, sociology of finance, financial market, financialization of society.

Received: 01.11.21. Final version: 02.05.24. Accepted: 27.06.24.

Ю.В. АНДРЕЕВА, Е.Л. ЛУКЬЯНОВА

ТРУДОВЫЕ БИОГРАФИИ РОССИЙСКИХ РАБОЧИХ: ОТ ТРУДОВОГО ПОИСКА ДО ТРУДОВОГО ДОЖИТИЯ

АНДРЕЕВА Юлия Витальевна – кандидат психологических наук, доцент (yulia.andre@gmail.com); ЛУКЬЯНОВА Евгения Львовна – старший преподаватель (lukyanova.jenya@gmail.com). Обе – Ульяновский государственный университет, Ульяновск, Россия.

Аннотация. Статья посвящена анализу трудовых биографий рабочих промышленных предприятий. Она выполнена на материалах глубинных интервью, проведенных в Ульяновской области в период 2020–2021 гг. Авторы предлагают новый подход к исследованию трудовых биографий, в основе которого – понятие трудоспособности. В нем выделяются три основных биографических этапа: трудовой поиск, трудовая устойчивость и трудовое дожитие. В их основе – логика выстраивания рабочими собственного профессионального пути, поэтому они не имеют четких возрастных или временных границ. Каждому этапу соответствуют характерные черты трудового поведения рабочих. В статье проводится взаимосвязь между спецификой этих трудовых этапов и проблемами рынка труда. Внимание заостряется на том, что трудоспособность (в виде здоровья, профессионального опыта и знаний) не является тем ресурсом, которым дорожат как работодатели, так и сами рабочие, в результате чего трудовой поиск и устойчивость могут довольно быстро смениться этапом трудового дожития.

Ключевые слова: рынок труда • рабочий класс • рабочая профессия • трудовая биография

DOI: 10.31857/S0132162524080035

Введение. Трудовые биографии рабочих в советское время являлись особой дискурсивной темой, разворачивающейся вокруг героев-первостроителей и передовиков производства. В постсоветское время ученые не раз обращались к их изучению, выстраивая из исторических образов рабочих множественные типологии, перечисляя приемы их репрезентаций в кино, плакатах и художественной литературе. Биографии же рабочих-современников отошли на второй план, уступив место дискуссиям о проблемах рынка труда и сложностях привлечения в соответствующие профессии молодежи. В рабочих виделся тот слой, который сохранил традиционные биографические паттерны, восходящие даже не к советскому периоду, а еще к дореволюционным временам. Например, отходничество, известное сегодня как «вахтовый метод» было широко распространено уже в XIX в. Между тем рабочие не остаются внутренне однородной общностью. Все больший вес приобретает так называемый новый рабочий класс, занятый на высокотехнологичных производствах [Андреева, Лукьянова, 2018]. Отдельно выделяется прекариат, не имеющий гарантированной занятости. За другими альтернативными формами занятости социологи тоже готовы видеть самостоятельные социальные группы. Интерес к таким группам обычно связан с наступлением экономических кризисов. Поэтому часто биографии рабочих анализируются не сами по себе, а в свете адаптации к потере работы, ухудшению материального положения и т.п. Рабочие профессии используются в качестве примера гибкости трудового поведения россиян, их готовности переходить из одной сферы деятельности в другую и соглашаться на разные условия трудоустройства. При этом

считается достаточным зафиксировать сам факт перехода без рассказа о том, что за ним последовало в дальнейшем.

Целью настоящей статьи является разработка нового подхода к изучению трудовых биографий в основе которого – понятие трудоспособности. Оно рассматривается через различные составляющие трудового поведения рабочих, например, квалификацию, трудовую мотивацию, профессиональную репутацию и т.д. Предлагаемый подход позволит не просто выделить основные вехи рабочей биографии, но и концептуально детализировать их.

Теоретический контекст исследования. В исследовании трудовых биографий особое внимание уделяется выделению этапов профессионального пути, изучению представлений о них в зависимости от отраслей, типов организаций, структуры коллективов и тому подобных факторов. Этапы подчеркивают как индивидуальные, так и институциональные возможности социальной мобильности. Они фиксируют смену трудового поведения, в том числе практик использования накопленного человеческого капитала с учетом текущей социально-экономической ситуации. Методологическая трудность заключается в том, что к рабочим сложно применить наработки, полученные на примере изучения карьер. В начале 2000-х гг. российские социологи обращались к рассмотрению потребностей карьерного роста среди рабочих [Макарова, 2007], но затем эта тема ушла из актуальной повестки, уступив место обсуждению мотивации труда на производстве. Тогда за основу анализа брались длительность стажа по рабочей профессии и ориентация на ее сохранение. Специальный стаж является важным критерием для характеристики трудовых этапов. Но исключительный фокус на нем приводит к неполному описанию пути рабочих, деля его на два крупных периода: до прихода в соответствующую профессию и саму работу по ней. Современные концепции «гибкого рынка труда» с их новыми практиками занятости и правилами карьерного роста тоже мало помогают в нахождении специфики биографий рабочих, заставляя ограничиваться констатацией того, что их профессиональные истории становятся все более прерывистыми и фрагментарными. Распространенным остается подход, согласно которому карьера, а вслед за ней и вся жизненная история, развивается от своей начальной точки к профессиональному признанию, проходя через этап наибольшей продуктивности [Попова, 2018].

Результаты исследований свидетельствуют, что для рабочих малодоступными оказываются не только вертикальные, но и горизонтальные карьеры. На многих предприятиях перестала использоваться разрядная система. Формально она существует, но каждого повышения разряда нужно ждать годами, если не десятилетиями, до момента, когда освободится необходимая позиция [Лукьянова, 2020]. Утверждается, что наиболее стабильные кадры формируются из рабочих низкой и средней квалификации, не настроенных на профессиональное обучение и продвижение [Константиновский и др., 2013]. Среди респондентов встречается много тех, кто считает рабочую профессию временной, выбранной под давлением неблагоприятных экономических условий. Этнографические проекты, проведенные в российской провинции, рисуют пессимистическую картину [Димке, Корюхина, 2013; Morris, 2015]. Упадок градообразующих заводов лишает рабочих каких-либо долгосрочных целей, заставляя концентрироваться на повседневных делах. В рассказанных ими историях самостоятельными этапами становятся периоды трудового бездействия в виде административных отпусков и простоев. Вместе с тем замечается, что рабочие не слишком проблематизируют свое положение в обществе. Нисходящая мобильность для них не несет травмирующих последствий. А восходящая мобильность кажется оправданной тогда, когда ведет к достижению более комфортной жизни [Тартаковская, 2017]. В таких исследованиях за биографический выбор принимается стремление рабочих выйти за рамки классового воспроизводства, преодоления свойственных им статусных и культурных идентичностей.

Открытым остается вопрос о том, как складываются трудовые биографии в рамках непосредственно рабочих профессий. Под трудовой биографией в статье понимается «цепь... перемещений по рабочим местам, видам занятости или трудовой деятельности,

профессиональным сферам, для изучения которых определяющим является исследование мотивационной составляющей» [Игнатова, 2016: 65]. Предлагается попытка взглянуть на профессиональный путь глазами самих рабочих, проследить их логику обозначения трудовых этапов. Одновременно с этим важной задачей является отход от стереотипного взгляда на мотивацию труда рабочих в виде приоритета заработной платы. На самом деле финансовые аспекты по-особому увязываются с прочими трудовыми ценностями на разных этапах профессионального пути. Рост и спад доходов служат важными маркерами привлекательности рабочего места, но не всегда знаменуют переходы от одного этапа к другому. Развитость в России вторичного рынка, позволяющего компенсировать недополученную заработную плату по основному месту работы, заставляет искать иные мотивирующие факторы для выделения трудовых этапов. Статья обращает внимание на такую значимую составляющую жизни рабочих, как их трудоспособность, включающую состояние здоровья, профессиональный опыт и знания. Развернутые с этой точки зрения трудовые биографии дают объяснение многим из обсуждаемых сегодня проблем рынка труда.

Методология исследования. В статье описываются результаты проекта «Стратегии поведения рабочих на рынке труда в сложных эпидемиологических условиях». В его основе – качественное панельное исследование биографий 75 рабочих промышленных предприятий Ульяновской области, проходившее с октября 2020 г. по ноябрь 2021 г. Были проведены три волны глубинных интервью. Выборка строилась на принципах максимальной вариации и охватила 42 рабочих профессии. Информантами стали как квалифицированные, так и неквалифицированные рабочие из разных отраслей: авиационной, автомобильной, горнодобывающей, мебельной, металлургической, печатной промышленности, а также строительства. В группу квалифицированных рабочих, согласно «Общероссийскому классификатору занятий», вошло 30 участников. Еще 30 человек представляли операторов, сборщиков и водителей. 15 информантов занимались неквалифицированными видами труда. Кроме того, критериями отбора служили пол, возраст и местожительство участников. Исследование прошло не только в Ульяновске, но и других городах области. Информанты были заняты как на малых и средних, так и на крупных предприятиях. На малых предприятиях работали 18 человек, на средних – 25 человек и на крупных – 32 человека. 20 информантов были трудоустроены неформально. Образовательный уровень участников также был различный: от тех, кто окончил 9 классов, до тех, кто имеет вузовские дипломы. Для большинства приход в рабочие профессии был обдуманным решением, и лишь для немногих он стал вынужденным шагом, вызванным сложностями с поиском иных видов заработка.

Возраст участников колебался от 18 до 65 лет. Большинство (35 человек) представляли среднее поколение рабочих от 35 до 50 лет; 21 и 19 информантов составили соответственно младшую (до 35 лет) и старшую (старше 50 лет) группы. С самого начала возраст не служил определяющим критерием для анализа трудовых биографий. С одной стороны, многие рабочие профессии, особенно связанные с вредными условиями труда, имеют возрастные ограничения принятия на работу. На предприятиях для таких профессий нередко устанавливают еще более жесткие рамки, чем предусмотрено законом. Для этих профессий трудовая биография получается короткой и доступной только молодежи. С другой стороны, специальный стаж, назначаемый для досрочного выхода на пенсию по ряду рабочих профессий, делает плавающими верхние возрастные границы. Среди информантов были те, кто стали пенсионерами до 50 лет. Сам период работы ради получения специального стажа мог выделяться участниками в качестве самостоятельного трудового периода. Между тем в России постепенно сокращается перечень рабочих профессий, по которым положены пенсионные льготы. В выборке оказались те, кто рассчитывал на досрочную пенсию, устраниваясь на соответствующие производственные позиции. Столкнувшись с отменой специального стажа, они оставались на прежней работе и не относились к ней как какому-то особому этапу. Статья фокусируется преимущественно на мужских трудовых биографиях. В исследовании приняли участие 56 мужчин

и 19 женщин. Трудовые биографии женщин имели известную специфику, хотя для некоторых участниц она не была ярко выражена.

Выбранный дизайн исследования позволил подробно узнать о трудовых биографиях информантов, начиная от их подростковых заработков. Первая серия интервью стартовала в Ульяновской области на пике безработицы, вызванной пандемией. Планировалось проследить, как складывалась жизнь участников в зависимости от разных экономических кризисов, взяв их за основу построения трудовых биографий. Но оказалось, что с этой точки зрения можно анализировать лишь девяностые годы. В жизни старшего поколения рабочих было несколько лет, потраченных на адаптацию к новым тогда экономическим условиям. Последующие кризисы были мало замечены информантами. В интервью задавались вопросы, касающиеся предыдущих мест работы и освоенных профессий. Как оказалось, всего четверо участников ни разу не меняли места работы. Хотя рабочие и держатся за предприятия, но не видят в увольнении окончания того или иного трудового этапа. Текучесть в этой группе является скорее нормой. За тот год, пока длилась полевая часть проекта, 29 информантов поменяли место работы. Большинство участников трудились на предприятиях, расположенных в промышленных зонах. По их рассказам выходило, что одно и то же здание могли арендовать одновременно несколько предприятий. Процесс поиска новой работы часто завершался обходом соседних этажей, чтением развешенных там объявлений о найме. Из-за этого у информантов не возникало ощущения, что они действительно ушли на какое-то новое место. К этому надо добавить сезонный характер некоторых производств, на которых были заняты рабочие. Привычной для них стратегией было уходить в начале сезона на тот завод, где, по их сведениям, ожидалось больше заказов, а затем вновь возвращаться на прежнее место работы.

Уже первые интервью показали, что в основу анализа трудовых биографий рабочих не получится взять легко формализуемые признаки, вроде общего или специального стажа. Даже квалификационные разряды, которые должны были отражать профессиональные достижения, были малоинформативными. 31 участник исследования не имел разрядов, несмотря на то, что они занимали позиции квалифицированных рабочих. 16 информантов были обладателями низших разрядов, а 28 человек – средних и высших разрядов. Это привело к необходимости расширить гайд вопросами, касавшимися изменения стратегий занятости, выбора между официальным и неофициальным трудоустройством. Информантов спрашивали о периодах, когда их заработки были максимальны и минимальны, а также об истории подработок и совмещений. В ходе интервью также выяснялись субъективные оценки достигнутого мастерства и профессиональной репутации, их значимости для работодателей, с которыми информанты имели дело. Еще одну тему предложили сами рабочие. Для них актуальной оказалась проблема сохранения трудоспособности, прежде всего, физических сил и здоровья. Они не боялись COVID-19, но подчеркивали риски других заболеваний в качестве основного фактора смены работы.

В основу представленной в таблице типологии трудовых этапов легли одновременно несколько критериев, взаимно дополняющих друг друга. Исходя из них были выделены три трудовых этапа: трудовой поиск, трудовая устойчивость и трудовое дожитие. Целью трудового поиска служит подбор типа занятости и условий труда, подходящих собственным физическим возможностям, складу личности и зарплатным ожиданиям, а также способности к освоению новых профессиональных знаний. Этап трудовой устойчивости характеризуется достижением баланса между разными видами занятости, домашним трудом и родственно-дружескими услугами, позволяющего справляться с высокими физическими нагрузками и обеспечивающего желаемое качество жизни. Этап трудового дожития направлен на сохранение рабочего места, адаптацию трудового процесса под текущее состояние здоровья и физические возможности. Указанные трудовые этапы не имеют четких возрастных границ. У кого-то этап трудового поиска занимал всего один-два года, у кого-то растягивался на пять – семь лет. Аналогично этап трудового дожития мог внезапно начаться до 35 лет или быть отложен до официального выхода на пенсию, например, при наличии

Таблица

Критерии выделения основных этапов

Трудоспособность	Трудовой поиск	Трудовая устойчивость	Трудовое дожитие
	высокая	средняя	низкая
Стратегия	Активный поиск основной занятости	Активный поиск вторичной занятости	Сохранение основной занятости
Мотивация	Высокая	Низкая	Низкая
Квалификация	Не важна	Мультипрофессиональные навыки	Важна – для работника, Не важна – для работодателя
Профессиональная репутация	Низкая	Средняя – основная занятость Средняя – вторичная занятость	Высокая
Доход	Колеблющийся	Высокий	Колеблющийся

специального стажа. Среди информантов на стадии трудового поиска находились 14 человек, трудовой устойчивости – 35 человек и трудового дожития – 26 человек.

Трудовой поиск. Большинство информантов, получив профессиональное образование, слабо представляли собственные возможности в начале трудового пути. Только пятеро из них нашли работу согласно той специальности, на которую учились в профессиональных училищах и техникумах. Остальные, независимо от возраста, в первые годы перепробовали различные профессии. Например, один из участников к 26 годам успел поработать по 11 специальностям: сборщика мебели, дорожного рабочего, водителя легкового автомобиля, водителя погрузчика, тракториста, охранника, строителя, разнорабочего, электрика, монтажника натяжных потолков и штукатура. Неустойчивость профессиональных ориентаций свойственна не только сегодняшним молодым рабочим. Рабочие других возрастных групп тоже стартовали с частой смены занятий. Так, для 34-летнего газосварщика текущая профессия стала по счету восьмой. По ней он работает уже десять лет, но до этого трудился охранником, водителем легкового автомобиля, оператором плазменной резки, оператором установок пескоструйной очистки, стропальщиком, автослесарем и сварщиком ручной сварки. В советское время такой вариант трудового дебюта тоже был распространен. 62-летний слесарь-ремонтник вспоминал, что, прежде чем связать жизнь со сборкой самолетов, он работал пастухом, трактористом, каменщиком, разнорабочим, стропальщиком, токарем, герметизаторщиком. Рабочие придерживались того мнения, что *«пока не попробуешь своими руками – не поймешь, что тебе подходит»* (59 лет, токарь).

Смыслом этапа трудового поиска является вовсе не выбор профессии, а подбор подходящих условий с точки зрения содержания труда, его интенсивности, комфортности рабочего места, предлагаемого графика и т.п. Опытным путем определяется способность провести рабочий день на свежем воздухе, в холодном/жарком помещении, цеху с повышенным уровнем шума, химически вредным производством, строгим распорядком дня и режимом контроля, не говоря уже о сменных и плавающих графиках, работе в ночное время и по выходным дням. Свою роль играет психологическая готовность заниматься той или иной работой. Один из информантов, перебирая разные виды занятий – грузчика, бетонщика, пильщика, оператора котельной, станочника, – в молодые годы попал на мясокомбинат, где понял, что его нервная система не выдержит *«по сто голов в день убивать»* (40 лет, слесарь МСР). Сам выбор рабочей профессии на данном этапе чаще всего бывает не целенаправленным шагом, а результатом исключения из многих опробованных вариантов. Торговля не подходит, потому что нет желания обманывать людей. Работа

в офисе – «на стуле, целый день пялиться в компьютер» – тоже не кажется привлекательной (34 года, водитель). Предпринимательство не потянуть, потому что, помимо того, чтобы изготовить продукцию, надо «понимать чего, куда и кому продать» (34 года, сварщик). Несколько информантов пытались когда-то реализовать свои бизнес-идеи, но потерпели неудачу. По существу, реальной альтернативой рабочим профессиям для участников исследования выступала работа в охране или в полиции. Некоторые из них успели послужить в правоохранительных органах после армии, но быстро ушли оттуда.

Существенной чертой этапа трудового поиска является сверхмобильность. Рабочие не считают частые переходы в начале трудового пути с предприятия на предприятие, из отрасли в отрасль бесполезным разбрасыванием сил и тратой времени, полагая, что порой нескольких дней достаточно, чтобы понять, пойдет у них работа или нет. Проверке подлежит тип занятости, сравниваются плюсы и минусы как официального, так и неформального трудоустройства, работа на крупном заводе или на малом предприятии, а также вахтовым методом. Серьезной проблемой является снижение значимости профессионального мастерства у нынешних молодых рабочих. Квалификация не рассматривается ими в качестве ценного ресурса. Информанты рассказывали, как «въехали» в профессию за очень короткий срок и не нуждались впоследствии в повышении мастерства. Работодатели тоже предъявляют к новичкам самые невзыскательные требования. По наблюдениям участников, на рабочие позиции сейчас примут любого соискателя, лишь бы он был «непьющий, незагульный, и чтобы у него с руками все было в порядке» (28 лет, слесарь-сантехник). Везением считается, если начинающего рабочего зачислят в ученики и назначат ему наставника.

Многие информанты говорили о том, что они не держались за рабочее место в самом начале трудового пути. Поводом уволиться могло стать не только недовольство заработной платой или условиями труда, но импульсивное желание смены трудовой обстановки: «Меня что-то клинуло, так достало, и я сказал – все, я уйду» (26 лет, электрик). Новизна трудовых впечатлений является важным мотивом на этапе трудового поиска. Рабочие, даже рассказывая о том, как после окончания учебы или демобилизации из армии, нуждались в деньгах, на первое место все же ставили любопытство. Как правило, тогда у них не возникало ситуаций безальтернативного выбора. Среди всех наличных вариантов они останавливались на тех, которые было «прикольно попробовать». Один из участников, 48-летний слесарь МСР, комментируя множество освоенных сразу после армии профессий, считал их смену признаком молодости: «Романтики, что ли, не хватало. Тепло-техником надоело – пошел водителем. Водителем надоело – шлифовщиком на заводе два года поработал». Информанты признавались, что в их жизни рано или поздно наступал момент, когда любая, на первый взгляд, интересная профессия приедалась: «Производство и есть производство, а работа и есть работа» (32 года, сборщик-клеящик). Типичность трудовых ситуаций, в которых оказывались рабочие, а также рутинность сопровождающих эти ситуации производственных отношений – запускает процесс формирования отчуждения от результатов собственного труда. Но на этапе трудового поиска отчуждение выражается не в потере мотивации к работе как таковой, а в отказе от выстраивания индивидуальных трудовых стратегий и поиска профессионального призвания.

Трудовая устойчивость. Для данного этапа принципиальным является соответствие основной занятости всему образу жизни рабочих, насыщенному физическим трудом. Большинство участников, помимо основной занятости, активно прибегали к подработкам из-за нехватки заработной платы по основному месту работы. У некоторых общая продолжительность рабочей недели доходила до 60–65 часов. К этой нагрузке необходимо еще добавив усилия, которые вкладываются в обустройство домашнего хозяйства и приусадебных участков. Бани, гаражи и даже дома возводятся собственными стараниями. «Дом-работа-шабашка-дача» – вот тот график жизни, в зависимость от которого ставятся стратегии занятости рабочих, проживающих рассматриваемый этап. Само собой разумеющейся является помощь родственникам и друзьям в виде взаимных трудовых услуг. Такая помощь

настолько включена в повседневную жизнь, что порой она даже не упоминалась информантами. В этом плане типичным оказалось интервью с 44-летним станочником. Он ухитрялся совмещать работу на заводе со строительством бани на даче и помощью родственникам. У тех из фирмы одновременно уволилось несколько монтажников пластиковых окон. Сам информант никогда не занимался подобной работой, но согласился ее выполнять в свой «отсыпной» день, поскольку *«родне надо помогать, когда зовут»*.

Трудовая устойчивость означает не столько наличие постоянного места работы, сколько поддержание трудового равновесия. Находящимся на этом трудовом этапе рабочим удалось найти баланс между различными видами занятости, который позволяет справляться с высокими физическими нагрузками. Неслучайно один участник исследования сказал, что вся его жизнь *«проходит в труде и надо правильно сорганизоваться, чтобы не выдохнуться раньше финиша»* (46 лет, слесарь). У многих информантов не было никаких переключений, в виде свободного времени, между разными видами физического труда. Даже встречи с друзьями у них нередко перетекают в формат совместных подработок. Некоторые участники посвящали отпуск тому, чтобы дополнительно заработать. Рабочие стремятся на данном этапе закрепиться в тех нишах рынка труда, которые им позволяют сохранить найденный баланс, даже если для этого им надо соглашаться на неформальную занятость. Четкость повседневного трудового графика является важным условием сохранения баланса. *«Мы два дня в первую смену халтурим монтажниками, во вторую – работаем. Два дня, потом уже как лимон выжатый, на третий день уже ничего не надо. Ждешь, когда опять первые смены, потому что в ночь после второй смены еще четыре часа работать – это на износ просто»* (40 лет, сварщик).

Этап трудовой устойчивости резко контрастирует с этапом трудового поиска. Его отличает инертность установок и полный отказ от достижительной мотивации. Информанты исходят из принципа реактивного реагирования: *«Пока петух не клюнет, рыпаться не надо»* (31 год, осмотрщик). Устойчивость достигается ими не столько за счет каких-либо активных действий, сколько является следствием воспроизводства трудовых практик в их неизменном виде. Участники говорили о том, что на их профессиональном пути наступал такой момент, когда они понимали, что им больше не нравится переходить с места на место и искать что-то новое. Одни объясняли это тем, что их стала пугать неизвестность, другие полагали, что их зарплатные возможности уже предзаданы: *«Выше головы не прыгнешь и заработаешь ровно столько, сколько тебе дадут заработать»* (40 лет, водитель погрузчика). В случае поиска новой работы (основной или дополнительной) рабочие смотрят, насколько она похожа на то, чем они занимаются сейчас. Распространенной стратегией является попеременная смена первичной и вторичной занятости, сохраняющая когда-то найденное равновесие. На этом этапе осторожность трудовых решений ценится выше всевозможных экспериментов, даже если те обещают быструю материальную отдачу. Проверенным должно быть буквально все – будущее место работы, тот человек, который это место рекомендовал, сегмент рынка (круг клиентов), который обслуживает предприятие и т.п. Если на этапе трудового поиска новая работа могла находиться за несколько дней, то на этапе трудовой устойчивости этот процесс занимал месяцы. Много времени тратилось на обсуждение с друзьями и членами семьи каждого найденного варианта. Замеченная осторожность рабочих при принятии трудовых решений выступает своего рода защитной реакцией на факторы экономического принуждения. Заранее проверенные условия работы создают иллюзию отстаивания права на выбор образа жизни и сопротивления давлению рынка труда.

Проблемой этого этапа является нарастающее снижение трудоспособности рабочих. В интервью информанты отмечали, что предприятие не ценит своих работников: *«По большому счету мы как расходный материал»* (34 года, слесарь МСР). Сами они тоже мало заботились о своем здоровье. Большинство гордились тем, что редко уходят на больничные и даже с травмами продолжают работать. По мнению информантов, у них нет другого способа обеспечить себе достойный уровень жизни (заработать на жилье, образование детей,

автомобиль), кроме напряженной работы. Трудовая устойчивость здесь достигается, в том числе, за счет полной самоотдачи имеющихся человеческих ресурсов. Жалобы на то, что *«сердечко стало часто зажимать»*, для них не служат поводом пересмотреть свою занятость, например, в виде официальной работы люковым на горно-обогатительном комбинате и неофициальных подработок охранником. *«Я двое суток в охране, двое на своей. Такое не каждый выдержит»* (39 лет, люковой). Участники полагали, что трудовая устойчивость возможна до тех пор, пока им будут позволять физические силы. Инертность установок сочетается у рабочих с общим фаталистическим настроением на жизнь, верой в предопределенность любых изменений. Некоторые даже в 30 лет полагали, что *«с Богом не поспоришь»* и *«судьба их как сложилась, так и сложилась»* (31 год, пружинщик).

Трудовое дожитие. В собранных интервью редко встречался плавный переход от второго этапа к третьему. Как правило, последний наступал внезапно, либо после перенесенного тяжелого заболевания, либо после серьезной производственной травмы. Он мог начаться и в 40 лет. Например, один из информантов в ответ на вопрос о том, что хорошего случилось за последнее время, ответил: *«Достижение года – не сдох»* (41 год, столяр). Показательно, что треть информантов до 40 лет жаловались на то, что по состоянию здоровья им придется менять работу в ближайшие несколько лет. Практически все участники старше 50 лет имели либо инвалидность, либо профзаболевание, не позволяющее им трудиться по прежним профессиям. С возрастом трудовые биографии рабочих превращались в хронологию полученных травм и проявившихся болезней. Как образно выразился один из участников: *«Есть время разбрасывать камни, есть время собирать их. Я сейчас собираю. Это болячки, это возрастные изменения»* (62 года, слесарь-сантехник). Трудовое дожитие для многих выливалось в работу не до достижения пенсии, а до того срока, до какого им хватит физических и психических сил.

Начало этого этапа у рабочих связано с переходом на относительно более легкий и, соответственно, менее оплачиваемый труд. На крупных заводах подобные переходы происходят вслед ежегодным медицинским комиссиям, признающим работников профнепригодными. На малых и средних предприятиях тоже находятся позиции, подходящие для трудового дожития. Конкуренция за эти позиции подчас оказывается даже более острой, чем за места на основном производстве. Рабочие одной небольшой компании по выпуску металлоконструкций в шутку называли ее «домом престарелых», поясняя, что к ним приходят те, кто уже не в состоянии выдержать заводских нагрузок. Здесь они могут договориться о более щадящем графике работы – *«три дня поработал, три дня потом полечился и снова вышел на работу»* (59 лет, токарь), трудоустройстве себе в ученики молодого родственника и т.п. Им разрешается за счет смекалки и мастерства отступать от технологии, применять для облечения труда разные приспособления собственного изготовления, делать частые перерывы. Так, один из участников, страдающий заболеванием коленей, сконструировал специальное сидение, позволявшее ему, полусидя, работать за станком.

Репертуар трудового дожития состоит из разнообразных стратегий удержания на рабочем месте, в том числе за счет выражения лояльности приказам начальства и согласия на дискриминирующие условия со стороны работодателей. Не единожды говорилось о практиках «чехления», когда выписываемая работнику премия должна отдаваться бригадире или мастеру. Трудовое дожитие нередко сопряжено с неформальной занятостью и полным игнорированием каких-либо трудовых прав данной категории работников. Работодатели с неохотой отпускают их на больничные, ставят в такие жесткие рамки, что несколько информантам пришлось отказаться от рекомендованных им операций: *«В больнице расписали лечение на месяц, а потом сказали, что пошлют на операцию... Мастер разорался, на все про все дал две недели или больше держать не буду. От операции я отказался. Сказал ему: "Выйду, только успокойся"»* (56 лет, слесарь-ремонтник). Информанты говорили о том, что сегодня большим везением является признание наличия профзаболевания, получение официальной инвалидности или выход в положенный срок

на льготную пенсию. Остро также стоит вопрос постоянно идущего пересмотра групп вредности и соответствующего им «горячего стажа».

Репутационные достижения и высокий уровень профессионального мастерства, по словам рабочих, лишь помогают сохранить место, но не слишком ценятся начальством. Даже на крупных, оставшихся с советских времен заводах ушли в прошлое традиции чествования ветеранов и передовиков производства. В качестве своего рода мифов передаются истории о таких первоклассных мастерах своего дела, за которыми руководство посылает машины. Участники мало верят в подобные истории. У них в коллективах атмосфера неблагоприятная: *«С начальством очень нервно, все на крике»* (60 лет, слесарь МСР). Терпение и мучение – вот два основных рецепта удачного трудового дожития, которые давали рабочие. На их взгляд, полезным качеством в трудовом дожитии является «толстокожесть» или эмоциональная ригидность, позволяющая увереннее себя чувствовать в условиях частой смены руководства предприятий. Рабочие, достигшие этапа трудового дожития, полагают, что их высокие профессиональные разряды свидетельствуют о том, что они уже достигли предела своего мастерства. Они не видят для себя перспектив развития и скептически относятся к программам обучения предпенсионеров. Интересно, что кризисы, сказавшиеся на экономике страны (2008–2009, 2014–2016, 2020–2022 гг.), мало отразились на трудовых биографиях старшего поколения рабочих. Исключением стал кризис начала 90-х гг., когда в связи с закрытием почти всех крупных ульяновских предприятий, им пришлось пробовать себя в мелком предпринимательстве. Этот опыт заставил их увериться в том, что рабочий труд, пусть даже в форме «шабашек», – основа выживания в любой кризисной ситуации.

Форма и период трудового дожития определяется не только состоянием здоровья, но сложной конфигурацией из личностных установок, потребности в работе (быть занятым, включенным), а также экономического положения остальных родственников. Для некоторых участников отказ от статуса кормильца семьи оказывается настолько болезненным, что они продолжают работать, несмотря на то, что каждая смена дается им физически тяжело: *«Пока я смогу, я буду работать, потому что мне стыдно, если придет у меня внук, а я буду только пенсию получать и жить только на кусок хлеба»* (62 года, слесарь-ремонтник). В сложной жизненной ситуации оказываются те, кто попадает под сокращение на этом этапе. Не в состоянии отказаться от роли главного добытчика, они порой соглашались на физически тяжелые виды работ, вроде грузчика, которые им сложно выполнять ввиду возраста и имеющихся заболеваний. Такой вариант трудового дожития может окончиться трагично и привести к преждевременной смерти. У рабочих нет больших накоплений на «черный» день. Они живут от зарплаты до зарплаты. На вопрос о том, сколько они смогут продержаться без постоянных заработков, вступившие в этап трудового дожития информанты называли самые непродолжительные, по сравнению с остальными, сроки. Они отводили себе один-два месяца на то, чтобы *«не в недостатке, без лишних денег – только на продукты и таблетки»* продержаться без работы (58 лет, оператор). Использованное самими информантами в интервью определение «дожитие» точно подчеркивает пассивный характер трудовых установок пожилых рабочих. У них не находится сил сопротивляться явным и неявным формам эксплуатации на своих предприятиях. Профсоюзы и трудовые инспекции не воспринимаются как способные защитить их трудовые права. Экономическая и правовая незащищенность могут вытолкнуть даже самых высококвалифицированных возрастных рабочих на арьергардные позиции на рынке труда (дворников, сортировщиков и т.п.).

Заключение. Проведенное исследование показало сложность и нелинейность трудовых биографий рабочих, в том числе тех, чей трудовой дебют пришелся еще на советские годы. Несмотря на поколенческие различия информанты сходным образом конструируют свое прошлое и высказываются о будущем. Это позволило выделить три ключевых этапа их трудовых биографий: поиска, устойчивости и дожития. Каждый из этапов, помимо рассмотренных специфических характеристик, несет проблемы, находящие отражение

на рынке труда. Думается, что предложенный подход имеет широкую аналитическую перспективу. Он позволяет проследить особенности трудовых стратегий в зависимости от квалификации рабочих, уровня их образования, отраслевой принадлежности предприятий на каждом из этапов, уловить саму сложность построения трудовых биографий рабочих и их воспроизводство в разных поколениях.

Этап трудового поиска сопряжен с частой сменой работы и во многом обуславливает высокую текучесть пришедших на промышленные предприятия молодых рабочих. Практически все наши рабочие получили профессиональное образование, но оно не дало им четких ориентаций не только по поводу подходящей им профессии, но и в целом сферы деятельности. Для многих действенным институтом трудовой социализации стала армия. Там они приобрели навыки, позволяющие позже устраиваться охранниками, водителями, автомеханиками и строителями. Проблема заключается в том, что на этапе трудового поиска рабочие оставляют крупные заводы в качестве запасного (крайнего) варианта, предпочитая сначала попробовать себя в более рискованных нишах. Для них даже предложение официального оформления не является принципиальным условием для трудоустройства.

Этап трудовой устойчивости, с одной стороны, видится нам преодолением негативных сторон трудового поиска. Рабочие останавливают выбор если не на какой-то одной профессии, то, по крайней мере, на одной отрасли или типе производства. Они заинтересованы в официальном приеме на работу как части своей разносторонней стратегии занятости. Трудовое равновесие достигается за счет нахождения баланса между разными видами заработка, а также домашнего труда. Данный баланс в меньшей степени зависит от состояния рынка труда, рабочие уверены, что смогут найти себе применение и в кризисные времена. Устойчивость определяется факторами индивидуальной трудоспособности. При этом ни сами рабочие, ни их работодатели не предпринимают целенаправленных усилий для ее сохранения. Рабочие не ставят перед собой профессиональных целей и не готовы настойчиво бороться за свои трудовые права, считая значимость достигнутого равновесия выше других ценностей. Они объективно смотрят на дальнейшие перспективы и считают этап трудовой устойчивости тем периодом, когда необходимо максимальное физическое выложиться, чтобы обеспечить желаемое качество жизни.

Главная трудность этапа трудового дожития заключается в непредсказуемости его начала. У рабочих он может наступить рано и быть связанным с профессиональным заболеванием. На данном этапе крупные заводы, а также небольшие семейные компании оказываются тем сегментом рынка труда, где информанты стремятся закончить профессиональный путь. Они не надеются на трудовые гарантии, но рассчитывают на непопулярность этих рабочих мест среди молодежи. Предприятия держатся за таких сотрудников не как за высококлассных мастеров, а как за ту немногочисленную рабочую силу, которая согласна на дискриминационные условия труда. Трудовое дожитие состоит из разнообразных практик сохранения рабочего места, но переподготовка и освоение новой профессии не входит в их число. Неформальная занятость на данном этапе также распространена, как и в случае трудового поиска. Иногда она является единственным способом устроиться на работу. Но рабочие, имеющие льготные пенсии или пенсии по инвалидности, часто целенаправленно ищут подобные места в стремлении не терять возможности их индексации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреева Ю.В., Лукьянова Е.Л. Рабочий класс в России: поиск новых векторов дифференциации // Социологические исследования. 2018. № 10. С. 54–65.
- Димке Д., Карюхина И. Поселок городского типа: временные ритмы деурбанизированного сообщества // Социология власти. 2013. № 3(2013). С. 73–93.
- Игнатов С.Н. Трудовая биография как объект исследования // Социологический журнал. 2016. Т. 22. № 4. С. 60–73.

- Константиновский Д.Л., Вознесенская Е.Д., Чередниченко Г.А. Рабочая молодежь сегодня: образование, профессия, социальное самочувствие // Социологическая наука и социальная практики. 2013. № 2. С. 21–38.
- Лукьянова Е.Л. Роль профессиональных компетенций в трудовых стратегиях работников // Трудовые ценности молодежи инновационного региона. Ульяновск: УлГУ, 2020. С. 9–42.
- Макарова М.Н. Стратегии воспроизводства рабочих как отражение их трудовых и образовательных ориентаций // Социологические исследования. 2007. № 8. С. 58–65.
- Попова И.П. Этапы профессиональной карьеры и биографии ученых: перспективы исследования // (Авто)биография как объект социологического анализа. Мат. X чт. памяти В.Б. Голофаста / Под ред. О.Б. Божкова. СПб.: Норма, 2018. С. 171–180.
- Тартаковская И.Н. Карьера рабочего как биографический выбор // Социальная мобильность в России: поколенческий аспект / Отв. ред. В.В. Семёнова, М.Ф. Черныш, А.В. Ваньке. М.: ИС РАН, 2017. С. 119–137.
- Morris J. Notes on the "Worthless Dowry" of Soviet Industrial Modernity: Making Working-Class Russia Habitable // *Laboratorium*. 2015. No. 7(3). P. 25–48.

Статья поступила: 10.06.24. Финальная версия: 16.07.24. Принята к публикации: 12.08.24.

LABOR BIOGRAPHIES OF RUSSIAN WORKERS: FROM SEARCH TO SURVIVAL

ANDREEVA Yu.V.*, LUKYANOVA E.L.*

* Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russia

Yuliya V. ANDREEVA, Cand. Sci. (Ps.), Assoc. Prof. (yulia.andre@gmail.com); Evgeniya L. LUKYANOVA, Lecturer (lukyanova.jenya@gmail.com). Both – Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russia

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR, project 20-04-60221.

Abstract. The article aims to study labor biography of industrial workers. It is based on the materials of in-depth interviews conducted in the Ulyanovsk region in 2020–2021. The authors propose a new approach to the study of labor biographies, taking the concept of work capacity. They distinguish three main stages: labor search, labor balance and labor survival. This division is based on the logic of workers building their own professional path, therefore, considering stages do not have certain age or time limits. The authors give main characteristic of the worker's behavior for each of this stage. The purpose of labor search is to choose such type of employment or working conditions that would suit the physical capabilities, personality and salary expectations of the worker, as well as their ability to learn new professional skills. The stage of labor balance is characterized by achieving a balance between different types of employment that allows workers to cope with high physical exertion and provide the desired standard of living. The stage of labor survival is aimed at preserving the workplace, adapting the labor process to the current state of health and reduced physical capabilities. The authors emphasize that the work capacity (in the form of health, professional experience and knowledge) is not the resources that are valued by both employers and workers. As a consequence, the stages of labor search and balance can quite quickly be replaced by the stage of labor survival.

Keywords: labor market, working class, working professions, labor biography.

REFERENCES

- Andreeva Ju.V., Lukyanova E.L. (2018) Working Class in Search of New Dimensions of Differentiation. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 54–65. (In Russ.)
- Dimke D., Koryuhina I. (2013) Urban Settlement: Temporary Rhythms of a Deurbanized Community. *Sociologiya vlasti* [Sociology of Power]. No. 3: 73–93. (In Russ.)
- Ignatova S.N. (2016) Work History as a Subject of Research. *Sociologicheskii zhurnal* [Russian Sociological Journal]. Vol. 22. No. 4: 60–73. (In Russ.)
- Konstantinovskii E.D., Voznesenskaya G.A., Cherednichenko (2013) Young Workers Today: Education, Profession, Social Health. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika* [Social Science and Social Practice]. No. 2: 21–38. (In Russ.)
- Lukyanova E. (2020) The Role of Professional Skills in the Labor Strategies of Employees. In: *Labor Values of the Youth in the Innovative Region*. Ulyanovsk: UIGU: 9–42. (In Russ.)

- Makarova M.N. (2007) Workers' Production Strategies as a Reflection of Their Labor and Educational Orientations. *Sotsiologicheskie issledovanie* [Sociological Studies]. No. 8: 58–65. (In Russ.)
- Morris J. (2015) Notes on the "Worthless Dowry" of Soviet Industrial Modernity: Making Working-Class Russia Habitable. *Laboratorium*. No. 7(3): 25–48.
- Popova I.P. (2018) Stages of Professional Career and Biographies of Scientists: Research Prospects. In: (*Auto*) *biography as an Object of Sociological Analysis*. Mat. of the X readings in memory of V.B. Golofast. Ed. by O.B. Bozhko. Ed. St. Petersburg: Norma: 171–180. (In Russ.)
- Tartakovskaya I.N. (2017) Working-Class Career as Choice Biography. In: *Social mobility in Russia: Generational aspect*. Ed. by V.V. Semenova, M.F. Chernish, A.V. Vanke. Moscow: IS RAN: 119–137. (In Russ.)

Received: 10.06.24. Final version: 16.07.24. Accepted: 12.08.24.

© 2024 г.

К.С. МОКИН

ЭВОЛЮЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ МИГРАЦИИ: ОТ СССР К СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

МОКИН Константин Сергеевич – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (mokin_konstantin@list.ru).

Аннотация. В статье отражен процесс эволюционирования исследовательских подходов изучения миграции от 70-х годов XX в. до настоящего времени. Показана возрастающая роль социологии в изучении миграционных процессов. Применение социологических методов в середине 1970-х гг. значительно расширило исследовательскую проблематику анализа миграций. В результате анализа миграционного поведения были определены причины миграций, миграционные установки. Показан процесс транзита методологий исследований миграций в современной России от нормативно-экономических и статистических подходов в СССР к современным кросс-методологическим подходам, признанным международными стандартами исследований. Рассматривается процесс институционализации основных научных групп – подразделений Институты РАН, неправительственных аналитических центров, государственных исследовательских и экспертных организаций. Особое внимание уделяется формам и инструментам объединения исследователей в научные дискуссионные площадки в виде научных журналов, которые, по сути, являются ключевым элементом, скрепляющим научное сообщество.

Ключевые слова: миграция • демография • методы исследования миграционных процессов • социологические исследования • научные публикации

DOI: 10.31857/S0132162524080047

Введение. Системные исследования миграции в СССР начали проводить в конце 60-х – начале 70-х гг. Первыми этой проблемой начали заниматься экономисты, экономгеографы. Именно тогда был заложен фундамент для обоснования принципов территориальной организации населения, описания критериев оседлости и мобильности.

С конца 70-х годов для исследований миграции начинают привлекаться социологические подходы, построенные в основном на количественных методах сбора и обработки информации. В этот же период формируются первые научные институты, нацеленные на комплексное изучение миграционных процессов как по всему СССР в целом, так и в республиках страны.

Распад СССР привел к появлению новых трендов. В этот период акцент сместился на исследования вынужденных беженцев, репатриантов из стран СНГ и Балтии. В это же время после открытия границ возникла возможность плотного общения с зарубежными коллегами, обмена опытом и знаниями в сфере изучения миграции. Появились новые для уже российских исследователей качественные социологические методы, позволяющие дать содержательную оценку мотивам, стратегиям перемещения населения.

Одним из ключевых факторов, определивших современные миграционные процессы в России, начиная с 2000-х гг., стал фактор возрастающего спроса на труд при стабильно высоком уровне депопуляции населения и его старения.

Неблагоприятная демографическая ситуация в сочетании с экономическим подъемом создали условия для лавинообразного потока трудовой миграции в Россию из стран СНГ, которая в настоящее время стала самой мощной миграционной волной и основным фокусом исследований миграционных процессов и формирования миграционной политики России. Основным донором трудовых мигрантов остается Средняя Азия.

Соответственно, сместился и основной фокус исследований. Их доминирующими направлениями стали изучение проблем адаптации мигрантов, мигрантофобии, этнокультурной интолерантности, нелегальной миграции, а также вопросы национальной безопасности [Мукомель, 2005а].

В современной России миграция стала одним из ключевых факторов, определяющих развитие страны как в экономической сфере, так и в области социально-демографической стабильности [Зайончковская, 2013].

Онтология исследований миграции в России. В первое послевоенное десятилетие значимые научные исследования демографических и, соответственно, миграционных процессов в СССР отсутствовали. Лишь в середине 1950-х гг. под влиянием социально-экономических трансформаций СССР началось возрождение демографических исследований переселений. Этот период оказался знаковым для последующего развития экономической географии. В это время проводились глобальные стройки, которые впоследствии сформировали облик многих регионов страны. Особое внимание в указанный период уделялось экономическому и территориальному районированию с учетом типов географических ландшафтов с точки зрения их хозяйственного использования. В частности, в экономической географии было предложено применять математические методы и системный подход [Саушкин, 1973]. Был разработан экономико-географический подход к изучению сельского хозяйства, включая экономический анализ природных условий, методы сельскохозяйственного районирования, классификации систем земледелия и форм организации территории. Также были обоснованы подходы к историко-географическому и картографическому анализу размещения сельского хозяйства [Ракитников, 2003].

В этот период одним из ключевых факторов, определяющих облик страны, стала возрастающая урбанизация, которая поступательно изменяла территориально-демографическую структуру населения. В частности, сформировалось районное направление в экономической географии и была создана научная отрасль географии городов [Баранский, 1980].

В начале 60-х гг. появились первые научные работы, посвященные вопросам численности и пропорциональности состава населения СССР [Максимов, 1961; Вылцан, 1967], в которых впервые актуализировалась значимость организованной (на тот момент, в рамках государства) миграции населения.

В 1957 г. создан Институт экономики и организации промышленного производства в Сибирском отделении АН СССР. Особо можно выделить работы В. Переведенцева, опубликованные в 1960-е гг. Совместно с Ж. Зайончковской были разработаны и научно обоснованы показатели приживаемости новоселов [Зайончковская, Переведенцев, 1964, 1966].

Вслед за работами В. Переведенцева в конце 1960-х гг. вышла монография Л. Рыбаковского «Проблемы формирования народонаселения Дальнего Востока» [Рыбаковский, 1969]. В ней впервые было обосновано понятие генезисной (генетической) структуры населения территории как структуры населения по происхождению (рождению) и (или) по продолжительности проживания. Подчеркивалось, что миграционная привлекательность отдельных территорий, имеющих высокие показатели результативности миграции, делает генезисную структуру существенно более разнообразной.

Важно отметить, что в этот период исследования миграции проводились исключительно на основе нормативно-статистических подходов и базировались на материалах первой послевоенной Переписи населения СССР 1959 г., которая проходила одновременно в городах и сельской местности, а также на основе данных МВД СССР.

В 1969 г. были разработаны стандартизованные по двум основаниям (относительно населения районов выхода и вселения) коэффициенты интенсивности межрайонных связей (КИМСы), которые заложили основу изучения внутривосточной миграции. В 1970–1980-е гг. были изданы общие научно-методологические исследования, затрагивающие проблемы народонаселения, ставшие основой развития демографической науки и исследований миграции в рамках СССР [Урланис, 1974; Слесарев, 1978; Вишневский, 1982; Переведенцев, 1985].

В этот же период была дана классификация демографических процессов и описаны способы их изучения, проведены исследования по оценке эффективности и достоверности статистического учета [Матлин, 1975; Хомра, 1979;]. В частности, А. Вишневский, рассматривая специфические демографические черты и закономерности, справедливо отмечает, что это открывает путь к пониманию реально наблюдаемых изменений и тенденций, при этом подчеркивая значимость миграционных перемещений населения, а не только процесс естественного воспроизводства [Вишневский, 1982].

Особо необходимо выделить работу коллектива под руководством Т. Заславской, который, используя системный подход и социологические методы, изучал миграцию населения Сибири по типу «село – город» [Методология..., 1980]. Применение социологических методов значительно расширило исследовательскую проблематику. Анализируя миграционное поведение, ученые определили причины миграций, миграционные установки [Заславская, 1969; Методологические..., 1974]. Здесь, по сути, впервые в СССР использовались социологические подходы к пониманию, описанию и анализу миграционных процессов, ускоряющейся урбанизации и связанным с этим тенденциям.

Именно в работах Т. Заславской впервые было аргументированно доказано, что в основе миграционного поведения населения лежат не только факторы объективного, прежде всего экономического, характера (такие как развитие производства, наличие рабочих мест, относительно высокий уровень дохода), но и субъективного, формирующегося в зависимости от стереотипов и установок, движущих отдельным индивидом. От этого зависит уровень потребностей и их трансформация, желание их удовлетворять или определенный консерватизм по отношению даже к позитивным переменам, связанным с изменением места жительства, с влиянием общественной психологии на поведение индивида под воздействием идеологических и пропагандистских установок [Заславская, 2007].

Практически параллельно с этим, во второй половине 1960-х гг., формировалась научная школа в Центре по изучению проблем народонаселения МГУ им. М.В. Ломоносова. Областью ее научных интересов являлась миграционная подвижность и изучение перемещения населения, в основном в контексте проблем урбанизации. Работа Центра связана с трудами Б. Хорева, В. Чапека, С. Польского, С. Смидовича, А. Гришановой, В. Ионцева [Хорев, Лармин, 1974; Хорев, Чапик, 1978].

Впоследствии в середине 1970-х гг. был сформирован еще один научный центр – Центр демографии Института социологических исследований АН СССР. Его сотрудники провели ряд крупных внутривосточных теоретико-методологических исследований. По мнению Л. Рыбаковского, работу центра можно разделить на три направления: региональный анализ миграций; теория трехстадийности миграционного процесса; теория миграционного поведения. Принципиальные положения концепции Л. Рыбаковского сводятся к разделению методологических понятий, таких как готовность к миграции (мобильность) и, собственно, переселение (реализация готовности). С этими понятиями связано привнесение в миграционную проблематику социологических знаний, в частности представлений о планируемом и реальном поведении, потенциальной миграции и миграционной подвижности. Была предложена классификация населения в зависимости

от признаков, обуславливающих миграционную подвижность и интенсивность миграции населения той или иной местности.

В дальнейшем исследования межрегиональной миграции в СССР касались не только выявления территориальных особенностей, но и их типологизации [Макарова, Морозова, Тарасова, 1986]. Особое значение имел выход в 1985 г. энциклопедического словаря «Народонаселение», в котором был представлен комплекс научных знаний о народонаселении, введен понятийный аппарат демографической науки, в том числе касающийся миграции [Народонаселение..., 1985].

В середине 1980-х г. Л. Рыбаковским было дано расширенное определение миграционной политики. Автор акцентировал внимание на взаимосвязи миграционной политики с социальной, демографической и экономической, разработал структуру миграционной политики, выделив ее цели и задачи [Рыбаковский, 1987]. Были выработаны понятия миграции в узком и широком смысле, которые до сих пор являются основными элементами анализа миграционных процессов. В узком смысле миграция – это законченный вид территориального перемещения, завершающийся сменой постоянного места жительства (переселение). В широком – любое территориальное перемещение, совершающееся между разными населенными пунктами одной или нескольких территориальных единиц, независимо от продолжительности, регулярности и целевой направленности.

Отдельный этап в развитии миграционных исследований приходится на период после распада СССР. Именно в это время наблюдается резкий подъем интереса к проблематике миграции и де-факто связанной с ней этничности. Так, с начала 1990-х годов происходит резкий рост научных публикаций по миграционной проблематике, которые отражали кардинальные социальные и политические изменения, произошедшие после краха Советского Союза. Распад государства, экономический кризис, связанный с переходом к новым рыночным условиям, повлекли за собой смещение исследовательских интересов – от изучения сельско-городской и маятниковой миграции к вынужденной, репатриационной, этнической, к освещению новых тенденций демографических процессов и миграционной политики в современной России.

По сути, в этот период начинается фундаментальная разработка теоретико-методологических подходов к изучению миграционных процессов, пополнение методологического арсенала в научных коллаборациях с ведущими исследовательскими центрами Европы и США. Проводятся исследования по проблемам приживаемости новоселов в городах, вопросам миграционной подвижности населения, осуществляется региональный и международный анализ миграций, изучается воздействие миграции на политические и этнические процессы, проводится оценка значения этнических факторов в определении характера и интенсивности миграции населения и т.д.

Методологический транзит исследований миграций в современной России. В начале 2000-х гг. в России вышли первые статьи и обобщающие труды по проблемам миграции как в стране в целом, так и в ее отдельных регионах [Зайончковская, 2000; Россия..., 2005; Мукомель, 2005b].

Характерной особенностью, сохранившейся до настоящего времени, является междисциплинарный подход в изучении миграционных процессов. Прослеживается связь с политологией, этнологией, антропологией, социологией, демографией, экономикой. При этом сохраняются различия в предметной области исследований миграции, единицах анализа и теоретико-концептуальных подходах [Мокин, Барышная, 2015].

До распада СССР ведущим методом исследований миграционных процессов являлась организация экономико-статистического наблюдения и учета. Одним из основных, универсальных и наиболее точных, с точки зрения полноты и достоверности, считался текущий учет миграции, сопровождающий процедуру регистрации населения по месту прописки, а также переписи населения, в опросных листах которой содержались вопросы, относящиеся к территориальной подвижности населения. И в настоящее время, в зависимости от постановки вопроса в переписном листе, можно оценить миграционные

потоки в комбинации с различными демографическими характеристиками, между отдельными регионами, по продолжительности проживания в месте прохождения переписи¹.

С появлением возможности научных коллабораций отечественных ученых с западными коллегами произошли существенные изменения в использовании методологий исследования миграционных процессов.

Здесь необходимо отметить существенный вклад коллектива Ж. Зайончковской. Возглавляемая ею Лаборатория анализа и прогноза миграции населения Института народнохозяйственного прогнозирования РАН своей работой создала основу для фундаментального анализа миграционных процессов в СССР и на постсоветском пространстве [Методология..., 2007; Постсоветские..., 2009]. Коллектив с 1997 г. осуществлял исследования, в том числе по оценке миграционного потенциала русскоязычного населения в республиках бывшего СССР, по адаптации вынужденных мигрантов на территории Российской Федерации, по проблемам, связанным с влиянием миграции на рынок труда в новых социально-экономических условиях. Одним из главных направлений исследований стала трудовая миграция. По итогам этих проектов была выпущена серия публикаций, отражающих всю глубину и значимость анализа миграционных процессов для построения стратегии будущего развития страны как в демографическом, так и в социально-экономическом плане. В сущности, в этих работах впервые для широкой научной общественности России были озвучены западные кросс-методологические подходы к исследованиям миграции. Необходимость изучения ближайших и долговременных последствий влияния миграций на характер и содержание социальных процессов в принимающих сообществах потребовала разработки и обоснования методологической триангуляции, построенной на комбинации социально-демографического, экономического, статистического, политологического и социологического методов исследования. Более систематизированный анализ используемых подходов отражен в работе В. Ионцева [Ионцев, 1999].

Для описания и оценки социальных последствий современных миграционных процессов все чаще стали использоваться методология, теория и инструментальные возможности социологической науки.

Социологический подход был взят на вооружение российскими исследователями благодаря существующим значительным наработкам западных коллег, выполненным в основном в объединительных парадигмах, где социальная реальность анализируется сквозь призму единства объективного и субъективного, структурного и динамического, общественного и личностно-индивидуального (работы П. Сорокина, П. Бурдьё, П. Уоллиса, П. Штомпки, Э. Гидденса и др.).

Социологические исследования современных миграционных процессов включают в себя несколько научных направлений. К первому типу относится позитивистский подход, который связан со стремлением вскрыть объективные закономерности миграций с целью оценки их социальных последствий и определения эффективности управленческих мер. Этот подход опирается на классические экономические теории, предполагающие рациональность принятия решений и воплощение миграционных стратегий индивидом, исходя из его потребностей, целей, ценностей и убеждений. В качестве важнейшего мотива миграционного поведения позитивисты рассматривают заинтересованность индивида или семьи в улучшении своего положения, и, прежде всего, в повышении дохода [Todaro, 1980].

Следующим подходом является бихевиоризм, где в качестве предмета исследования выступает поведение индивидов, изменяющееся под влиянием среды. Данный подход активно используется при изучении практик адаптации инокультурных мигрантов в принимающие сообщества, описании и анализе процессов [ре]конструирования социальных границ между мигрантскими сообществами и местным населением. Наиболее полно этот

¹ Итоги ВПН-2020. Т. 6. Миграция населения. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom6_Migraciya_naseleniya (дата обращения: 25.06.2024).

подход представлен в российских исследованиях по адаптации инокультурных мигрантов в крупных городах [Трубина, 2021].

Методология структурного функционализма ориентирована на исследование социальных факторов, определяющих миграционные процессы в их системно-функциональном единстве (Т. Парсонс). В рамках этой концепции миграционные процессы описываются в контексте неравномерного развития капитализма и необходимости рассмотрения миграции как системы, в рамках которой все части мира связаны разнонаправленными человеческими потоками.

Отдельным направлением, активно развивающимся в настоящее время в России, стал этносоциологический подход (К. Дэвис, Ю. Арутюнян, Л. Дробизева, В. Мукомель и др.). В нем актуализируется необходимость не просто учета количества тех или иных мигрантов и их «стандартных» личностных характеристик, таких как возраст, гендерная принадлежность, декларируемые цели и установки, но и необходимость учитывать их этнокультурные предпочтения, анализировать их взаимодействие с принимающим населением, а также связи с референтными сообществами, на нормы и ценности которых они ориентируются (земляческие, этнокультурные и т.д.) [Социология..., 2023].

Еще одним активно развивающимся социологическим подходом является анализ миграционной системы связей (сетей) или теория «миграционной цепи». К сетевой теории имеет прямое отношение широко известная на Западе и в нашей стране концепция социального капитала. Ее суть заключается в следующем утверждении: люди, которые связаны с нынешними или прошлыми мигрантами, имеют доступ к специфическому социальному капиталу, который значительно увеличивает вероятность того, что они сами станут мигрантами. В русле этого подхода все чаще проводятся современные миграционные и этносоциологические исследования, как в России, так и в бывших странах СНГ, включая исследования в области диаспорологии, анализа миграционных трафиков, способов первичной инклюзии мигрантов и их последующей адаптации в принимающем обществе через систему земляческих и диаспорных связей [Адаптация..., 2022].

Таким образом, методологическое и методическое обеспечение исследований миграционных процессов в современной России вполне соответствует мировым стандартам [Международная ..., 2021]. У исследователей уже есть накопленный опыт проведения как региональных, внутрироссийских, так и международных исследований. Созданы профессиональные сообщества, научные коллаборации, выстроены профессиональные сети, созданы научные институты по исследованиям миграции [Миграция..., 2019].

Институционализация современных исследований миграции в России. Следующим логическим этапом развития исследований миграции в современной России стал процесс институционализации основных научных групп, интересы которых в целом совпадали. Однако существовали и существуют различия в методологиях обследований, географическом охвате, и, как правило, в конечных целях исследований. Одни направлены на сугубо прикладные задачи, ориентированные на удовлетворение утилитарных потребностей органов власти «здесь и сейчас», на решение вопросов адаптации мигрантов, урегулирования связанной с миграцией межэтнической напряженности. Другие – на глубокое, фундаментальное понимание процессов трансформации общества, при котором миграция как фактор становится все более значимой. В современной России миграционные процессы начали не только видоизменять популяционные характеристики регионов, но и предопределять изменение форм и скорости этнодемографических трансформаций.

Особенностью современного этапа исследования миграционных процессов в России стало то, что больше внимания уделяется вопросам адаптации мигрантов к принимающей социальной среде; условиям приспособления; факторам, определяющим ход, продолжительность и успешность адаптации; проблемам толерантности и конфликтности в контексте взаимодействия этнических мигрантов с принимающим населением [Юдина, 2006].

Сформировалось условное деление научных институций, чья деятельность направлена на изучение миграционных процессов, в частности на научно-исследовательские

отделения РАН, неправительственные аналитические центры и государственные исследовательские и экспертные организации.

В рамках проводимых отделениями РАН миграционных исследований и изучения происходящих этнокультурных трансформаций осуществляется концептуальная разработка новых теоретических подходов к пониманию сущности миграции, разрабатываются новые интерпретации трансформирующейся под влиянием миграционных процессов этнокультурной идентичности, в частности, на основе ее конструктивистского и инструменталистского понимания; проводятся междисциплинарные исследования.

Ведущим центром изучения межэтнических отношений является Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, действующий с 1933 г. Наряду с обширными этнологическими и антропологическими изысканиями ИЭА РАН проводит мониторинг межэтнических отношений и конфликтов на российской территории в сочетании с исследованиями современных миграционных тенденций [Тишков, Степанов, 2004].

Не меньшее значение в изучении межэтнических отношений с одновременным мониторингом тенденций иноэтничной миграции имеет Центр исследования межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН, созданный под руководством доктора исторических наук, профессора Л.М. Дробижевой. Главным дисциплинарным направлением работы Центра, функционирующего с 2005 г., является этносоциология с акцентом на межгрупповой и межличностный уровни изучения межэтнических отношений. При этом особое внимание уделяется процессам формирования социальных (этнических) границ в современном обществе между иноэтничными миграционными сообществами и принимающим населением.

В 1988 году в стенах АН СССР был создан Центр демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, который стал институциональной основой создания в 2007 г. Института демографии НИУ ВШЭ (ИДЕМ) – Института демографии им. Вишневого. Его сотрудники ориентированы на фундаментальные научные разработки, совершенствование методологии исследований. Сотрудники ИДЕМ – авторы статей в энциклопедиях и энциклопедических словарях, обобщающих научных докладов о социально-демографическом положении России, подготовленных по заказу правительственных учреждений РФ, различных подразделений ООН (Программы развития ООН, Фонда народонаселения ООН, ЮНЕСКО, ВОЗ, Всемирного банка) и других международных организаций². Одним из вкладов ИДЕМ в развитие исследований в области демографии и миграции является регулярная публикация актуальных материалов в аффилированном с Институтом журнале «Демографическое обозрение»³.

Ко второму типу научных организаций могут быть отнесены неправительственные исследовательские центры, функционирующие в России с 1990-х гг. Они осуществляют мониторинг миграционных тенденций и межэтнической ситуации в стране, используя весь спектр методологической триангуляции, организуют научные и публичные дискуссии.

В качестве примера научной организации, относимой к типу неправительственных аналитических центров, можно назвать Независимый исследовательский Совет по миграции стран СНГ и Балтии, осуществлявший свою деятельность в 1997–2000 гг. и в дальнейшем реорганизованный в Центр миграционных исследований (ЦМИ), который ориентирован на статистико-демографические исследования миграции. Основными направлениями деятельности Центра являются организация и проведение исследований в области миграции, а также научных дискуссий по актуальным миграционным проблемам⁴.

Не менее важным является вклад Центра этнополитических и региональных исследований (ЦЭПРИ), который изначально был ориентирован на изучение миграционных,

² Институт демографии им. Вишневого. URL: https://www.hse.ru/org/hse/sci/demo/miss_nayka (дата обращения: 25.06.2024).

³ «Демографическое обозрение». URL: <https://demreview.hse.ru/> (дата обращения: 25.06.2024).

⁴ Центр миграционных исследований. URL: <https://migrocenter.ru> (дата обращения: 25.06.2024).

этнополитических и этнодемографических процессов в условиях трансформации современного российского общества⁵.

Нужно также отметить вклад в исследования миграции Центра независимых социологических исследований (ЦНСИ) в г. С.-Петербург. К основным направлениям, разрабатываемым Центром, относятся: миграции, этничность и национализм; границы и приграничные сообщества и т.д. Центр провел значительную работу по изучению адаптации и интеграции инокультурных мигрантов. Сотрудничество с Институтом социологии РАН позволило провести ряд значимых исследовательских и образовательных проектов. На базе ЦНСИ в 2009 г. сформирован автономный издательский проект «Laboratorium. Журнал социальных исследований»⁶, в котором публикуются актуальные исследования трансформации постсоветского пространства.

К тому же типу научных институций относится и Международная Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN), созданная под эгидой ИЭА РАН и использующая в своей научной деятельности модели анализа, разработанные в УВКБ ООН [Тишков, Степанов, 2024]. Значительная часть ее работы ориентирована на анализ процессов миграции, адаптации и последующей интеграции инокультурных мигрантов в принимающее российское общество [Миграция..., 2015–2016].

К третьему типу институций можно отнести государственные исследовательские и экспертные организации, которые в последнее время активно формируются при поддержке Правительства РФ и региональных органов власти с привлечением экспертного и научного сообщества с целью проведения общественных слушаний, научных семинаров по государственно-значимым проблемам и выработки рекомендаций. Наиболее ярким примером может являться Лаборатория экономики народонаселения и демографии экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Подобные центры исследований миграционных процессов существуют практически во всех крупных вузах России, где есть гуманитарные и управленческие направления подготовки. Результаты их исследований фактически формируют современный фон изучения миграции во всех спектрах – от теоретико-методологических разработок до полевых исследований с использованием методов социально-культурной антропологии и социологии.

Одним из примеров может являться группа исследований миграции и этничности в рамках Центра региональных исследований и урбанистики на базе Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС), работа которой ориентирована на изучение вопросов адаптации и возможной последующей интеграции инокультурных мигрантов из стран Средней Азии и Закавказья, а также реакции принимающего российского общества на рост этнокультурного разнообразия под влиянием миграции⁷.

Основной проблемой взаимодействия всех этих институций является методологическая разрозненность и, соответственно, несводимость полученных результатов к единому знаменателю. Для фундаментальной науки проводимые аналитическими центрами частные исследования (как правило, региональные) являются лишь отдельными кейсами.

Отсутствие адекватной статистики перемещений людей в силу закрытости данных миграционного учета МВД, пограничной службы ФСБ о реальной численности прибывших/убывших и их перемещения, нерегулярность массовых опросов как мигрантов, так и местных жителей территорий приема и отчасти «рыхлость» исследовательского инструментария приводит к серьезному искажению всей картины миграционных процессов в стране.

⁵ Центр этнополитических и региональных исследований. URL: <https://indem.ru/ceprs/Sphera.htm> (дата обращения: 25.06.2024).

⁶ «Laboratorium. Журнал социальных исследований». URL: <https://www.soclabo.org/index.php/laboratorium/about> (дата обращения: 25.06.2024).

⁷ «Группа исследований миграции и этничности». URL: <http://mer-center.ru/> (дата обращения: 25.06.2024).

В этих условиях важнейшим фактором объединения становятся научные дискуссионные площадки в виде академических журналов, которые, по сути, являются цементом, скрепляющим научное сообщество.

Сегодня в России, по данным РИНЦ, индексируется 16 социологических журналов, которые за все время своего существования опубликовали более 22 тыс. статей, причем свыше 9 тыс. – по тематике миграции. Среди них «Мир России. Социология. Этнология», «Социологический журнал», «Социологическое обозрение», «Журнал социологии и социальной антропологии». «Экономическая социология», «Демографический журнал», «Демографическое обозрение», «Мониторинг общественного мнения» и др. При этом издается еще более 40 научных изданий, аффилированных с ведущими вузами России, которые публикуют результаты эмпирических исследований миграции, проводимых в локальных (региональных) сообществах.

Основанный в 1974 г. журнал «Социологические исследования» с более чем семью тысячами публикаций имеет среди социологических журналов особый статус. Число публикаций в СоцИсе, посвященных миграции, за последние тридцать лет увеличилось в разы: в период с 1990 по 1999 г. – всего 10 публикаций, с 2000 по 2012 – 39, а в период 2013 по 2023 г. – уже 105 статей.

Можно с уверенностью сказать, что журнал «Социологические исследования» является одним из ведущих научных изданий, публикация в котором дает возможность выстроить современную научную коммуникацию между российскими и зарубежными учеными, наладить каналы для дискуссий в области наиболее значимых социальных проблем.

Как основной вывод можно отметить следующее. Развитие инструментов анализа миграционных процессов в России, способов сбора информации, расширение числа исследователей, занимающихся миграционной проблематикой, и их объединений позволяет говорить об успешном формировании российской научной школы исследования миграций. Наличие разветвленной сети исследовательских институций, публичных дискуссионных площадок, авторитетных научных журналов, дает возможность прогнозировать будущее позитивное развитие изучения миграционных процессов в России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адаптация и интеграция мигрантов в России: вызовы, реалии, индикаторы. М.: ФНИСЦ РАН, 2022.
- Баранский Н.Н. Избранные труды. Становление советской экономической географии. М.: Мысль, 1980.
- Вишневский А.Г. Воспроизводство населения и общество: история, современность, взгляд в будущее. М.: Фин. и стат., 1982.
- Вылцан М.А. Численность и состав сельского населения СССР за 50 лет // История СССР. 1967. № 6. С. 43–58.
- Зайончковская Ж.А. Вводная статья. Миграция в современной России // Миграция в России 2000–2012. Хрестоматия в 3-х т. Т. 1 Ч. 1. НП РСМД / Под общ. ред. И.С. Иванова; отв. ред. Ж.А. Зайончковская. М.: Спецкнига, 2013. С. 16–33.
- Зайончковская Ж.А. Миграция населения СССР и России в XX в.: эволюция сквозь катаклизмы // Проблемы прогнозирования. 2000. № 4. С. 3–15.
- Зайончковская Ж.А., Переведенцев В.И. Миграция населения и трудовые проблемы Сибири. Новосибирск: Наука, СО АН ССР, 1966.
- Зайончковская Ж.А., Переведенцев В.И. Современная миграция населения Красноярского края. Новосибирск: СО АН СССР, 1964.
- Заславская Т.И. Избранные произведения. Т. 1. Социальная экономика и экономическая социология. М.: Экономика, 2007.
- Заславская Т.И. Миграция сельского населения: цели, задачи и методы регулирования. Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1969.
- Ионцев В.А. Классификация основных теоретических подходов в изучении миграции населения // Международная миграция населения: теория и история изучения. Сер.: Международная миграция населения: Россия и современный мир. Вып.3. М., 1999. С. 86–177.

- Макарова Л.В., Морозова Г.Ф., Тарасова Н.В. Региональные особенности миграционных процессов в СССР. М.: Наука, 1986.
- Максимов Г.М. Движение и состав населения СССР // История СССР. 1961. № 1. С. 28–48.
- Матлин И.С. Моделирование размещения населения. М.: Наука, 1975.
- Международная организация по миграции (МОМ). Исследование мобильности рабочей силы в миграционном коридоре Центральная Азия – Российская Федерация. Консолидированный отчет 2021. URL: <https://russia.iom.int/ru/resources/issledovanie-mobilnosti-rabochey-sily-v-migracionnom-koridore-centralnaya-aziya-rossiyskaya-federaciya-konsolidirovanny-otchet-2021> (дата обращения: 25.04.2004).
- Методологические проблемы социологического исследования мобильности трудовых ресурсов / Отв. ред. Т.И. Заславская, Р.В. Рывкина Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1974.
- Методология и методика системного изучения деревни / Отв. ред. Т.И. Заславская, Р.В. Рывкина. Новосибирск: Наука, 1980.
- Методология и методы изучения миграционных процессов: междисциплинарный учебный курс / Под ред. Ж.А. Зайончковской, И.Н. Молодиковой, В.И. Мукомеля. М.: Адамант; ЦМИ, 2007.
- Миграция и межнациональные отношения: ресурс государственно-общественного партнерства в России / Ред. В.А. Тишков, В.В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2019.
- Миграция и мигранты в России и мире: опыт социально-антропологических и этнографических исследований / Ред. В.В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2015–2016.
- Мокин, К.С., Барышная Н.А. Миграция как процесс формирования этнополитической структуры региона // Вестник Поволжского ин-та управления. 2015. № 2(47). С. 24–30.
- Мукомель В.И. Грани интолерантности (мигрантофобии, этнофобии) // Социологические исследования. 2005а. № 2(250). С. 56–65.
- Мукомель В.И. Миграционная политика России: Постсоветские контексты. М.: Диполь-Т, 2005б.
- Народонаселение: энциклопедический словарь / Ред. А.П. Горкин. М.: БРЭ, 1985.
- Переведенцев В.И. Методы изучения миграции населения. М.: Наука, 1985.
- Постсоветские трансформации: отражение в миграциях / Под ред. Ж.А. Зайончковской, Г.С. Витковской. М.: Адамант, 2009.
- Ракитников А.Н. Избранные труды. Смоленск.: Ойкумена, 2003.
- Россия в XX веке: территория – расселение – миграции / Под ред. О. Глезер, П.М. Поляна. М.: ОГИ, 2005.
- Рыбаковский Л.Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. М.: Наука, 1987.
- Рыбаковский Л.Л. Проблемы формирования народонаселения Дальнего Востока. Хабаровск: Хабаровский КНИИ СО АН СССР, 1969.
- Саушкин Ю.Г. Экономическая география: история, теория, методы, практика. М.: Мысль, 1973.
- Слесарев Г.А. Демографические процессы и социальная структура социалистического общества. М.: Наука, 1978.
- Современные проблемы миграции / Сост. М.А. Ускова. М.: ИСИ АН СССР, 1985.
- Сонин М.Я. Воспроизводство рабочей силы в СССР и баланс труда. М.: Госпланиздат, 1959.
- Социология межэтнической толерантности / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: ИС РАН, 2003.
- Тишков В.А., Степанов В.В. Измерение конфликта. Методика и результаты этноконфессионального мониторинга Сети EAWARN в 2003 году. М., ИЭА РАН, 2004.
- Трубина Е.Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. М.: НЛО, 2011.
- Урланис Б. Проблемы динамики населения СССР. М.: Наука, 1974.
- Хакимов Р.Ш. Эксплуатация энтузиазма: советский опыт (1918–1991) // Вестник Челябинского госуниверситета. 2016. № 2(384). С. 182–185.
- Хомра А.У. Миграция населения: вопросы теории и методики исследования. Киев: Наук. думка, 1979.
- Хорев Б.С., Ларин О.В. Миграционная подвижность населения СССР. М.: Статистика, 1974.
- Хорев Б.С., Чапек В.Н. Проблемы изучения миграции населения. М.: Мысль, 1978.
- Юдина Т.Н. Социология миграции: учеб. пособие для вузов. М.: Академ. проект, 2006.
- Todaro M. Internal migration in developing countries: a survey // Population and economic change in developing countries / Ed.R. Easterlin. Chicago: University of Chicago Press, 1980. P. 361–402.

Статья поступила: 02.05.24. Финальная версия: 22.07.24. Принята к публикации: 12.08.24.

EVOLUTION OF MIGRATION RESEARCH: FROM THE USSR TO MODERN RUSSIA

MOKIN K.S.

*Institute of Sociology of FSTAS RAS, Russia**Konstantin S. MOKIN, Dr. Sci. (Sociol.), Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (mokin_konstantin@list.ru)*

Abstract. The article reflects the process of evolution of research approaches to the study of migration from the 1950s to the present. The increasing role of sociological approaches in the study of migration processes is shown. The application of sociological methods in the mid-1970s significantly expanded the research problems of migration analysis. As a result of this analysis of migration behavior, the reasons for migration and migration attitudes were identified. The process of transit of migration research methodologies in modern Russia from normative-economic and statistical approaches in the USSR to modern cross-methodological approaches recognized by international research standards is shown. The paper considers the process of institutionalization of the main research groups – subdivisions of the Institutes of the Russian Academy of Sciences, non-governmental analytical/research centers, state research and expert organizations. It is noted that the main feature of the current stage of research on migration processes in Russia is a greater emphasis on sociological approaches to the study of migration. Special attention is paid to the forms and tools of uniting researchers in scientific discussion platforms in the form of scientific journals, which are in fact the key element that binds the scientific community together.

Keywords: migration, demography, migration research methods, sociological research, scientific publications.

REFERENCES

- Adaptation and integration of migrants in Russia: challenges, realities, indicators.* (2022) Ed. by V.I. Mukomel, K.S. Grigorieva. Moscow: FNISC RAN. (In Russ.)
- Baransky N.N. (1980) *Selected works. The formation of Soviet economic geography.* Moscow: Mysl. (In Russ.)
- Homra A.U. (1979) *Population migration: issues of theory and research methodology.* Kiev: Nauk. dumka. (In Russ.)
- Iontsev V.A. (1999) Classification of the main theoretical approaches in the study of population migration. In: *International Population Migration: Theory and History of Study.* Series: International Migration of Population: Russia and the Modern World. Moscow. Vol. 3: 86–177. (In Russ.)
- Khakimov R. Sh. (2016) Exploitation of enthusiasm: the Soviet experience (1918–1991). *Vestnik Chelyabinskogo gosun-ta [Bulletin of Chelyabinsk State University]*. No. 2(384): 182–185. (In Russ.)
- Khorev B.S., Larmin O.V. (1974) *Migration mobility of the population of the USSR.* Moscow: Statistika. (In Russ.)
- Khorev B.S., Chapek V.N. (1978) *Problems of studying population migration.* Moscow: Mysl. (In Russ.)
- Makarova L.V., Morozova G.F., Tarasova N.V. (1986) *Regional peculiarities of migration processes in the USSR.* Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Matlin I.S. (1975) *Modeling of population distribution.* Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Maximov G.M. (1961) Movement and composition of the population of the USSR. *Istoriya SSSR [History of the USSR]*. No. 1: 28–48. (In Russ.)
- Methodology and methodology of systematic study of the village.* (1980) Ed. by T.I. Zaslavskaya, R.V. Ryvkina. Novosibirsk: Nauka. (In Russ.)
- Methodology and methods of studying migration processes: an interdisciplinary textbook.* (2007) Ed. by J.A. Zayonchkovskaya, I.N. Molodikova, V.I. Mukomel. Moscow: Adamant; CMI. (In Russ.)
- Methodological Problems of the Sociological Study of Mobility of Labor Resources.* (1974) Ed. by T.I. Zaslavskaya, R.V. Ryvkina. Novosibirsk: Nauka, SO AN SSSR. (In Russ.)
- Migration and interethnic relations: a resource of state-public partnership in Russia.* (2019) Ed. by V.A. Tishkov, V.V. Stepanov. Moscow: IEA RAN. (In Russ.)
- Migration and migrants in Russia and the world: the experience of socio-anthropological and ethnographic research.* (2015–2016). Ed. by V.V. Stepanov. Moscow: IEA RAS. (In Russ.)
- Modern problems of migration.* (1985). Comp. by M.A. Uskova. Moscow: ISI AN SSSR. (In Russ.)

- Mokin K.S., Baryshnaya N.A. (2015) Migration as a process of regional ethno-political structure formation. *Vestnik Povolzhskogo in-ta upravleniya* [Bulletin of the Volga Region Institute of Administration]. No. 2(47): 24–30. (In Russ.)
- Mukomel V.I. (2005a) Facets of intolerance (Migrantphobias, ethnophobias). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 56–66. (In Russ.)
- Mukomel V.I. (2005b) *Migration policy of Russia: Post-Soviet contexts*. Moscow: Dipol-T. (In Russ.)
- Perevedentsev V.I. (1985) *Methods of studying population migration*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Population: encyclopedic dictionary*. (1985). Ed. by A.P. Gorkin. Moscow: BRE. (In Russ.)
- Post-Soviet Transformations: Reflections in Migrations*. (2009). Ed. by J.A. Zaionchkovskaya, G.S. Vitkovskaya. Moscow: Adamant. (In Russ.)
- Rakitnikov A.N. (2003) *Selected works*. Smolensk.: Oikumena. (In Russ.)
- Russia in the XX century: territory – settlement – migration*. (2005). Ed. by O. Glaser, P.M. Polyana. Moscow: OGI. (In Russ.)
- Rybakovskiy L.L. (1969) *Problems of the formation of the population of the Far East*. Khabarovsk: Khabarovsk KNI SO AN SSSR. (In Russ.)
- Rybakovskiy L.L. (1987) *Population Migration: Forecasts, Factors, Policy*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Saushkin Yu.G. (1973) *Economic geography: history, theory, methods, practice*. Moscow: Mysl. (In Russ.)
- Slesarev G.A. (1978) *Demographic processes and social structure of socialist society*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Sociology of Interethnic Tolerance*. (2003). Ed. by L.M. Drobizheva. Moscow: IS RAN. (In Russ.)
- Sonin M. Ya. (1959) *Reproduction of labor force in the USSR and the balance of labor*. Moscow: Gosplanizdat. (In Russ.)
- Study on Labor Mobility in the Central Asia-Russian Federation Migration Corridor. Consolidated Report 2021. (2021) In: *International Organization for Migration (IOM)*. URL: <https://russia.iom.int/ru/resources/issledovanie-mobilnosti-rabochey-sily-v-migracionnom-koridore-centralnaya-aziya-rossiyskaya-federaciya-konsolidirovannyi-otchet-2021> (accessed 25.04.2004). (In Russ.)
- Tishkov V.A., Stepanov V.V. (2004) *Measuring Conflict. Methodology and Results of Ethno-confessional Monitoring of the EAWARN Network in 2003*. Moscow: IEA RAN. (In Russ.)
- Todaro M. (1980) Internal migration in developing countries: a survey. In: *Population and economic change in developing countries*. Ed. by R. Easterlin. Chicago: University of Chicago Press: 361–402.
- Trubina E.G. (2011) *City in Theory: Experiments of Comprehension of Space*. Moscow: NLO. (In Russ.)
- Urlanis B. (1974) *Problems of population dynamics in the USSR*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Vishnevskiy A.G. (1982) *Population reproduction and society: history, modernity, a look into the future*. Moscow: Fin. i stat.
- Vyltsan M.A. (1967) The number and composition of the rural population of the USSR for 50 years. *Istoriya SSSR* [History of the USSR]. No. 6: 43–58. (In Russ.)
- Yudina T.N. (2006) *Sociology of migration: Textbook for universities*. Moscow: Akadem. Proekt. (In Russ.)
- Zaionchkovskaya Zh.A., Perevedentsev V.I. (1964) *Modern migration of the population of Krasnoyarsk Krai*. Novosibirsk: SO AN SSSR. (In Russ.)
- Zaionchkovskaya Zh.A., Perevedentsev V.I. (1966) *Population migration and labor problems of Siberia*. Novosibirsk: Nauka, SO AN SSSR. (In Russ.)
- Zaionchkovskaya Zh.A. (2013) Introductory article. Migration in modern Russia. In: *Migration in Russia 2000–2012. Chrestomathy in 3 vol. Vol. 1. P. 1. IRIAC NP*. Ed. by I.S. Ivanov, J.A. Zaionchkovskaya. Moscow: Spetskniga: 16–33.
- Zaslavskaya T.I. (1969) *Migration of the rural population: goals, tasks and methods of regulation*. Novosibirsk: Nauka, SO AN SSSR. (In Russ.)
- Zaionchkovskaya Zh.A. (2000) 20th century population migrations in the USSR and Russia: evolution through cataclysms. *Problemy prognozirovaniya* [Problems of Forecasting]. No. 4: 3–15. (In Russ.)
- Zaslavskaya T.I. (2007) *Selected Works*. Moscow: Ekonomika. Vol. 1. Social Economics and Economic Sociology. (In Russ.)

Received: 02.05.24. Final version: 22.07.24. Accepted: 12.08.24.

Н.С. ВОРОНИНА

ДИНАМИКА УСТАНОВОК РОССИЯН ПО ОТНОШЕНИЮ К ИММИГРАНТАМ: РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА ДАННЫХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЦИАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЗА 2006–2021 ГГ.

ВОРОНИНА Наталья Сергеевна – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (navor@bk.ru).

Аннотация. Работа посвящена анализу динамики установок россиян по отношению к иммигрантам на основе данных Европейского социального исследования (ESS) с 2006 по 2021 г. На протяжении 15-летнего периода преобладают негативные оценки вклада иммигрантов в экономику, культуру, в жизнь нашей страны. При этом россияне одобряют переезд в Россию этнически «своих» иммигрантов. Большинство респондентов выступают за переезд некоторых этнически «чужих» иммигрантов и иммигрантов из более бедных стран в Россию, причем с 2018 г. наблюдается тенденция к увеличению доли россиян, поддерживающих их переезд в нашу страну. Установки по отношению к иммигрантам остаются стабильно негативными среди женщин в возрасте 60 лет и старше, проживающих в малых городах, с начальным/незаконченным средним образованием, вдовых и разведенных. Выявленные тенденции требуют уточнения в дальнейших исследованиях.

Ключевые слова: иммигранты • установки • Европейское социальное исследование • динамика

DOI: 10.31857/S0132162524080059

Введение. Предыдущие исследования показали, что установки¹ россиян по отношению к иммигрантам являются одними из самых негативных на фоне других европейских стран, уступая только Чехии и Венгрии [Воронина 2019], однако, миграционный² вопрос россияне не считают наиболее важным в рейтинге острых общественных проблем [Тихонова, Дудин, 2023: 15; Воронина, 2023: 108]. Наблюдается противоречие между фиксируемыми в общественном мнении негативными установками по отношению к иммигрантам среди россиян и институциональной необходимостью по привлечению иммигрантов в нашу страну, поскольку приток иммигрантов является важным ресурсом «ремонта» демографической политики, частично компенсирующим естественную убыль населения³ на фоне низкой рождаемости. Это противоречие потенциально может приводить к росту напряженности, открытым конфликтам между иммигрантами и принимающим населением.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ, проект № 24-18-00450.

¹ Под установками по отношению к иммигрантам в данной работе будем понимать установки на взаимодействие (отрицательное или положительное) с иммигрантами «в любой сфере жизнедеятельности и в любом виде – от личностного общения с людьми иной национальности до восприятия явлений, элементов истории, культуры, типов социально-экономического развития или еще шире иных цивилизационных форм» [Арутюнян и др., 1999: 160].

² В данной статье термины иммигранты и мигранты употребляются как синонимы, «те, кто с точки зрения страны въезда являются иммигрантами, выступают как эмигранты с точки зрения страны выезда. Но они в любом случае являются мигрантами» [Малахов, 2015: 22].

³ Щербакова Е. Демографические итоги I полугодия 2021 г. // Демоскоп Weekly. 2021. № 911–912. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2021/0911/barom02.php> (дата обращения: 05.05.2024).

Негативные установки по отношению к иммигрантам пока преимущественно остаются в латентной форме, фиксируясь в массовых опросах, изредка трансформируясь в реальные столкновения. В.И. Мукомель отмечает, что латентная форма характерна для публичного пространства, но, во-первых, эти процессы ситуативны и способны очень быстро перерасти из латентной формы в открытые конфликты, во-вторых, в виртуальном пространстве эти установки представлены в форме явной неприязни, что вызывает опасения у правоохранительных органов [Мукомель, 2017: 34], поэтому нельзя недооценивать опасность и оставлять негативные установки без внимания.

После событий в Крокус Сити Холле в марте 2024 г. наблюдаются проявления ненависти и агрессии в отношении иммигрантов из Таджикистана: отмена заказов такси, если водитель таджикской национальности, многие иммигранты отправляются к себе на родину⁴. Трагические события актуализируют пересмотр подходов в миграционной политике, необходимость ее развития и укрепления в современных условиях. Для этого необходим постоянный мониторинг установок по отношению к иммигрантам. Основной целью данной статьи является анализ динамики установок по отношению к иммигрантам на протяжении 15 лет с 2006 по 2021 г.

Исследования установок по отношению к иммигрантам в работах предшественников: динамика, стабильность и изменчивость установок. Основываясь на данных Европейского социального исследования (ESS), Европейского исследования ценностей (EVS), данных Федерального агентства по делам национальностей Российской Федерации (ФАДН) исследователи изучали динамику установок по отношению к иммигрантам в России (например, О.А. Якимова, А.С. Меньшиков [Якимова, Меньшиков 2019], Н.С. Воронина [2019], Г.А. Монусова [Монусова, 2021] и др.). На данных ESS было выявлено, что в период с 2006 по 2016 г. в России количество респондентов, которые негативно относятся к разным категориям иммигрантов («одноэтничные, иноэтничные, неквалифицированная рабочая сила») на протяжении этого периода стабильно увеличивается, тогда как в большинстве европейских стран, наоборот, уменьшается» [Якимова, Меньшиков, 2019: 60]. Г.А. Монусова проанализировала данные ESS за 2006–2018 гг. и выявила, что Россия «выглядит достаточно толерантной страной» [Монусова, 2021: 447], если рассматривать вопрос о разрешении въезда в нашу страну этнически «своих» иммигрантов, но по отношению к этнически «чужим» иммигрантам Россия относится к антииммигрантским странам. По оценке изменений, которые приносят иммигранты в экономику, культуру и жизнь в России в целом, на данных ESS было показано, что на протяжении с 2006 по 2016 г. преобладали негативные оценки, доля которых максимальна в 2006 г. [Воронина, 2019].

Зарубежные исследования динамики установок по отношению к иммигрантам затрагивают вопрос их стабильности и изменчивости. Исследования показывают противоречивые результаты: с одной стороны, фиксируются изменения установок в зависимости от контекстуальных факторов (примерами ухудшающими установки принимающего общества могут быть правонарушения или террористические акты, совершенные иммигрантами, а примерами улучшающими установки по отношению к иммигрантам могут стать резонансно освещаемые в СМИ проявления иммигрантами героизма в отношении принимающего общества либо осознание необходимости труда иммигрантов (доставка в период пандемии)) [Mitchell, 2019]. С другой стороны, существуют исследования с альтернативными выводами, утверждающие, что установки по отношению к иммигрантам достаточно устойчивы и могут меняться в ответ на контекстуальные факторы лишь незначительно и на короткое время [Kustov et al., 2020].

Исследовательский вопрос о стабильности или изменчивом характере установок по отношению к иммигрантам тесно связан с вопросом о том, сохраняются ли установки

⁴ Таджикистан зафиксировал отток трудовых мигрантов из России после теракта // РБК. 2024. URL: <https://www.rbc.ru/economics/30/03/2024/6607d6dd9a7947a9accbe903> (дата обращения: 05.05.2024).

на протяжении жизненного пути, или же респонденты, принадлежащие к одному и тому же поколению, могут менять свои установки. Например, когда в молодом возрасте респонденты демонстрируют более положительные установки, в то время как в пожилом более негативные из-за эффекта жизненного цикла (когда в старости люди оценивают все в более негативном свете, вследствие плохого здоровья, самочувствия и т.д.), или же и молодые люди могут изменить свои установки в негативную сторону вследствие воздействия контекстных факторов. В данном случае, если мы зафиксируем стабильно преобладающие положительные установки у молодежи и негативные у самого старшего поколения (60 и старше) на протяжении 15 лет, можно будет говорить о воздействии эффекта жизненного цикла. С другой стороны, если мы зафиксируем изменения в установках молодежи в период с 2006 по 2021 г., то мы можем интерпретировать этот сдвиг с позиции теории Р. Инглхарта, согласно которому можно ожидать изменения установок по отношению к иммигрантам по мере смены поколения, которое происходит каждые 15–18 лет. И хотя Р. Инглхарт писал об изменении ценностей, согласно его теории постматериалистических ценностей, межпоколенческий сдвиг ценностей должен сопровождаться изменениями установок, включая более терпимые взгляды на иммиграцию [Инглхарт, 1997].

Наиболее часто применяемыми объяснительными моделями в рамках изучения установок по отношению к иммигрантам являются теория групповой угрозы [Blumer, 1958], теория социальной идентичности [Tajfel, Turner, 1979], теория контакта [Allport, 1958]⁵.

Согласно теории групповой угрозы, негативные установки по отношению к иммигрантам вызваны воспринимаемой межгрупповой конкуренцией, например, за рабочее место. Если экономические условия в стране ухудшаются или поток иммигрантов в страну увеличивается, межгрупповая конкуренция увеличивается, восприятие угрозы среди принимающего населения усиливается. Причем на увеличение ощущения угрозы могут влиять как экономические факторы, так и, например, культурные, когда у принимающего населения может возникать ощущение, что иммигранты не соблюдают культурные традиции, принятые в стране [Meuleman et al., 2009].

Обращаясь к российскому контексту, можно предположить, что финансово-экономический кризис 2008–2010 гг., а также валютный кризис 2014–2015 гг. могли повлиять на изменение установок россиян по отношению к иммигрантам, вызвав ощущение угрозы в условиях экономической нестабильности, и, как следствие, увеличение негативных установок по отношению к иммигрантам.

Можно также предположить, что установки по отношению к иммигрантам в период пандемии COVID-19 (2020–2021) у россиян стали более негативными, так как ситуация могла восприниматься как угроза безопасности, что усилило изоляционизм по отношению к иммигрантам [Yamagata, Teragushi, 2020].

Предложенная Г. Олпортом теория контакта предполагает ослабление негативных установок при наличии продолжительного контакта между иммигрантами и принимающим населением. Опираясь на теорию контакта, можно предположить, что большие возможности для межгрупповых контактов с представителями «этнически чужих» будут приводить к снижению негативных установок по отношению к иммигрантам. Таким образом, мы можем предполагать улучшение установок россиян по отношению к иммигрантам в 2018 г., когда происходил чемпионат мира по футболу и наблюдалось большое количество контактов принимающего населения с «этнически другими».

Согласно теории идентичности, люди определяют себя и других людей с точки зрения принадлежности к социальным группам [Tajfel, Turner, 1979: 39], то есть отождествляют себя со своей группой и противопоставляют ее внешним группам. Исходя из данной

⁵ Объяснительные модели установок по отношению к иммигрантам не ограничиваются данными теориями, но мы считаем нужным выделить наиболее часто применяемые в эмпирических исследованиях, относительно стабильности этих установок под влиянием факторов контекста. Под факторами контекста в данном исследовании понимаются значимые события, происходящие в стране на протяжении изучаемого периода, например, такие как пандемия, экономический кризис и др.

теории можно предположить преобладание положительных установок по отношению к «этнически своим» иммигрантам и преобладающие негативные установки по отношению к «этнически чужим» иммигрантам.

Описанные предположения легли в основу нашего эмпирического исследования.

Эмпирическая база и методология исследования. Эмпирическую базу исследования составило ESS – всестороннее исследование, которое проводится каждые два года в европейских странах. В России ESS проводится Институтом сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ), под руководством А.В. Андреевской. Достоинством исследования является надежность данных, их сопоставимость, общедоступность. Во всех опросах используется четырехступенчатая стратифицированная кластерная территориальная выборка населения страны от 15 лет и старше. Метод проведения опроса – личные интервью по месту жительства⁶, выборки по годам: 2006: 437, 2008: 2512, 2010: 2595, 2012: 484, 2014: 2445, 2016: 2430, 2018: 2416, 2021: 2070 респондентов. Данные были взвешены на дизайн вес⁷. Применение данного веса необходимо для корректировки разной вероятности попадания респондентов в выборку из-за различий в дизайне выборки по странам. В ESS во многих странах используется выборка на основе адресов (по каждому адресу случайным образом выбирается один человек). Поэтому люди, которые проживают одни, имеют в два раза больше шансов попасть в выборку, чем те, кто живет по двое. Именно для корректировки подобных ситуаций используется дизайн-вес.

Россия принимает участие в исследовании с 2006 г., поэтому для оценки динамики установок по отношению к иммигрантам мы выбрали для анализа данные с 2006 г. по 2021 г. (на сегодняшний день 10 волна за 2021 г. исследования является последней, проведенной в России, волной). В качестве новизны исследования отметим, что данные, касающиеся установок по отношению к иммигрантам, за 2021 г. ранее не были проанализированы, в настоящей статье они вводятся в научный оборот впервые.

Операционализация вопросов об установках по отношению к иммигрантам в ESS разрабатывали такие исследователи, как Э. Давыдов, Д. Кард, К. Дастман, Дж. Биллет и др.⁸. Основываясь на вышеупомянутой теории социальной идентичности, авторы составили блок из трех вопросов, который позволяет проанализировать установки по отношению к этнически «своим»/«чужим»:

Стоит ли позволять людям той же национальности, что и большинство населения России, переезжать жить в нашу страну?

А стоит ли это позволить людям, которые по национальности отличаются от большинства населения России?

А если говорить о людях из более бедных стран за пределами Европы?

Во всех трех вопросах использовалась 4-балльная шкала с вариантами ответа: 1) позволять многим, 2) позволять некоторым, 3) позволять лишь немногим, 4) никому не позволять.

Также на основе теории групповой угрозы был составлен блок еще из трех вопросов, позволяющий проанализировать оценку респондентов того, что привносят иммигранты в экономику, культуру и жизнь в стране в целом:

1. Как вы считаете, то, что люди из других стран переезжают в Россию, в целом хорошо или плохо сказывается на экономике России?

2. Как вы считаете, приток людей из других стран скорее разрушает или скорее обогащает культуру России?

⁶ Подробную информацию о выборке и методологии исследования можно найти на сайтах: www.ess-ru.ru и www.europeansocialsurvey.org

⁷ Подробнее о взвешивании данных: Weighting. ESS. URL: <https://www.europeansocialsurvey.org/methodology/ess-methodology/data-processing-and-archiving/weighting>

⁸ Подробнее см. https://www.europeansocialsurvey.org/sites/default/files/2023-06/ESS7_immigration_proposal.pdf (дата обращения: 25.05.2024).

3. Как вы считаете, с притоком людей из других стран Россия как место для жизни становится лучше или хуже?

Везде использовалась 11-балльная шкала, (0 означало – плохо для экономики/ разрушает культуру нашей страны/ становится хуже, а 10 – хорошо для экономики/ обогащает культуру нашей страны / становится лучше). Для удобства интерпретации мы перекодировали изначальные шкалы в 3-балльные: от 0 до 3 – плохо, от 4 до 6 – срединный вариант, от 7 до 10 – хорошо.

Исходя из теоретических положений, описанных выше, в данной статье мы остановимся на нескольких следующих вопросах: 1) каковы основные тенденции установок по отношению к иммигрантам в России, исходя из анализа динамики установок, 2) являются ли установки по отношению к иммигрантам стабильными или изменчивыми среди разных социально-демографических групп.

Для анализа динамики установок мы используем одномерный анализ, а именно – частотный анализ по описанным выше переменным, отражающим установки по отношению к иммигрантам. Для ответа на второй исследовательский вопрос используются таблицы сопряженности с применением теста хи-квадрат для оценки наличия статистически значимой связи между переменными.

Динамика установок россиян по отношению к иммигрантам: «свой»/«чужой». Частотный анализ данных показывает, что большинство россиян на протяжении всего пятнадцатилетнего периода придерживаются мнения, что нужно позволять многим этнически «своим» иммигрантам переезжать в Россию. Однако доля респондентов, согласных с тем, что нужно позволять многим приезжать на постоянное место жительства в нашу страну, сократилось в период с 2006 г. по 2021 г. чуть более чем на 10% (с 43,5 до 33,3%) (рис. 1). Наибольшее число согласных позволять многим «этнически своим» иммигрантам переезд приходится именно на 2006 г. (43,5%), тогда как наименьшее число приходится на 2016 г. (23,1%). Нужно отметить, что в 2017 г. был зафиксирован максимальный миграционный прирост за исследуемый период, мигранты полностью компенсировали естественную убыль населения, а в 2018 г. иностранцы заместили естественную убыль населения лишь

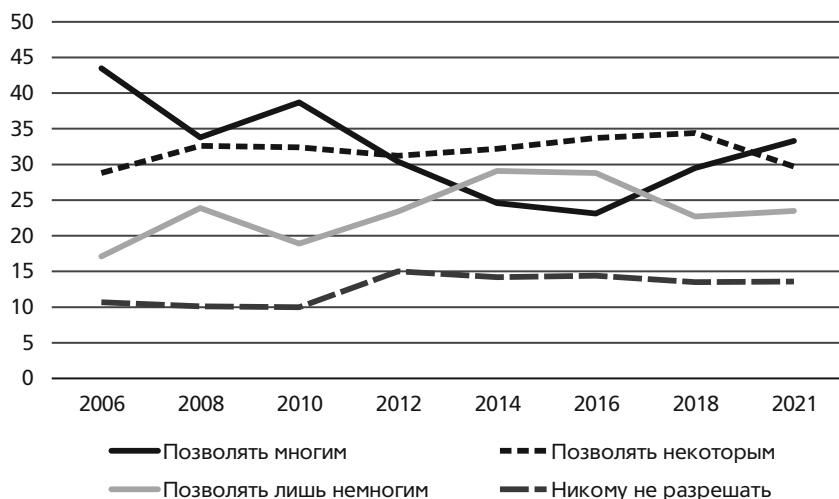

Рис. 1. Установки россиян по отношению к переезду в их страну людей той же национальности, 2006–2021 гг., %

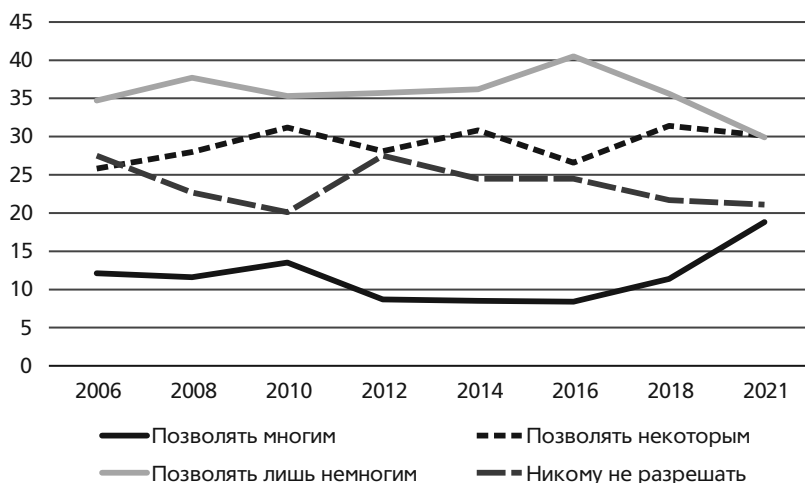

Рис. 2. Установки россиян по отношению к переезду в их страну людей иной национальности, 2006–2021 гг., %

на 57,2%⁹. Сильнее всего сократился приток с Украины и из Узбекистана. После событий 2014–2015 гг. временный приток иммигрантов с Украины еще поддерживал миграционный прирост с течение 2014–2016 гг. Этнически «своих» иммигрантов все больше привлекает Польша и Западная Европа, стабильный приток иммигрантов ожидаем только из Средней Азии, среди которых Казахстан и Азербайджан из основных миграционных доноров России превращается в ее конкурентов.

По графику можно заметить, что тенденция к уменьшению количества согласных с тем, что этнически «своим» иммигрантам надо разрешать переезд в Россию, стабильно наблюдается с 2010 г. В то время как доля респондентов, не согласных с этим, увеличилась за 15 лет: доля респондентов, считающих, что надо позволять переезжать лишь немногим увеличилась на 6,4%, а доля респондентов, полагающих, что никому из них не надо разрешать переезд увеличилась на 2,9%.

Что касается установок по отношению к переезду в нашу страну этнически «чужих» иммигрантов, т.е., отличающихся по национальности от большинства россиян, можно сказать, что на протяжении всего пятнадцатилетнего периода большинство респондентов выбирали ответ – позволять лишь некоторым (около трети респондентов в каждую волну исследования) (рис. 2). Однако, по сравнению с тенденциями, описанными выше, относительно роста доли респондентов, которые не хотели бы, чтобы в Россию переезжали этнически «свои», мы наблюдаем противоположный тренд. В период с 2006 по 2021 г. увеличилась доля респондентов, которая выбирает варианты ответа «позволять многим» (на 6,7%), «позволять некоторым» (на 4,3%) и уменьшилась доля согласных с утверждениями «позволять лишь немногим» (на 4,8%), «никому не разрешать» (на 6,4%). Мы наблюдаем, что рост доли респондентов, выбирающих вариант ответа «никому не разрешать», начался в 2012 г. (27,5%), в 2018-м происходит уменьшение доли таких респондентов (21,7%), а в 2021 г. их становится еще меньше (21,1%).

Похожие тенденции мы наблюдаем, если рассматривать результаты по категории этнически «чужих», но в данном случае речь идет об иммигрантах из более бедных стран: наблюдается увеличение доли согласных с вариантами ответа «позволять многим» (на 4,3%) и «позволять некоторым» (на 4,4%) и уменьшается доля согласных с вариантами

⁹ Приток мигрантов в Россию достиг исторического минимума // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2019/04/08/798624-chislo-migrantov-rossii> (дата обращения: 27.07.2014).

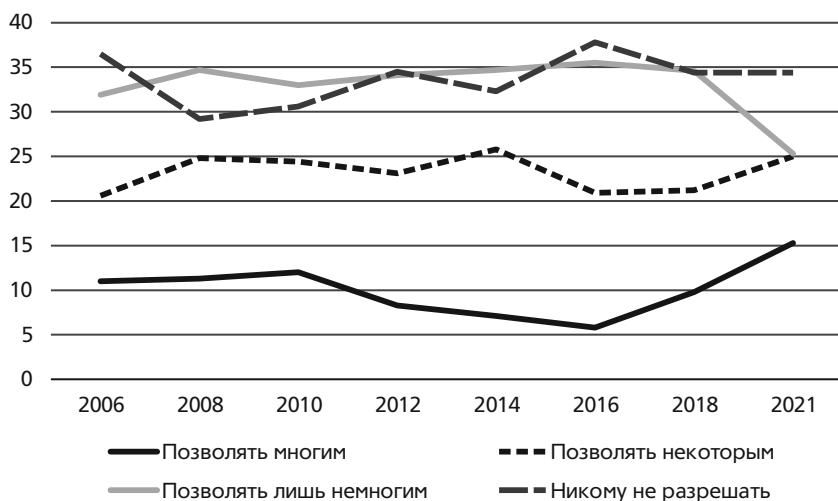

Рис. 3. Установки россиян по отношению к переезду в их страну людей из более бедных стран, 2006–2021 гг., %

«позволять лишь немногим» (на 6,6%) и «никому не разрешать» (на 2,1%) (рис. 3). На графике выделяется кривая, отражающая вариант ответа «позволять многим», которая достигла наименьшей оценки в 2016 г. (5,8%), и начала расти с 2018 г. (9,8%), в 2021 г. составив 15,3%.

С 2012 по 2017 г. миграционный поток компенсировал естественную убыль населения России и стал источником дополнительных трудовых ресурсов для национальной экономики. За эти годы наблюдается интенсивный миграционный поток из стран Ближнего Востока и Северной Африки в Европу¹⁰, для которых Россия является транзитным государством. В этих потоках проникают члены криминальных, террористических и экстремистских структур, которые могли восприниматься как угроза, с чем может быть связано увеличение негативных оценок россиян в этот период.

Оценка изменений, которые привносят иммигранты в жизнь страны. Доля респондентов, оценивающих изменения, которые привносят иммигранты в экономику нашей страны, как «преимущественно плохие» на протяжении исследуемого периода, остается преобладающей и стабильной на уровне чуть более чем 40% в каждой волне исследования (рис. 4). Тем не менее за 15 лет доля респондентов, оценивающих изменения, привносимые в экономику России, как «плохие» уменьшилась на 7,4%: с 47,4% в 2006 г. до 40,3% в 2021 г. А доля респондентов, которые оценивают изменения, привносимые иммигрантами в экономику страны как «хорошие» увеличилась на 4,6%: с 15,3% в 2006 г. до 19,9% в 2021 г. Заметно, что увеличение доли респондентов, которые положительно оценивают вклад иммигрантов в российскую экономику, началось в 2018 г.

Похожие тенденции характерны и для оценки изменений, которые привносят иммигранты в культуру России: уменьшается доля респондентов, оценивающих эти изменения как «плохие» и увеличивается доля респондентов, оценивающих изменения как «хорошие» (рис. 5) (в 2006 г. доля респондентов, оценивающих изменения в культуре как «плохие» 53%, а в 2021 г. – 45% (уменьшилась на 8%), доля респондентов, оценивающих изменения в культуре как «хорошие» в 2006 г. – 13,4%, а в 2021 г. – 18,8% (увеличилась

¹⁰ Указ «О концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» // Kremlin.ru. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58986> (дата обращения: 27.07.2024).

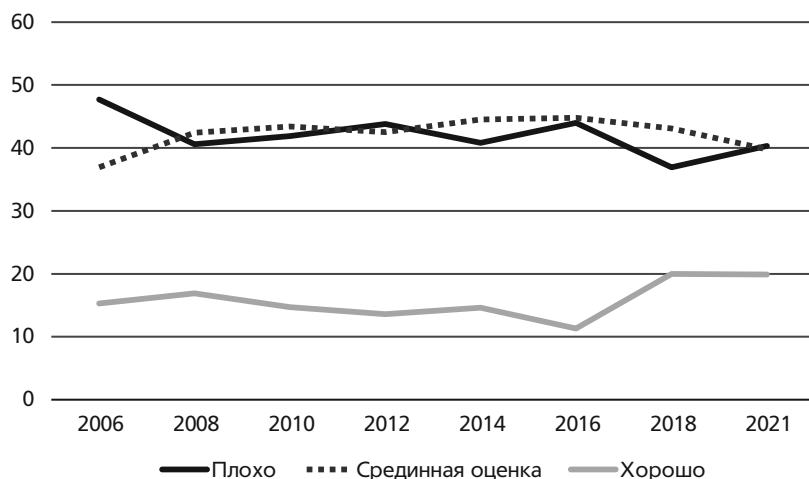

Рис. 4. Оценка изменений, которые привносят иммигранты в экономику России, 2006–2021 гг., %

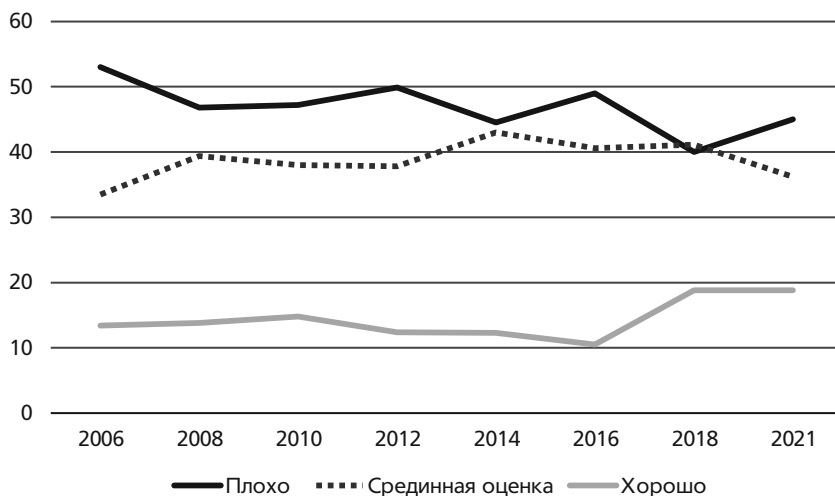

Рис. 5. Оценка изменений, которые привносят иммигранты в культуру России, 2006–2021 гг., %

на 5,4%). Увеличение доли респондентов, положительно оценивающих изменения в культуре в связи с иммиграцией, особенно заметно в 2018 г. В целом, если анализировать все волны исследования, то можно заметить, что большинство россиян оценивает изменения, привносимые иммигрантами в культуру нашей страны как «плохие», считая, что иммигранты разрушают культуру нашей страны (в каждой волне от 42 до 55% респондентов, придерживающихся этого мнения).

В целом во все года исследования большинство россиян оценивают изменения, которые привносят иммигранты в жизнь в России в целом, как «плохие» (от 42 до 55% в каждой из волн) (рис. 6). Доля респондентов, оценивающих изменения, привносимые иммигрантами в жизнь России, как «хорошие» увеличивается за исследуемый период: 8,9% в 2006 г. и 16,1% в 2021 г. (увеличилась на 7,2%), а доля респондентов, оценивающих эти изменения как «плохие», уменьшилась на 8,4%: с 54,3% в 2006 г. до 45,9% в 2021 г. Увеличение доли респондентов, оценивающие изменения, привносимые иммигрантами в жизнь

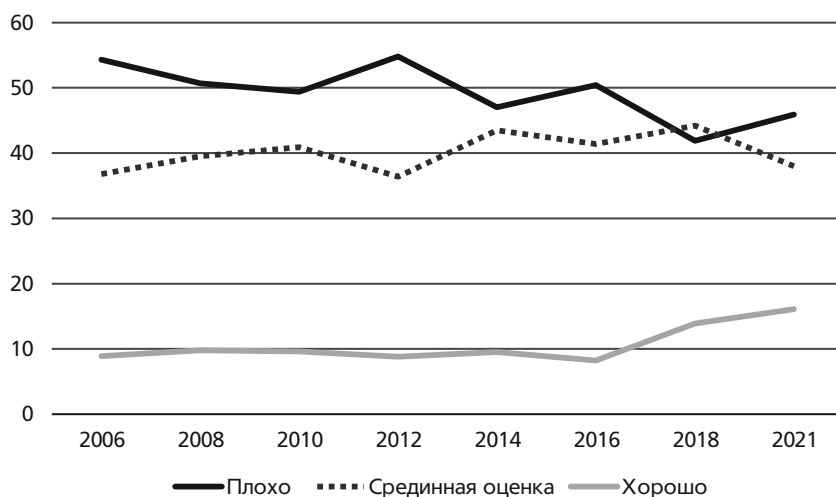

Рис. 6. Оценка изменений, которые привносят иммигранты жизнь в России в целом, 2006–2021 гг., %

России в целом как «хорошие», наиболее заметны в 2018 г. и доля респондентов с такими установками постепенно растет.

Анализируя все три графика, можно заметить резкое увеличение негативных оценок в 2016 г. Это может быть связано с террористическими актами, совершенными «Исламским государством»¹¹ в Бельгии, Франции, Германии, Турции, а также с различными последствиями европейского миграционного кризиса в Европе, все это освещалось в российских СМИ с броскими заголовками, которые имели негативную коннотацию в отношении иммигрантов (например, «массовые изнасилования немки в Кельне вызвали волну против мигрантов»¹²). Также можно предположить, что увеличение негативных оценок в 2016 г. связано с последствиями валютного кризиса, вызывавшего у россиян ощущение усиливающейся угрозы конкуренции за экономические ресурсы.

Еще одна общая тенденция – увеличение положительных оценок в 2018 г. Приток иммигрантов в этот год оказался минимальным за всю постсоветскую историю, число приехавших в Россию сократилось на 4%, а выехавших из страны увеличилось на 16,9%¹³. Если в 2017 г. мигранты полностью компенсировали естественную убыль населения, то в 2018 г. мигранты заместили естественную убыль лишь на 57,2%. Можно предположить, что недостаток рабочих рук стал ощущаться населением, что усугубилось в период пандемии, когда труд мигрантов оказался очень востребованным в период самоизоляции, поэтому после 2018 г. мы наблюдаем улучшение установок по отношению к иммигрантам. Также в 2018 г. подписана концепция миграционной политики на 2019–2025 гг., в которой приветствуется переселение в Россию «на постоянное место жительства соотечественников, проживающих за рубежом, а также иных лиц, которые способны успешно интегрироваться в российское общество» [Карачурина и др., 2020: 266].

Стабильность и изменения установок по отношению к иммигрантам в различных социально-демографических группах. Второй исследовательский вопрос, поставленный в работе: выявление стабильности установок в различных социально-демографических

¹¹ Запрещенная в РФ террористическая организация.

¹² Германия больше не верит беженцам // Газета. Ру. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2016/01/10/8014001.shtml> (дата обращения: 27.07.2014).

¹³ Приток мигрантов в Россию достиг исторического минимума // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2019/04/08/798624-chislo-migrantov-rossii> (дата обращения: 27.07.2014).

Таблица 1

Установки по отношению к иммигрантам в зависимости от пола, 2021, %

Переменные	Экономика		Культура		Жизнь в целом		Этнически «своим»		Этнически «чужим»		Из более бедных стран	
	–	+	–	+	–	+	–	+	–	+	–	+
2021												
Мужской	59,4	40,6	65,0	35,0	69,8	30,2	33,0	67,0	45,3	54,7	54,0	46,0
Женский	72,6	27,4	74,7	25,3	77,1	22,9	40,0	60,0	55,2	44,8	63,8	36,2

группах. Так как содержательно нас более всего интересовали респонденты, носители крайних позиций (негативных и позитивных), то в таблицах 1–5 приведены проценты, отражающие оценку изменений, которые привносят иммигранты в экономику, культуру, жизнь страны в целом: варианты ответа «плохо» (–) (условно будем называть негативными установками) и хорошо (+) (условно будем называть положительными установками), а также разрешать ли въезд различным иммигрантам: разрешать многим (+), никому не разрешать (–). Цветом выделены ячейки, в которых связь между переменными находится на статистически значимом уровне (хи-квадрат, $p < 0,05$).

Связь между переменной пола и установками по отношению к иммигрантам не является статистически значимой на протяжении всего исследуемого периода. Единственный год опроса, когда со всеми установками прослеживается связь – это 2021 г. (табл. 1)¹⁴. Если рассматривать результаты по вопросам оценки изменений, которые привносят иммигранты в разные сферы жизни, а также вопросы, касающиеся переезда иммигрантов в нашу страну, то можно заметить, что в целом и мужчины, и женщины имеют преобладающие негативные установки по отношению к иммигрантам. Однако женщины имеют более негативные установки, чем мужчины. Негативные установки женщин могут быть вызваны тем, что женщины подвергаются объективизации со стороны иммигрантов. Единственная категория иммигрантов, по отношению к которым и мужчины, и женщины имеют преобладающие положительные установки – это этнически «свои».

Возраст чаще, чем пол статистически значимо связан с установками по отношению к иммигрантам (табл. 2). Изначально мы предполагали, что более молодые возрастные группы вырастают в обществе, где присутствие иммигрантов считается нормой, открывая

Таблица 2

Установки по отношению к иммигрантам в зависимости от возраста, 2006–2021, %

Переменные	Экономика		Культура		Жизнь в целом		Своим		Чужим		Из бедных стран	
	–	+	–	+	–	+	–	+	–	+	–	+
2006												
До 19	70,3	29,7	75,5	24,5	81,0	19,0	26,1	73,9	59,1	40,9	58,1	41,9
20–29	63,3	36,4	75,4	24,6	82,7	17,3	29,9	70,1	58,6	41,4	63,2	36,8
30–39	75,3	24,7	75,0	25,0	79,6	20,4	69,3	30,7	62,0	38,0	69,3	30,7
40–49	79,1	20,9	84,7	15,3	88,2	11,8	75,8	24,2	62,3	37,7	71,8	28,2
50–59	80,4	19,6	82,5	17,5	89,1	10,9	73,6	26,4	63,9	36,1	72,1	27,9
60 и старше	81,1	18,9	82,4	17,6	90,0	10,0	71,2	28,8	65,2	34,8	71,7	28,3
2008												
До 19	66,7	33,3	78,3	21,7	80,0	20,0	23,3	76,7	56,4	43,6	53,6	46,4
20–29	72,2	27,8	80,5	19,5	82,8	17,2	36,4	63,6	61,6	38,4	66,5	33,5
30–39	70,8	29,2	73,9	26,1	81,4	18,6	34,5	65,5	63,0	37,0	64,8	35,2
40–49	65,0	35,0	71,1	28,9	80,8	19,2	32,9	67,1	57,5	42,5	60,5	39,5

¹⁴ Поскольку связи практически нигде нет на протяжении остальных волн опроса, мы не приводим эти данные в таблице.

Окончание таблицы 2

Переменные	Экономика		Культура		Жизнь в целом		Своим		Чужим		Из бедных стран	
2008	–	+	–	+	–	+	–	+	–	+	–	+
50–59	68,7	31,3	77,8	22,2	87,5	12,5	30,9	69,1	58,5	41,5	65,2	34,8
60 и старше	75,7	24,3	80,4	19,6	86,9	13,1	37,1	62,9	62,6	37,4	66,4	33,6
2010	–	+	–	+	–	+	–	+	–	+	–	+
До 19	77,6	22,4	66,3	33,7	81,7	18,3	23,8	76,3	54,2	45,8	55,9	44,1
20–29	67,6	32,4	72,6	27,4	81,3	18,7	30,6	69,4	56,4	43,6	60,4	39,6
30–39	76,4	23,6	81,5	18,5	85,3	14,7	30,4	69,6	55,7	44,3	64,9	35,1
40–49	72,4	27,6	73,8	26,2	82,6	17,4	24,7	75,3	48,2	51,8	61,7	38,3
50–59	80,2	19,8	80,1	19,9	89,5	10,5	29,5	70,5	65,8	43,2	67,7	32,3
60 и старше	74,1	25,9	76,4	23,6	81,3	18,7	30,7	69,3	59,7	40,3	66,8	33,2
2012	–	+	–	+	–	+	–	+	–	+	–	+
До 19	78,7	21,3	78,6	21,4	80,8	19,2	37,8	62,2	61,7	38,3	56,8	43,2
20–29	70,4	29,6	75,8	24,2	82,8	17,2	40,7	59,3	60,9	39,1	65,2	34,8
30–39	75,4	24,6	81,4	18,6	87,4	12,6	41,8	58,2	64,7	35,3	70,7	29,3
40–49	74,5	25,5	81,7	18,3	85,1	14,9	36,9	63,1	63,2	36,8	67,7	32,2
50–59	82,1	17,9	84,4	15,6	90,7	9,3	37,1	62,9	61,0	39,0	70,5	29,5
60 и старше	78,2	21,8	77,9	22,1	86,6	13,4	36,7	63,3	66,7	33,3	73,8	26,2
2014	–	+	–	+	–	+	–	+	–	+	–	+
До 19	60,0	40,0	56,7	43,3	63,6	36,4	33,6	66,4	49,3	50,7	47,5	52,5
20–29	78,1	21,9	82,3	17,7	88,0	12,0	46,8	53,2	64,2	35,8	70,1	29,9
30–39	71,8	28,2	79,6	20,4	87,9	12,1	43,9	56,1	60,9	39,1	69,2	30,8
40–49	68,9	31,1	76,0	24,0	77,9	21,1	44,1	55,9	58,2	41,8	63,4	36,6
50–59	75,8	24,2	79,0	21,0	80,9	19,1	42,4	57,6	59,4	40,6	69,7	30,3
60 и старше	77,2	22,8	82,1	17,9	87,0	13,0	42,0	58,0	63,9	36,1	69,1	30,9
2016	–	+	–	+	–	+	–	+	–	+	–	+
До 19	42,9	57,1	41,0	59,0	60,0	40,0	56,4	43,6	55,6	44,4	56,3	43,8
20–29	68,9	31,1	76,8	23,2	81,7	18,3	60,2	39,8	59,3	40,7	65,9	34,1
30–39	80,0	20,0	82,4	17,6	87,9	12,1	55,9	44,1	63,3	36,7	71,8	28,2
40–49	80,9	19,1	88,2	11,8	87,0	13,0	55,0	45,0	67,8	32,2	76,5	23,5
50–59	83,3	16,7	85,6	14,4	85,8	14,2	56,0	44,0	65,3	34,7	75,6	24,4
60 и старше	87,2	12,8	84,6	15,4	90,5	9,5	56,8	43,2	71,0	29,0	81,0	19,0
2018	–	+	–	+	–	+	–	+	–	+	–	+
До 19	47,7	52,3	43,8	56,3	52,0	48,0	66,5	33,5	36,6	63,4	47,9	52,1
20–29	57,9	42,1	60,5	39,5	72,5	27,5	66,9	33,1	49,4	50,6	60,8	39,2
30–39	64,1	35,9	69,8	30,2	73,2	26,8	62,4	37,6	58,7	41,3	68,1	31,9
40–49	68,9	31,1	69,8	30,2	77,7	22,3	59,8	40,2	61,1	38,9	73,6	26,4
50–59	69,5	30,5	70,9	29,1	82,2	17,8	65,7	34,3	63,7	36,3	75,0	25,0
60 и старше	69,3	30,7	75,8	24,2	79,1	20,9	63,7	36,3	61,3	38,7	75,1	24,9
2021	–	+	–	+	–	+	–	+	–	+	–	+
До 19	36,0	64,0	38,7	61,3	42,7	57,3	24,6	75,4	30,0	70,0	35,9	64,1
20–29	50,3	49,7	55,2	44,8	62,7	37,3	28,8	71,2	39,3	60,7	45,4	54,6
30–39	68,8	31,2	75,6	24,4	77,8	22,2	39,2	60,8	51,1	48,9	58,0	42,0
40–49	76,8	23,2	78,5	21,5	82,2	17,8	40,5	59,5	56,5	43,5	67,0	33,0
50–59	77,2	22,8	75,0	25,0	75,4	24,6	38,0	62,0	57,5	42,5	67,6	32,4
60 и старше	75,3	24,7	81,2	18,8	83,0	17,0	44,3	55,7	61,7	38,3	72,6	27,4

возможности для увеличения частоты контакта, начиная с раннего детства (на детских площадках, в детских садах, школах), снижая негативные установки по отношению к иммигрантам у принимающего населения [Pettigrew, Tropp, 2006]. Большинство респондентов всех возрастных групп имеют негативные установки, однако, если обратить внимание на распределения по положительным установкам, то можно сделать вывод, что носители наиболее положительных установок – это молодежь в возрасте до 19 лет, а носители наиболее негативных – это респонденты в возрасте 60 лет и старше. Результаты дают основание предполагать эффект жизненного цикла – когда в более молодом возрасте респонденты склонны давать более положительные оценки, чем в самой старшей возрастной группе (там обратная тенденция).

Рассматривая результаты по уровню образования (табл. 3) можно заметить следующие тенденции: в целом все группы с разным уровнем образования имеют преимущественно негативные установки, однако, группа с начальным и незаконченным средним образованием имеет наиболее негативные, а группа с высшим образованием – наиболее положительные установки во все года исследования, кроме 2021 г. Там наблюдаются иные тенденции, например, наиболее положительные установки в группе респондентов со средним общим образованием, если рассматривать оценку изменений, которые приносят иммигранты в экономику страны.

Таблица 3

Установки по отношению к иммигрантам в зависимости от уровня образования респондента, 2006–2021, %

Переменные	Экономика		Культура		Жизнь в целом		Своим		Чужим		Из бедных стран	
	–	+	–	+	–	+	–	+	–	+	–	+
2006	–	+	–	+	–	+	–	+	–	+	–	+
Начальное и незаконченное среднее	91,0	9,0	91,8	8,2	96,8	3,2	39,0	61,0	72,3	27,7	75,6	24,4
Среднее общее	74,1	25,9	79,2	20,8	85,6	14,4	27,8	72,2	60,7	39,3	66,3	33,7
Среднее специальное/профессиональное	77,0	23,0	80,5	19,5	85,4	14,6	26,7	73,3	64,0	37,0	71,5	28,5
Высшее	72,3	27,7	76,1	23,9	83,6	16,4	25,9	74,1	60,9	39,1	66,9	33,1
2008	–	+	–	+	–	+	–	+	–	+	–	+
Начальное и незаконченное среднее	84,0	16,0	79,7	20,3	89,8	10,2	39,1	60,9	65,4	34,6	67,8	32,2
Среднее общее	73,1	26,9	78,9	21,1	82,7	17,3	31,4	68,6	59,8	40,2	62,8	37,2
Среднее специальное/профессиональное	71,9	28,1	79,2	20,8	86,4	13,6	37,9	62,1	65,1	34,9	67,8	32,2
Высшее	62,0	38,0	71,6	28,4	80,9	19,1	31,1	68,9	54,8	45,2	60,2	39,8
2010	–	+	–	+	–	+	–	+	–	+	–	+
Начальное и незаконченное среднее	64,4	35,6	68,1	31,9	72,3	27,7	26,7	73,3	54,8	45,2	56,5	43,5
Среднее общее	73,2	26,8	76,1	23,9	82,1	17,9	29,2	70,8	55,2	44,8	61,8	38,2
Среднее специальное/профессиональное	74,6	25,4	78,3	21,7	87,4	12,6	30,4	69,6	56,9	43,1	66,7	33,3
Высшее	75,9	24,1	75,0	25,0	84,4	15,6	27,2	72,8	54,5	45,5	64,5	35,5
2012	–	+	–	+	–	+	–	+	–	+	–	+
Начальное и незаконченное среднее	80,6	19,4	77,8	22,3	84,8	15,2	41,7	58,3	77,1	22,9	70,8	29,2
Среднее общее	79,5	20,5	80,6	19,4	86,2	13,8	40,3	59,7	65,7	34,3	66,2	33,8
Среднее специальное/профессиональное	74,3	25,7	79,8	20,2	84,9	15,1	40,3	59,7	64,0	36,0	71,0	29,0
Высшее	74,7	25,3	80,0	20,0	87,4	12,6	34,3	65,7	58,7	41,3	68,5	31,5

Окончание таблицы 3

Переменные	Экономика		Культура		Жизнь в целом		Своим		Чужим		Из бедных стран	
	–	+	–	+	–	+	–	+	–	+	–	+
2014												
Начальное и незаконченное среднее	64,9	35,1	78,1	21,9	82,1	17,9	43,1	56,9	61,5	38,5	66,0	34,0
Среднее общее	75,5	24,5	74,7	25,3	78,1	21,9	41,8	58,2	61,7	38,3	64,1	35,9
Среднее специальное/профессиональное	74,1	25,9	80,0	20,0	85,8	14,2	45,8	54,2	63,2	36,8	68,5	31,5
Высшее	72,4	27,6	78,8	21,2	83,3	16,7	40,4	59,6	55,8	44,2	67,0	33,0
2016												
Начальное и незаконченное среднее	71,4	28,6	75,0	25,0	86,4	13,6	42,9	57,1	68,8	31,2	65,7	34,3
Среднее общее	79,5	20,5	83,7	16,3	85,1	14,9	47,8	52,2	68,0	32,0	72,4	27,6
Среднее специальное/профессиональное	81,1	18,9	83,1	16,9	85,1	14,9	44,2	55,8	67,3	32,7	78,0	22,0
Высшее	78,6	21,4	80,7	19,3	88,3	11,7	37,9	62,1	59,7	40,3	70,2	29,8
2018												
Начальное и незаконченное среднее	61,5	38,5	75,0	25,0	81,5	18,5	40,0	60,0	61,4	38,6	70,5	29,5
Среднее общее	62,5	37,5	60,6	39,4	67,7	32,3	37,2	62,8	53,7	46,3	62,2	37,8
Среднее специальное/профессиональное	68,4	31,6	74,6	25,4	79,3	20,7	37,3	62,7	61,8	38,2	72,5	27,5
Высшее	62,4	37,6	64,8	35,2	75,2	24,8	33,2	66,8	53,2	46,8	69,6	30,4
2021												
Начальное и незаконченное среднее	66,7	33,3	66,7	33,3	66,7	33,3	33,3	66,7	54,2	45,8	62,5	37,5
Среднее общее	61,0	39,0	62,8	37,2	68,6	31,4	36,6	63,4	47,6	52,4	56,3	43,7
Среднее специальное/профессиональное	73,9	26,1	77,1	22,9	77,9	22,1	37,9	62,1	54,4	45,6	61,6	38,4
Высшее	66,6	33,4	72,7	27,3	76,5	23,5	36,8	63,2	51,4	48,6	61,6	38,4

Результаты анализа связи между установками по отношению к иммигрантам и семейным положением респондентов демонстрируют, что респонденты всех групп по семейному положению имеют преобладающие негативные установки к иммигрантам (табл. 4). Группа с наиболее негативными установками – это вдовы, разведенные, а с наиболее положительными – это респонденты, никогда не состоявшие в браке.

Таблица 4

Установки по отношению к иммигрантам в зависимости от семейного положения респондента, 2006–2021, %

Переменные	Экономика		Культура		Жизнь в целом		Своим		Чужим		Из бедных стран	
	–	+	–	+	–	+	–	+	–	+	–	+
2006												
Никогда не состоявшие в браке	68,9	31,1	73,9	26,1	80,5	19,5	27,5	72,5	57,6	42,4	62,3	37,7
Состоящие в браке (включая гражданский и религиозный)	76,0	24,0	80,7	19,3	86,4	13,6	27,5	72,5	63,5	36,5	69,0	31,0
Вдовы, разведенные	81,3	18,7	83,6	16,4	89,9	10,1	28,3	71,7	64,0	36,0	74,7	25,3

Окончание таблицы 4

Переменные	Экономика		Культура		Жизнь в целом		Своим		Чужим		Из бедных стран	
	–	+	–	+	–	+	–	+	–	+	–	+
2008												
Никогда не состоявшие в браке	70,0	30,0	79,5	20,5	81,6	18,4	32,5	67,5	61,8	38,2	62,7	37,3
Состоящие в браке (включая гражданский и религиозный)	70,2	29,9	75,2	24,8	83,1	16,9	33,3	66,7	59,0	41,0	64,5	35,5
Вдовы, разведенные	72,1	27,9	79,8	20,2	87,9	12,1	35,3	64,8	62,5	37,5	63,8	36,2
2010												
Никогда не состоявшие в браке	71,9	28,1	70,2	29,8	81,5	18,5	28,5	71,5	56,4	43,6	61,1	38,9
Состоящие в браке (включая гражданский и религиозный)	84,6	15,4	75,0	25,0	88,9	11,1	29,2	70,8	54,2	45,8	68,2	31,8
Вдовы, разведенные	78,2	21,8	80,8	19,2	87,0	13,0	30,5	69,5	60,0	40,0	67,6	32,4
2012												
Никогда не состоявшие в браке	73,0	27,0	74,6	25,4	82,2	17,8	38,3	61,7	59,5	40,5	61,3	38,7
Состоящие в браке (включая гражданский и религиозный)	76,5	23,5	81,9	18,1	87,2	12,8	37,7	62,3	63,6	36,4	70,3	29,7
Вдовы, разведенные	78,6	21,4	81,9	18,1	87,6	12,4	39,8	60,2	66,6	33,4	72,7	27,3
2014												
Никогда не состоявшие в браке	73,4	26,6	75,1	24,9	81,7	18,3	40,2	59,8	58,3	41,7	62,9	37,1
Состоящие в браке (включая гражданский и религиозный)	74,1	25,9	79,2	20,8	83,3	16,7	45,1	54,9	61,4	38,6	68,8	31,2
Вдовы, разведенные	74,0	26,0	80,6	19,4	84,6	15,4	42,7	57,3	61,5	38,5	67,7	32,3
2016												
Никогда не состоявшие в браке	68,4	31,6	70,0	30,0	78,0	22,0	39,7	60,3	56,8	43,2	64,6	35,4
Состоящие в браке (включая гражданский и религиозный)	83,6	16,4	86,9	13,1	89,4	10,6	44,8	55,2	67,8	32,2	77,7	22,3
Вдовы, разведенные	80,9	19,1	84,1	15,9	86,6	13,4	43,7	56,3	67,2	32,8	73,2	26,8
2018												
Никогда не состоявшие в браке	83,6	16,4	70,0	30,0	78,0	22,0	39,7	60,3	56,8	43,2	64,6	35,4
Состоящие в браке (включая гражданский и религиозный)	83,6	16,4	86,9	13,1	89,4	10,6	44,8	55,2	67,8	32,2	77,7	22,33
Вдовы, разведенные	80,9	19,1	84,1	15,9	86,6	13,4	43,7	56,3	67,2	32,8	73,2	26,8
2021												
Никогда не состоявшие в браке	53,4	46,6	55,8	44,2	59,5	40,5	29,9	70,1	39,7	60,3	52,4	47,6
Состоящие в браке (включая гражданский и религиозный)	70,8	29,2	74,8	25,2	78,9	21,1	37,3	62,7	53,6	46,4	63,0	37,0
Вдовы, разведенные	76,5	23,5	81,4	18,6	82,7	17,3	46,3	53,7	61,4	38,6	69,7	30,3

Таблица 5

**Установки по отношению к иммигрантам в зависимости от типа населенного пункта,
2006–2021, %**

Переменные	Экономика		Культура		Жизнь в целом		Своим		Чужим		Из бедных стран	
	–	+	–	+	–	+	–	+	–	+	–	+
2006												
Большой город	77,4	22,6	82,2	17,8	88,4	11,6	28,0	72,0	62,4	37,6	71,3	28,7
Пригород	75,0	25,0	78,2	21,8	79,5	20,5	25,2	74,8	65,1	34,9	66,0	34,0
Малый город	70,4	29,6	75,6	24,4	83,1	16,9	26,7	73,3	57,7	42,3	65,0	35,0
Деревня	79,7	20,3	82,3	17,7	87,8	12,2	29,8	70,2	67,4	32,6	71,3	28,7
2008												
Большой город	68,4	31,6	81,6	18,4	86,2	13,8	36,3	63,7	60,1	39,9	65,2	34,8
Пригород	56,5	43,5	69,6	30,4	91,8	8,2	40,0	60,0	58,0	42,0	63,6	36,4
Малый город	74,1	25,9	76,6	23,4	84,9	15,1	30,5	69,5	60,3	39,7	65,6	34,4
Деревня	69,8	30,2	72,1	27,9	76,5	23,5	33,6	66,4	61,3	38,7	58,7	41,3
2010												
Большой город	71,5	28,5	72,9	27,1	83,1	16,9	29,8	70,2	52,6	47,4	62,7	37,3
Пригород	62,4	37,6	70,9	29,1	67,7	32,3	28,3	71,7	50,0	50,0	59,2	40,8
Малый город	75,9	24,1	78,2	21,8	86,3	13,7	27,1	72,9	56,5	43,5	66,0	34,0
Деревня	77,2	22,8	79,3	20,7	84,5	15,5	30,4	69,6	59,2	40,8	63,1	36,9
2012												
Большой город	74,9	25,1	79,0	21,0	87,0	13,0	38,5	61,5	63,5	36,5	68,6	31,4
Пригород	72,9	27,1	65,9	34,1	89,5	10,5	72,2	27,8	50,6	49,4	56,5	43,5
Малый город	81,8	18,2	85,5	14,5	89,4	10,6	61,7	38,3	64,1	35,9	71,6	28,4
Деревня	69,0	31,0	73,8	26,2	77,3	22,7	59,7	40,3	63,0	37,0	65,9	34,1
2014												
Большой город	70,3	29,7	77,3	22,7	82,0	18,0	36,1	63,9	58,6	41,4	66,4	33,6
Пригород	62,9	37,1	82,1	17,9	76,5	23,5	36,4	63,6	57,1	42,9	61,3	38,7
Малый город	79,9	20,1	82,1	17,9	87,9	12,1	43,3	56,7	59,8	40,2	65,8	34,2
Деревня	71,2	28,8	74,8	25,2	79,6	20,4	51,4	48,6	64,3	35,7	69,7	30,3
2016												
Большой город	77,3	22,7	82,9	17,1	87,8	12,2	41,3	58,7	62,5	37,5	70,7	29,3
Пригород	42,9	57,1	86,8	13,2	81,0	19,0	39,1	60,9	56,3	43,8	64,5	35,5
Малый город	85,0	15,0	84,4	15,6	88,3	11,7	42,2	57,8	67,2	32,8	75,3	24,7
Деревня	80,2	19,8	77,8	22,2	80,9	19,1	48,8	51,2	67,5	32,5	77,2	22,8
2018												
Большой город	70,3	29,7	77,3	22,7	82,0	18,0	36,1	63,9	58,6	41,4	66,4	33,6
Пригород	62,9	37,1	82,1	17,9	76,5	23,5	36,4	63,6	57,1	42,9	61,3	38,7
Малый город	79,9	20,1	82,1	17,9	87,9	12,1	43,3	56,7	59,8	40,2	65,8	34,2
Деревня	70,4	29,6	74,0	26,0	78,9	21,1	50,8	49,2	64,0	36,0	69,3	30,7
2021												
Большой город	67,0	33,0	71,5	28,5	77,2	22,8	35,5	64,5	48,2	51,8	56,4	43,6
Пригород	53,4	46,6	55,7	44,3	64,9	35,1	24,2	75,8	37,2	62,8	54,7	45,3
Малый город	69,2	30,8	72,7	27,3	72,0	28,0	37,5	62,5	54,0	46,0	60,2	39,8
Деревня	65,9	34,1	68,6	31,4	74,6	25,4	41,3	58,7	53,3	46,7	64,5	35,5

На протяжении исследуемого периода во всех типах населенных пунктов преобладают негативные установки по отношению к иммигрантам (табл. 5), наиболее негативные установки наблюдаются в малых городах, а наиболее положительные – в пригородах.

Выводы. Большинство россиян на протяжении всего исследуемого периода (с 2006 по 2021 г.) выступают за переезд в Россию этнически «своих» иммигрантов, при этом переезд в нашу страну иммигрантов иной национальности и выходцев из более бедных стран россияне позволяли бы лишь немногим.

Для россиян характерна преимущественно негативная оценка изменений, привносимых иммигрантами в экономику, культуру и жизнь страны в целом на протяжении 15 лет.

Как стабильную можно характеризовать связь установок по отношению к иммигрантам и возраста: наиболее негативные установки наблюдаются в группе 60 лет и старше, а наиболее положительные в группе до 19 лет, что может объясняться эффектом жизненного цикла.

Установки по отношению к иммигрантам и пол не имеют постоянной связи на протяжении различных волн исследования, однако, в тех волнах, где статистически значимая связь присутствует, наблюдается устойчивая тенденция превалирования негативных установок по отношению к иммигрантам у женщин.

В большинстве волн исследования положительные установки по отношению к иммигрантам наблюдаются у лиц с высшим образованием, а негативные – у респондентов с начальным и незаконченным высшим образованием. Данный результат согласуется с большинством европейских исследований в этой области, в них было показано: с ростом образования растут положительные установки к иммигрантам [Berg 2010].

Результаты анализа связи установок по отношению к иммигрантам и семейным положением показывает, что наиболее негативные установки имеют вдовы, разведенные, а наиболее положительные – респонденты, никогда не состоявшие в браке.

Анализ связи типа населенного пункта и установок по отношению к иммигрантам показывает, что наиболее негативные установки наблюдаются в малых городах, а наиболее положительные – в пригородах.

В целом наиболее часто установки по отношению к иммигрантам имеют статистическую связь с переменными возраста и типа поселения на протяжении всех раундов исследования и наиболее редко с полом. Обобщая портрет носителей негативных установок, можно сказать, что это женщины в возрасте 60 лет и старше, проживающие в малых городах, вдовы/разведенные с начальным/ незаконченным средним образованием. Факторы, влияющие на установки по отношению к иммигрантам не ограничиваются рассмотренными социально-демографическими переменными, тем не менее мы полагаем, что данная информация может быть полезна при работе над реформированием миграционной политики для точечной работы с носителями негативных установок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнян Ю.В., Дробизева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. М.: Аспект-Пресс, 1999.
- Воронина Н.С. Динамика отношения к миграции в России (по данным Европейского социального исследования за 2006–2016 гг.) // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Т. 7. № 2. С. 99–116. DOI: 10.19181/snsp.2019.7.2.6412.
- Воронина Н.С. Отношение к иммигрантам в период пандемии COVID-19 (2020–2021 гг.) // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11. № 1. С. 104–123. DOI: 10.19181/snsp.2023.11.1.6. EDN GIOGqE.
- Инлхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Политические исследования. 1997. № 4. С. 6–33.
- Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. и др. Миграционные процессы в России: тенденции, их интерпретация, новые подходы к статистическому наблюдению. М.: НИУ ВШЭ, 2020.
- Малахов В.С. Интеграция мигрантов: Концепции и практики. М.: Ф-д «Либеральная Миссия», 2015.
- Монусова Г.А. Отношение к мигрантам: мнения и сомнения россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 436–458. DOI:10.14515/monitoring.2021.6.2139.
- Мукомель В.И. Ксенофобы и их антиподы // Мир России. Социология. Этнология. 2017. № 1. 32–57.

- Тихонова Н.Е., Дудин И.В. Основные противоречия российского общества в восприятии населения страны: сравнительная значимость, динамика, факторы // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11. № 2. С. 6–24. DOI: 10.19181/snsp.2023.11.2.1. EDN: HGVOFG.
- Якимова О.А., Меньшиков А.С. Динамика отношения к иммигрантам в России в контексте ее сравнения с европейскими странами // Известия УрФУ. Сер. 3. Общественные науки. 2019. Т. 14. № 2/188. С. 46–61. DOI: 10.21684/2587-8484-2020-4-4-22-40.
- Allport G. The Nature of Prejudice. Garden City, NY: Doubleday Anchor Books. 1958.
- Berg J.A. Race, Class, Gender, and Social Space: Using an Intersectional Approach to Study Immigration Attitudes // Sociological Quarterly, 2010. Vol. 51(2). P. 278–302. DOI: 10.1111/j.1533-8525.2010.01172.x.
- Blumer H. Race Prejudice as a Sense of Group Position // Pacific Sociological Review. 1958. Vol. 1. P. 3–7.
- Kustov A., Laaker D., Reller C. The Stability of Immigration Attitudes: Evidence and Implications // Forthcoming in Journal of Politics. 2019. URL: <https://ssrn.com/abstract=3322121> (дата обращения: 05.05.2024).
- Meuleman B., Davidov E., Billiet J. Changing Attitudes toward Immigration in Europe, 2002–2007. A Dynamic Group Conflict Theory Approach // Social Science Research. 2009. Vol. 38(2). P. 352–365.
- Mitchell J. Context and Change: A Longitudinal Analysis of Attitudes about Immigrants in Adolescence // Socius: Sociological Research for a Dynamic World. 2019. Vol. 5. P. 1–11. DOI:10.1177/2378023119855157.
- Pettigrew T.F., Tropp L.R. A Meta-analytic Test of Intergroup Contact Theory // Journal of Personality and Social Psychology. 2006. Vol. 90(5). P. 751–783.
- Tajfel H., Turner J. et al. An Integrative Theory of Intergroup Conflict // Organ. Identity. Read (Porto Alegre). 1979. Vol. 18, P. 56–65.
- Yamagata M., Teragushi T. The Relationship Between Infection-Avoidance Tendencies and Exclusionary Attitudes Toward Foreigners: A Panel Study of the COVID-19 Outbreak in Japan // PsyArXiv. 2020. URL: <https://psyarxiv.com/x5emj/> (дата обращения: 05.05.2024).

Статья поступила: 03.07.24. Финальная версия: 31.07.24. Принята к публикации: 12.08.24.

DYNAMICS OF RUSSIANS' ATTITUDES TOWARDS IMMIGRANTS: RESULTS OF THE ANALYSIS OF EUROPEAN SOCIAL SURVEY DATA FOR 2006–2021

VORONINA N.S.

Institute of Sociology of FSTAS RAS, Russia

Natalya S. VORONINA, Candidate of Sociological Sciences, leading researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (navor@bk.ru)

Acknowledgements: Work on this paper was supported by Russian Science Foundation Project No. 24-18-00450

Abstract. The article analyzes the dynamics of Russians' attitudes towards immigrants based on the data of the European Social Survey (ESS) from 2006 to 2021. Over the 15-year period, negative assessments of immigrants' contribution to the economy, culture, and life of our country prevail. Throughout the entire study period, Russians approve of ethnically "their" immigrants moving to Russia. Most respondents support the move of some ethnically "foreign" immigrants and immigrants from poorer countries to Russia, while since 2018 there has been a tendency towards an increase in the proportion of Russians who support their move to our country. Attitudes towards immigrants remain consistently negative among women aged 60 and older, living in small towns, with primary/incomplete secondary education, widowed and divorced. The obtained trends require clarification in further research.

Keywords: immigrants, attitudes, European Social Survey, dynamics.

REFERENCES

- Allport G. (1958) The Nature of Prejudice. Garden City, NY: Doubleday Anchor Books.
- Arutyunyan Yu.V., Drobizheva L.M., Susokolov A.A. (1999) *Ethnosociology*. Moscow: Aspect-Press. (In Russ.)
- Berg J.A. (2010) Race, Class, Gender, and Social Space: Using an Intersectional Approach to Study Immigration Attitudes. *Sociological Quarterly*. Vol. 51. No. 2: 278–302. DOI:10.1111/j.1533-8525.2010.01172.x.
- Blumer H. (1958) Race Prejudice as a Sense of Group Position. *Pacific Sociological Review*. Vol. 1: 3–7.
- Inghart R. (1997) Postmodernity: Changing Values and Changing Societies. *POLIS. Politicheskie issledovaniya* [POLIS. Political Studies]. No. 4: 6–33. (In Russ.)

- Karachurina L.B., Mkrtchyan N.V. et al. (2020) *Migration processes in Russia: trends, their interpretation, new approaches to statistical observation*. Moscow: NIU VSHE. (In Russ.)
- Kustov A., Laaker D., Reller C. (2019) The Stability of Immigration Attitudes: Evidence and Implications. *Forthcoming in Journal of Politics*. URL: <https://ssrn.com/abstract=3322121> (accessed 05.05.2024).
- Malahov V.S. (2015) *Integration of Migrants: Concepts and Practices*. Moscow: F-d "Liberalnaya missiya". (In Russ.)
- Meuleman B., Davidov E., Billiet J. (2009) Changing Attitudes toward Immigration in Europe, 2002–2007. A Dynamic Group Conflict Theory Approach. *Social Science Research*. Vol. 38. No. 2: 352–365.
- Mitchell J. (2019) Context and Change: A Longitudinal Analysis of Attitudes about Immigrants in Adolescence. *Socius: Sociological Research for a Dynamic World*. Vol. 5: 1–11. DOI: 10.1177/2378023119855157.
- Monusova G.A. (2021) Attitudes Towards Migrants: Russians' Opinions and Doubts. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No 6: 436–458. DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.2139. (In Russ.)
- Mukomel' V.I. (2017) Xenophobes and their Antipodes: Who are They? *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya* [Universe of Russia. Sociology. Ethnology]. No. 1: 32–57. (In Russ.)
- Pettigrew T.F., Tropp L.R. (2006) A Meta-analytic Test of Intergroup Contact Theory. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 90. No. 5: 751–783.
- Tajfel H., Turner J. et al. (1979) An integrative theory of intergroup conflict. *Organ. Identity. Read (Porto Alegre)*. Vol. 18: 56–65.
- Tihonova N.E., Dudin I.V. (2023) The Main Contradictions of Russian Society in the Perception of the Country's Population: Comparative Significance, Dynamics, Factors. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika* [Sociological Science and Social Practice]. No. 11(2): 6–24. DOI: 10.19181/snsp.2023.11.2.1; EDN: HGVOFG. (In Russ.)
- Voronina N.S. (2019) Dynamics of attitudes towards migration in Russia (according to the European Social Survey for 2006–2016). *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika* [Sociological Science and Social Practice]. No. 7 (2): 99–116. DOI: 10.19181/snsp.2019.7.2.6412. (In Russ.)
- Voronina N.S. (2023) Attitudes Towards Immigrants During the COVID-19 Pandemic (2020–2021). *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika* [Sociological Science and Social Practice]. No. 11(1): 104–123. DOI: 10.19181/snsp.2023.11.1.6; EDN: GIOGqE. (In Russ.)
- Yakimova O.A., Men'shikov A.S. (2019) Dynamics of Attitudes Towards Immigrants in Russia in the Context of Its Comparison with European Countries. *Izvestiya UrFU. Ser. 3. Obshchestvennye nauki* [Herald of the Ural Federal University. Ser. 3. Social Sciences]. No. 14(2/188): 46–61. DOI: 10.21684/2587-8484-2020-4-4-22-40. (In Russ.).
- Yamagata M., Teragushi T. (2020) The Relationship Between Infection-Avoidance Tendencies and Exclusionary Attitudes Toward Foreigners: A Panel Study of the COVID-19 Outbreak in Japan. *PsyArXiv*. URL: <https://psyarxiv.com/x5emj/> (accessed 05.05.2024).

Received: 03.07.24. Final version: 31.07.24. Accepted: 12.08.24.

© 2024 г.

М.Р. ГАБАРАЕВА

ДИСКУРС «ДЕКОЛОНИЗАЦИИ» В АНТИРОССИЙСКИХ TELEGRAM-КАНАЛАХ, ОРИЕНТИРОВАННЫХ НА СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ (опыт контент-анализа)

ГАБАРАЕВА Марина Руслановна – младший научный сотрудник Лаборатории прикладной социологии и конфликтологии Владикавказского научного центра РАН, Владикавказ, Россия (mariina95@yandex.ru).

Аннотация. Автор проанализировал ориентированные на регионы Северного Кавказа 30 Telegram-каналов, объединенных антироссийской риторикой и продвижением идеи разделения России – «деколонизации». Деятельность таких Telegram-каналов так или иначе связана с распространением радикальной и экстремистской идеологии, оправданием терроризма. Анализ подобных онлайн-сообществ необходим для лучшего понимания рисков распространения идеологии терроризма и путей борьбы с ней. В работе использовались методы социального графа для построения сети Telegram-каналов и определения связей между онлайн-сообществами, а также количественного контент-анализа. Комбинация этих методов позволила выделить пять основных тематических категорий публикаций: «СВО на Украине», «ислам», «общекавказская идентичность», «история», «геноцид народов Северного Кавказа». Основная цель этих тематических публикаций и обсуждений в исследованных каналах – создание максимально негативного образа России и образа угнетенных народов Северного Кавказа. Таким образом, в настоящее время параллельно сосуществуют два разнокачественных электронных информационных пространства, ориентированных на Северный Кавказ, – внутреннее региональное (новостные агрегаторы и местные блогеры) и внешнее (антироссийские каналы).

Ключевые слова: Северный Кавказ • социальные сети • онлайн-пространство • Telegram • контент-анализ • «деколонизация» • антироссийская деятельность

DOI: 10.31857/S0132162524080069

Постановка проблемы. С началом Специальной военной операции (СВО) на Украине в публичном медийном (в первую очередь западном) пространстве началось обсуждение разделения России на ряд небольших государств, которые должны быть лишены ядерного оружия и демилитаризованы, чтобы не представлять угрозу соседним странам. К обсуждению этой темы сразу подключились уже существовавшие ранее националистические организации, якобы представляющие интересы нетитульных народов России. Большая часть представителей этих организаций давно проживает за пределами РФ. В 2022 г. стали создаваться различные медийные проекты, продвигающие идеи отделения национальных республик от Российской Федерации и обретения ими независимости. Основная полемика развернулась в социальных сетях. Северный Кавказ как самый полиэтнический регион страны оказался в центре внимания всех заинтересованных в распаде России сил.

Подобные обсуждения о необходимости разделения России на ряд государств появляются не впервые. Практически всегда их появление связано с новым этапом противостояния России и Запада. Одним из излюбленных орудий борьбы является историческая память, которая использовалась для дестабилизации внутренней ситуации в России. Самыми уязвимыми, а потому и первыми попадающими под удар, становятся национальные регионы России. Одним из таких регионов, сложным с точки зрения межэтнических и межконфессиональных отношений, является Северный Кавказ. Основная цель статьи – определить используемые онлайн-сообщества тематические категории для конструирования негативного образа России в северо-кавказских республиках. Необходимо понять, на какие «болевы точки» Северного Кавказа идет давление и насколько оно действительно воздействует на жителей региона.

Большая часть антироссийских сообществ, чье внимание сосредоточено на Северном Кавказе, помимо создания негативного образа России, занимаются также оправданием терроризма и романтизацией образов террористов, участников бандформирований 1990–2000-х гг. В соответствии с Федеральными законами «О противодействии экстремистской деятельности» и «О противодействии терроризму», необходимо работать над предотвращением связанного с деятельностью таких сообществ возбуждения национальной и религиозной розни, а также противодействовать пропаганде идей терроризма и распространению материалов, призывающих к террористической деятельности или оправдывающих ее¹. Для совершенствования мер противодействия важно понимать, какими методами происходит распространение подобных материалов. В связи с этим анализ сообществ, распространяющих радикальную и сепаратистскую информацию, представляется очень актуальным и важным, особенно когда речь идет о Северном Кавказе, уже прошедшем в 1990–2010-х гг. через длительную борьбу с терроризмом.

Большой Кавказ всегда находился в сфере интересов региональных и мировых держав, по-своему представлявших конфигурацию Кавказа. Соотношение сил в регионе периодически изменялось, а доминирующая роль переходила в различные периоды к разным державам [Маркедонов, 2010: 101]. Процесс присоединения Кавказа к России в XIX в. актуализировал противоречия в этом регионе между Великобританией и Российской империей [Чеуцаева, 2012]. Самые ранние планы отделения Кавказа от России появились за рубежом, еще в XIX в. во время Кавказской войны (см., напр.: [Таньшина, 2023: 47–52; Добаев, 2022: 33]).

В XX в. наиболее активное обсуждение темы было связано с «холодной войной» против СССР. Например, в 1952 г. экс-меньшевик Соломон Шварц выдвигал тезис о «колониальном характере» как Российской Империи, так и Советского Союза [Schwarz, 1952]. При обсуждении, что именно из территорий советской России считать колониями, кто-то называл ими все этнически нерусские территории СССР [Kolartz, 1953], другие – только азиатские и кавказские территории [Bennigsen, 1969].

Обсуждение «(де)колонизации» получило сильный импульс с развитием Интернета и социальных сетей, которые дали возможность коммуникационного воздействия на гораздо более обширные массы людей. Многие онлайн-сообщества, созданные как оппозиционерами из регионов России, так и внешними силами, эксплуатируют ряд нерешенных общественных проблем, межэтнических и межконфессиональных противоречий [Домбровская, 2022].

В 2022 г. как реакция на СВО на Украине появилась новая версия дискурса о «деколонизации» России. В июне 2022 г. Комиссия США по безопасности и сотрудничеству в Европе провела брифинг «Деколонизация России: моральный и стратегический императив», где обсуждалась необходимость поддержки сепаратистских движений и зарубежных национальных диаспор². Разделение России на 17 частей было обозначено как стратегическая цель США [Ва-

¹ Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»; Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму».

² Овчинский В. С. Деколонизация России 2.0: механизмы по расчленению Российского государства запущены // Завтра. 2022. 24 сентября. URL: https://zavtra.ru/blogs/dekolonizatsiya_rossii_2_0 (дата обращения: 20.07.2024).

сильев, 2022: 23]. Через месяц после этого в Праге прошел «Форум Свободных Государств ПостРоссии»³, где приняли участие представители различных националистических организаций и несистемной оппозиции [Ваторопин, 2022: 137]. Северный Кавказ на подобных мероприятиях представляют в основном организации, связанные с «Ичкерией»⁴.

Организации и активисты, занятые в этом проекте, объединены общими посылами: все они высказывают безусловную поддержку Украине и осуждение СВО, призывают к активным протестным действиям вплоть до терактов, а также конструируют общие образы России как «тюрьмы народов», «русской оккупации» и страдающих от нее этнических меньшинств. Ряд этих организаций существовали до начала СВО, например, чеченское движение «1ADAT»⁵, «Свободный Идель-Урал»⁶. Многие из них всячески поддерживают и участвуют в создании «национальных батальонов» в составе военных сил Украины [Прилепский, 2023: 132]. С весны 2022 г. к уже существовавшим организациям и сообществам стали добавляться новые.

Новые сообщества редко существуют как формальные организации, по большей части это – ресурсы на различных интернет-площадках. Подобные онлайн-ресурсы, специализирующиеся на националистической пропаганде, характерны не только для Северного Кавказа, однако наибольшее число подобного рода сообществ характерно именно для этого региона.

На момент проведения исследования в 2023 г. обнаружены 30 Telegram-каналов, продвигающих идею «деколонизации» и фокусирующихся на регионах Северного Кавказа. Эти сообщества активно сотрудничают друг с другом и выстраиваются в единую сеть. В 2024 г. часть из этих сообществ была заблокирована, однако добавились и новые, не попавшие в наше исследование. В рамках исследования мы говорим о Telegram-каналах, открыто призывающих к отделению от России, вплоть до призывов к терроризму и военным конфликтам⁷.

Электронное информационное пространство Северного Кавказа. Исследуемые в данной статье сообщества – отнюдь не основная часть информационного пространства Северо-Кавказского федерального округа (СКФО). Их стоит называть, скорее, внешним инфопространством.

Электронное информационное пространство Северного Кавказа можно разделить на несколько составляющих: 1) информационное пространство СКФО, которое представляют крупные новостные каналы, публикующие информацию обо всем федеральном округе; 2) региональное информационное пространство каждого из субъектов СКФО, состоящее из новостных каналов и местных блогеров; 3) внешнее информационное пространство, состоящее из ресурсов, продвигающих сепаратистские и антироссийские идеи на Северном Кавказе.

Первое и второе информационные пространства являются основными для жителей СКФО, так как именно здесь освещаются основные события из их жизни, они также пересекаются между собой через контакты сообществ в виде взаимных репостов и цитирований. Третье пространство на данном этапе является по большей части обособленным,

³ Генпрокуратурой РФ признан нежелательной организацией.

⁴ Организация «Чеченская Республика Ичкерия» признана террористической организацией, запрещена в России. Термин «Ичкерия» используют сторонники сепаратизма для обозначения территорий нынешних Чечни и Ингушетии.

⁵ Движение внесено в перечень запрещенных общественных объединений и религиозных организаций

⁶ Организация признана нежелательной на территории России.

⁷ Есть ряд интернет-сообществ, работающих «тоньше»: они не призывают к отделению от России или каким-то противоправным действиям, но используют схожий набор образов. Это – региональные блогеры и новостные агрегаторы националистической направленности, подбирающие часть своих публикаций так, чтобы хотя и не прямым текстом, но все же конструировать негативный образ России. Для анализа подобных сообществ используемый в данном исследовании метод количественного контент-анализа был опробован, но оказался нерезультативен.

не связанным напрямую с первыми двумя. Однако пересечения все же присутствуют, о них будет сказано ниже.

В данном исследовании было изучено именно третье, внешнее информационное пространство – проведен анализ Telegram-каналов с антироссийской риторикой, продвигающих идею «деколонизации» России на регионы Северного Кавказа. Необходимо сразу отметить, что это – наименьшее из информационных пространств СКФО по общему количеству источников и подписчиков. Общее число подписчиков по состоянию на конец 2023 г. у 30 каналов, перечисленных в таблице 1, – 284 565. Для сравнения: общее число подписчиков у 20 крупнейших Telegram-каналов Северной Осетии – 449 700, а всего пять крупнейших каналов Дагестана имеют общее число подписчиков в 665 281.

В процессе «ручного» мониторинга Telegram-пространства СКФО были обнаружены первые каналы группы. Дальнейший поиск схожих сообществ проводился в процессе изучения их содержания на предмет коммуникации между различными каналами. В последующем был проведен анализ цитирований ряда Telegram-каналов с помощью сервиса tgstat.ru. На основе цитирований выделены связи между сообществами и построен социальный граф. Сбор данных из выделенных антироссийских каналов совершен с помощью имеющейся в мессенджере Telegram функции экспорта чата. Анализ тематического содержания проведен методом количественного контент-анализа, о котором подробнее будет сказано ниже.

Антироссийский характер источников определялся в процессе постоянного мониторинга социальных сетей СКФО. При последующем анализе были найдены другие сообщества, связанные с ними. Дальнейший контент-анализ подтвердил общность тем, идей и мнений, распространяемых данными сообществами. Для анализа были собраны данные из всех сообществ, которые удалось найти на тот момент.

Часть из этих антироссийских Telegram-каналов существовала еще до 2022 г. – это были каналы, ориентированные на Чечню и Ингушетию. До начала СВО основной их тематикой были призывы к «деокупации» Чечни и Ингушетии и созданию «единой Ичкерии». После начала СВО общая тематика изменилась на «деколонизацию» России в целом, сами сообщества вошли в общую сеть Telegram-каналов, а не-анонимные авторы каналов стали участвовать в различных форумах, где обсуждалась тема раскола России.

В табл. 1 представлен общий список Telegram-каналов, проанализированных в данном исследовании. В таблице указана дата создания каналов, число подписчиков на 31 августа 2023 г. и число выгруженных сообщений, анализ которых был проведен. Как можно заметить по датам, каналы стали активно создаваться весной 2022 г.: за три весенних месяца создано 13 каналов, а в следующие месяцы 2022 г. – еще 6. Это можно считать реакцией на начало СВО на Украине 24 февраля 2022 г.

Таблица 1

Telegram-каналы «деколонизаторов», работающие на Северный Кавказ⁸

Название канала	Дата создания	Число подписчиков на 31.08.2023	Число выгруженных сообщений
«Кавказ.Реалии» ^{8*}	01.05.2017	8456	14966
«Ovlur»	09.12.2019	171	1129
«Ичкерия*: Герои, Враги и Предатели»	11.03.2020	6379	3565
«1ADAT»*	11.04.2020	99798	15505
«GENOCIDE OF CHECHENS»	13.10.2020	2616	612
«Фронт ислама»	18.10.2020	6159	31902
«MadWorld»	04.11.2020	10823	6007
«KHASAN_KHALITOV»	04.11.2021	20655	3928

⁸СМИ, признанное иностранным агентом.

Окончание таблицы 1

Название канала	Дата создания	Число подписчиков на 31.08.2023	Число выгруженных сообщений
«Оплот Ичкерии Ичкерии* г1ортор» (первое название – «Армия Джохара Дудаева»)	14.12.2021	26871	7636
«bart»	17.12.2021	1852	1301
«Вайнах»	05.03.2022	1742	5385
«ADIGI_TUT»	11.03.2022	817	2606
«BATIR KARACHAEVSKIY»	22.03.2022	1407	1435
«Утро Дагестана»	29.03.2022	44519	11809
«ГОРЕЦ»	03.04.2022	15601	6245
«Имамат Кавказ» (первое название «Свободный человек»)	08.04.2022	4857	3326
«Другой Кавказ»	08.05.2022	1177	1252
«Зона Кавказа»	09.05.2022	1404	3943
«Заметки путника» (первое название «Годекан»)	13.05.2022	79	254
«Свободный Ногайстан»	13.05.2023	182	60
«Rizvan Kubakaev» (первое название «Свободный Ногай Эл»)	14.05.2022	1184	1080
«Записки Горца»	16.05.2022	2063	1098
«ABDULLAH ABREK»	29.05.2022	4177	5619
«Абдуллах Шамиль. Оценка настоящего сквозь призму прошлого» (первое название «Кавказ и Россия. Прошлое и настоящее»)	18.08.2022	6104	970
«НОХЧИЙН ГУЛАМ»	06.08.2022	1653	1072
«Дагестанский Национальный Центр»	25.09.2022	8029	140
«Восход Ислама»	28.09.2022	1770	965
«ĞALĖAY KOMİTET» (первое название – «Комитет Ингушской Независимости»)	16.12.2022	2880	188
«Circassian Media»	26.12.2022	373	677
«Republic of Circassia»	07.07.2023	767	188

Построение социального графа. Интерес для изучения представляют сообщества и связи между ними. Для изучения таких связей создаются социальные графы, являющиеся наиболее удобным способом визуального изображения социальных групп и связей между ними. В простейшей форме социальный граф представляет из себя обозначения людей в виде вершин и связи между ними в виде ребер. Такой абстрактный подход оказался полезен для изучения социальных отношений. Интернет-пространство при таком подходе предстает схемой-сетью людей и сообществ, позволяющей фиксировать ранее невидимые связи между ними [Boyd, Ellison, 2007]. Изучение социальных сетей показывает наличие у них тех же структурных свойств, которыми обладают и обычные человеческие сообщества: кластеризация, эффект маленького мира и т.д. [Easley, Kleinberg, 2010].

Онлайн-сообщества – кластеры пользователей, связанных между собой сильнее, чем с другими пользователями сети. Сообществом можно назвать группу пользователей, объединенных общими интересами, идеями, целями и т.д. Сообщества могут объединяться в более крупную группу – сеть. Сетью в данной работе названа группа сообществ, объединенных общими темами и продвигаемыми идеями, связанных между собой взаимными

3. Черкесские каналы (нет ярко выраженного центрального канала);
4. Ногайские каналы (нет ярко выраженного центрального канала);
5. Общекавказские каналы (центральные каналы – «ГОРЕЦ», «Абдуллах Шамиль», «Кавказский узел*», «Кавказ.Реалии*»).

Помимо этих кластеров на рис. 1 присутствует ряд других каналов. Часть из них – информационные источники российских оппозиционных СМИ-иноагентов («Телеканал Дождь», «Новая Газета», «Команда против пыток»), украинские каналы («Україна 24», «Реальна Віна»), белорусский оппозиционный канал «Nexta.live». Из внутренних региональных информационных пространств, наиболее связанными с этой сетью «деколонизаторов», оказываются пространства Ингушетии, Дагестана и Северной Осетии. Каналы «деколонизаторов» делают репосты из региональных каналов этих республик, сами же региональные каналы позволяют себе репосты только из канала «Кавказский узел*», при этом от каких-либо комментариев они воздерживаются, позволяя себе лишь репосты. Ингушетия связана через оппозиционный ингушский канал «Фортанга», созданный в 2018 г. во время протестов против соглашения о делимитации границ с Чеченской Республикой. Из дагестанских каналов связи есть у двух оппозиционных местным региональным властям (но не радикальным) каналов «@chernovik.net» и «Спросите у Расула». Также связи найдены у трех североосетинских каналов – «Alixandzinad», «Rajdian – [æ]», «Осетия – [æ]». Эти три канала являются частью сети национально ориентированных сообществ Северной Осетии, отличающихся антивоенной позицией.

Главные вопросы при изучении Telegram-пространства – кто является подписчиками и какая часть подписчиков проживает на территории СКФО. Определить это невозможно. Отчасти можно делать выводы по связям между различными сетками каналов. Региональные сети часто плотно связаны друг с другом через взаимные цитирования, особенно это касается новостных агрегаторов, собирающих всю информацию о регионе. Такие региональные Telegram-каналы практически никогда не делают репосты из каналов «деколонизаторов». Между собой эти две сети связаны только через сторонние каналы, прежде всего через каналы организаций – иностранных агентов, активно распространяющих любую информацию, которую можно интерпретировать как антивоенную («Кавказский узел*», «Медуза*» и т.д.).

Тематические категории публикаций Telegram-каналов. Для подтверждения связей между каналами и для понимания общих идей и тем, публикуемых Telegram-каналами, был проведен количественный контент-анализ – автоматизированный анализ с помощью специальных компьютерных программ. Такой метод позволяет изучить большие массивы текстовых данных в достаточно короткие сроки.

В данном исследовании контент-анализ проводился с помощью программы QDA-Miner от Provalis Research. Из каждого канала были получены данные за период с начала 2022 г. и до 31 августа 2023 г. Одной из функций количественного анализа программы QDA Miner является создание списка топики: анализируя весь массив данных, программа определяет слова, чаще всего употребляющиеся внутри одного предложения или абзаца, в зависимости от запроса пользователя. Слова и словосочетания группируются в топики программой автоматически, т.е. топики были определены не предварительно, а уже в результате количественного контент-анализа.

Результат, получаемый при подобном анализе, представляет собой таблицу с указанием названия топики, общей частотностью каждого слова и фразы внутри этого топики и их перечислением. Такой анализ был проведен для каждого Telegram-канала отдельно. В большинстве случаев у разных каналов были обнаружены схожие топики, которые впоследствии были объединены в более крупные тематические группы. Эти результаты представлены в табл. 2. В рубрике «Примеры слов и словосочетаний» находятся все оригинальные (не повторяющиеся) слова и словосочетания, обнаруженные в процессе количественного контент-анализа.

Таблица 2

Тематическое содержание Telegram-каналов «деколонизаторов»

Топики	Частотность	Каналы	Примеры слов и словосочетаний
Украина и военные действия	5382	«Вайнах», «The Circassian Times», «Rizvan Kubakaev», «Записки Горца», «Зона Кавказа», «Ичкерия: Герои, Враги и Предатели», «Кавказ.Реалии», «Оплот Ичкерии», «1ADAT»*	Боевых действий; военной службы; российские войска; украинские военные; территории Украины; заявил президент Украины; оккупантов; российских; независимости; войны в Украине; репрессии в отношении противников войны; убивать мирных; мирных жителей Украины
История	4244	«adigi tut», «The Circassian Times», «Rizvan Kubakaev», «Имамат Кавказа», «khasan khalitov»	Черкесской войне; Кавказской войны; Черкесской конфедерации; жертв войны; казачий полк; черкесская армия; знания исходят из русских источников; бойцы продолжали сражаться как боевики; произошла эта битва; набеги и сжигать черкесские деревни; геноцид черкесов; попали в руки врага; сожжен отрядом; истреблен; Ногайского; Российской империи; советской оккупации, российских оккупантов; российских войск; врагов; чеченской республики; истории чеченского народа; враг Аллаха
Ислам: проповеди, цитаты из книг, восхваления Аллаха и пр.	3030	«abdullah abrek», «bart», «batir karachaeveskiy», «MadWorld», «Абдуллах Шамиль», «Вайнах», «Имамат Кавказа»	Благословит его Аллах; доволен им Аллах; пророк; посланник; Аллах; путь Аллаха; сражаются на пути Аллаха; будьте стойки ради Аллаха; ибо это ближе к богобоязненности; поможет Аллах мусульманам; хадис
Судьбы народов Кавказа, призывы к единству	2481	«abdullah abrek», «batir karachaeveskiy», «Записки Горца», «Утро Дагестана», «Rizvan Kubakaev»	Народы; Кавказа; Народов Кавказа; народ Дагестана; горцев; свободных народов России; выступающая за самоопределение нации; национальных движений; горских народов, усилиями малых народов; взвешенных общих интересов северокавказских народов; культурного единства Северного Кавказа; плодородных земель; колониальную риторику; депортацию местных народов; полутора вековую агрессию и завоевание; вскоре сменит Кадыровский пропутинский режим; деградация инфраструктуры; экономическая отсталость; разгул неприкрытой кавказофобии; открыто предлагали очистить страну

Окончание таблицы 2

Топики	Частотность	Каналы	Примеры слов и словосочетаний
Кадыров	2308	«1ADAT»*, «Восход ислама»	Кадыров; кадыровские; чеченского народа; наместники оккупантов; врагов Аллаха; пути Ахмата; кадыровских террористов; золотые дворцы; Адам Кадыров; Ахмата Кадырова; кремлевский наместник Чечни
Военные суды над дедертирами и отказавшимися от контракта	1712	«Зона Кавказа», «Кавказ. Реалии»	Строгого режима; военный суд; колонии общего режима; гарнизонный военный суд; южный окружной военный суд
Сбор средств на криптокошельки	1380	«Фронт ислама»	Нажмите по адресу для копирования; средств; если возникли трудности с переводом средств
Сообщения о погибших на Украине	1236	«abdullah abrek», «The Circassian Times», «Зона Кавказа», «Утро Дагестана»	Умер; уроженец села; спецоперации на Украине; умер уроженец; Украине умер, подтверждена гибель; уроженцев Кабардино-Балкарии; военной операции на Украине; официально подтверждена гибель; уроженцев Дагестана; уроженцев Северной Осетии
Новые территории	1235	«Кавказ.Реалии»	Херсонской области; Донецкой области; Херсонской и Запорожской; обстрела; области гибели; Херсонской областной военной администрации
Похищения и репрессии в отношении местных жителей	858	«1ADAT»*	Незамедлительно сообщите информацию по этому поводу; молчание и бездействие помогают продолжать геноцид чеченского народа; похитили, кадыровскими наместниками оккупантов был похищен; незаконно удерживают; подвергаясь пыткам и избиениям; сфабриковать уголовное дело; массовые похищения
Народы Кавказа отправляют на убой на Украину	779	«Вайнах», «Оплот Ичкерии»	Убой в Украину; отправить на убой; Рамзана Кадырова; войны в Украине
Шейх Мансур	715	«Оплот Ичкерии», «khasan khalitov», «Ичкерия: Герои, Враги и Предатели»	Шейха Мансура; батальон
Мобилизация	650	«Восход ислама», «Вайнах»	Войны и мобилизации; протеста против мобилизации; продолжают кошмарить; составляют административные протоколы; местных жителей; Северном Кавказе; войне в Украине; повестку; военкомат
ЧВК Вагнер	330	«The Circassian Times»	Вагнер; ЧВК; источник
Призывы на акции протеста	306	«Утро Дагестана»	Такбир; протест; Аллагын; акция протеста; скандировать такбир
Отключение коммуникаций	265	«Утро Дагестана»	Электричества; воды; отключают

Часть обнаруженных в результате анализа топики можно назвать ситуативными, т.е. связанными с конкретными событиями, происходившими в 2022–2023 гг. К таким ситуативным топикам можно отнести: «Шейх Мансур», связанный с «Батальоном Шейха Мансура»¹⁰, созданным на Украине; «ЧВК Вагнер», связанный с событиями 23–24 июня 2023 г. Остальные топики можно сгруппировать в более крупные смысловые категории: «Специальная военная операция на Украине», «ислам», «общекавказская идентичность», «история», «геноцид народов Северного Кавказа». При этом категории «история» и «геноцид народов Северного Кавказа» тесно связаны между собой¹¹.

Самым частотным топиком оказалась тема про СВО. Необходимо отметить, что 2133 упоминания из 5382 принадлежат Telegram-каналу «Кавказ.Реалии»*. На этом канале ежедневно выходит дайджест новостей с заголовком «Война с Украиной. Главное на утро», чем и объясняется такая частотность упоминаний. В целом, в публикациях этого и других Telegram-каналов про СВО Россия предстает как оккупант и агрессор, уничтожающий мирное население и устраивающий репрессии в отношении противников войны. Часто в публикациях военные действия на Украине сравниваются с Чеченскими войнами 1990–2000-х гг.¹² Основной посыл подобных публикаций – создание образа агрессивной колониальной империи России, якобы постоянно угнетающей народы, стремящиеся к самостоятельности: *«Наблюдая за происходящим на Украине, у чеченского народа перед глазами встает картина двух вторжений российских агрессоров на территорию Ичкерии. Лозунги России, звучащие на фоне вторжения на территорию Украины, схожи с теми лозунгами – “спасение местного населения от выбранной ими же власти и наказание бандитов у этой власти”»* (Telegram-канал «1ADAT»*)¹³.

Главный метод создания негативного образа России и главный аргумент необходимости деколонизации – ссылки на историю. Вся история взаимоотношений России и Северного Кавказа используется для создания образа многовекового геноцида, колонизации и насилия. Чаще всего Telegram-каналы обращаются к событиям Кавказской войны и присоединения Кавказа к Российской Империи, репрессиям 1930-х гг., депортации 1940-х гг., Чеченским войнам 1994–2009-х гг. В черкесских каналах публикаций об исторических событиях значительно больше, чем в других. Практически все их публикации являются цитатами из записей путешественников, мемуаров, любых исторических текстов, где описываются история, культура, быт черкесов. Все эти публикации создают образ древнего и мудрого горского народа, колонизированного более крупным государством и уничтоженного им («геноцид черкесского народа» в 1860-х гг.). Такая игра образами характерна для всех Telegram-каналов. Вот лишь один пример: *«Мы прошли огромный путь за 150 лет оккупации нашей Родины. Был период физического уничтожения нашего народа. Потом был период, когда пытались лишить нас памяти, культуры, языка. Три формации прошли государственных. Россия как Империя менялась, и мы ее наблюдали в трех формациях. Но отношение к черкесам ни разу не менялось!»* (Telegram-канал «Circassian media»).

Современные события и политические деятели из числа руководства регионов СКФО интерпретируются в контексте этой идеи «геноцида» кавказских народов. Обвинения звучат

¹⁰ Шейх Мансур – исламский проповедник и военачальник, первый имам Северного Кавказа, предводитель сопротивления горцев Российской империи в 1785–1791 гг.

¹¹ Обсуждение «геноцида» в контексте Северного Кавказа обычно касается принудительного выселения черкесов в 1860-х гг., оценка которого все еще является темой дискуссий историков. Однако для исследованных каналов не только вопрос геноцида черкесов не является дискуссионным, но и другие исторические события встраиваются в концепцию геноцида. Утверждение о сознательном уничтожении коренного населения Кавказа превратилось в набор лозунгов, используемых применительно к ряду исторических и современных событий. Основная цель обсуждения всех этих тем – создание негативного образа России и ее непростых взаимоотношений с народами Северного Кавказа.

¹² Чеченскими войнами называют вооруженные конфликты 1994–1996 и 1999–2009 гг. между Российской Федерацией и вооруженными формированиями «Чеченской республики Ичкерия».

¹³ Во всех цитатах в основном сохранены оригинальные пунктуация и орфография.

в сторону всех глав регионов, особенно часто в сторону Р.А. Кадырова – отчасти из-за его медийности, отчасти из-за личных конфликтов между администраторами Telegram-каналов и главой Чечни. Нападакам подвергаются также муфтияты – региональные исламские религиозные организации. Их в Telegram-каналах называют «кремлевскими муфтиятами», предателями истинной веры и лжецами. Религия при этом активно педалируется как основа единства народов Северного Кавказа. Часто публикуются цитаты из религиозных исламских текстов, видеозаписи с проповедями. Все это используется для аргументации одной мысли – «прислуживающие» России не могут называть себя истинными мусульманами. Любое пророссийское высказывание со стороны религиозных деятелей приравнивается к предательству веры. Распространена идея создания общекавказского государства, которое будет жить по законам шариата. Приведем пример подобного экстремизма: «И как же удивительно, что сегодня мы можем видеть как человек может служить России, приносить приношение ей и при этом называть себя мусульманином, в то время как Всевышний Аллах сказал: "Те, которые уверовали, сражаются на пути Аллаха, а те, которые не уверовали, сражаются на пути тагута"¹⁴. Сражайтесь же с помощниками шайтана. Поистине, козни шайтана слабы» (Telegram-канал «ГОРЕЦ»).

Призывы к объединению народов Кавказа в борьбе против России звучат и вне контекста религии. В таких публикациях подчеркивается культурная общность, наличие общих интересов (здесь в основном подразумевается желание освободиться от «оккупации»), а также якобы плохое отношение российского руководства к Северному Кавказу, «нежелание» Москвы развивать регион. Как и в случае с религиозными призывами, призывы к единению народов Северного Кавказа направлены в первую очередь на эмоциональное воздействие на читателя. Все эти публикации называют нынешнее положение кавказских народов «рабским»: «История повторяется: Раньше были Абреки (чуждые). Сейчас террористы да экстремисты, а борьба вся та же, окунуть в рабство народы Кавказа, чтобы и мысли сопротивляться не было. А народы все так же слепы, те кто борется за их честь порицают, а тот кто хочет их приручить распахнувшимися руками встречают. И вспоминаются слова одного из достойных сынов Кавказа, которыми являются аргументом на вопрос, почему так происходит: "Раб, не стремящийся выйти из рабства, заслуживает двойного рабства" Д М Дудаев» (Telegram-канал «ABDULLAH ABREK»).

Большая часть обнаруженных с помощью количественного контент-анализа топиков конструирует идею сознательного «геноцида» народов Северного Кавказа не только в прошлом, но и в настоящем. К таким топикам относятся: «военные суды над дезертирами/отказавшимися от контракта», «сообщения о погибших военнослужащих», «похищения местных жителей», «народы Кавказа отправляют на убой», «мобилизация». В этих публикациях конструируется образ притесняемых и уничтожаемых народов Северного Кавказа, страдающих от действий России.

С самого начала СВО эти Telegram-каналы призывали военнослужащих-контрактников отказываться от участия в военных действиях, увольняться или просто сбежать. Случаи отказа среди контрактников из регионов СКФО действительно были¹⁵, ход судебного процесса потом активно освещался во всех оппозиционных СМИ и каналах «деколонизаторов». Факт службы выходцев с Северного Кавказа в Вооруженных силах России объясняется «деколонизаторами» исключительно невозможностью найти хорошо оплачиваемую работу, что, в свою очередь, объясняется «нежеланием» РФ развивать регион. Таким образом, создается образ «злой» России, специально ставящей кавказцев в безвыходное положение и вынуждающей их служить в армии.

¹⁴ Тагут – арабский термин, обозначающий идолопоклонство, ложное обожествление.

¹⁵ «Суд в Майкопе приговорил контрактника к 5 годам колонии-поселения – он не вернулся из отпуска во время мобилизации» // 93.ru. 2023. 3 апреля. URL: <https://93.ru/text/incidents/2023/04/03/72188456> (дата обращения: 20.07.2024).

Этот образ поддерживается и сообщениями о погибших военнослужащих, которые распространялись по всем Telegram-каналам этой сетки. Велся постоянный подсчет общего числа погибших из регионов СКФО. Число погибших сравнивалось с числами погибших из других регионов страны, особенно часто из Москвы. Из этого делался вывод: «русские отправляют вас на убой, а сами не воюют».

Фраза «вас отправляют на убой» стала особенно частой после объявления мобилизации в сентябре 2022 г., когда именно с таким лозунгом Telegram-каналы призывали ни в коем случае не идти в военкомат, прятаться, уезжать из страны или устраивать протесты. Организация протеста удалась тогда только в Дагестане¹⁶. В первые дни после объявления частичной мобилизации все информационное пространство страны было хаотичным, его заполнило множество фейков и слухов, уровень эмоциональности и напряжения в обществе был достаточно высок, чем и воспользовались организаторы протеста. Основным организатором антимобилизационного протеста в Дагестане стал Telegram-канал «Утро Дагестана». Как видно из табл. 2, только у этого канала обнаружен топик «призывы на акции протеста».

Уже упомянутая тема похищений и репрессий в отношении населения Северного Кавказа также является частью идеи «геноцида». Администраторы Telegram-каналов призывают подписчиков присылать им любую информацию о подобных происшествиях, данные их похищенных родственников, фото- и видеоматериалы. Больше всего таких сообщений о Чеченской республике.

Идея якобы ныне идущего «геноцида» народов Кавказа в сочетании с экскурсами в историю в поисках любых трагических событий создает отрицательный образ России, которая предстает как жестокая империя, насильно присоединившая к себе Северный Кавказ и веками его угнетающая. Манипулирование исторической памятью идет с помощью осознанного подбора событий, показывающих Россию исключительно с отрицательной стороны. На данный момент региональные Telegram-каналы массово не продвигают эту идею и этот образ России. Однако в региональных информационных пространствах есть достаточно «национально-ориентированных» блогеров и сообществ, пусть пока не позволяющих себе откровенно антироссийских высказываний, но находящихся в пограничном состоянии.

Полноценный анализ Telegram-каналов «деколонизаторов», фокусирующихся на других национальных республиках России, в данном исследовании не проводился. Однако общий мониторинг подобных сообществ позволяет сделать предварительные выводы. Региональная специфика фактически выражена у них лишь в наборе исторических событий, используемых для конструирования необходимых образов и идей, а также в наличии или отсутствии религиозного фактора – он используется для традиционно мусульманских национальностей России. Основные используемые образы у всех подобных сообществ общие: «русская оккупация», притеснение национальных языков и традиций, исламофобия, русский национализм, геноцид малых народов России, Москва, выкачивающая ресурсы из национальных территорий, колониальное положение национальных территорий, врожденный империализм русских, сравнения русских с фашистами. Региональные особенности выражаются лишь в наборе односторонне интерпретируемых конкретно-исторических фактов, на которые нанизываются все эти идеи и образы.

Заключение. Начиная с XIX в. Кавказ регулярно оказывался в центре внимания во время каждого обострения отношений между Россией и Западом. Наличие ряда внутренних проблем в регионе дает достаточно благодатную почву для различных концепций внешнего воздействия. Сложная история взаимоотношений как между разными национальностями, населяющими территорию Кавказа, так и между Кавказом и Россией также является благодатной почвой для дестабилизации обстановки посредством манипулирования исторической памятью.

¹⁶ «У нас горячий народ»: Кто рассказывает протест на Кавказе». // РИА Новости. 2022. 5 октября. URL: <https://ria.ru/20221005/dagestan-1821422494.html> (дата обращения: 20.07.2024).

Новая версия проекта «деколонизации России», запущенная в 2022 г. после начала СВО на Украине, основной точкой для медийного давления выбрала регионы Северного Кавказа – самая большая сеть сообществ «деколонизаторов» была создана именно для них. Построение общей сети Telegram-каналов с помощью социального графа помогло установить прежде не очевидные связи между сообществами. В данном случае были обнаружены не только связи между открыто антироссийскими каналами, но и их связи с внутренними региональными каналами, а также с оппозиционными российскими и зарубежными каналами.

Основные образы, используемые для продвижения идей деколонизации, не являются новыми и не являются особенными лишь для северокавказского региона. Большая их часть использовалась и в XIX, и в XX веках, а сейчас используется антироссийскими сообществами, направленными на различные национальности России. Основа этих образов лежит в идеологической конструкции, где Россия всегда и везде – колонизатор и агрессор, притесняющий малые народы, использующий их территории. Отличия зависят лишь от набора исторических фактов, выбранных для того или иного региона, национальности.

Терроризм и экстремизм еще совсем недавно, лет 15–10 назад, являлись острой проблемой на Северном Кавказе. Хотя в последнее десятилетие террористическая опасность, связанная с северокавказскими проблемами, существенно снизилась, но после начала СВО различные радикальные идеологии активно используются антироссийскими Telegram-каналами, образы террористов романтизируются и предстают в виде «освободителей народа», а теракты оправдываются. С середины 2010-х гг. северо-кавказский регион был достаточно спокоен, но после начала СВО сообщества радикальных исламистов активизировались. Рассмотренные в статье Telegram-каналы являются идеальными распространителями экстремизма, так как главная их цель – дестабилизация ситуации в России. Профилактика осуществляемой ими пропаганды терроризма и экстремизма – задача, стоящая не только перед государством и правоохранительными органами, но и перед общественными, религиозными организациями и научным сообществом, которое со своей стороны может помочь в выявлении угроз и «болевых точек».

Главным практическим вопросом остается уровень влияния открыто антироссийских каналов, продвигающих идею «деколонизации» России, на жителей регионов Северного Кавказа. Так как достоверно определить местожительство подписчиков каналов невозможно, самым объективным способом представляется анализ связей между каналами. Можно предполагать, что подписчиками новостных агрегаторов и местных блогеров в основном являются жители Северного Кавказа, именно эти каналы и следует считать региональными. Определенно говорить о слиянии информационного пространства Северного Кавказа и антироссийской сетки можно будет лишь в том случае, если появятся связи между этими сетками и при совпадении тематического содержания публикаций. О совпадении тематического содержания информационных потоков региональных сообществ с потоками сообществ «деколонизаторов» можно говорить лишь в отношении небольшого числа Telegram-каналов, связи с которыми и были обнаружены в данном исследовании. Пока эти тематические пересечения невелики, что показывает относительную слабость направленной на народы Северного Кавказа антироссийской пропаганды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Васильев В.С. Россия и Америка в XXI в.: логика цивилизационного противостояния // Перспективы. Электронный журнал. 2022. № 3. С. 7–26.
- Ваторопин А.С., Тепляков И.И. Молодежный экстремизм в России в контексте специальной военной операции // Образование и право. 2022. № 8. С. 133–139.
- Добаев И.П. Кавказский макрорегион в перекрестье геополитических напряжений // Россия и мусульманский мир. 2022. № 3. С. 32–39.

- Домбровская А.Ю., Давыдова М.А. Когнитивная карта информационных потоков доминирующих типов сетей социального недовольства региональных сообществ рунета // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3. С. 77–88.
- Маркедонов С.М. Кавказский регион: От периферии к эпицентру мировой политики // Актуальные проблемы Европы. 2010. № 3. С. 100–122.
- Прилепский П.А., Буров А.С. Технологии внешнего влияния на политику Российской Федерации в контексте специальной военной операции на Украине // Вестник Московского ун-та. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2023. Т. 20. № 2. С. 126–140
- Таньшина Н. Страшные сказки о России: Классики европейской русофобии и не только. СПб.: Питер, 2023.
- Чеучаева А.К. Основные направления внешней политики Великобритании на Северо-Западном Кавказе в 50–60-х гг. XIX в. // Вестник АдГУ. Сер.: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012. № 2. С. 34–45.
- Bennigsen A. Colonization and Decolonization in the Soviet Union // *Journal of Contemporary History*. 1969. Vol. 4. No. 1. P. 141–151. DOI: 10.1177/002200946900400110.
- Kolart W. *Russia and Her Colonies*. Hamden, CT: Archon Books, 1953.
- Schwarz S.M. Revising the History of Russian Colonialism // *Foreign Affairs*. 1952. Vol. 30. No. 3. P. 488–493. DOI: 10.2307/20030915.

Статья поступила: 19.03.24. Финальная версия: 25.07.24. Принята к публикации: 26.07.24.

"DECOLONIZATION" DISCOURSE IN ANTI-RUSSIAN TELEGRAM CHANNELS AIMED AT NORTH CAUCASUS (A CONTENT ANALYSIS)

GABARAEVA M.R.

Vladikavkaz Scientific Centre of RAS, Russia

Marina R. GABARAEVA, Junior Researcher of Laboratory of sociology and conflictology of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS, Vladikavkaz, Russia (mariina95@yandex.ru).

Abstract. In recent years social media has turned out to be a new way of controlling minds of people and forming the way they view the world. North Caucasus has always been a complex multi-ethnic and multi-religious region. Territorial disputes and old (but not forgotten) conflicts make North Caucasus easy to try manipulating to stir it away from Russia. The idea of "decolonization" of Russia has resurfaced again after the Special military operation. The article presents an analysis of Telegram channels which are connected by anti-Russian rhetoric, promote "decolonization" and are focused on North Caucasus. The social graph method is used to create visual representation of the network of channels and connections between them. The quantitative content analysis method was used to analyze the text. We were able to identify five main thematic categories: "Special military operation in Ukraine", "Islam", "pan-Caucasian identity", "history", "Genocide of the peoples of the North Caucasus". The main purpose of these publications is to create a negative image of Russia, as well as to create an image of the oppressed North Caucasus colonized peoples. The level of influence of these posts on the real population of the region is the main question. We suggest that there are several information spaces: internal regional (news channels and local bloggers) and external (all the anti-Russian channels). It will be possible to talk about their merger only in two cases: if permanent connections emerge between them or if the thematic content of publications becomes sufficiently similar.

Keywords: North Caucasus, social networks, online space, Telegram, content analysis, decolonization, anti-Russian activities, social graph.

REFERENCES

- Bennigsen A. (1969) Colonization and Decolonization in the Soviet Union. *Journal of Contemporary History*. Vol. 4. No. 1: 141–151.
- Cheucheva A.K. (2012) The main directions of foreign policy of Great Britain in the Northwest Caucasus in 1850–1860s. *Vestnik AdGU. Ser. Regionovedeniye: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya* [Bulletin of AdSU. Ser. "Region Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Culturology"]. No. 2: 34–45. (In Russ.)

- Dobaev I.P. (2022) The Caucasian macroregion at the crossroads of geopolitical tensions. *Rossiia i musul'manskiy mir* [Russia and the Muslim World]. No. 3: 32–39. (In Russ.)
- Dombrovskaya A. Yu., Davydova M.A. (2022) Cognitive map of information flows of dominant types of social discontent networks of regional runet communitites. *Izvestiya TulGU. Gumanitarnyye nauki* [Herald of TulSU. Humanitarian Sciences]. Vol. 2. P. 77–88. (In Russ.)
- Kolartz W. (1953) *Russia and Her Colonies*. Hamden, CT: Archon Books.
- Markedonov S.M. (2010) The Caucasus region: From periphery to the focal point of international affairs. *Aktual'nyye problemy Yevropy* [Current problems of Europe]. Vol. 3: 100–122. (In Russ.)
- Prilepsky P.A., Burov A.S. (2023) Technologies of external influence on the policy of the Russian Federation in the context of a special military operation in Ukraine. *Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 21. Upravleniye (gosudarstvo i obshchestvo)* [Bulletin of the Moscow University. Ser. 21. Management (State and Society)]. Vol. 2: 126–140. (In Russ.)
- Schwarz S.M. (1952) Revising the History of Russian Colonialism. *Foreign Affairs*. Vol. 30. No. 3: 488–493.
- Tanshina N. (2023) Scary tales about Russia: Classics of European Russophobia and more. St. Petersburg: Piter. (In Russ.)
- Vasilyev V.S. (2022) Russia and America in the 21st century: the logic of civilizational confrontation. *Perspektivy. Elektronnyy zhurnal* [Prospects. Electronic Journal]. No. 3: 7–26. (In Russ.)
- Vatoropin A.S., Teplyakov I.I. (2022) Youth extremism in Russia in the context of a Special military operation. *Obrazovaniye i pravo* [Education and Law]. No. 8: 133–139. (In Russ.)

Received: 19.03.24. Final version: 25.07.24. Accepted: 26.07.24.

О.В. ВАСИЛЬЕВА

ПАТРИОТИЗМ КАК ПРАГМАТИЧНЫЙ И/ЛИ АФФЕКТИВНЫЙ ВЫБОР (на материалах Республики Саха (Якутия))

ВАСИЛЬЕВА Ольга Валерьевна – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск, Россия (Ovasileva.igi@mail.ru).

Аннотация. На материалах Республики Саха (Якутия) проанализирована взаимосвязь между позицией в отношении гражданского патриотизма, социально-демографическими характеристиками населения и его ценностными ориентациями. В статье представлены результаты анкетного репрезентативного опроса ($N = 1066$) в этой республике весной 2024 г. Установлена взаимосвязь между декларируемой позицией якутян в отношении российского патриотизма и некоторыми социально-демографическими характеристиками: ответы респондентов существенно зависят от возраста и места проживания, особенно – от социально-экономического положения и уровня образования. Нет различий в общероссийском патриотизме между представителями разных этнических групп Республики Саха (Якутия). В то же время жители Саха (Якутии) с патриотической самоидентификацией не гомогенны по своим ценностным ориентациям. Они делятся в пропорции примерно 47:53 на тех, кто ориентирован на выбор установок условно космополитического и национального мировоззрения. Выявлены сильные различия между ответами якутян, считающих себя патриотами России, но имеющих разные ценностные установки, об их доверии Президенту РФ и оценках исторического прошлого страны.

Ключевые слова: гражданский патриотизм • глобализация • ценностные ориентации • государство • Якутия • родина

DOI: 10.31857/S0132162524080072

Теоретизирование патриотизма. Дискуссия, что собой представляет патриотизм и чем обосновано его существование, ведется давно. В работах современных зарубежных и отечественных социологов сталкиваются разные точки зрения. Одни трактуют патриотизм как «реликт» уходящей эпохи, другие – как актуальный феномен мира модерна.

Патриотизм в контексте проблем общества модерна рассматривается, прежде всего, в связке с процессом индивидуализации. Критическое отношение к патриотизму связывают с тезисом З. Баумана, что в современном мире рациональное поведение требует, чтобы возможностей выбора было как можно больше и чтобы они всегда были открыты. Обретение четкой самоидентичности (в том числе национальной), раз и навсегда придающей всем и каждому «целостность» и «преемственность», закрывает ряд жизненных возможностей либо заранее лишает прав на их использование [Бауман, 2005: 118]. Патриотизм при таком подходе оказывается нерациональным чувством причастности к нации и государству, закрывающим индивиду определенные позитивные возможности (например, миграции в страну с лучшими условиями).

Статья подготовлена по проекту «Патриотизм народов Северо-Востока России: большая и малая родина в нарративах жителей Якутии и Чукотки» в рамках реализации Программы научных исследований этнокультурного многообразия российского общества, направленных на укрепление российской идентичности, 2023–2025 гг. (поручение Президента Российской Федерации № Пр-71 от 16.01.2020 г.), рук. – акад. РАН В.А. Тишков.

Несколько в ином контексте эту тенденцию трактует У. Бек, который тоже пишет о необходимости отказа от национального мышления. Согласно национальному мировоззрению, полагает У. Бек, современные общества могут быть организованы только в национально-территориальные формы. В этом случае у каждого человека есть единственная родина, которую не выбирают. Однако данная позиция, как кажется этому исследователю, плохо сочетается с реалиями транснационального мира, предполагающего множественные привязанности, совершенно не связанные с границами стран или национальностью [Бек 2008: 34–37].

На Западе есть и исследователи, которые не считают, что повышение связанности мира и глобализация «отменяет» гражданственность и патриотизм. Они указывают, в частности, что мобильность даже в транснациональном мире – явление, доступное не для всех, она связана с наличием высокого капитала (экономического, но также культурного и социального), а его отсутствие, напротив, приковывает к месту рождения [Бурдые, 2005].

Обозначившиеся в последние десятилетия тенденции деглобализации мира актуализируют изучение «ренессанса» национальных государств и традиционного патриотизма. Они также требуют тщательного анализа феномена патриотизма в контексте специфики стран, в том числе российской действительности с учетом ее регионального многообразия. Западные исследователи при анализе ситуации в России отмечают высокий уровень патриотизма [Blackburn, 2020]. Их критика российских реалий часто основывается на обвинении в пересечении патриотического и этнического дискурсов: «возникновение национализма в России можно понимать с точки зрения этнизации повседневных патриотических практик» [Goode, 2017]. Этнизация патриотизма в российском многонациональном обществе должна была породить ряд проблем, связанных с повышением межэтнической конфликтности. Однако в последние десятилетия в российском обществе такой тенденции в целом не наблюдается (см., например, [Межэтнические отношения... 2018]). В то же время в российском полиэтническом обществе идет дискуссия о потенциальной конфликтности лояльностей в отношении гражданской нации и этнических групп, устойчиво воспринимаемых с советского времени как своего рода «отдельные нации». Важность этого проявилась в последнее десятилетие, когда усилились попытки Запада оказать влияние на население национальных регионов России через распространение дискурса «деколонизации». Речь идет о сугубо негативном представлении сущности этнонациональной политики России на разных исторических этапах, о пропаганде идеи стремления не-русских народов к «освобождению».

Российская социология не избежала влияния западного научного дискурса и также нередко рассматривает проблему патриотизма в контексте глобализации ([Пороховская, 2015; Мохов, 2019] и т.д.). И.А. Халий отмечала, что патриотизм в настоящее время воспринимается во многом как иррациональное чувство [Халий, 2017: 67], противоречащее логике стремления к наибольшему благополучию. Ею сделан также вывод, что одним из факторов развития патриотизма в России является иммобильность: большинство россиян вынуждены обустраивать свою жизнь там, где родились, поскольку у них нет средств куда-то переехать [там же: 82].

В текущих геополитических условиях, когда дискурс «деколонизации» направлен на все «не-русские» этнические группы страны, особый интерес представляют исследования, которые были бы направлены на понимание сферы патриотических чувств, позволяющих многочисленным этническим группам России ощущать себя единым народом-нацией. В этой связи интерес представляет Республика Саха (Якутия) с высоким уровнем значимости этнической принадлежности среди титульной этнической группы, с изменением в последние десятилетия этнической структуры населения республики, в результате чего «государствообразующие» русские перестали быть большинством. Не происходит ли в связи с этими процессами «размывания» российской идентичности современных якутян, жителей республики?

Этносоциальная ситуация в Республике Саха (Якутия). Формирование идентичности предполагает отождествление себя с какой-либо общностью. В случае общероссийской идентичности общностью выступает «государственно-территориальная, политико-правовая общность, сформированная и реализующаяся на основе комплекса политических, историко-культурных и морально-нравственных характеристик» [Тишков, 2009; Тишков, 2023]. Для жителей Республики Саха (Якутия) – самого крупного административно-территориального образования в составе России (в 5–6 раз больше Франции) – такая идентичность не априорна, поскольку регион обладает специфичной этнической структурой.

Исторические корни формирования гражданской идентичности населения современной Республики Саха (Якутия) восходят к XVII в., когда Якутия стала частью территории Российского государства [Башарин, 1987]. Вхождение народов этого региона в состав России (Московского царства) было добровольным и мирным.

На ранних этапах основным фактором инкорпорации региона в состав России стала деятельность духовного сословия. Особенностью распространения православия в Якутии стало введение практики богослужения на языках местного населения. В результате ко второй половине XIX в. у народов Якутии сложились православные традиции и в основном православная религиозная идентичность [Юрганова, 2018: 446]. Десятилетия атеистической пропаганды в советское время, конечно, изменили соотношение верующих и неверующих, однако ценности православия прочно встроились в ментальность народов Якутии, имея влияние и в настоящее время.

В советское время интегрирующим фактором стала коммунистическая идеология. Ее влияние оказалось относительно эффективным: среди старшего поколения населения республики и сейчас много людей, причисляющих себя к советской общности. Это время охарактеризовалось также взрывным ростом численности населения Якутии (в том числе – за счет миграционных процессов) и формированием современной этносоциальной структуры общества с доминированием двух этнических групп – русских и якутов. Именно в этот период установилось и представление о народах, входящих в состав России, как о суверенных нациях, обладающих этнической территорией, совпадающей с административно-территориальным устройством страны. Предполагалось, что со временем этнические отличия нивелируются под влиянием интернационализации образа жизни. Однако новая институционализация этнической принадлежности, вкупе с политикой коренизации, привели, напротив, к росту этнического самосознания и его политизации, что выразилось в «параде суверенитетов» в 1990-е гг.

Постсоветский этап общественного развития в Республике характеризуется сложностью и противоречивостью процессов. С одной стороны, давало о себе знать общее социокультурное поле, сформировавшееся в ходе многовекового совместного существования разных народов. С другой стороны, наблюдалось разрушение выстроенного в советские годы сочетания политического единства и национального многообразия [Игнатьева, 1999]. В результате национальный вопрос стал одним из важных аспектов в жизни трансформирующегося государства. Исследователи указывали на важную роль в Якутии феномена этнического возрождения [Иванов, 1994], когда в символической политике региона стала подчеркиваться значимость этнических традиций прошлого (порой заново сконструированных) как основы сплочения и мобилизации масс. На фоне политического и идеологического кризиса 1990–2000-х гг., согласно опросам, нарождающаяся российская идентичность по масштабам распространенности и интенсивности уступала этнической [Дробичева, 2014].

Важно, что произошли существенные изменения в этнической структуре. За постсоветский период значительно (с 50,3% в 1989 г. до 27,8% в 2020 г.) снизилась доля русских среди населения Саха (Якутии), доля якутов выросла с 33,4% до 47,1%. Следует отметить и рост численности населения, отнесшего себя к национальностям стран ближнего зарубежья – Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана. Взаимодействие якутов

с инокультурными мигрантами нередко вызывало межнациональные конфликты в регионе, в частности, в 2019 и 2024 гг.

На этом фоне взаимоотношения русского и якутского населения Саха (Якутии) можно назвать относительно бесконфликтными. Есть попытки представить ситуацию иначе: снятый местными кинематографистами фильм «Айта», где демонстрировалось наличие у якутов негативных предубеждений в отношении русских, был в 2023 г. заблокирован Роскомнадзором за пропаганду национализма. В определенной мере подобного рода произведения культуры являются ответом на зарубежный запрос, задающий повестку критической интерпретации событий в России, в том числе в контексте «модного» на Западе дискурса «деколонизации».

Вышеперечисленное формирует, казалось бы, непростую картину утверждения и функционирования в Саха (Якутии) общероссийской идентичности. Тем не менее опросы населения демонстрируют, что значимость российской идентичности в республике высока. Это позволяет считать, что постепенно вырабатываемое государством понимание общежития народов России, а также реализуемая политика, в том числе в области межнациональных отношений, являются успешным проявлением стратегии «мягкого» вовлечения этнических групп в общее социокультурное поле страны.

Для проверки этих предположений в марте – апреле 2024 г. был проведен анкетный опрос в рамках проекта «Патриотизм народов Северо-Востока России: большая и малая родина в нарративах жителей Якутии и Чукотки». Инструментарий исследования разработан авторским коллективом этносоциологов Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. В Республике Саха (Якутия) социологический анкетный опрос населения проводился по квотной половозрастной выборке, репрезентативной для генеральной совокупности населения республики¹. Погрешность выборки с вероятностью 95% не превышала 3%. Опрос охватывал 1066 человек в девяти населенных пунктах: столица республики – Якутск; города – Мирный, Нерюнгри; поселки городского типа – Хандыга, Батагай; села – Чурапча, Ытык-Кюель, Павловск, Хатыстыр. Для сравнительного анализа использовались материалы синхронного опроса о патриотизме, реализуемого ВЦИОМ².

Дифференциация российской патриотической идентичности якутян. Какая же доля проживающих в Саха (Якутии) считают себя патриотами России? По данным ВЦИОМ, на вопрос «Как бы Вы сами себя охарактеризовали – как патриота своей страны или нет?» при всероссийском телефонном опросе весной 2024 г. 62% опрошенных дали ответ «да, безусловно», а «скорее да» – 32%. Таким образом, патриотами себя обозначили подавляющее большинство (94%) россиян. Ответы «скорее нет» и «безусловно, нет» давали соответственно 2,4% и 0,5% опрошенных, затруднились ответить еще 3,0%. А в Республике Саха (Якутия) во время опроса в марте – апреле 2024 г. на вопрос «Считаете ли Вы себя патриотом России?» 75,2% дали позитивный ответ, 5,5% – негативный, 17,6% затруднились ответить, 1,7% отказались от ответа.

Материалы опроса в Саха (Якутии) дают пищу для размышлений. Число затруднившихся дать ответ оказалось значительно выше, чем в опросе ВЦИОМ, что, по всей видимости, связано в некоторой мере с более категоричной формулировкой самого вопроса. Это дает основания внимательнее рассмотреть социально-демографические характеристики группы затруднившихся, а также тех, кто выбрал отрицательный ответ.

¹ Гендерное соотношение: 47,9% опрошенных составляют мужчины, 52,1% женщины. Возрастные характеристики опрошенного населения: 18–22 года – 9,3%, от 23–34 лет – 24,3%, от 35–44 лет – 21,6%, от 45 до 54 лет – 16,4%, от 55–64 лет – 16%, старше 65 лет – 12,3%. Уровни реализации опроса: 58,1% горожан, 10,1% – население поселков городского типа, 31,9% – население сельской местности.

² Патриотизм: мониторинг // ВЦИОМ. 29 марта 2024 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-monitoring> (дата обращения: 14.05.2024).

Таблица 1

**Структура ответов якутян на вопрос
«Считаете ли Вы себя патриотом России?», %**

Группы	Варианты ответов			
	да	нет	затрудняюсь ответить	нет ответа
<i>Возрастные группы</i>				
18–22 года	62,6	7,1	30,3	0
23–34 года	74,9	3,9	19,7	1,5
35–44 года	74,3	7,0	16,5	2,2
45–54 года	78,3	5,1	14,3	2,3
55–64 года	80,6	4,1	14,1	1,2
65 лет и старше	75,6	7,6	14,5	2,3
<i>Поселенческие группы</i>				
Якутск (столица республики)	70,3	7,1	21,4	1,2
Городская местность	79,8	4,4	13,3	2,5
Сельская местность	76,7	4,7	17,1	1,5
<i>Группы по субъективной оценке социально-экономического благополучия</i>				
Бедные	58,8	9,2	29,4	2,5
Малообеспеченные	71,8	8,9	18,6	0,8
Среднеобеспеченные	83,7	1,3	13,4	1,6
Обеспеченные	77,7	3,8	15,5	2,9
<i>Образовательные группы</i>				
Неполное среднее	47,8	13,0	30,4	8,7
Среднее общее	65,2	9,8	24,2	0,8
Среднее специальное	73,3	5,7	19,3	1,7
Неполное высшее	71,4	4,4	22,0	2,2
Высшее образование	80,8	4,3	13,6	1,4

Принципиально важно, что этнический срез не продемонстрировал статистически значимых отличий в ответах представителей разных национальностей (этносов): среди якутов считали себя патриотами России 75,4%, среди русских – 75,6%, среди проживающих в Республике Саха (Якутия) представителей коренных малочисленных народов Сибири – 69,5%. Гендерный срез также не показал статистически значимых отличий в ответах мужчин и женщин. Некоторые другие срезы такие отличия выявили (табл. 1).

Наблюдается статистически подтвержденная значимость разницы ответов представителей разных возрастных групп. Среди наиболее молодых участников опроса оказалось более чем на 10 п.п. меньше, чем среди пожилых, считающих себя патриотами, и на примерно 15 п.п. больше тех, кто затруднился ответить на вопрос. Менее значим фактор типа поселения. Наименее патриотичны жители якутской столицы – 70,3% из них относили себя к патриотам России. В других городах и поселках городского типа таких 79,8%, среди сельских жителей – 76,7%.

Важный результат получен при изучении роли фактора субъективной оценки своего социально-экономического благополучия. Она измерялась с помощью традиционного

закрытого вопроса о самооценке благосостояния³. Больше всего людей, открыто не считающих себя патриотами, оказалось среди бедных и малообеспеченных. Напротив, доля патриотов России выше всего (более чем на 25 п.п. больше, чем среди бедных) среди среднеобеспеченных слоев населения. Выявилась также определенная разница между ответами людей с разным уровнем образования. Пиковая доля считающих себя патриотами России наблюдается среди имеющих высшее образование, минимальная – среди не имеющих даже среднего образования (разрыв более чем в 30 п.п.). Согласно синхронным материалам ВЦИОМ, патриотизм тоже в большей мере характерен для людей с более высоким уровнем образования и для тех, кто позитивнее оценивает свое материальное положение.

Итак, и на выборке Республики Саха (Якутия), и на общероссийской выборке наблюдаются схожие тенденции: люди с более высоким уровнем образования и более обеспеченные чаще обозначают себя как патриотов России. Это опровергает мнение, будто наиболее патриотичными являются более бедные слои населения (в силу имобильности). На самом деле именно низкий уровень жизни провоцирует «неоднозначное» отношение к родине. При этом поселенческий и возрастной факторы тоже имеют значение, но заметно меньше, чем образовательный и доходный.

Влияние патриотизма на ценностный выбор. Рассмотрим теперь, как позиция в отношении общероссийского патриотизма соотносится с ценностным выбором между, условно говоря, национальным и космополитическим мировоззрениями (табл. 2). Речь идет об отношении к миграции: предпочитает ли человек жить в стране, где родился, или в принципе готов жить в любой стране, где ему нравится.

Результаты кросс-табуляции демонстрируют значительно больший процент приверженцев ценностей «космополитизма» у тех, кто или не относит себя к патриотам, или затруднялся ответить. В то же время и среди патриотов есть те 53,3%, кто является так называемыми безусловными патриотами, и те 46,7%, чьи патриотические чувства формируются условиями проживания в стране (условно прагматичный патриотизм). Представляется, что позиция второй группы в отношении российского патриотизма может существенно меняться в зависимости от обстоятельств (т.е. от того, насколько этим людям

Таблица 2

**Выбор космополитического или национального мировоззрения
в зависимости от позиции в отношении патриотизма, %**

Ответы на вопрос «Считаете ли Вы себя патриотом России?»	Отношение к (э)миграции	
	«Человек должен жить в стране, в которой ему больше нравится»	«Родина у человека одна и нехорошо ее покидать»
Да	46,7	53,3
Нет	71,2	28,8
Затрудняюсь ответить	73,5	26,5

³ Вопрос «Укажите, к какому социальному слою населения Вы себя относите?» имел шесть вариантов ответа: 1. Доходов не хватает даже на еду. 2. На еду денег хватает, но покупать одежду и оплачивать жилищно-коммунальные услуги затруднительно. 3. Денег хватает на еду и одежду, но не можем себе позволить покупать необходимые товары длительного пользования (телевизор, холодильник и т.п.). 4. Можем себе позволить покупать еду, одежду, необходимые товары длительного пользования, но не хватает денег на покупку нового автомобиля. 5. Можем себе позволить покупать еду, одежду, необходимые товары длительного пользования, но не хватает денег на покупку квартиры, дачи. 6. Средств достаточно, чтобы купить все, что считаем нужным. Полученные данные были ранжированы с перекодировкой крайних позиций («1»+«2»; «5»+«6»). В результате шесть вариантов ответов оказались сведены к четырем значениям так, чтобы выделить четыре группы (бедные, малообеспеченные, среднеобеспеченные и обеспеченные).

Таблица 3

**Чувства в отношении событий и процессов разных периодов
истории России у якутян-патриотов с разным типом мировоззрения, %**

Исторические периоды	Тип мировоззрения	Горжусь, испытываю уважение	Безразлично, не испытываю особых чувств	Стыжусь, испытываю смешанные чувства	Затрудняюсь ответить
Дореволюционный период	Космополитическое	29,9	33,3	3,4	33,3
	Национальное	37,6	32,0	4,1	26,3
Советский период	Космополитическое	58,2	20,6	3,1	18,1
	Национальное	82,1	7,7	1,2	8,9
Современный период	Космополитическое	52,4	23,1	3,1	21,4
	Национальное	70,2	11,2	4,5	14,1

«нравится» жить в России в конкретное время). Их патриотизм, очевидно, будет снижаться в «трудные» времена и повышаться при улучшении ситуации в стране.

Общее снижение уровня российского патриотизма фиксировалось исследователями в нулевые годы. В.К. Левашов связывал его с обвальным падением доверия граждан к государству, к его политике после антисоциальных реформ 1990-х гг.: «На наших глазах в кратчайшие сроки, за несколько лет радикальных реформ протекал процесс “разгосударствления” политического сознания, патриотизма российского населения» [Левашов, 2006: 71]. Можно предположить, что проводимая с 2000–2010-х гг. политика современного российского государства, в том числе по повышению благосостояния граждан, увеличивала долю россиян, считающих себя патриотами «в зависимости от обстоятельств».

Интересно рассмотреть в этой связи различия в доверии к Президенту РФ, концентрирующему образ современной власти и политики государства, у якутян-патриотов с приверженностью ценностям национального и космополитического мировоззрения. Среди патриотов России, кто считал, что родина у человека одна, полностью доверяли президенту 81,6%, еще 16,8% доверяли в некоторой мере, не доверяли 1,7%. В то же время среди тех патриотов, которые считали, что человек должен жить, где ему хорошо, полностью доверяли президенту только 59,1%, не доверяли 2,7%.

У представителей групп «безусловного» и «прагматичного» патриотизма также обнаруживаются существенно разные эмоциональные реакции в отношении разных периодов истории России (табл. 3). Фиксируется статистически подтвержденная разница ответов по оценкам дореволюционного, советского и современного периодов. Респонденты, приверженные национальному мышлению, во всех случаях чаще отмечали, что испытывают положительные эмоции в отношении истории страны. Напротив, приверженцы космополитического мышления оказывались чаще безразличны либо затруднялись ответить. Особенно ярко это проявляется в отношении советского и современного периодов.

Аналитическая интерпретация. Считается, что любовь к родине, в том числе выраженная в устойчивой национальной идентичности, противоречит прагматическому подходу, постулируемому космополитическим мировоззрением. Однако, как показывает наше исследование, в современном российском обществе самоидентификация человека как патриота может сочетаться и с прагматическим подходом, когда именно благополучие страны определяет патриотические настроения.

Высокая доля жителей Саха (Якутии), причисляющих себя к патриотам России, но придерживающихся ценностей условно космополитического мировоззрения, демонстрирует не только рост потенциальной свободы перемещения, но и переход российского общества, наравне с другими современными обществами, в фазу нарастающей индивидуализации. Процесс индивидуализации наделяет граждан «рефлексивной автономией» – способностью в любой

ситуации действовать с наибольшей для себя выгодой [Черныш, 2023: 92], порой вопреки сложившимся коллективным историческим идентичностям, традициям и культурно-ценностным обоснованиям. Именно такая рефлексивная автономия представляется как рациональность общества модерна в его западной версии.

Вместе со свободой и равенством рациональность образует антропологическое ядро либерализма [Чалый, 2011: 29], доминирующей идеологии капиталистической миросистемы. Рационализм, превозносимый этой идеологией, распространяется и на отношение к родине как к сумме условий, которые обуславливают благополучие, комфорт. Здесь уместно вспомнить работы З. Баумана, в которых он отмечал, что на раннем этапе развития модернити в Европе смысл «индивидуализации» состоял в освобождении человека от предписанной (унаследованной и врожденной) предопределенности его социальной роли в рамках средневекового общества, поддерживающего строгие рамки сословной иерархии. В результате человеческая природа, до того считавшаяся прочным и неизменным результатом божественного творения, также стала восприниматься иначе, как не только подверженная изменениям, но требующая изменений под влиянием рационального выбора [Бауман, 2005]. В этих условиях появляется идентичность как потенциально сменяемая принадлежность индивида тем или иным социальным образованиям. Со временем она меняет облик и содержание. Если в период становления национальных государств главной целью было *сформировать* идентичность, то под влиянием глобализации наиболее рациональной стратегией становится *отказ от формирования* устойчивой национальной идентичности.

Вместе с тем есть значительная часть населения, которая декларирует безусловный патриотизм. Можно предположить, что именно эта часть населения представляет собой носителей исторически подвижного ценностного ядра российского общества, если рассматривать патриотизм как одну из «базовых конструкций самосознания россиян» [Магарил, 2016: 142]. Однако патриотические настроения – не константа, отношение россиян к России может меняться в ходе социально-политических и экономических трансформаций общества. В настоящее время в общественном дискурсе активно обсуждается проблема самоопределения граждан России в контексте таких тем, как защита родного дома, края, отчества. Схожий тренд умонастроений был зафиксирован, например, на общероссийской выборке исследователями Института социологии ФНИСЦ РАН. По их результатам было определено, что идут активные процессы переосмысления цивилизационной модели, триггером для чего послужила СВО на Украине [Российское общество..., 2022: 151]. Таким образом, современная геополитическая ситуация и обострение международного давления на Россию вызвали волну эмоциональных реакций, в том числе патриотических чувств, хотя ранее они могли быть вовсе не проявлены [Васильева, 2023: 74].

Важно, что этнический срез в проведенном исследовании не показал особых различий в умонастроениях представителей разных этнических групп Республики Саха (Якутия). Это говорит о том, что современная модель сосуществования этнических групп в рамках единого российского государства, опирающаяся на идею многонациональности, в целом довольно успешна. В связи с этим надо напомнить, что Президент РФ обозначил патриотизм в качестве главной национальной идеи России.

Представляется, что в современных условиях ситуация 2000-х гг., когда власть подерживала относительное материальное благополучие масс в обмен на их лояльность, уже не соответствует современным условиям. В регулировании общественных отношений рынок эффективен не абсолютно, а лишь в определенных пределах и при обязательном наличии внешних для него внеэкономических правил и гарантий. Есть мнение, что многие формы человеческой коллективности – от семьи до государства – в долгосрочной перспективе эффективнее регулировать с помощью нерыночных оснований, опирающихся на родство, дружбу, солидарность, авторитет и т.д. [Мартыанов и др., 2022: 27]. Представляется, что перспективы развития этой проблематики связаны с обозначившимися в последнее десятилетие тенденциями формирования многополярной модели мира, а также с будущим значением в ней государственных образований.

СПИОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005.
- Башарин Г.П. Историческое значение добровольного вхождения Якутии в XVII в. в состав Российского государства // Исторические связи народов Якутии с русским народом / Под ред. В.Н. Иванова, М.М. Федорова. Якутск: Кн. Изд-во, 1987. С. 5–28
- Бек У. Космополитическое мировоззрение. М.: ЦИПИО, 2008.
- Бурдые П. Социология социального пространства. СПб.: Алетейя; М.: ИЭС: Алетейя, 2005.
- Васильева О.В. Смыслы патриотизма в представлениях коренных малочисленных народов Якутии и Чукотки // Теория и практика общественного развития. 2023. № 12. С. 70–79.
- Дробизева Л.М. Российская, этническая, региональная идентичность: лонгитюдное исследование 1993–2012 годов // Вестник РГНФ. 2014. № 2(75). С. 71–83
- Иванов А.М. Этнополитическая ситуация в Республике Саха (Якутия) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Документ № 61. М.: УОП ИЭА РАН, 1994.
- Игнатьева В.Б. Республика Саха (Якутия): ретроспектива этнополитической истории. Новосибирск: Наука, Сиб. изд. фирма РАН, 1999.
- Левашов В.К. Патриотизм в контексте современных социально-политических реалий // Социологические исследования. 2006. № 8(268). С. 67–76.
- Магарил С.А. Смыслы патриотизма – исторические трансформации // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 142–151
- Мартьянов В.С., Руденко В.Н. Магия белого прогрессора: от глобального каргокульта к новой политической нормальности // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2022. № 1(104). С. 24–49.
- Межэтнические отношения и религиозная ситуация в регионах Центра, Северо-Запада, Сибири и Дальнего Востока России. Экспертный доклад за первое полугодие 2018 года / Под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова, Р.А. Старченко. М.; Омск: «Изд. ц-р КАН», 2018.
- Мохов В.П. Патриотизм и политика памяти в условиях глобализации // Техногос. 2019. № 3. С. 115–128.
- Пороховская Т.И. Патриотизм в эпоху глобализации // Вестник РУДН. Сер.: Философия. 2015. № 2. С. 46–53
- Российское общество и вызовы времени. Кн. 6 / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2022.
- Тишков В.А. Национальная идентичность (о смысле дебатов) // Вестник Российской нации. 2009. № 1. С. 107–117.
- Тишков В.А. Нация наций: о подходах к пониманию России. М.: ИЭА РАН, 2023.
- Халий И.А. Патриотизм в России: опыт типологизации // Социологические исследования. 2017. № 2(394). С. 67–74.
- Чалый В.А. Рациональность в либеральных философских теориях // Кантовский сборник. 2011. № 4(38). С. 29–36.
- Черныш М.Ф. Социальные институты как фактор цивилизационной эволюции // Россия реформирующаяся. 2023. № 21. С. 67–97.
- Юрганова И.И. Русская православная церковь в истории Якутии: цивилизационная и идентификационная составляющие // Труды IV Конгр. росс. исслед. религии «Религия как фактор взаимодействия цивилизаций». Благовещенск: АмурГУ, 2018. С. 444–450.
- Blackburn M. Mainstream Russian Nationalism and the “State-Civilization” Identity: Perspectives from Below // Nationalities Papers. 2020. P. 1–19.
- Goode J. Everyday Patriotism and Ethnicity in Today’s Russia // Russia Before and After Crimea: Nationalism and Identity / Ed. by P. Kolstø, H. Blakkisrud. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2017. P. 258–281.

Статья поступила: 20.05.24. Финальная версия: 05.08.24. Принята к публикации: 12.08.24.

PATRIOTISM AS A PRAGMATIC AND/OR AFFECTIVE CHOICE (on the materials of the Republic of Sakha (Yakutia))

VASILEVA O.V.

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of SB RAS, Russia

Olga V. VASILEVA, Cand. Sci. (Polit.), Senior Researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of SB RAS, Yakutsk, Russia (ovasileva.igi@mail.ru).

Acknowledgments. The article was prepared within the framework of the Program for scientific research on the ethnocultural diversity of Russian society and aimed at strengthening Russian identity, 2023–2025. (Order of the President of the Russian Federation No. Pr-71 dated January 16, 2020).

Abstract. The article is devoted to the problem of patriotism in the context of the relationship of this phenomenon with the globalization processes and a crisis of the capitalist system. Theoretical approaches to the analysis of patriotism as a phenomenon of modern society associated with the importance of the nation-state in the life of society are discussed. The diminishing role of the state in the course of globalization was interpreted as a way to abandon national thinking and a sense of belonging to nation-states. The article attempts to determine the influence of such socio-demographic factors as age, education and socio-economic status on the declaration of a position on patriotism, and also reveals the influence of the value of cosmopolitan and national vision. The article presents the results of a questionnaire survey of the population conducted in the Republic of Sakha (Yakutia) in the spring of 2024. The relationship between the respondent's declared position on patriotism and socio-demographic characteristics is established: the respondents' answers depend on age, socio-economic status, level of education. It is found that the group of patriots is not homogeneous in terms of value orientations. Two types of patriots were identified: those oriented to the choice of cosmopolitan or national vision attitudes. The statistically confirmed difference between the answers of patriots with different value orientations with regard to the level of trust in the President of the Russian Federation and assessment of the historical past has been revealed.

Keywords: patriotism, globalization, values, state, Yakutia, homeland.

REFERENCES

- Basharin G.P. (1987) Historical significance of the voluntary entry of Yakutia in the XVII century into the Russian state. In: *Historical ties of the peoples of Yakutia with the Russian people*. Ed. by V.N. Ivanov, M.M. Fedorov. Yakutsk: Kn. Izd-vo. (In Russ.)
- Bauman Z. (2005) *The Individualized Society*. Moscow: Logos. (In Russ.)
- Beck U. (2008) *Cosmopolitan Vision*. Moscow: CIPIO. (In Russ.)
- Blackburn M. (2020) Mainstream Russian Nationalism and the "State-Civilization". In: *Identity: Perspectives from Below. Nationalities Papers*: 1–19.
- Bourdieu P. (2005) *Sociology of social space*. Moscow: IES: Aletheia. (In Russ.)
- Chaly V. (2011) Rationality in liberal philosophical theories. *Kantovskiy Sbornik* [Kantian Journal]. No. 4(38): 29–36. (In Russ.)
- Chernysh M.F. (2022) Social institutions as a factor of civilizational change. *Rossiia reformiruyushchayasya* [Russia reforming]. No. 21: 67–97. (In Russ.)
- Drobizheva L.M. (2014) Russian, ethnic, regional identity: a longitudinal study of 1993–2012. *Vestnik RGNF* [Bulletin of the RHSF]. No. 2 (75): 71–83. (In Russ.)
- Goode J. (2017) Everyday Patriotism and Ethnicity in Today's Russia. In: *Russia Before and After Crimea: Nationalism and Identity*. Ed. by P. Kolstø, H. Blakkisrud. Edinburgh: Edinburgh University Press: 258–281.
- Ignatyeva V.B. (1999) *The Republic of Sakha (Yakutia): a retrospective of ethnopolitical history*. Novosibirsk: Nauka, Sib. izd. firma RAN. (In Russ.)
- Interethnic relations and the religious situation in the regions of the Center, North-West, Siberia and the Far East of Russia*. (2018). Expert report for the first half of 2018. Ed. by V.A. Tishkov, V.V. Stepanov, R.A. Starchenko. Moscow; Omsk: "Izd. c-r KAN". (In Russ.)
- Ivanov A.M. (1994) Ethnopolitical situation in the Republic of Sakha (Yakutia). *Studies on applied and urgent ethnology. Document No. 61*. Moscow: UOP IEA RAN. (In Russ.)

- Khaliy I.A. (2017) Patriotism in the Russian: typology. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological studies]. No. 2(394): 67–74. (In Russ.)
- Levashov V.K. (2006) Patriotism in the context of modern social and political realities. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological studies]. No. 8: 67–76. (In Russ.)
- Magaril S.A. (2016) Meanings of patriotism – historical transformation. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological studies]. No. 1: 142–151. (In Russ.)
- Martianov V.S., Rudenko V.N. (2022) The magic of the white progressor: from global cargo cult to a new political normality. *Politiya: Analiz. Hronika. Prognoz (zhurnal politicheskoy filosofii i sociologii politiki)* [The journal of political theory, political philosophy and sociology of politics. Politeia]. No. 1(104): 24–49.
- Mokhov V.P. (2019) Patriotism and Memory Policy in Conditions of Globalization. *Technologos*. No. 3: 115–128. (In Russ.)
- Porokhovskaya T.I. (2015) Patriotism in the globalization epoch. *Vestnik RUDN. Ser.: filosofiya* [RUDN Journal of Philosophy]. No. 2: 46–53. (In Russ.)
- Russian society and the challenges of the time.* (2022) Book 6. Ed. by M.K. Gorshkov, N.E. Tikhonova. Moscow: Ves mir. (In Russ.)
- Tishkov V.A. (2009) National identity (on the meaning of the debate). *Vestnik Rossiiskoi natsii* [Bulletin of the Russian Nation]. No. 1: 107–117. (In Russ.)
- Vasilyeva O.V. (2023) The meanings of patriotism in the views of indigenous peoples of Yakutia and Chukotka. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development]. No. 12(188): 70–79. (In Russ.)
- Yurganova I.I. (2018) Russian Orthodox Church in the history of Yakutia: civilizational and identification components. *Proceed. of the IV Congr. of Russian researchers of religion "Religion as a factor in the interaction of civilizations"*. Blagoveshchensk: AmurGU: 444–450. (In Russ.)

Received: 20.05.24. Final version: 05.08.24. Accepted: 12.08.24.

© 2024 г.

А.В. АТАНЕСЯН

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ В АРМЕНИИ: СТАНОВЛЕНИЕ И ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

АТАНЕСЯН Артур Владимирович – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой прикладной социологии Ереванского государственного университета, Ереван, Армения; профессор кафедры журналистики, медиакоммуникаций и связей с общественностью Института международных отношений Пятигорского госуниверситета, Пятигорск, Россия (atanesyan@yandex.ru).

Аннотация. Институционализация армянской социологической науки шла параллельно модернизации позднесоветского (и постсоветского армянского) общества. Рост социологии как самостоятельной науки, отражающей модернизационные процессы в обществе и оказывающей на них влияние, происходил в постсоветской Армении благодаря «открыванию» науки и общества, включая тесное (не всегда равное) взаимодействие отечественных социологов с западными социологическими школами, а также участие западных социологов армянской национальности в становлении армянской государственности. Главным объектом политической социологии стало переходное армянское общество в условиях становления институтов власти и применения политических технологий. Особенности региональной динамики, традиционные и новые для Армении внешнеполитические процессы, угрозы и риски, влияли на изучение внешнеполитических ориентиров армянского общества, на становление и развитие смежных с политической социологией направлений – социологии конфликта и военной социологии. В статье дан обзор направлений развития армянской политической социологии в 1990–2020-е гг.¹ Степень выполнения задач эффективного управления армянским государством и обществом была и остается прямо пропорциональной степени внедрения политической социологии в политическую практику, востребованности социологического знания и, в частности, социологических прогнозов принимающими решения структурами и лидерами Армении.

Ключевые слова: политическая социология • армянское общество • переходное общество • социология внутренней и внешней политики • социология конфликта • военная социология

DOI: 10.31857/S0132162524080087

«Советский старт» политической социологии в Армении. Истоки социальной мысли Армении, включавшей социологические идеи и концепции, прослеживаются с раннего Средневековья. Прикладные социологические исследования в стране стали проводиться с середины XX в. [Погосян, 2014: 38]. Хотя в советский период социологам не позволялось касаться политики, институционализация социологии в Армении началась

¹ Исходя из предполагаемого желания русскоязычных читателей ознакомиться с источниками в оригинале, в статье в основном представлены работы армянских авторов на русском языке.

в советскую эпоху (в 1970–1980-е гг.). Как пишет руководитель Армянской социологической ассоциации академик Г. Погосян, «в системе Академии Наук Армянской ССР социологические исследования впервые стали проводить в Институте философии и права (рук. Л. Арутюнян) и в Институте археологии и этнографии (рук. Э. Карапетян). В 1983 г. основано Армянское отделение Советской Социологической Ассоциации (рук. Л. Карапетян). На факультете философии Ереванского Государственного Университета в 1986 г. была создана кафедра прикладной социологии (рук. Л. Арутюнян)» [Погосян, 2014: 42]. Профессор Людмила Арутюнян – выпускница Ереванского государственного (1963) и Парижского университетов (1975), член Верховного Совета АрмССР (1988–1991), основала Лабораторию прикладных социологических исследований (1980) и кафедру прикладной социологии ЕГУ (1986), является основательницей и первым деканом факультета социологии Ереванского госуниверситета (2004). Системный вклад в институционализацию армянской социологической школы внес созданный усилиями академика Г. Погосяна в 1992 г. Центр социологических исследований, включенный в 1995 г. в состав Института философии и права (переименован в 2003 г. в Институт философии, социологии и права НАН РА). Социологические исследования в этом Институте осуществлялись по направлениям: социология катастроф; социальное положение и миграция населения; проблемы взаимного восприятия в армяно-турецких отношениях; социально-политическое отчуждение населения; трансформация армянского общества и положение в нем личности. В 1992 г. Г. Погосяном была основана возглавляемая им Армянская социологическая ассоциация (АСА), принятая в состав Международной социологической ассоциации [Погосян, 2014: 42].

Развитие и углубление направлений теоретической и прикладной социологии приходится на постсоветский период, когда появилась возможность прямого двустороннего взаимодействия с вузами и научными центрами (школами) Западной Европы и США, где социология развивалась комплексно, в связи с государственным управлением, экономикой и политикой. Взаимодействие постсоветских центров и специалистов с европейскими и американскими коллегами (не всегда на равных) позволило сделать социологию как науку и академическую дисциплину в Армении перспективной, популярной, качественной и конкурентной.

Особенности развития социологических исследований в постсоветской Армении. Политическая социология в Армении развивалась практически без политических ограничений ввиду демократических преобразований и высокого уровня свободы слова в стране. Конечно, демократические реформы отчасти симулировались (как и в других постсоветских странах), но каких-либо ограничений социология политики в Армении не испытала. Если экономическая социология западных обществ перенималась и применялась в Армении с существенными ограничениями, то политическая социология в условиях постсоветского экспериментирования с политическими режимами, конституциями, элитами, структурами, технологиями и коммуникациями могла максимально подпитываться отечественным полем, апробироваться и применяться.

Специфика армянской политической социологии связана также с трансформацией национальной идентичности вследствие экзистенциальных для армянской нации процессов – геноцида армян 1915 г., волны массовой эмиграции, формирования и ветвления диаспор². Коллективные травмы периодически актуализируют элементы политического дискурса, разворачивавшегося в прошлом. Поэтому в рамках армянской политической социологии изучаются вопросы национальной идентичности, включая внутри- и внешнеполитические детерминанты [Mkrtichyan, 2013; Manukyan, 2021; Погосян, Погосян, 2023]. В этом плане актуальны такие характеристики армянской национальной идентичности, как общинная, гражданская, диаспоральная, гибридная, транснациональная идентичность [Armenians around the World, 2015].

² Из приблизительно 15 млн армян, проживающих на планете, в самой Армении живут лишь примерно 3 млн. Массовое проживание армян за пределами исторической родины – следствие, прежде всего, трагических событий начала XX в., а теперь и начала XXI в.

Армянская социально-философская мысль досоветской эпохи касательно национальных, социально-политических, государственных вопросов стала частью позднесоветской и послесоветской гуманитарно-социальной мысли и социологических исследований. Характерная для современной армянской социологической (в большей степени – политологической) мысли ретроспективность – не архаизм. Она позволяет связать армянское политическое прошлое с настоящим, проследить характеристики армянского общества на протяжении веков, выявить причины современных поведенческих моделей через призму исторических событий, аналогий и детерминант. Поэтому неслучайно обращение современных армянских гуманитариев (в том числе политологов и политических социологов) к идеям таких общественно-политических деятелей Армении прошлого века, как Гарегин Нжде³, чьи взгляды на проблемы армянского общества в условиях внутри- и внешнеполитических угроз по-прежнему актуальны [Нжде, 2012]. Взгляды досоветских общественных деятелей на политическую жизнь армянского общества сегодня нередко сопровождаются политизацией и фальсификациями со стороны оппонентов.

Составляющей армянской политической социологии является ее конфликтологическое измерение – из-за региональных конфликтов, в частности карабахского конфликта. Характерной чертой армянской политической социологии является встроенность в нее военной социологии. Благодаря уникальной и проблематичной для Армении политикобезопасностной среде, военно-социологические исследования сопряжены с прикладными социологическими исследованиями больше, чаще и лучше, чем в большинстве постсоветских республик.

Особенностью становления армянской политической социологии является участие представителей армянской диаспоры – интегрированных в западное научное сообщество и нередко именитых ученых. Их либо приглашали в Армению, либо инициатива по участию в становлении постсоветской Армении и армянской науки исходила от них самих. Участие в становлении конфликтологии на кафедре/факультете социологии ЕГУ принял приглашенный профессор, полковник ВС США в отставке Мурад Мурадян. Ученик П. Сорокина и Т. Парсонса в Гарвардском университете, профессор университета Дьюк (США) Э. Тирьякян подарил факультету социологии ЕГУ личную библиотеку.

Армянская наука (и социология, в частности) трансгранична и транснациональна: армянские ученые Армении и зарубежья взаимодействуют, в том числе – в плане альтернативных и не всегда мирно сосуществующих взглядов и подходов, совместно проводят конференции. Нередко общие для армянских ученых в Армении и за рубежом направления и области исследований объединяются под названием *Armenian Studies*, имея объектами Армению и армянскую диаспору. Направления армянской науки представлены учеными из Армении и из-за рубежа, и это – часть армянского национального самосознания и профессиональной идентичности. Представленная таким образом армянская социологическая мысль – предмет исследований.

Армяно-российские научные связи. После распада СССР армянские социологи продолжали тесно сотрудничать с бывшими советскими, прежде всего – с российскими коллегами. «Сверка часов» в подготовке научной и учебной литературы, учебных программ и курсов, проведения конференций и т.д. инициировалась руководителями и представителями научных и учебных организаций Армении и России. В армянской научно-учебной среде востребованными были социологические учебники В.А. Ядова, Ж.Т. Тощенко, А.И. Кравченко, В.И. Добренкова, А.Г. Здравомыслова и других авторов. Писались отечественные учебники, американских и европейских классиков социологии переводили на армянский. Приоритета какой-либо из социологических школ

³ Гарегин Нжде (1886–1955) – политический деятель Армении 1900–1920-х гг., разработчик идеологии армянского патриотизма, согласно которой высшей ценностью для человека является его нация, вне которой он не может полноценно существовать. Во время Второй мировой войны сотрудничал с нацистской Германией в надежде на восстановление независимости Армении. В СССР приговорен к 25-летнему заключению, умер во Владимирской тюрьме.

не отдавалось, действовал принцип взаимодополнения и специфики. Развивались профессиональные и личные отношения руководства факультета социологии ЕГУ с директором Института социологии РАН, академиком М.К. Горшковым, с директором Института социологии и регионоведения ЮФУ Ю.Г. Волковым, директором Института международных отношений ПГУ В.Н. Паниным и сотрудниками подразделений института, коллективами Уральского федерального и Кубанского государственного университетов, других российских вузов и организаций⁴. Проводились конференции, издавались совместные труды. Крайне ценны доверительные беседы по политическим проблемам, способствующие укреплению взаимопонимания и сотрудничества при любом (порой – неблагоприятном) политическом раскладе.

Армянским политическим социологам всегда было важно и сложно «достучаться» до принимающих политические решения институтов власти и административных подразделений Армении и союзнической РФ, в частности, касательно армяно-российской повестки, приоритетов. Отсутствие интереса и взаимности в этом вопросе, помимо прочих факторов, могло способствовать низкому уровню политической прогностики и запоздалости принимавшихся решений, нарушению конструктивности диалога. Армянская политическая социология по-прежнему открыта для российских партнеров.

Развитие профессионального сообщества социологов. Армянское социологическое сообщество, планирующее и осуществляющее исследования в области политической социологии, не является единым и координируемым из одного центра. Ни одна социологическая организация или ассоциация армянских социологов не объединяет. Это имеет ряд преимуществ, обеспечивает творческую свободу, непредвзятость и политическую неангажированность, внутреннюю конкурентность. Каждая из действующих социологических организаций понимает, что публикуемые ею результаты и выводы будут обсуждаться другими профессиональными организациями, прежде всего – на предмет выбранной методологии и валидности выводов. Манипулирование цифрами, игнорирование либо незнание профессиональных требований ведут к потере репутации, доверия и места в социологическом сообществе и на рынке социологических услуг.

Интерес к социологическому объяснению мира политики был и остается высоким и широким. Принимающие решения структуры и политические элиты Армении в основном выступают в удобной для них роли «пользователей» преимущественно количественных (графических) результатов социологических исследований политики (рейтинги, данные по доверию населения органам власти и лидерам, и т.п.). Подобные исследования иницируют в основном ради продвижения во власть и ее удержания. Подобный спрос стимулирует предложение преимущественно со стороны частных социологических (и псевдосоциологических) кампаний, способствуя упрощенному восприятию социологии. В этой связи на раннем этапе становления политической социологии в Армении она нередко ассоциировалась с А. Адиебяном и основанного им ООО «Социометр». Сведение социологии к результатам опросов, часто политизированных (в преддверии выборов), их озвучивание руководителем данной организации создало в массовом сознании ассоциативный ряд «социология – опросы – Адиебян». Социологическое сообщество с такими восприятиями борется. Однако медийные образы политики также стремятся к упрощению и адаптации к массовым потребностям и вкусам, поэтому и политическая социология в СМИ выглядит чем-то упрощенно-инструментализированным, частью политических технологий [Ослон, 2011]. Тем не менее образ «социологии», ассоциированный с А. Адиебяном, отчасти способствовал ее популяризации в постсоветской Армении. Этому способствовала и полюбившаяся телезрителям авторская передача журналиста Серго Ерицяна «Карцик» («Мнение»), выходившая с 1993 г. в формате интервью с прохожими и экспертных интервью по злободневной тематике. Озвучивание мнения «простых обывателей», доведение

⁴ Здесь крайне сложно указать многих российских коллег и авторов, с которыми армянские социологи взаимодействовали и общались. Выражаем им благодарность и надеемся на взаимопонимание.

их проблем и переживаний до ответственных лиц и структур, стало крайне востребованной (по крайней мере, «снизу») частью политического дискурса.

Армянское социологическое сообщество сегодня представлено факультетом социологии Ереванского государственного университета, Армянской социологической ассоциацией, Ассоциацией армянских социологов, рядом частных социологических центров с международным охватом деятельности, созданных и руководимых (пополняемых) преимущественно выпускниками факультета социологии ЕГУ, в том числе – компаниями Брейвис (Breavis), R-Insight Research and Consulting, «Социоскоп» (Socioscope), Центром «Социес». Из региональных организаций в Армении, осуществляющих социологические исследования политических процессов усилиями отечественных специалистов, резонансны Кавказский исследовательский ресурсный центр CRRC-Armenia, Gallup-Armenia, представленная компанией MPG.

Особенностью армянских научно-исследовательских социологических организаций является аналитика результатов собственных полевых исследований с целевыми выводами и рекомендациями. Публикуемые результаты преимущественно количественных полевых исследований CRRC-Armenia («Кавказский барометр» по общественным восприятиям политических элит и процессов, рейтингам органов власти, и т.д., в свободном доступе) и Gallup/MPG (в основном результаты телефонных опросов, в платном доступе) являются важным подспорьем для профессиональной и медийной деятельности.

Занимающиеся фундаментальными социологическими исследованиями и их теоретико-концептуальным обобщением научные центры и ученые Армении, публикующие результаты исследований в научных журналах и монографиях, проводящие конференции и обучающие студентов, на спрос со стороны политиков ориентированы в меньшей степени. Они стараются направлять потенциальных заказчиков на комплексные научные, образовательные, политические задачи, исходя из интересов безопасности и эффективного управления государством и обществом.

Современная армянская политическая социология – система фундаментальных знаний, концептуальных подходов и прикладных исследований, апробируемых методов, применяемых на армянском поле в сравнительном, ретроспективном и прогностическом ключе. Армянская политическая социология, вероятно, наиболее коммуникативна среди других социологических направлений (теорий среднего уровня), поскольку выражается не только через научные труды, доклады, отчеты, но и через рекомендации органам власти, научно-популярные выступления в университетских аудиториях, в СМИ и на виртуальных площадках по актуальной политической повестке.

Развитие социологической мысли можно отчасти проследить по эволюции университетских журналов. К сожалению, научно-исследовательская деятельность 1980–1990-х гг. не всегда отражалась в публикациях: не хватало средств, не все публикации (сборники статей, материалы конференций и т.п.) того времени сохранились по причине малых тиражей – на них был высокий спрос, их сразу разбирали. Не все бумажные публикации того времени оцифрованы, найти их в Интернете не всегда можно, однако нередко ссылки на них в более поздних работах.

С 1996 г. на кафедре прикладной социологии ЕГУ стал издаваться преимущественно русскоязычный журнал «Изменяющееся общество: теория и практика» (основатель и главный редактор – Л. Арутюнян), публиковавший статьи по проблемам социально-политических и экономических трансформаций общества, новым для постсоветской науки теоретико-концептуальным, методологическим и прикладным направлениям. Этот журнал стал «глотком свежего воздуха» для опытных и молодых ученых, одной из площадок для публикации своих исследований. Как и со многими другими трудами того времени, которые выпускались в бумажной версии малыми тиражами, этот журнал остался в библиотеках, на руках ученых, в виде ссылок в поздних изданиях (см., напр.: [Арутюнян, 1997; Аствацатуров, 1997]).

В 2001–2003 гг. издавался армяноязычный журнал «Рейтинг» («Варканиш») компании «Медиамодель», в котором группой молодых армянских социологов и политологов

публиковались рейтинги политических сил и их представителей, результаты экзитполов, обсуждались те или иные политические технологии и направления медиапродвижения политических персоналий. Журнал издавался в глянцевой версии и распространялся среди органов власти, политических и бизнес организаций, отдельных деятелей. Ценностью подобных изданий была не только не полевая социологическая информация и ее популяризация в графическом выражении, обучение целевой аудитории и общества важности использования социологической информации в политической деятельности. Формировалась политическая культура и спрос на социологические исследования и прогнозы.

Выпускавшийся с 1967 г. традиционный для советских головных вузов «Вестник Ереванского государственного университета» с 2013 г. трансформировался в отдельные серии, включая серию «Социология, экономика». С 2020 г. на ее основе стал издаваться «Социологический журнал» («Journal of Sociology») с постоянной рубрикой «политическая социология».

Меняющееся армянское общество как объект политической социологии. С конца 1980-х гг. ситуация в Армении стала главным объектом (либо основным контекстом) исследований, охвативших трансформационные процессы, демократизацию, модернизацию, региональные конфликты, возможности регионального сотрудничества. Среди комплексных исследований меняющегося (переходного, демократизирующегося и демократизируемого, модернизирующегося) армянского общества начала 2000-х гг. следует отметить труды Г.А. Погосяна «Армянское общество в трансформации» и «Современное армянское общество: особенности трансформации» [Погосян, 2003; 2005]. Для публикаций того периода характерен высокий интерес к адаптации новых политических технологий управления обществом, оптимизм оценок перспектив демократического транзита, позитивно-критическое отношение к новым политическим элитам и механизмам их формирования (избрания), поддержка институтов власти и их взаимодействия с (гражданским) обществом. С течением времени оптимизма становилось меньше.

Технологии проведения выборов и формирования/трансформирования институтов власти, принятия политических решений, многопартийная политическая система, образы/рейтинги лидеров, политическое участие, электоральное поведение, «новая» политическая культура стали междисциплинарными объектами исследований в армянской политологии [Маркаров, 2004] и политической социологии. Обе они изучали относительно новые для армянской социально-политической реальности феномены через применение, апробацию и уточнение качественных и количественных методик. Однако в отличие от армянской политической мысли 1990–2010-х гг., шедшей «в ногу» с политическими преобразованиями в стране и в основном повествовательного-некритического, политическая социология исходила из реального положения дел и с самого начала в выводах, диагнозах и прогнозах была более скептична. Предметом критических социологических исследований политики стали применявшиеся в контексте локальной политической культуры политические технологии [Мкртчян, 2009; 2012; Погосян, 2013а; 2013б; Мхитарян, 2015], включая технологии фальсификации результатов выборов [Atanesyan, Sahakyan, 2006]. Подобные явления были актуальны в 2000-х гг.. Это не только следствие неформальных взаимоотношений политических элит и локальных сообществ, но и демонстрация «стойкости» отечественной политической культуры, не совпадавшей с декларируемыми преобразованиями. Поэтому не случаен именно критический взгляд на модернизацию постсоветского армянского общества в трудах В.Г. Погосяна [2008; 2015].

Одним из востребованных элитами, политическими партиями, СМИ и обществом направлений социологии внутренней политики является измерение уровня доверия и рейтингов политических и гражданских институтов власти и управления. С середины 1990-х гг. происходило становление и развитие подходов к обеспечению имиджа политических сил и лидеров, образовательных и прикладных проектов в сфере организации и обеспечения связей с общественностью. Изначально подобные исследования представляли собой полевую апробацию количественных и качественных методов проведения опросов

и интервью, технологий формирования и продвижения имиджа политических сил. Комплексной аналитики и научно-концептуальных выводов в них еще было немного.

В дальнейшем развитие деятельности специалистов в области политических коммуникаций, пиарщиков и имиджмейкеров на базе социологического знания, в обеспечении рейтинга, продвижении имиджа, брендинга, оценке уровня доверия населения политическим силам [Мелкумян, Мкртчян, 2023; Karapetyan, Gardner, 2023], вышли на качественно иной уровень. Так, на базе факультета социологии были созданы магистерская, затем – бакалаврская программа по связям с общественностью (PR).

Армянская социология конфликта и военных вопросов. Особенностью армянской политической социологии по настоящее время является концептуализация и применение в условиях национально-патриотического дискурса независимости, затем – нациестроительства и обеспечения внешней безопасности, в частности, в контексте карабахского (армяно-азербайджанского) конфликта. Этими политико-безопасностными задачами следует объяснять появление в начале 1990-х гг. армянской конфликтологической мысли, отчасти продолжившей традиции патриотической мысли, – на уровне современных измерений, тематик и методик [Котанджян, 1992]. Несколько позже, инициативой и усилиями профессора Л. Арутюнян, была создана армянская школа социологии конфликта (С. Аствацатуров, З. Токмаджян, А. Баблоян, А. Аюнц и др.). Возник Центр региональной интеграции и разрешения конфликтов при кафедре прикладной социологии ЕГУ (совместно с американским университетом Дж. Мейсона, с 1999 г.), запущена магистерская программа по конфликтологии при факультете социологии ЕГУ. Социология конфликта сделала политический конфликт в его внутригосударственных и внешнеполитических измерениях одним из объектов перспективных социологических исследований. Политическая социология и социология конфликта формировались в Армении 1990-х гг. как смежные дисциплины.

Среди направлений армянской социологии политических конфликтов – изучение внутривнутриполитических конфликтов (между ветвями власти, политическими элитами, властью и оппозицией), несколько позже – затрагивающие интересы Армении внешнеполитические конфликты в регионе. Карабахский конфликт был и остается основным предметом армянской социологии конфликта, включая его военно-политическое, экономическое, социально-гуманитарное, социально-психологическое и информационно-коммуникативное измерения [Атанесян, 2008; Мкртчян, 2017; Smbatyan, 2022]. Одной из комплексных публикаций, сопряженной с полевыми социологическими исследованиями и анализом региональной конфликтной динамики на политическом и бытовом уровнях в Армении, Грузии, Азербайджане и Юге России, стала коллективная монография «Земля Кавказская: бремя конфликтов и время перемен» [Земля Кавказская, 2007].

«Не было счастья, да несчастье помогло»: армянская военно-политическая мысль с упором на традиционные и актуальные проблемы военной безопасности получила конкретные направления и методологическую подкованность именно в условиях карабахского конфликта и военно-политических (региональных) угроз Армении и армянскому народу. Большую роль сыграли усилия коллектива социологов во главе с профессором Л. Арутюнян, издавшими первое в Армении учебное пособие по военной социологии [Военная социология, 2005]. Вооруженные силы Армении, их актуальные и необходимые реформы, воинские коллективы, формальные и неуставные отношения, проблемы формального и неформального лидерства, права военнослужащих и особенности их адаптации (включая женщин), многие другие вопросы стали предметами конкретных социологических исследований, публикаций и рекомендаций армянской военной социологии [Атанесян и др., 2012; Babloyan, 2012; Атанесян и др., 2013]. Имея смежную с политической социологией тематику, армянская военная социология является полем, имеющим свою историю, задачи, методологию, приоритетные направления и результаты, нуждающиеся в отдельном рассмотрении за рамками данной статьи.

Отдельным направлением армянской социологии конфликта является разработка и применение методологии конфликтологических исследований. В этом плане характерен

и самобытен предложенный профессором Л. Арутюнян и применяемый армянскими и зарубежными коллегами методологический подход «общества ни войны, ни мира». Он был важен для изучения жизни, быта, восприятий и ощущений армянского общества непризнанной Нагорно-Карабахской Республики в «замороженной» стадии конфликта (1994–2020) [Dijkzeul, 2008; Мкртчян, 2013; *After the Soviet Empire*, 2016]. Данный подход применим к послевоенной ситуации в Армении и к конфликтам с подобной динамикой.

Во время и после 44-дневной войны в Карабахе осенью 2020 г., а затем – насильственного исхода автохтонного армянского населения из Карабаха осенью 2023 г. основным предметом армянских политико-социологических исследований стали проблемы армянских беженцев (переселение, адаптация, интеграция), жизнь армянского общества как «общества травмы». Среди традиционных вопросов наиболее востребованы сюжеты динамики доверия внутренним и внешним силам после поражения в конфликте, восприятия будущего региона и участия во внешне- и внутривнутриполитической жизни армянского общества внешних акторов.

Социология внешней политики. Социология внешней политики Армении стала приоритетом с 2000-х гг. Это можно объяснить преимущественно трансформациями армянского общества и потребностью в их изучении и моделировании в период становления независимости. Прежние приоритеты стали либо укрепляться, либо пересматриваться уже после становления демократических институтов и процедур. Кроме того, интерес (отчасти наивно-позитивный, отчасти – материально заинтересованный) элит в прямой (слепой) либо косвенной адаптации западных моделей демократии, законов и процедур во внутренней политике первоначально не предполагал критического отношения к проводимым реформам и к внешнеполитическим агентам. Соответственно, изучение внешнеполитической ориентации армянского общества и элит как социологическая задача сформировалась позже, чем изучение внутривнутриполитических институтов и процессов.

Характерно проведение Кавказским исследовательским центром CRRC-Armenia опросов по общенациональной выборке в рамках проекта «Кавказский барометр» (*Caucasus Barometer*) с 2004 г. Задачи опросов – выявление динамики внешнеполитических ориентаций армянского общества, отношения к союзникам и недружественным странам, предпочтений в векторах внешней политики и восприятие конкретной внутривнутриполитической силы (прежде всего – правящих элит) как проводников определенного внешнеполитического курса. В дальнейшем эти и другие задачи ставились и решались рядом армянских и работающих в Армении исследовательских центров и фондов: Breavis, Gallup, Международный республиканский институт (IRI), Фонды Ф. Эберта и К. Аденауэра и др.

Особое внимание социологов привлекли внешнеполитические процессы, связанные с необходимостью выбора между российским и западным векторами. Несмотря на усилия армянских политических элит по балансированию между Россией и Западом [Атанесян et al., 2023; Атанесян, Мкртчян, 2022], взаимоисключающий характер подобного выбора стал вырисовываться параллельно ухудшению отношений между РФ, США и ЕС в связи с чередой «цветных революций» на постсоветском пространстве, расширением НАТО на Восток, присоединением Крыма к РФ. Практически одновременно с событиями 2014 г. вокруг Крыма был прерван процесс подготовки и подписания договора об ассоциации Армении с Евросоюзом, объявлено о готовности присоединиться к Таможенному союзу и Единому экономическому пространству (будущему ЕАЭС). Социологические исследования общественных настроений показывают, что ни армянские элиты, ни общество в целом не были готовы к тому, что прежде совместимые векторы армянской внешней политики станут взаимоисключающими. Общество начало поляризовываться по поводу внешнеполитических векторов [Атанесян, Мкртчян, 2023], а также цивилизационных аспектов, связанных с ролью России и стран Запада (Европы, США) в истории и современном развитии Армении [Атанесян, 2015; Самаркина, Атанесян, 2018; Атанесян, Карапетян, 2020].

С точки зрения политической социологии было предсказуемо дальнейшее развитие внутривнутриполитических процессов в Армении в направлении смены власти в стране,

и внешнеполитических – в направлении пересмотра новыми элитами стратегических приоритетов внешней политики. «Бархатная революция» 2018 г.⁵ как явление стала комплексным предметом исследования армянской политической социологии [Атанесян, 2018; Атанесян, 2019; Атанесян, Посухова, 2020].

Актуальность, перспективность и сложность изучения современных внутри- и внешнеполитических трансформаций, не допускает локализованности внутри своего поля, требует взаимодействия армянских социологов с политическими социологами в РФ, странах Востока и Запада.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнян Л.А. Социальная политика Армении: от прошлого к будущему // Изменяющееся общество. Теория и практика. 1997. № 1, 2. С. 34–37.
- Аствацатуров С.В. Социальная защита в системе экономических и социальных координат // Изменяющееся общество. Теория и практика. 1997. № 1, 2. С. 38–46.
- Атанесян А.В. «Бархатная революция» в Армении: потенциал, достижения и риски политико-протестной активности // Полис. Политические исследования. 2018. № 6. С. 80–98. DOI: 10.17976/jpps/2018.06.06.
- Атанесян А.В. Актуальные проблемы современных политических и конфликтных коммуникаций. Ереван: ЕГУ, 2008.
- Атанесян А.В. Армения и Россия: актуальные проблемы и потенциал сотрудничества (в восприятии пользователей социальной сети Facebook в Армении) // Современные Евразийские исследования. 2015. № 3. С. 50–65.
- Атанесян А.В. Влияние социальных сетей на протестное поведение (на примере Армении) // Социологические исследования. 2019. № 3. С. 73–84. DOI: 10.31857/S013216250004280-1.
- Атанесян А.В., Карапетян Р.Р. Состояние и перспективы армяно-российских взаимоотношений: пост-протестное восприятие в армянском обществе // Гуманитарий Юга России. 2020. № 9(2). С. 64–83. DOI: 10.18522/2227-8656.2020.2.4.
- Атанесян А.В., Мкртчян А.Е. Россия как союзник: динамика восприятия в армянском обществе до и после карабахской войны 2020 года // Полис. Политические исследования. 2023. № 2. С. 9–26. DOI: 10.17976/jpps/2023.02.02.
- Атанесян А.В., Мкртчян А.Е. Армения между Россией и Западом: внешнеполитические приоритеты в общественном мнении // Социологические исследования. 2022. № 12. С. 88–100. DOI: 10.31857/S013216250022088-9.
- Атанесян А.В., Мкртчян А.Е. и др. Армия и общество: современные проблемы. Ереван: Асогик, 2013. (На арм. яз.)
- Атанесян А.В., Посухова О.Ю. Постпротестные настроения в армянском обществе // Социологические исследования. 2020. № 2. С. 53–62. DOI: 10.31857/S013216250008494-6.
- Атанесян А.В., Шакарян А.К. и др. Военное лидерство: проблемы эффективного управления воинским коллективом. Ереван: Асогик, 2012. (На арм. яз.)
- Военная социология. Сб. материалов / Под ред. Л.А. Арутюнян. Ереван, ЕГУ, 2005. (На арм. яз.)
- Земля Кавказская: бремя конфликтов и время перемен / Под ред. Л. Арутюнян, А. Атанесян и др. Ереван: Антарес, 2007.
- Котанджян Г.С. Введение в этнополитологию консенсуса-конфликта. Теоретико-методологические проблемы цивилизационного анализа. М.: РАУ, Луч, 1992.
- Маркаров А. Развитие политологии в Армении: состояние, проблемы, перспективы // Политическая наука. 2004. № 2. С. 9–29.
- Мкртчян А. «Общество ни войны, ни мира» как особый тип переходного общества // WISDOM. 2013. № 1. С. 82–85.
- Мкртчян А. О некоторых особенностях электорального поведения в сельских общинах Армении // Социология и право. 2012. № 4(16). С. 5–9.
- Мкртчян А. Постсоветская реальность: конфликт, anomia, свобода // Личность и культура. 2009. № 4. С. 14–22.

⁵ «Бархатной революцией» (как одной из «цветных революций») называют массовые протестные выступления весной 2018 г., в результате которых к власти в Армении пришел оппозиционный лидер Н. Пашинян, в правление которого усилилась ориентация страны на Евросоюз, сократились связи с Россией.

- Мкртчян А.Е. Современные этнополитические конфликты в контексте миросистемной коммуникации (на примере карабахского конфликта) // Актуальные вопросы массовой информации и политических коммуникаций / Под ред. А.В. Атанесяна, И.А. Румачик. Ереван: ЕГУ, 2017. С. 173–182.
- Мхитарян С. Проблемы мотивации политического участия в армянском обществе // Современные глобальные проблемы социальных и гуманитарных наук: сб. науч. тр. 2015. № 1. С. 126–131.
- Нжде Г. Избранное. Ереван: Эдит Принт, 2012.
- Ослон А.А. Политическая социология – часть политики, социология политики – часть социологии // Политическая наука. 2011. № 3. С. 160–178.
- Погосян Г.А. Армянские выборы: неоконченная пьеса для власти и оппозиции // Мониторинг общественного мнения. ВЦИОМ. 2013b. № 7(113). С. 136–147.
- Погосян Г.А. Армянское общество в трансформации. Ереван: Лусабац, 2003.
- Погосян Г.А. Выборы по-армянски // Государственная служба. 2013a. № 2(82). С. 91–94.
- Погосян Г.А. Современное армянское общество: особенности трансформации. М.: Академия, 2005.
- Погосян Г.А. Развитие социологии в Армении // Социологические исследования. 2014. № 8. С. 37–47.
- Погосян Г.А., Погосян Р.М. Социокультурная идентичность современных армян // Социологические исследования. 2023. № 11. С. 121–126. DOI: 10.31857/S013216250028538-4.
- Погосян В.Г. Амбивалентность модернизации: опыт историко-социологической концептуализации. Ереван: ЕГУ, 2015.
- Погосян В.Г. Социальная модернизация: стратегия выживания. М.: ИНИОН РАН, 2008.
- Самаркина И.В., Атанесян А.В. Европа как значимый другой в формировании национально-государственной идентичности российской и армянской молодежи // Южно-российский журнал социальных наук. 2018. Т. 19. № 4. С. 109–129. DOI: 10.31429/26190567-19-4-109-129.
- After the Soviet Empire / Ed. by S. Eliaeson, L. Harutyunyan, L. Titarenko. Leiden, The Netherlands: Brill, 2016. DOI: 10.1163/9789004291454_001.
- Armenians around the World: Migration and Transnationality / Ed. by A. Mkrtychyan. Frankfurt am M.: Peter Lang, 2015.
- Atanesyan A., Sahakyan V. Democratization in Armenia: Some Trends of Political Culture and Behavior // Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization. 2006. Vol. 14. No. 3. P. 347–354.
- Atanesyan A.V., Reynolds B.M., Mkrtychyan A.E. Balancing between Russia and the West: the hard security choice of Armenia // European Security. 2023. DOI: 10.1080/09662839.2023.2258528.
- Babloyan A. Opportunities of Development of Early Warning and Conflict Prevention System in the Armenian Army // Journal of Sociology: Bulletin of Yerevan University. 2012. No. 3(1). P. 12–19. DOI: 10.46991/BYSU: F/2012.3.1.012.
- Dijkzeul D. Towards a Framework for the Study of “No War, No Peace” Societies. Swisspeace, 2008.
- Karapetyan A., Gardner S. The Online and Offline Communication Preferences of Armenian Social Network Users // Journal of Sociology: Bulletin of Yerevan University. 2023. No. 14 (38). P. 66–80. DOI: 10.46991/BYSU: F/2023.14.2.066.
- Manukyan S. An empirical study of the criteria for the ethnic identity of Armenians in Armenia // Journal of Sociology: Bulletin of Yerevan University. 2021. No. 12 (34). P. 3–18. DOI: 10.46991/BYSU: F/2021.12.2.003.
- Melkumyan Y., Mkrtychyan S. Evolution of the “American Dream” as a Value System and its Representation in Hollywood Movies // Journal of Sociology: Bulletin of Yerevan University. 2023. No. 14 (37). P. 50–64. DOI: 10.46991/BYSU: F/2023.14.1.050.
- Mkrtychyan A. “Unequal Differentiation” In Armenia: Between Global Trends and Regional Obstacles // Journal of Sociology: Bulletin of Yerevan University. 2013. No. 4 (1). P. 15–23. DOI: 10.46991/BYSU: F/2013.4.1.015.
- Smbatyan H. Nagorno-Karabakh Conflict Through the Prism of Horizontal Inequalities: Theoretical Overview // Journal of Sociology: Bulletin of Yerevan University. 2022. No. 13(35). P. 5–23. DOI: 10.46991/BYSU: F/2022.13.1.005.

Статья поступила: 08.04.24. Финальная версия: 21.06.24. Принята к публикации: 25.07.24.

POLITICAL SOCIOLOGY IN ARMENIA: STAGES OF INSTITUTIONALIZATION AND PRIORITIES

ATANESYAN A.V.

Yerevan State University, Armenia; Pyatigorsk State University, Russia

Arthur V. ATANESYAN, Dr. Sci. (Pol.), Prof., Head of Applied Sociology Department, Faculty of Sociology, Yerevan State University, Yerevan, Armenia; Prof. at the Department of Journalism, Media Communications and Public Relations, Institute of International Relations, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia (atanesyan@yandex.ru; atanesyan@ysu.am).

Abstract. The rise of sociology as a science, reflecting modernization processes in society and exerting significant influence on them, developed during the post-Soviet period of Armenian reality. This development was facilitated by 'discovery' of sociology by the post-Soviet society and the close (though not always equal) interaction of domestic sociologists with Western sociological schools. Additionally, the participation of Western sociologists of Armenian nationality contributed to the formation of Armenian statehood as well as to growth of sociology as an academic discipline in Armenia. Under the influence of democratization processes, political sociology focused primarily on the transitional Armenian society, addressing the formation of power institutions and the utilization of political technologies. Regional dynamics, traditional and new foreign policy processes in Armenia, threats, and risks influenced the study of foreign policy guidelines within Armenian society. This also led to the formation and development of sociology of conflict and military sociology, closely linked to political sociology and sometimes inseparable. The effective managing of the Armenian state and society directly correlates with the integration of political sociology into political practices, and with demand for sociological knowledge, especially sociological forecasts, among decision-makers.

Keywords: political sociology, Armenian society, transitional society, sociology of domestic and foreign policy, sociology of conflict, military sociology.

REFERENCES

- After the Soviet Empire.* (2016) Ed. by S. Eliaeson, L. Harutyunyan, L. Titarenko. Leiden, The Netherlands: Brill. DOI: 10.1163/9789004291454_001.
- Armenians around the World: Migration and Transnationality.* (2015) Ed. by A. Mkrtichyan. Frankfurt am Main: Peter Lang.
- Astvasaturov S.V. (1997) Social protection in the system of economic and social coordinates. *Izmenyayushcheesya obshchestvo. Teoriya i praktika* [Changing Society. Theory and practice]. No. 1, 2: 38–46. (In Russ.)
- Atanesyan A., Sahakyan V. (2006) Democratization in Armenia: Some Trends of Political Culture and Behavior. *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*. Vol. 14. No. 3: 347–354.
- Atanesyan A.V. (2008) *Current problems of modern political and conflict communications*. Yerevan: EGU.
- Atanesyan A.V. (2015) Armenia and Russia: current problems and potential for cooperation (in the perceptions of Facebook users in Armenia). *Sovremennye Evrazijskie issledovaniya* [Modern Eurasian Studies]. No. 3: 50–65. (In Russ.)
- Atanesyan A.V. (2018) "Velvet Revolution" in Armenia: potential, achievements and risks of political protest activity. *POLIS. Politicheskie issledovaniya* [POLIS. Political Studies]. No. 6: 80–98. DOI: 10.17976/jpps/2018.06.06. (In Russ.)
- Atanesyan A.V. (2019) The Impact of Social Networks on Protest Activities (the Case of Armenia). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 73–84. DOI: 10.31857/S013216250004280-1.
- Atanesyan A.V., Karapetyan R.R. (2020) Current State and Perspectives of Armenian-Russian Relations: Post-Protest Perception in the Armenian Society. *Gumanitarnij Yuga Rossii* [Humanities of the South of Russia]. Vol. 9. No. 2: 64–83. DOI: 10.18522/2227-8656.2020.2.4. (In Russ.)
- Atanesyan A.V., Mkrtichyan A.E. (2022) Armenia between Russia and the West: Foreign Political Priorities in Public Opinion. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 88–100. DOI: 10.31857/S013216250022088-9. (In Russ.)
- Atanesyan A.V., Mkrtichyan A.E. (2023) Russia as an ally: the dynamics of public perceptions in Armenian society before and after the 2020 Karabakh war. *POLIS. Politicheskie issledovaniya* [POLIS. Political Studies]. No. 2: 9–26. DOI: 10.17976/jpps/2023.02.02. (In Russ.)
- Atanesyan A.V., Mkrtichyan A.E. et al. (2013) *Army and society: modern problems*. Yerevan: Asoghik. (In Arm.)
- Atanesyan A.V., Posukhova O. Yu. (2020) Post-protest Attitudes in the Armenian Society. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 53–62. (In Russ.)

- Atanesyan A.V., Shakaryan A.K. et al. (2012) *Military leadership: problems of effective management of military personnel*. Yerevan: Asoghik. (In Arm.)
- Atanesyan A.V., Reynolds B.M., Mkrtichyan A.E. (2023) Balancing between Russia and the West: the hard security choice of Armenia. *European Security*. DOI: 10.1080/09662839.2023.2258528.
- Babloyan A. (2012) Opportunities of Development of Early Warning and Conflict Prevention System in the Armenian Army. *Journal of Sociology: Bulletin of Yerevan University*. No. 3(1): 12–19. DOI: 10.46991/BYSU: F/2012.3.1.012.
- Dijkzeul D. (2008) *Towards a Framework for the Study of "No War, No Peace" Societies*. Swisspeace.
- Harutyunyan L.A. (1997) Social policy of Armenia: from past to future. *Izmenyayushcheesya obshchestvo. Teoriya i praktika* [Changing Society. Theory and practice]. No. 1, 2: 34–37. (In Russ.)
- Karapetyan A., Gardner S. (2023) The Online and Offline Communication Preferences of Armenian Social Network Users. *Journal of Sociology: Bulletin of Yerevan University*. No. 14 (38): 66–80. DOI:10.46991/BYSU: F/2023.14.2.066.
- Kotanjian H. (1992) *Introduction to the Ethnic Policy of Consensus-Conflict. Theoretical-Methodological Problems of Civilization Analysis*. Moscow: Russian Academy of Public Policy, Louch. (In Russ.)
- Land of The Caucasus: The Burden of Conflicts and The Time of Change* (2007) Ed. by L. Harutyunyan, A. Atanesyan et al. Yerevan: Antares.
- Manukyan S. (2021) An empirical study of the criteria for the ethnic identity of Armenians in Armenia. *Journal of Sociology: Bulletin of Yerevan University*. No. 12 (34): 3–18. DOI: 10.46991/BYSU: F/2021.12.2.003.
- Melkumyan Y., Mkrtichyan S. (2023) Evolution of the "American Dream" as a Value System and its Representation in Hollywood Movies. *Journal of Sociology: Bulletin of Yerevan University*. No. 14 (37): 50–64. DOI: 10.46991/BYSU: F/2023.14.1.050.
- Military sociology. Collection of materials* (2005) Ed. by L.A. Harutyunyan. Yerevan: EGU. (In Arm.)
- Mkhitaryan S. (2015) Problems of motivation for political participation in Armenian society. *Sovremennye global'nye problemy social'nyh i gumanitarnykh nauk: sbornik nauchnykh trudov* [Modern global problems of social and humanitarian sciences: collection of scientific works]. No. 1: 126–131. (In Russ.)
- Mkrtichyan A. (2009) Post-Soviet reality: conflict, anomie, freedom. *Lichnost i kultura* [Personality and culture]. No. 4: 14–22. (In Russ.)
- Mkrtichyan A. (2012) On some features of electoral behavior in rural communities of Armenia. *Sociologiya i pravo* [Sociology and Law]. No. 4 (16): 5–9. (In Russ.)
- Mkrtichyan A. (2013) "Society of neither war nor peace" as a special type of transitional society. *WISDOM*. No. 1: 82–85. (In Russ.)
- Mkrtichyan A. (2013) "Unequal Differentiation" In Armenia: Between Global Trends and Regional Obstacles. *Journal of Sociology: Bulletin of Yerevan University*. No. 4 (1): 15–23. DOI: 10.46991/BYSU: F/2013.4.1.015.
- Mkrtichyan A.E. (2017) Modern ethnopolitical conflicts in the context of world-system communication (on the Karabakh conflict). In: *Current issues of mass information and political communications*. Ed. by A.V. Atanesyan, I.A. Rumachik. Yerevan: EGU: 173–182. (In Russ.)
- Nzhdeh G. (2012) *Selected Works*. Yerevan: Edith Print. (In Russ.)
- Oslon A.A. (2011) Political sociology is a part of politics, the sociology of politics is a part of sociology. *Politicheskaya nauka* [Political Science]. No. 3: 160–178. (In Russ.)
- Poghosyan G.A. (2014) Development of sociology in Armenia. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 37–47. (In Russ.)
- Poghosyan G.A., Poghosyan R.M. (2023) Socio-Cultural Identification of Modern Armenians. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 121–126. DOI: 10.31857/S013216250028538-4. (In Russ.)
- Poghosyan V.G. (2008) *Social modernization: a survival strategy*. Moscow: INION RAS. (In Russ.)
- Poghosyan V.G. (2015) *Ambivalence of modernization: experience of historical and sociological conceptualization*. Yerevan: YSU Publ. (In Russ.)
- Pogosyan G.A. (2003) *Armenian society in transformation*. Yerevan: Lusabac. (In Russ.)
- Pogosyan G.A. (2005) *Modern Armenian society: features of transformation*. Moscow: Academy. (In Russ.)
- Pogosyan G.A. (2013a) Elections in Armenian style. *Gosudarstvennaya sluzhba* [State service]. No. 2 (82): 91–94. (In Russ.)
- Pogosyan G.A. (2013b) Armenian elections: an unfinished play for the authorities and the opposition. *Monitoring obshchestvennogo mneniya* [Monitoring of public opinion]. No. 7 (113): 136–147. (In Russ.)
- Samarkina I.V., Atanesyan A.V. (2018) Europe as a significant other in shaping the national and state identification of the Russian and Armenian young people. *Yuzhno-rossijskij zhurnal socialnykh nauk* [South Russian Journal of Social Sciences]. Vol. 19. No. 4: 109–129. DOI: 10.31429/26190567-19-4-109-129. (In Russ.)
- Smbatyan H. (2022) Nagorno-Karabakh Conflict through the Prism of Horizontal Inequalities: Theoretical Overview. *Journal of Sociology: Bulletin of Yerevan University*. No. 13 (35): 5–23. DOI: 10.46991/BYSU: F/2022.13.1.005.

А.Н. ДАНИЛОВ

БЕЛОРУССКИЕ АВТОРЫ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

ДАНИЛОВ Александр Николаевич – член-корреспондент НАН Беларуси, заведующий кафедрой социологии Белорусского государственного университета, Минск, Республика Беларусь (a.danilov@tut.by).

Аннотация. Журнал «Социологические исследования» был основан в 1974 г. в Институте социологических исследований АН СССР. С первых номеров журнала социологи из Беларуси активно сотрудничают с новым изданием. В статье сообщается о публикационной активности Г.П. Давидюка, Е.М. Бабосова, Г.Н. Соколовой, Л.Г. Титаренко и др. Опыт работы белорусских социологов в регионах, на конкретных предприятиях с первых номеров журнала был в поле его внимания. При распаде СССР с разрывом научных связей в некогда едином исследовательском пространстве журнал выжил и сохранил свой высокий статус и авторитет. В 1998 г. вышел его специальный тематический номер «Беларусь. Время надежд» (№ 9), полностью посвященный развитию социологии в Беларуси. Наравне с опытными авторами на страницах журнала печатаются представители молодого поколения профессиональных социологов из Беларуси.

Ключевые слова: Г.П. Давидюк • Е.М. Бабосов • Г.Н. Соколова • Л.Г. Титаренко • белорусские авторы • журнал «Социологические исследования»

DOI: 10.31857/S0132162524080092

Полвека существования – немалый срок для журнала «Социологические исследования», основанного в 1974 г. Он охватывает десятилетие «развитого» социализма, Перестройку и три десятилетия постсоветских трансформаций. До середины 1980-х гг. СоцИс оставался единственным профессиональным журналом социологического профиля на весь СССР. Его первые авторы познавали новую науку сами и учили ей всю страну. Журнал, буквально с первого номера, стал учебной и одновременно дискуссионной площадкой. На его страницах вырабатывалось понимание методологических основ социологической науки, осваивались исследовательские процедуры, обсуждались особенности их использования и получаемые результаты.

Следует отметить, что вызревание понимания необходимости возрождения социологии как науки на официальном уровне началось в 1960-е гг. и заняло длительный отрезок времени. Решения о «реабилитации» и восстановлении социологической науки, как тогда было принято, принимали партия и правительство, по-своему оценивая сложившуюся в обществе и науке ситуацию. Во многом на принятие таких решений влияли прежние стереотипы, поэтому отношение партийных руководителей к социологии было «Неоднозначным, не всегда последовательным, нередко критичным, а порой абсурдным. Это было связано с существовавшим тогда догматизмом определения роли и значения исторического материализма, перестраховкой некоторых руководителей общественных наук, боязнью выводов, основанных на данных проводимых социологами исследований» [Дмитриев и др., 2018: 137]. В Белорусской ССР важным шагом на пути к институционализации социологии стало Постановление Президиума ЦК КПБ от 9 ноября 1965 г. «Об организации конкретно-социологических исследований в республике» [Кафедра социологии..., 2014: 212–213], которое обязывало Президиум и руководство Отделения общественных наук АН БССР, институтов философии и права, экономики, истории, а также Министерства высшего, среднего специального и профессионального образования БССР разработать

мероприятия по усилению социологических исследований в НИИ и высших учебных заведениях. В частности, было предложено создать лаборатории социологических исследований при БГУ и в Институте народного хозяйства. Этим же постановлением при ЦК КПБ был создан Республиканский общественный институт социологических исследований для контроля за их идеологической составляющей.

Энтузиастов, приходивших в социологию в тот период, как это выразил Г.С. Батыгин, отличала «установка скорее на призвание, раскрытие творческих возможностей, чем на ремесло. Отсюда и исключительно высокая междисциплинарная мобильность обществоведов. Среди них были историки, экономисты, философы, логики, филологи, математики, физики, партийные работники, журналисты, театральные критики. Их объединяли круг чтения, интерес к научному исследованию социальных проблем и главное – определенная позиция в системе воспроизводства и реформирования власти. Они стремились найти себя в новой области творчества, свободной от дисциплинарной рутины, и привнести в социологическую работу увлеченность и веру в чудесные открытия, которые обещала наука о человеке. И сама социология казалась открытой для всех» [Российская социология шестидесятых годов..., 1999: 9–10].

Интересное это было время... Страна начала постепенно отходить от хрущевского волюнтаризма и во власти начал доминировать некоторый консерватизм с акцентом на стабильность. Энтузиастами начали проводиться социологические исследования, создавались исследовательские структуры, нарабатывался собственный исследовательский опыт. Но очень уж не просто прорастала эта наука на социалистической почве. Г.П. Давидюк вспоминал: «Вся жизнь у меня была неординарной. Были годы успехов в работе, радости в жизни, были годы тяжелых переживаний, когда пришлось бороться (в прямом смысле этого слова) за возрождение социологии в Беларуси» [Давидюк, 2023: 132].

В таких непростых условиях не без проблем в 1974 г. в Москве в Институте социологических исследований АН СССР был учрежден журнал «Социологические исследования». Журнал создавался как «политическая витрина» (выражение Ж.Т. Тощенко). Но он стал действительной площадкой возрождения и объединения социологов страны. От номера к номеру он набирал теоретико-методологический и методический опыт социологических исследований, в спорах кристаллизовалось понимание законов новой науки, формировались лидеры, готовилось новое поколение специалистов, определялась стратегия дальнейшего развития социологии в СССР.

Журнал строил новую науку и формировал ее элиту, распространяя социологические знания из центра в регионы. Так формировалась и белорусская школа прикладной социологии Г.П. Давидюка (1923–2020) [Данилов, 2023: 144–151]. Социологи из Беларуси с первых номеров журнала активно сотрудничали с новым изданием. Опубликоваться в журнале «Социологические исследования» было событием и как бы принятием в семью мало кому тогда известной науки по имени социология, науки со сложной судьбой.

Роль и влияние Г.П. Давидюка в Белорусской ССР были определяющими, и поэтому вполне закономерно то, что в одном из первых номеров журнала (1975, № 2) появляется рецензия Георгия Петровича на книгу, подготовленную советскими и польскими социологами, изданную в 1974 г. в Москве и в Варшаве: «Проблемы развития социальной структуры общества в Советском Союзе и Польше». В № 3 за 1977 г. выходит его же статья «Подготовка социологических кадров в вузах Белоруссии». Идет активная наработка опыта и в журнале: на регулярной основе проводятся круглые столы с ведущими специалистами-социологами. От Беларуси в них активное участие принимает Георгий Петрович. В частности, в № 1 за 1981 г. им обсуждаются «Предмет и структура социологической науки».

В сотрудничестве с журналом значима также роль Е.М. Бабосова. Вначале от него были рецензии на новые книги, материалы «Из редакционной почты», обсуждение актуальных проблем за круглым столом. Затем последовало его участие в работе редакционной коллегии (1983–1987) и публикация статей. Их немного, но они весомы. В этот период Евгений Михайлович много работал над созданием условий для возрождения

социологических структур в АН БССР, поскольку в 1990 г. он был назначен директором-организатором Института социологии АН БССР и до сих пор там активно работает. На счету его научной школы много достижений, особенно в сфере социальной конфликтологии; теории, методологии и истории социологии.

Опыт работы социологов в регионах, на конкретных предприятиях с первых номеров журнала был всегда интересен. Ведь учились чаще всего на собственных ошибках. Так, в № 1 за 1976 г. появляется статья старшего инженера-социолога Молодечненского завода силовых полупроводниковых вентилей Г.Н. Соколовой «Опыт измерения взаимосвязей требований промышленного предприятия с потребностями рабочего». И это было открытие. Позже Галина Николаевна Соколова (1935–2018) защитит две диссертации и уже в статусе доктора наук станет ведущим белорусским социологом в области экономической социологии, будет активно работать в составе редакционного совета журнала. В журнале постоянно печатались ее работы. Отметим следующие: «Тенденции развития социологии труда в 1980–1990 годах (по материалам всемирных социологических конгрессов)» (1991, № 3); «Регулятивные возможности социальных механизмов рынка рабочей силы» (1993, № 5); «Социальные издержки безработицы и пути их снижения» (1995, № 9); «Структура занятости и безработицы: проблемы и тенденции» (№ 2, 1996); «Тенденции перемещения рабочей силы в Белоруссии» (1996, № 10 в соавторстве с И.И. Куропятник); «Инновационные процессы в модернизации постсоветской промышленности» (2001, № 9); «Нерегистрируемая безработица в Беларуси» (2003, № 7, в соавторстве с О.В. Кобяком); «Социальная политика государства в сфере труда и трудовых отношений» (2004, № 4); «Рыночные отношения в Беларуси: от эволюции к инновациям» (2007, № 2) и др. Соавторы – это ученики Галины Николаевны. Так она выводила своих учеников на международную арену. Все они стали докторами социологических наук и активно работают в социологии, продолжая дело своего наставника.

В Беларуси и сегодня активно работает научная школа Г.П. Давидюка. Постоянно выходят публикации учеников Георгия Петровича: Титаренко Л.Г. (свыше десятка публикаций разных лет), Левко А.И. «Факторный анализ трудовой и общественной активности рабочих» (1980, № 1), Ротман Д.Г. и др. «Белорусский вариант харизмы» (2003, № 3) и др. Следует особо отметить давнее и плодотворное сотрудничество журнала с известным белорусским ученым, профессором Ларисой Григорьевной Титаренко. Наиболее значимые ее публикации относятся к истории социологии и к проблематике современной социологической теории. Л.Г. Титаренко – постоянная участница «Харчевских чтений». Она автор статей: «Социология Ханса Йоаса» (2012, № 5); «Концепция множественности форм модернов в исторической социологии Й.П. Арнасона» (2016, № 1); «Теоретическая социология в современной России: глобальные и национальные перспективы» (2022, № 4); «Российская социология в поиске ответов на теоретические вызовы» (2023, № 5); «На пути к суверенной российской цивилизации» (2023, № 10); «Экологический аспект образа жизни: основные ценности и типы поведения» (2015, № 2); «Стратегии выхода студентов белорусских вузов на регулируемый рынок труда» (2020, № 12, в соавторстве с А.А. Широкановой); «“Парадоксальный белорус”: противоречия массового сознания» (2003, № 12); «Экологический образ жизни минчан» (2011, № 3); «Национальное и над-национальное в социологии» (2011, № 1), «Социология на перепутье (о 39-м конгрессе Международного института социологии)» (2010, № 3) и др.

Каждое время рождало новые вызовы и риски. Социология становилась востребованной, тематика и содержание статей обострялись, исследования открывали реальные глубины возможных угроз. Но власти реагировали на них с большим опозданием. Перестройка породила новые надежды, и журнал, получив второе дыхание, из номера в номер публикует статьи с результатами исследований, которые ранее не могли попасть на страницы издания. К примеру, № 4 за 1989 г. открывается статьей В.О. Рукавишникова, уже доктора наук, ведущего научного сотрудника Института социологии АН СССР с названием «Очереди». В этом же номере впервые публикуется статья «Социодинамика власти»

профессора И.И. Антоновича, приглашенного в Москву из Минска для работы проректором Академии общественных наук при ЦК КПСС. Здесь же представляют результаты своих исследований сотрудники Проблемной научно-исследовательской лаборатории социологических исследований Белорусского государственного университета, кандидаты наук И.Н. Андреева, Н.Я. Голубкова, Л.Г. Новикова в статье «Молодежная субкультура: нормы и система ценностей».

В этот период к представлению авторов часто добавлялась приписка «в нашем журнале публикуется впервые». № 5 за 1989 г. открывается статьей «Стереотипы исторического самосознания (по материалам межрегионального исследования)» участников проекта Госкомитета СССР по народному образованию «Общественное мнение». Ее авторы – Л.Г. Новикова, А.А. Овсянников, Д.Г. Ротман. Завершает ту статью обобщающий вывод: «Усиление межнациональной напряженности в ряде регионов страны требует дальнейшего углубленного изучения национально-исторических корней различных культур, особенностей национального характера и стереотипов поведения, национально-культурной мотивации и т.д.» [Новикова и др., 1989: 12]. Но реформаторы во власти редко прислушивались к мнению социологов. До развала СССР оставались неполных два года. Кстати, в этом же номере печатаются статьи академика П.Н. Федосеева «Идейное единство партии и социалистический плюрализм мнений» и ректора Академии общественных наук при ЦК КПСС профессора Р.Г. Яновского «Потенциал социализма и идеология обновления». В заключительных строках последний высказал мысль о том, что «Нужно свободное соревнование умов, от которого наша общественная мысль только выиграет, умножится ее прогностическая сила и, значит, способность служить надежной основой для определения конкретных приоритетов обновления социализма» [Яновский, 1989: 41]. Не случилось...

В этот рубежный период стали появляться интересные интервью с руководителями отраслевых социологических служб, круглые столы по самым актуальным проблемам современности с широким привлечением ученых из регионов, активизировались публикации в рубриках «Письмо в редакцию», «Зарубежная панорама», «Социологическое наследие», «Социология за рубежом», «Книжная полка социолога», «Докторские диссертации по социологической тематике» и др. Открывались новые имена. Уже к началу 1990 г. тираж журнала достиг своего максимума в 25 тысяч экземпляров. Главный его редактор А.В. Дмитриев, открывая первый номер за 1990 г., сетовал: «Постановление ЦК КПСС «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых проблем советского общества» выполняются медленно и неудовлетворительно. Несмотря на некоторые сдвиги, уровень исследований невысок, по-прежнему налицо раздробленность, слабая профессионализация социологов» [Дмитриев, 1990: 3].

Мы были очень признательны журналу «Социологические исследования» за открытие многих имен белорусских социологов для союзного читателя. В частности: О.Т. Манаева «Несогласная аудитория (изменение критериев эффективности средств массовой информации в процессе демократизации общества)» (1990, № 6); Ж.М. Грищенко, В.А. Поликарпова «Самоопределение молодежи в условиях перестройки: опыт социальной типологии» (1990, № 7); профессионального социолога из Гомеля А.Г. Злотникова «Демографическая ситуация в Гомельской области (последствия аварии на ЧАЭС» (1990, № 10); Г.А. Несветайлова «Больная наука в больном обществе» (1990, № 11); Л.П. Шахотько «Миграционные процессы в Республике Беларусь» (1999, № 3).

Впереди издание ждали новые испытания. В связи с распадом СССР, разрывом некогда единого исследовательского пространства встал вопрос о выживании журнала. Главному редактору, коллективу редакции, чтобы сохранить издание и выходить регулярно, приходилось прилагать немало усилий. В редакционной статье, открывающей первый номер «Социологических исследований» за 1994 г., его главный редактор А.В. Дмитриев отмечает, что предстоит «свободно и критически осваивая лучший зарубежный социологический опыт, накопленный в области научных исследований и в преподавании социологии, вырабатывать специфические для российского социологического сообщества

требования по подготовке специалистов соответствующего профиля, отвечающих одновременно международным требованиям и отечественным стандартам» [От редакции, 1994: 4].

После распада СССР и образования суверенной Республики Беларусь журнал регулярно публикует статьи белорусских авторов: О.В. Кобяка «Культура хозяйствования предприятий: социологический анализ» (2001, № 9); Р.А. Смирновой «Факторы формирования адаптационных стратегий социально уязвимых слоев населения Беларуси» (2005, № 10); ученого из Гродно М.Ю. Сурмач «Гендерные стереотипы в Беларуси. Мнение студенческой молодежи» (2005, № 10); Д.К. Безнюка «Состояние и специфика современной религиозной ситуации в Беларуси» (2006, № 2); лидера могилевских социологов Н.Е. Лихачева «Современные аграрные преобразования в Беларуси (на материалах Могилевской области)» (2007, № 1), авторов из Бреста: О.Ю. Бреской «Социология религии в Восточной Европе: методология и предмет исследования» (2007, № 7) и С.Т. Кавецкого «Дюркгейм о социальной солидарности и аномии» (2013, № 5) и др.

Есть номер журнала, который нам особенно дорог. Мы его называем белорусским. Он полностью посвящен белорусским социологам. В своем слове к читателям «Беларусь: время надежд» главный редактор Жан Терентьевич Тощенко пишет: «В этом акте – признание белорусской школы социологии, дань уважения тем ученым, которые стояли у истоков ее развития, тем, кто, несмотря на трудности сегодняшнего времени, продолжают поистине подвижническую работу по дальнейшему развитию социологической науки» [Тощенко, 1998: 9]. В номере представлены статьи А.Н. Елсукова, Е.М. Бабосова, С.А. Шавеля, А.Н. Данилова, Г.Н. Соколовой, Д.Г. Ротмана, А.Г. Злотникова, Л.Г. Титаренко, В.В. Буцिका, О.В. Терещенко, Ж.М. Грищенко, Л.П. Шахотько, Л.Г. Новиковой, Г.А. Несветаилова и др. Здесь и тематика, и авторский состав представлены достаточно полно. По этому номеру просматривается стратегия будущего развития социологии в Беларуси. Так дальше и развивалось наше сотрудничество, в котором доминировали исследования проблем становления белорусской государственности, экономической интеграции, преодоления последствий на Чернобыльской АЭС, социологии культуры, образования, науки.

Журнал всегда стремится поддерживать инициативы с мест. Ярким примером этого является публикация статей белорусских авторов в рубрике «Экономическая социология» (2008, № 9), которую предваряет редакционная врезка следующего содержания: «Статьи рубрики посвящены формированию инновационной стратегии в Республике Беларусь. Они основаны на эмпирических данных двух прикладных исследований и объединены общим методологическим подходом – проследить на конкретных объектах различные грани проблемы отношений между предприятиями и государственными структурами. В исследованиях осуществлен анализ инновационной деятельности малых и средних предприятий в зависимости от внутренних и внешних факторов, а также методов приспособления предприятий к изменениям в отраслевом аспекте (на примере легкой промышленности). Представленные результаты позволяют увидеть возможности и ограничения в инновационном развитии экономики». Далее публикуются статьи: Соколова Г.Н. «О подходе к исследованию инновационной стратегии государства» (с. 39–46); Таранова Е.В. «Стратегии адаптации предприятий легкой промышленности к инновационным изменениям» (с. 47–52); Сечко Н.Н. «Роль малых и средних предприятий в формировании национальной инновационной системы» (с. 52–58). Это был опыт, который позволил существенно продвинуть исследования по данной тематике и раскрыть потенциал Беларуси в данном направлении.

На страницах журнала наравне с опытными авторами публикуется немало представителей молодого поколения профессиональных социологов. Это уже новая генерация цифровой эпохи. В их публикациях улавливается стремление «расколдовать» общество, в котором им жить и выстраивать свой мир. И это закономерно. Как и в каждой семье, в социологической также подрастает достойная смена. Среди них имеются и белорусские социологи. Я имею в виду О.В. Кобяка (2001, № 9), А.А. Широканову (2009, № 12), Н.Н. Сечко (2013, № 5), С.Н. Кройтер (2013, № 5), И.В. Лашук (2013, № 11),

В.А. Мартиновича (2016, № 6), А.А. Белова (2020, № 7), Т.В. Щелкову (2020, № 7), Е.В. Шкурову (2022, № 3).

Пятьдесят лет пролетело как одно мгновение и все эти годы журнал объединяет профессиональное социологическое сообщество, демонстрируя товарищеское участие и дружескую поддержку. Для нескольких поколений ученых «Социологические исследования» стали общей дискуссионной площадкой, где приветствуется академическая свобода и царит атмосфера поиска научной истины. Издание несет новое в социологию, являет собой высокий научный уровень публикаций, отличается уникальностью авторского состава, стало настоящей школой, где молодежь делает свои первые шаги, открываются и поддерживаются таланты.

Тем, кто сегодня говорит о кризисе нашей науки, следует повнимательней присмотреться к самим себе и хорошо подумать: «Так ли мы живем?» Всё ли мы сделали для того, чтобы сегодняшнее представление о нашей науке было действительно притягательным для самых талантливых и порядочных исследователей? Только журнал с такой историей и традициями в состоянии подняться над политическими пристрастиями и личными амбициями отдельных ученых и во имя Её Величества Социологии и далее объединять наше многоликое сообщество.

За последние три десятилетия на постсоветском пространстве появилось немало новых изданий социологического профиля, может, часть из них выходит с лучшим дизайном, более привлекательным и броским оформлением, но в нашей истории именно журнал «Социологические исследования» навсегда останется первым. Если когда-нибудь в далеком будущем всей научной периодике и суждено будет полностью перейти в цифровой мир, мы уверены, что и тогда все равно найдется пытливым исследователь, который отыщет даже в самых дальних библиотечных запасах хотя бы один номер нашего журнала на бумажном носителе¹ и, сдув с него многовековую пыль, обратится к этому источнику, чтобы лучше понять наше общество, нас сегодняшних...

Успех любого журнала – это его команда и, конечно, авторитет главного редактора. В этом отношении «Социологическим исследованиям» определенно везло. Каждый, кто входил на капитанский мостик издания, был личностью в науке, выдающимся организатором, подвижником и необыкновенным тружеником. Остается только выразить уверенность, что так будет всегда... Удачи!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Данилов А.Н. Прикладная социология профессора Г.П. Давидюка и возрождение социологической науки в БССР // Социологические исследования. 2023. № 6. С. 144–151.
- Дмитриев А.В. К нашим читателям // Социологические исследования. 1990. № 1. С. 3.
- Дмитриев А.В. Теория – практике обновления социализма // Социологические исследования. 1989. № 1. С. 3–8.
- Дмитриев А.В., Иванов В.Н., Тощенко Ж.Т. Так как же все было на самом деле? К истории возрождения социологической науки в СССР // Социологические исследования. 2018. № 11. С. 134–145.
- Кафедра социологии БГУ: история и современность. К 25-летию создания. Мн.: БГУ, 2014.
- Новикова Л.Г., Овсяников А.А., Ротман Д.Г. Стереотипы исторического самосознания (по материалам межрегионального исследования). Социологические исследования. 1989. № 5. С. 3–12.
- От редакции // Социологические исследования. 1994. № 1. С. 3–5.
- Память и слава: Георгий Петрович Давидюк. К 100-летию со дня рождения / Сост. А.Н. Данилов; ред. колл.: А.Н. Данилов (отв. ред.) и др. Мн.: БГУ, 2023.
- Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. СПб.: РХГИ, 1999.
- Тощенко Ж.Т. Беларусь: время надежд // Социологические исследования. 1998. № 9. С. 3–4.
- Яновский Р.Г. Потенциал социализма и идеология обновления // Социологические исследования. 1989. № 5. С. 36–41.

Статья поступила: 14.03.24. Принята к публикации: 12.08.24.

¹ Номера «Социологических исследований», выходившие до 2000 г., не были оцифрованы.

BELARUSIAN AUTHORS ON THE PAGES OF THE JOURNAL "SOTSIOLOGICHESKIE ISSLEDOVANIYA"

DANILOV A.N.

Belarusian State University, Republic of Belarus

Aleksandr N. DANILOV, Correspondent Member of the National Academy of Sciences of the Republic of Belarus, Head of Sociology Department of the Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus (a.danilov@tut.by).

Abstract. The journal became both an educational and a discussion platform. It developed the basics of understanding sociological science, its methodology and research procedures, and studied current problems of modern society. The journal "Sotsiologicheskie Issledovaniya" ("Sociological Studies") was founded in 1974 at the Institute of Sociological Research of the Academy of Sciences of the USSR, and it was not easy to get started. Since the first issues of the journal, Belarusian sociologists have been actively collaborating with it. The paper reveals the cooperation of Belarusian sociologists of different generations with the journal (for more information, see the publications of G.P. Davidyuk, E.M. Babosov, G.N. Sokolova, L.G. Titarenko). The experience of the sociologists in the regions and in the specific enterprises has been in the centre of attention since the first issues of the journal. The journal survived and maintained its high status and authority despite the collapse of the USSR, the severing of scientific ties and the disintegration of the once unified research space. In these difficult conditions, the role of the journal in the maintenance of scientific relations has increased dramatically, and new names have been discovered, including those of Belarusian sociologists. In 1998 a special thematic issue "Belarus. The Time of Hope" (No. 9) was published. It was entirely devoted to the development of sociology in Belarus. The journal makes it possible to publish the contents of the "Journal of the Belarusian State University. Sociology". Besides the works of experienced authors, the journal publishes articles written by the younger generation of professional Belarusian sociologists.

Keywords: G.P. Davidyuk, E.M. Babosov, G.N. Sokolova, L.G. Titarenko, Belarusian authors, Journal Sotsiologicheskie Issledovaniya.

REFERENCES

- Danilov A.N. (2023) Applied Sociology of Professor G.P. Davidyuk and Revival of Sociological Science in the Belorussian Soviet Socialist Republic. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 144–151. (In Russ.)
Department of Sociology of BSU: history and Modernity. On the 25th anniversary of its creation. Minsk: BGU. (In Russ.)
- Dmitriev A.V. (1989) Theory for the practice socialism's development. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 3–8. (In Russ.)
- Dmitriev A.V. (1990) To our readers. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 3. (In Russ.)
- Dmitriev A.V., Ivanov V.N., Toshchenko Zh.T. (2018) So How Was It Really? On the History of the Rebirth of Sociology in the USSR. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 134–145 (In Russ.)
- Ianovsky R.G. (1989) The potential of socialism and the ideology of renewal. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 36–41. (In Russ.)
- Memory and glory: Georgy Petrovich Davidyuk. On the 100th anniversary of his birth.* (2023) Ed. by A.N. Danilov et al. Minsk: BGU. (In Russ.)
- Novikova L.G., Ovsyanikov A.A., Rotman D.G. (1989) The Stereotypes of historical self-consciousness (by the data of interregional research). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 3–12. (In Russ.)
- Russian sociology of the sixties in memoirs and documents.* (1999) Ed. and preface by G.S. Batygin; ed.-comp. by S.F. Yarmolyuk. St. Petersburg: RHGI. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (1998) Belarus: a time of hope. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 3. (In Russ.)

Received: 14.03.24. Accepted: 12.08.24.

Поздравляем Сергея Александровича КРАВЧЕНКО!

22 августа отмечает 75-летний юбилей Сергей Александрович Кравченко, профессор кафедры социологии МГИМО МИД России, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор философских наук, признанный российский ученый. Сферой научных интересов Сергея Александровича являются теоретическая социология, история социологии, социология риска.

Сергей Александрович окончил факультет иностранных языков Курского педагогического института, профессиональный уровень владения английским языком и интерес к лексикографии стали основанием большого пласта его научного творчества, связанного с созданием социологических словарей, справочников, энциклопедий, отражающих динамику социологической лексики и терминологии. После защиты диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук Сергей Александрович преподавал в подмосковных и московских вузах,

в 1992 г. защитил диссертацию на соискание степени доктора философских наук, с 1995 по 2023 г. возглавлял кафедру социологии МГИМО МИД России. За этот период на базе кафедры под руководством Сергея Александровича было открыто отделение социологии массовых коммуникаций, магистратура, постоянно действуют аспирантура и диссертационный совет по нескольким специальностям. Сергей Александрович подготовил многих кандидатов и докторов наук. Его замечательные научные и организационные качества проявились при руководстве многочисленными исследовательскими проектами.

Он предложил целый ряд оригинальных теоретических разработок, включая концепции игризации, нелинейного развития и синергично сложного социума, «нормальной аномии» и «нормальной травмы», сетевого человеческого потенциала и др. Получил признание его вклад в социологию рисков и уязвимостей. Все это еще раз подтверждает, что в российской социологии Сергей Александрович занимает уникальное место человека, не только открытого новым идеям, но и открывающего собственные горизонты в познании, прокладывая путь в науке следующим поколениям ученых.

Важным в последние годы, на наш взгляд, стало обращение Сергея Александровича к проблематике формирования стратегии развития России. Через все авторские концепции красной нитью проходит идея нормативной гуманизации общественной жизни, и будущее российской, в том числе социологической, науки видится ему именно в актуализации экзистенциального потенциала русской культуры с опорой на национальный человеческий капитал. Неспроста здесь и обращение к наследию П. Сорокина, чьи идеи о воспитании лидеров, противостоящих тенденциям разъединения и расчеловечивания и соединяющих в своей деятельности рациональный, духовный и альтруистический опыт, вдохновляют поиски цивилизационных идеалов в творчестве профессора Кравченко.

Научные достижения Сергея Александровича отмечены профессиональными наградами: премией РАН им. М.М. Ковалевского 2010 года и Золотой медалью РОС (2019), Серебряной медалью им. П.А. Сорокина, также он является лауреатом конкурса интеллектуальных проектов «Держава-2009», в 2018 году Российским профессорским собранием ему присвоена премия «Профессор года».

Особо хочется отметить вклад Сергея Александровича в развитие нашего журнала. В настоящее время он – член Редсовета, долгое время находился в числе самых активных членов редколлегии журнала. Всегда обоснованно и с вниманием к авторам относился к рецензированию текстов. Регулярно присылал в журнал обзоры новейших разработок западной социологии.

Уверены, что трудолюбие, энтузиазм и неиссякаемый творческий запал делают самого юбиляра примером для подражания в деле интегральной трансформации России на уровне человеческой судьбы. Искренне желаем Сергею Александровичу Кравченко оставаться источником жизнотворчества во всех его проявлениях и непременно делиться с нами его плодами, делая наш мир немного устойчивее, гуманнее и светлее.

Коллеги, друзья и ученики

С.А. КРАВЧЕНКО

ДИАГНОСТИКА СИНЕРГИЙНО СЛОЖНЫХ РИСКОВ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ГЕНОТИПА КУЛЬТУРЫ

КРАВЧЕНКО Сергей Александрович – доктор философских наук, профессор кафедры социологии МГИМО МИД России; главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (sociol7@yandex.ru).

Аннотация. В статье рассматривается процесс развития и усложнения рисков, начиная с перехода от традиционного общества к «обществу риска», к «мировому обществу риска» и современному обществу, сущностными чертами которого, согласно антропосоциокультурному подходу Н.И. Лапина, являются «синергийные сложности». Они представляют собой реалии как результат нелинейного процесса их становления в контексте прошлого, настоящего и будущего. Их имманентная суть проявляется в саморазвитии, самоорганизации и гибридизации природы, социума, технологий, что выражается в эмерджентных эффектах неустойчивости, неравновесности, динамического хаоса, охватывающих все сферы жизнедеятельности людей. В результате риски качественно усложняются – обретают синергийно сложную природу. Однако на всех этапах развития содержание рисков детерминировано не только глобальными трендами преобразования мироздания, но и локально-национальными факторами, генотипом культуры страны. Рассмотрены семь типов синергийных сложностей в новой России, анализируются адекватные им синергийно сложные риски. Для диагностики этих рисков автор предлагает использовать нелинейно-гуманистическое социологическое воображение.

Ключевые слова: риск • неравновесность • нелинейность • «синергийная сложность» • синергийно сложный риск • генотип культуры

DOI: 10.31857/S0132162524080102

Постановка проблемы. Объективное содержание риска и субъективные представления о нем в сознании людей, как правило, различны, т.к. зависят от множества историко-временных, социальных и культурных факторов. В доиндустриальный период доминировала сакрализация рисков; переход от традиционного к индустриальному обществу, воспроизводящему модернизационные инновации и неопределенности, неумолимо выводил риски из сферы сакральных представлений. Проблема научного изучения риска возникла в начале XX века – в период индустриального модерна, когда в экономике и повседневной жизни создаются условия, принуждающие людей сознательно выбирать из ряда альтернатив, т.е. рисковать. Одним из «отцов» рискологии считается Ф. Найт, выдвинувший в начале прошлого столетия формально-логический подход к интерпретации феномена риска [Найт, 1994]. Почти сразу его подвергли критике за эмпирическую несостоятельность, расхождение с практикой. Лауреат Нобелевской премии по экономике М. Алле в 1953 г. предложил субъектно-психологический подход: экономические акторы не максимизируют ожидаемую полезность, а стремятся к максимальной надежности [Алле, 1994]. Несмотря на очевидные различия в теоретико-методологическом инструментарии, их объединяет то, что они основывались на «универсализации» принципов формальной рациональности и прагматизма. Лишь в семидесятые годы прошлого века социологи обратились к проблематике рисков: М. Дуглас обосновала культурологический подход. Его квинтэссенция: грань между объективным значением риска и его субъективным восприятием крайне подвижна в различных культурах. Соответственно, социальные группы по-разному воспринимают риски, исходя

из специфики приобретенного в конкретных жизненных мирах *риск-опыта* [Дуглас, 1994; Douglas, 1986] и «культурных предрассудков» [Douglas, 1992].

Становление *рефлексивного модерна* породило в социологии *рискологический бум*. Мировая социология ценит его выдающихся представителей Э. Гидденса, Н. Лумана, У. Бека за то, что ими исследованы риски в контексте обусловленности ускоряющимся и усложняющимся развитием природы, социума и технологий. Вместе с тем, как представляется, они абсолютизировали детерминанты рисков, характерные для западного общества, «универсализировав» их специфику. Российские социологи акцент делают на анализе рисков, принимая во внимание особенности реалий национальной культуры, – заметим, в русле идей М. Дуглас. О.Н. Яницкий разработал теорию «России как общества риска» [Яницкий, 2004: 5–15], обосновал положение о культурной детерминации уровня риска: «Для всякого социального субъекта есть социально приемлемый уровень риска, детерминируемый культурой, его собственным опытом и конкретной ситуацией» [Яницкий, 2008: 362]. Ю.А. Зубок сосредоточилась на проблематике управления рисками в социализации молодежи [Зубок, 2007].

Главным фактором воспроизводства усложняющихся рисков «является неравновесность. Неравновесность есть то, что порождает “порядок из хаоса”» [Пригожин, Стенгерс, 2022: 252]. Результатом становится *контингентность*: «необходимость отбора означает контингентность, а контингентность означает риск» [Луман, 2007: 53]. Рыночные и демократические институты в силу нацеленности на «отбор отбора», по существу, способствуют *институционализации рисков*. Люди обретают иную природу. Из субъектов они превращаются в *рефлексивных акторов*, предрасположенных, считает З. Бауман, к риску – выбору предметов, услуг, сфер деятельности и даже *идентичностей*. В течение жизни неоднократно происходит их смена под воздействием индивидуальных и институциональных рефлексивных акторов [Бауман, 2002]. Дополнительную рискогенность, по его мнению, привносит *кризис приватности* «текучей современности», обусловленный ослаблением межчеловеческих связей [Bauman, 2011]. Цифровизация социума способствует производству сложных рисков *центробежных тенденций*, радикально меняющих жизнь людей, особенно молодежи [Кравченко, 2019: 48–57].

В качестве гипотезы выскажем положение: усложнение природы рисков вплоть до становления *синергично сложных рисков* детерминировано трендами ускоряющегося, усложняющегося развития всего мироздания, и локально-национальными культурными реалиями. Синергичная сложность не есть космополитически аморфная реальность – ее стержень *генотип культуры страны*, заложенный в «корневой системе нравственных ценностей и жизненных смыслов, вкусов и норм, критериев оценки человеком себя и окружающего мира» [Горшков и др., 2022: 10]. Россияне и представители других культур рискуют своеобразно: при принятии решений о выборе альтернатив сказываются особенности гео-природных реалий и технико-экономического развития страны, ее места в системе международных отношений, специфика социализации в «домашнем мире», традиции, историческая память, менталитет.

У. Бек, говоря об этапах усложнения рисков, полагает, что риски прошли три качественных этапа развития. *Первый*: в традиционном и раннем индустриальном обществе зарождаются *два типа относительно простых рисков*. 1) на макроуровне – *риски непредсказуемых природных опасностей, бедствий*, на которые нужно как-то реагировать, выбирая альтернативные варианты действий; 2) на микроуровне – *личностные риски*. Условия жизни были таковы, что рискогенные действия были нетипичны, только отдельные индивиды, проявляя мужество и отвагу (Колумб), осуществляли действия наудачу. *Второй этап*: на макроуровне – *риски, адекватные индустриальному модерну, развитию промышленности с «недостаточной обеспеченностью гигиеническими технологиями»*; на микроуровне – *риски добровольного принятия опасных практик индустриализации*, которые связаны с возможностью утраты здоровья и даже жизни. *Третий*: 1) на макроуровне – *новая генерация сложных рисков «развитого индустриального» (рефлексивного) модерна*, которые

«в общем и целом продукт передовых промышленных технологий и с их дальнейшим совершенствованием будут постоянно усиливаться»; 2) на микроуровне – *риски институциональной индивидуализации*: «возникает тенденция к индивидуализированным формам и ситуациям существования, которые вынуждают людей ради собственного материального выживания ставить себя в центр планирования и осуществления собственной жизни... Спираль индивидуализации проникает и внутрь семьи» [Бек 2000: 24, 66, 106, 108].

У. Бек вместе с супругой Э. Бек-Герншейм исследует *институциональные риски любви и семьи* в книге «Нормальный хаос любви». Ими анализируются риски: в условиях, когда традиции утрачивают функциональность, у мужчин и женщин появляются практически неограниченные возможности создания союзов и выхода из них, что приводит как к свободе, так и новым барьерам на пути реализации жизненных шансов; риски любви и семьи накладываются на карьерные риски, увеличивается число альтернатив организации личной жизни: рождается тип «договорной семьи на время»; меньше людей вступают в брак или делают это значительно позже; разводы и число неполных семей растут, возникает запрос на лечение бесплодия. Квинтэссенция «нормального хаоса любви» – «любовный голод», вера и надежда найти истинную любовь [Beck, Beck-Gernsheim, 1995].

По мнению У. Бека, качественно новый этап в усложнении рисков связан с переходом человечества от «общества риска» к «мировому обществу риска»: «Категория *мирового общества риска* контрастирует с той, которая обозначает *общество риска*», что выражается в доминировании *инсценированных рисков* и «сводится к следующей формуле: глобальный риск есть *инсценирование реальности* глобального риска... стираются различия между риском и культурным восприятием риска». На этой почве формируется воистину парадоксальная реальность: «Не имеет значения, живем ли мы в мире, который "объективно" более безопасен, чем тот, который был ранее – *инсценирование ожидания бедствий и катастроф* обязывает нас принять превентивное действие». Социолог конкретизирует суть новых сложных рисков: *на макроуровне* они приобретают три характерные черты: 1) «делокализованы» (не ограничены одним географическим пространством); 2) «неисчислимы» (включают «гипотетические» риски, основанные на «нормативном инакомыслии»); 3) «не поддаются компенсации» (деньгами не восполнить «необратимое климатическое изменение»). *На микроуровне*: прежние риски институциональной индивидуализации вытесняются *рисками радикальной индивидуализации*: «Ни наука, ни господствующая политика, ни масс-медиа, ни бизнес, ни правовая система, ни даже военная сила не в состоянии определить и контролировать риски рациональным образом. Индивид вынужден не доверять обещаниям рациональности этих институтов. В силу этого люди отброшены на самих себя: *высвобождение без укорененности* – есть иронично-трагическая формула для определения размеров индивидуализации в мировом обществе риска» [Beck, 2010: 10, 11, 52, 54].

Из исследований усложнения рисков У. Бек делает ряд выводов, которые вошли в сокровищницу мировой социологической мысли. Их квинтэссенция: идут процессы как усложнения рисков в конкретных сферах, так и образования их «парадоксальных гибридов». Таковы риски «парадоксального гибрида неправовой легитимной войны»: война в Косово «легитимна», хотя велась с нарушением международного права за пределами собственных границ. Аналогичное касается рисков иракской войны, «имеющей бренд неправовой (не)легитимности». Ценны предлагаемые социологом рефлексии гибридных рисков: необходима *космополитическая этика*, основанная на «истинном прощении», – «прощении непрощаемого». Причем «не только Бог должен прощать, но люди должны прощать людям». Утвердилась *космополитическая ответственность*: «растет осведомленность, что мы живем в глобальной сети ответственности, из которой никто из нас не может выйти... мир и безопасность Запада более не совместимы с существованием кризисно-бедствующих регионов в других частях мира» [Beck, 2007: 120, 129, 46, 73]. Однако относительно трех положений необходимо дискутировать: 1) «Центр сознания риска лежит не в настоящем, а в будущем. В обществе риска прошлое теряет способность

определять настоящее. На его место выдвигается будущее как нечто несуществующее, как конструкт» [Бек, 2000: 39]; 2) «Важным современным фактом является то, что условия человеческого существования стали космополитизированы», «становление космополитической реальности есть также и главным образом функция вынужденных выборов или побочный эффект неосознанных решений», возник «космополитический риск», что потребовало движение «к космополитической социальной науке, или новой грамматике социального и политического» (заметим, сказанное относится к 2007 г. – Прим. С.К.) [Бек, 2007: 2, 19, 33]. На наш взгляд, в этих суждениях имеет место умаление национально-локальной, культурной специфики рисков, значимость которой подчеркивали М. Дуглас, О.Н. Яницкий, Ю.А. Зубок; 3) постулат о «глобальной сети ответственности» не выдержал испытание временем в контексте современных стремлений коллективного Запада сохранить монополию на мировое лидерство, инициируя провокации и кризисы, нелегитимные санкции без какой-либо ответственности за последствия.

Синергичные сложности и адекватные им синергично сложные риски. Н.И. Лапин обосновал, что в России и мире возникли «синергичные сложности», представляющие собой результат нелинейного процесса их становления в контексте, подчеркнем, *прошлого, настоящего и будущего*. Происходит диалектическое возвращение к естественно-историческим основаниям с обретением цивилизационного качества собирания и надежной защиты культурного своеобразия и равноценности различных этносов и религий. Как считает ученый, властные элиты не знали сложности общества, которое «построили». Имели место факторы недооценки востребованности *инновационных подходов к становящимся синергичным сложностям*, функционирование которых обусловлено сложной причинностью – внешними и внутренними факторами *саморазвития и самоорганизации*: возникли условия, предполагавшие выбор из резко увеличивавшихся *альтернатив развития общества*. Однако принимались стратегии коренных преобразований страны, для которых «неприемлемы простые решения», что стало «едва ли не решающими предпосылками прекращения уникальных процессов перестройки». В результате возникли риски «массовизации травм», уходящие корнями в *прошлое*, но обуславливающие усложняющиеся риски для *настоящего и будущего* устойчивого развития страны. Важнейшие из них: 1) риски целостности страны, вывоз ресурсов и финансовых результатов их использования; 2) недостаток механизмов общественного саморазвития при стремительном увеличении рисков мирового масштаба (пандемия COVID-19 и санкции в отношении РФ); 3) риски неравенств населения, плоской шкалы налогов на доходы; 4) риски социальной противоречивости гражданско-общественной культуры и деградации общей культуры населения вследствие недостатка инвестиций в инновационное развитие государства и избыточное финансирование СМИ, ориентированные на апелляции к «темным сторонам души» человека; 5) риски отчуждения граждан от участия в доходах от природных ресурсов их регионов; 6) риски *антропосоциокультурной травмы* социализации.

Ответом на эти риски, по мнению ученого, могли бы стать поворот к задачам *внутреннего развития страны и ее регионов*, переход к *всегражданскому самопросвещению* посредством исторически сложившихся каналов социализации. «Естественный путь и способ реализации этой возможности состоит в наполнении существующих процессов социализации личности компонентами гражданско-общественной культуры, соответствующей *запросам данного общества, цивилизации*» (курсив наш. – Прим. С.К.) [Лапин, 2021: 12, 25, 30, 38–43, 53, 74, 187–260, 268, 272, 273]. Сказанное не ставит под вопрос факторы космополитизации и «космополитических рисков», но, по Лапину, особо актуален синергичный антропосоциокультурный анализ рисков, учитывающий их историю, социальную, культурную и цивилизационную специфику. Заметим, спустя десять лет У. Бек, приняв во внимание последствия «цифровой революции» и «цифровой метаморфозы», отметил, что эти процессы распространяются на сферы и паттерны, «которые ранее считались отдельными: сотрудничество и конкуренция; экономика и окружающая среда; равенство

и неравенство; солидарность и корысть; локализм и космополитизм [выделено нами. – Прим. С.К.]. Ни одна из этих бинарностей уже не работает» [Beck, 2016: 180].

Отметим семь типов синергийных сложностей и производимые ими синергийно сложные риски, диагностика и управление которыми значимы для устойчивого развития страны. **Первый** – гибридная социо-техно/цифро-природная реальность. Как считает Ж. Бодрийяр, наступил «конец социального» [Бодрийяр, 2000], а Э. Гидденс – «конец природы»: «невозможно, я утверждаю, принять какой-либо подход, который пытается в каком-то смысле “вернуться к природе”» [Giddens, 2009: 6]. Дж. Урри утверждал, что гибридизация «социальных и физических/материальных миров» привела их к «полному переплетению» [Urry, 2011: 8]. Из этих суждений следует, что «чистый» социум и аутентичная природа практически больше не существуют. Произошло становление BANI-мира (акроним, обозначающий его имманентные черты): Brittle (хрупкость), Anxious (тревожность), Nonlinear (нелинейность), Incomprehensible (непостижимость) [Cascio, 2020]. Все его сущностные характеристики перманентно воспроизводят синергийные контингенции. К синергийно сложным рискам, обусловленным социо-техно/цифро-природными реалиями, отнесем четыре типа эмерджентных рисков: 1) *риски уязвимостей в виде «нормальных аварий»*; под ними Ч. Перроу понимает несчастные случаи и катастрофы, вызванные не грубыми просчетами человека, а его естественным взаимодействием со сложными технологическими системами, дающими «нормальные» сбои: «серьезные инциденты неизбежны даже при наилучшем менеджменте и полном внимании к безопасности» [Perrow, 1999]; 2) *риски «эффекта бабочки»*: «Небольшие изменения в прошлом, – пишет Дж. Урри, – способны потенциально произвести огромные последствия в настоящем или будущем... отношения между переменными могут быть нелинейными с внезапным включением происходящего, так что одна и та же причина может в специфических обстоятельствах производить разные виды последствия»; 3) *риски «глобальных гибридов»*, находящихся на «границах хаоса»; к ним Дж. Урри относит информационные системы, глобальные масс-медиа, мировые деньги, Интернет, изменение климата, океаны, опасности здоровью, социальные протесты, распространенные по всему миру [Urry, 2003: 23, 14]; 4) *риски становящейся «бестелесности власти»* в виде синергийно сложной власти цифрового дискурса [Кравченко, 2024: 65–79].

Второй – синергийно сложные мобильности. Дж. Урри исходит из того, что ныне «все социальные образования от отдельно взятого домашнего хозяйства до огромных корпораций предрасположены к многим и различным формам фактического и потенциального движения», включая «процессы потоков», «движущиеся места», ибо места «подобно кораблям движутся туда-сюда и не фиксированы внутри одного расположения. Места путешествуют внутри человеческих или нечеловеческих сетей». Если раньше социальные мобильности предполагали иерархизацию социума, которому соответствовали рельефно выраженные тенденции горизонтальной и вертикальной мобильности (П. Сорокин), теперь возникли сетевые мобильности, воспроизводящие синергийные контингенции. Выделим четыре их типа: 1) *риски неструктурированных мобильностей* в виде потоков людей, знаний, денег, которые практически не контролируются государствами; 2) *риски саморазвития и самоэкспансии ряда мобильностей*, в частности, автомобильной системы – часть из них имеют национально-локальное содержание, часть проявляет себя вне национальных обществ в виде космополитических рисков; 3) *риски «постнационального гражданства»*: гражданства обретают новое качество – они «не национально-центрированы». Последствия этих рисков, считает Дж. Урри, могут приносить людям и благо, и зло в виде нефункциональностей и дисфункциональностей [Urry, 2008: 6, 18, 42, 189–190]; 4) прежние риски институциональной индивидуализации, считает У. Бек, вытесняются гораздо более сложными рисками радикальной индивидуализации. В соавторстве с Э. Бек-Герншейм им осуществлено исследование их специфики в сфере любви и семьи. По их мнению, главной детерминантой этих рисков является космополитическая культура, воспроизводящая рискогенные реалии в виде «новых гибридных типов мировой семьи», среди которых супружеские пары, продолжающие отношения, но живущие в разных странах; пары, проживающие в одной стране, но супруги родились и социализировались в разных культурах.

Для ряда индивидов средством достижения «истинной» любви и решения других важнейших жизненных проблем становится мобильность, миграции; получают развитие мобильности ради суррогатного материнства. Увеличиваются риски конфликтов, обусловленные культурными различиями пар (не забываются ценности, приобретенные в разных жизненных мирах); риски глобальных неравенств имманентно присущи мировым семьям, что проявляется в привилегиях и унижениях, с которыми они сталкиваются («жизнь в тени» – на полу- или нелегальном положении одного из супругов); многие риски мировым семьям обусловлены противоречиями правовых систем разных стран, которые проявляются при заключении брака или разводе. Возникают риски смыслу «семьи»: мировые семьи сталкиваются с несовместимыми взглядами на сам союз (выбор: равноправие или мужское доминирование, традиционная социализация детей или воспитание в контексте трансгендерных трендов; у детей в таких семьях практически нет возможности получить информацию о биологических родителях и т.д.). Авторы ратуют за то, чтобы риски радикальной индивидуализации и глобализации любви вошли в предмет современной социологии [Beck, Beck-Gernsheim 2013]. Мы считаем данное предложение актуальным, однако при изучении данной проблематики следует принять во внимание вариант рисков любви по-русски [Иванов, 2010].

Третий – возникает новая синергичная сложность, по Дж. Урри, в виде *гибридной «природной, климатической, продовольственной, водной и энергетической системы»*. Она предрасположена к *рискам нового катастрофизма*. Среди них: 1) при дисфункциональности в одной из систем изменение в синергично сложной системе «может не быть постепенным, а случается драматически, одномоментно, в виде стремительного напора»; 2) риски, обусловленные «силой второго закона термодинамики: согласно ему физические и социальные системы движутся к энтропии... Системы характеризуются отсутствием пропорциональности или “нелинейностью” между явными “причинами” и “эффектами”»; увеличивается значимость рисков «продовольственной и водной безопасности»; 3) риски потенциального сокращения нефтяных запасов, экстремальных природных катаклизмов, распространения пустынь, возникновения «высокомобильных заболеваний» и т.д., что в итоге приводит к порождению «инвайронментальных беженцев» [Urry, 2011: 41–42, 36, 44, 45]. Со своей стороны, мы проанализировали интерферентные риски синергично сложного типа, рассматривая их как цивилизационные вызовы устойчивому развитию России, ответом на которые является защита и воспроизводство социальных практик, основанных на генотипе нашей культуры [Кравченко, 2023: 30–40].

Четвертый – *синергичные сложности пространства*. Зарубежные исследователи анализируют качественно новые пространственные реалии главным образом через призму теорий глобализации. Общая суть их *доминирующих подходов* в том, что постулируется американо- (европоцентристский) порядок, основанный на якобы «универсальных» принципах формальной рациональности и прагматизма, при этом элиминируется роль незападных культур. Вместе с тем появились исследования, в которых утверждается, что новый «порядок из хаоса» отрицает возможность «универсальных» путей развития. Эту нетипичную позицию С. Хантингтон выразил так: «Запад – странное, хрупкое, ни на что не похожее образование, которому ни в коем случае нельзя придавать статус общечеловеческого... Западный путь развития никогда не был и не будет общим путем для 95% населения Земли... Запад уникален, а вовсе не универсален» [Huntington, 1996].

Российские ученые комплексно подходят к диагностике синергично сложного пространства, учитывая его *культурное своеобразие* в мире и в нашей стране. Зарождение Руси и историческое формирование России обусловлено соседством с пространством двух диаметрально противоположных типов культур – западной и восточной [Пархоменко, 2021]. Как отмечает В.С. Степин, если в генотипе западной культуры вектор общественного развития «направлен вовне, на преобразование мира», то с точки зрения восточной культуры вектор общественного развития и жизнедеятельности общества направлен «не столько вовне, сколько вовнутрь, на самовоспитание, самоограничение,

включение в традицию» [Степин, 2011: 12]. Территориальное превосходство России и, как следствие, наибольшее количество соседствующих государств вкупе с их специфичностью на протяжении ряда столетий обуславливали уникальность нашей цивилизации. Однако политики, проводившие перестройку и либеральные реформы, основанные, по существу, на внедрении «универсалий» Запада, не приняли во внимание фактор поликультурной и полирелигиозной специфики российского пространства, что обернулось рисками рассогласования функциональности институтов. Переход страны к открытости как «общечеловеческой» ценности был востребован командой М. Горбачева при разработке «нового мышления». Возникли синергийно сложные риски, обусловленные тем, что границы страны *перестали быть охранительными рубежами* в отношении западных культурных ценностей. Дело не только в увеличении культурных артефактов, приходивших в страну по каналам глобализации. На практике утверждались *неуправляемая открытость* и *ненормативная свобода*, неадекватные генотипу нашей культуры со всеми вытекающими рисками. Сегодня оптимальным ответом на эти риски стало возрождение самобытности российского пространства в контексте новых реалий постсоветской России [Горшков, 2020], создание «мостов» между столицами и регионами, большими и малыми городами, функционирующих с учетом их культурного своеобразия [Столицы и регионы в современной России, 2018], многовариантное развитие народов Севера [Российская Арктика, 2016]. Происходит сбалансированное единение пространственных координат с культурно детерминированными стратификационными изменениями [Тихонова, 2014].

Пятый – синергийные сложности времени. Согласно И. Пригожину, ныне происходит «переоткрытие» времени, связанное с выявлением его культурной, социальной, нравственной и этической составляющих: время – это некоторая конструкция и оно несет некую «этическую ответственность» [Пригожин, 1989: 3–19]. Обосновывается «нелинейность времени» [Князева, Курдюмов, 2007]. Значимой разновидностью синергийно сложного времени, по М. Кастельсу, является «вневременное время», создающее возможности для людей «избавления от контекстов своего существования» [Castells, 2010: xl-xlii]. Из реалий синергийно сложного времени вытекают, соответственно, синергийно сложные риски: народы России живут в разных «темпомирах». Для многих россиян становление вневременного времени стало своего рода социальным капиталом, дающим новые шансы на восходящую социальную мобильность. А отсутствие адекватного доступа к нему стало своеобразным культурным механизмом воспроизводства «национальных особенностей режима исключения», что нашло отражения в теориях андеркласса [Семенова и др., 2019: 358]. Сложность времени, скорость общественных изменений приводит к еще одному типу сложных рисков: россиянам приходится выбирать из альтернатив, учитывая, что увеличивается доля короткоживущего социума и уменьшается доля долгоживущего. Это затрагивает функционирование жизненных референтов: нельзя всецело руководствоваться пришедшим из западной культуры принципом «время – деньги». Вместе с тем полагаем, важно задействовать *возрастную этику*, характерную для восточных культур, в которых «время – хозяин», распространяя ее на россиян всех возрастов. В индийской культуре сорокалетний человек считается «молодым», в китайской старость наступает после 90 лет.

Шестой – синергийная сложность сознания россиян. Важным его компонентом является *историческое прошлое*. «Образы истории – это всегда одновременно и прообразы современности». Исследование, проведенное учеными Института социологии РАН, выявило, что особый интерес россиян к отечественной истории «связан во многом с высокой ролью исторического прошлого в консолидации населения как на локальном, так и на страновом уровнях». Выявлены риски самобытности сознания россиян, а также фальсификации отечественной истории. Произошло «снижение исторических компетенций, в особенности среди молодежи»; «каждый третий россиянин сегодня не может сказать, кем могла бы гордиться страна». Причина тому комплексная – потоки неструктурированной информации о перипетиях отечественной истории, которую россияне получают из кинофильмов, телевидения, художественной литературы и особенно интернета. В синергийную сложность сознания также

входят национально-государственные символы. «Наиболее глубокий “водораздел” в восприятии национальных символов обнаруживается между людьми, по-разному видящими желаемое будущее России... Сторонники сближения с Западом, вхождения России в “общеевропейский дом” чаще игнорируют исторические (а с ними и политические) аспекты национальных символов, фокусируясь на политически и исторически нейтральных ассоциациях... в подобных установках прозападно настроенных россиян проявляется желание стать национально и граждански “нейтральными” и дистанцироваться от “российскости”». Этническая и гражданская составляющие формируют скрепы идентичности россиян: «Национальность россияне определяют преимущественно через культуру, а не через “кровь”, биологическое родство... понимание этнической общности через сопричастность общей культуре делает ее границы не “жесткими”, а открытыми для новых членов, и этническую идентичность – изменяющейся под влиянием времени». Вместе с тем возникли новые риски устойчивому и консолидированному развитию страны, среди которых следующие: «националистические идеи чаще других поддерживают россияне без профессионального образования»; «национальный вопрос не только обладает колоссальным центробежным ресурсом, но и способен порождать многопоколенные острые конфликты»; представители определенной социальной группы, обозначенные как «катастрофисты», «чаще других высказываются в поддержку лозунга “Россия для русских”». События на Украине «переносят фокус “русского вопроса” из внутренней политики, где дискурс защиты прав русских циркулировал с середины 2000-х гг., в международное пространство». Особо отметим риски идеологического противостояния. В годы перестройки и либеральных реформ в общественное сознание россиян активно внедрялся миф о «деидеологизации истории», который, по существу, камуфлировал «множественные атаки на историю, попытки ее переосмыслить, заменить ее прочтение как героических страниц на прочтение как страниц идеологического и гуманитарного поражения». Идеологическая борьба существенно усложнилась, распространяясь на наше прошлое, исконные ценности, победы в Великой Отечественной войне, освоение космоса, на современную политику суверенного развития: «идеологическое противостояние фокусируется сегодня и на “актуальной повестке дня”, и на том, что происходило в прошлом» [Горшков, 2022: 17, 20, 21, 25, 27, 78, 39, 40, 50, 244, 59–60, 135, 136, 138–140, 247].

Седьмой – национальный человеческий капитал синергично сложного типа. Опираясь на методологию П. Сорокина, под синергично сложным человеческим капиталом нами понимается интегральное единство в нем количества и качества человеческих ресурсов, наделяющих россиян способностью быть рациональными мыслителями, сверхсознательными творцами Истины в больших системах науки, техники, экономики, политики, права; Красоты, предполагающей создание шедевров культуры и искусства; Добра, понимаемого как «аккумуляция неэгоистической любви к человеку и человечеству». По мнению Ж.Т. Тощенко, в производстве национального человеческого капитала особо значимую роль играют четыре составляющие – образование, воспитание, наука и здравоохранение. Ныне при его формировании возникли сложные риски, обусловленные травмами человеческого капитала посредством постулатов, заимствованных из западной культуры, о том, что «образование – это услуга», что первостепенное значение играет умение зарабатывать деньги. В результате «университеты ввергнуты в пучины квази-рыночных отношений». В противоположность прагматическим рискогенным подходам автор ратует за то, чтобы образование стало «сферой достижения и удовлетворения блага общества, обеспечения творчества, свободы поиска, раскрытие интеллектуального потенциала». Для формирования национального человеческого капитала также крайне важно системное воспитание, которое ныне разрушено: «Пока нет определенной, четко скоординированной работы по воспитанию у молодежи чувства гражданина, патриота, будущего интеллигента, ответственного работника производства». Риском для человеческого капитала России стало пренебрежение к науке, в частности, к научным кадрам, «которые на эту ситуацию прореагировали по-разному – уходом в другие отрасли, в бизнес, отъездом за границу». Наконец, риски здоровью – без улучшения физического и умственного потенциала

россиян невозможно приращение человеческого капитала. Однако предпринятая «оптимизация» здравоохранения «оборачивается для населения РФ ограничением доступности и качества медицинской помощи, что неизбежно повлечет за собой ухудшение здоровья граждан и их качества жизни. Эта проблема наиболее актуальна для жителей малых, средних городов и сельской местности» [Тощенко, 2020: 209, 211–212, 228, 239, 256]. Из сказанного следует, что ныне исчезает так называемое главное звено в производстве национального человеческого капитала. В синергийной сложности *любое слабое звено*, его несамодостаточность может вести к дисфункциональности всей системы производства национального человеческого капитала.

Формированием синергийно сложного национального человеческого капитала можно и нужно управлять, исходя из четырех основополагающих культурных факторов. 1. Управление, обусловленное характером генотипа нашей культуры, должно выступать как *рациональный и гуманистический способ взаимодействия людей с их участием*. «Управление, – отмечает А.В. Тихонов, – которое не выполняет в обществе гуманистическую функцию, превращается в манипулирование людьми, в технологию достижения любой, в том числе аморальной и асоциальной цели» [Тихонов, 2007: 128]. 2. Управление должно *учитывать сложные причинно-следственные связи*. Следует, в частности, отказаться от презумпции внешней причины как главного источника воздействия на содержание человеческого капитала, приняв во внимание значимость внутренних факторов, прежде всего особенности социализации и воспитания в жизненных мирах российской культуры. 3. Необходим *баланс между управлением и самоорганизацией* национального человеческого капитала как сложной системой, имманентным качеством которой являются *самоорганизация и самоструктурирование*. 4. Суверенизация образования: в условиях становления синергийных сложностей оно должно создавать интеллектуальные условия преодоления рисков хаотизации и дезорганизации жизни. Через развитие системы непрерывного образования [Горшков, Ключарев, 2023] возможно управление процессами «утечки национального человеческого капитала за границы страны. В условиях конфронтационных вызовов Запада важно создание *благоприятных жизненных шансов* для учебы, работы, отдыха в России, чему российские социологи посвящают специальные исследования [Тихонова, 2018: 53–65]. Возрастающие требования к *качественным* характеристикам национального человеческого капитала побуждают к тому, чтобы при его формировании ставились и решались не только и не столько задачи прагматические (они, конечно, необходимы), сколько стратегические, опирающиеся на национальную идеологию, традиции и культуру [Подберезкин, Гебеков, 2012]. К стратегическим целям устойчивого развития страны отнесем наращивание *гуманистического потенциала* в синергийно сложном национальном человеческом капитале, а также его сбережения, где бы он ни находился.

Заключение. Для диагностики описанных выше рисков востребовано *нелинейно-гуманистическое социологическое воображение* [Кравченко, 2009: 14–24], включающее в себя следующие три методологических принципа: 1) интерпретация самобытных реалий российского общества в контексте *нелинейной эйнштейновской картины мира* и генотипа российской культуры, что предполагает учет факторов ускоряющейся и усложняющейся динамики, относительность пространственно-временных границ изучаемых реалий, подвергающихся естественным разрывам и травмам, но сохраняющих преемственности в культурном развитии страны; 2) принятие во внимание воздействия сложных рисков на *гуманистическую составляющую и культурный генотип* общества; 3) учет долговременной функционирующих культурных реалий, среди которых «дом», являющийся «базовой реальностью» жизненного мира человека. Современный дом россиян, несомненно, меняется. Однако его функциональность и устойчивое развитие страны в целом зависят от актуализации *гуманистических ценностей ригидного толка* [Кравченко, 2021: 12–22]. Сегодня главным препятствием на этом пути являются синергийно сложные риски генотипа российской культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алле М. Поведение рационального человека в условиях риска: критика постулатов и аксиом американской школы // *THESIS*. 1994. № 5. С. 217–241.
- Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002.
- Бек К. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М.: Библион-Русская книга, 2000.
- Горшков М.К., Ключарев Г.А. Непрерывное образование в современном контексте. М.: Юрайт, 2023.
- Горшков М.М. «Есть такая профессия – общество изучать». Избранные статьи, интервью, биографические откровения. М.: Весь мир, 2020.
- Горшков М.М., Комиссаров С.Н., Карпухин О.И. На переломе веков: социодинамика российской культуры. М.: ФНИСЦ РАН, 2022.
- Дуглас М., Вилдавски А., Дейк К. Риск // *THESIS*. 1994. № 5. С. 242–276.
- Зубок Ю.А. Феномен риска в социологии. Опыт исследования молодежи. М.: Мысль, 2007.
- Иванов В.Н. Любовь и юмор. М.: Нефть и газ, 2010.
- Историческое сознание россиян: оценки прошлого, память, символы (опыт социологического измерения) / Под ред. М.К. Горшкова. М.: Весь мир, 2022.
- Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика: Нелинейность времени и ландшафты коэволюции. М.: Ком-Книга, 2007.
- Кравченко С.А. Востребованность «поворота ригидности» для устойчивого развития: контуры концепции // *Социологические исследования*. 2021. № 10. С. 12–22. DOI: 10.31857/S013216250015998-0.
- Кравченко С.А. Динамика социологического мышления и воображения // *Социологические исследования*. 2009. № 8. С. 14–24.
- Кравченко С.А. Синергия сложности как императивный принцип организации власти в цифровую эпоху: новые вызовы человеческому капиталу // *Полис. Политические исследования*. 2024. № 2. С. 65–79. DOI: 10.17976/jpps/2024.02.06.
- Кравченко С.А. Цивилизационные вызовы устойчивому развитию России (Интерферентные риски, востребованность долговременно функционирующих факторов) // *Мировая экономика и международные отношения*. 2023. Т. 67. № 2. С. 30–40. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-2-30-40.
- Кравченко С.А. Цифровые риски, метаморфозы и центробежные тенденции в молодежной среде // *Социологические исследования*. 2019. № 10. С. 48–57. DOI: 10.31857/S013216250006186-7.
- Лапин Н.И. Сложность становления новой России. Антропосоциокультурный подход. М.: Весь Мир, 2021.
- Луман Н. Социальные системы. Санкт-Петербург: Наука, 2007.
- Найт Ф. Понятия риска и неопределенности // *THESIS*, 1994. № 5. С. 12–28.
- Пархоменко Т.А. Российская цивилизация: между Западом и Востоком. М.: Ин-т наследия, 2021.
- Подберезкин А.И., Гебеков М.П. Национальный человеческий капитал на перепутье. М.: МГИМО-Ун-т, 2012.
- Пригожин И. Переоткрытие времени // *Вопросы философии*. 1989. № 8. С. 3–19.
- Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М.: УРСС, 2022.
- Российская Арктика: коренные народы и промышленное освоение / Под ред. В.А. Тишкова. М. – СПб.: Нестор-История, 2016.
- Социальная мобильность в усложняющемся обществе: объективные и субъективные аспекты / Под ред. В.В. Семенов, М.Ф. Черныша, П.Е. Сушко. М.: ФНИСЦ РАН, 2019.
- Степин В.С. Глобализация и диалог культур: проблема ценностей // *Век глобализации*, 2011. № 2. С. 8–17.
- Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя. М.: Весь мир, 2018.
- Тихонов А.В. Социология управления. М.: «Канон» РООИ «Реабилитация», 2007.
- Тихонова Н.Е. Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф, ИС РАН, 2014.
- Тихонова Н.Е. Стратификация по жизненным шансам массовых слоев современного российского общества // *Социологические исследования*. 2018. № 6. С. 53–65. DOI: 10.7868/S0132162518060053.
- Тощенко Ж.Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М.: Весь Мир, 2020.
- Яницкий О.Н. «Критический случай»: социальный порядок в «обществе риска» // *Социологическая теория: история, современность, перспективы*. СПб.: В. Даль, 2008.
- Яницкий О.Н. Россия как общество риска: Методология анализа и контуры концепции // *Общественные науки и современность*. 2004. № 2. С. 5–15.
- Bauman Z. *Collateral Damage. Social Inequalities in a Global Age*. Cambridge: Polity Press, 2011.
- Beck U, Beck-Gernsheim E. *Distant Love*. Cambridge: Polity Press, 2013.
- Beck U., Beck-Gernsheim E. *The Normal Chaos of Love*. Cambridge: Polity Press, 1995.
- Beck U. *Cosmopolitan Version*. Cambridge: Polity Press, 2007.
- Beck U. *The Metamorphosis of the World*. Cambridge: Polity Press, 2016.
- Beck U. *World at Risk*. Cambridge: Polity Press, 2010.

- Cascio J. Facing the Age of Chaos. 2020. Apr 29. URL: <https://medium.com/@cascio/facing-the-age-of-chaos-b00687b1f51d> (дата обращения: 27.03.24).
- Castells M. The Rise of the Network Society. 2nd ed. Oxford: Wiley-Blackwell, 2010.
- Douglas M. Risk and Blame: Essays in Cultural Theory. L.: Routledge, 1992.
- Giddens A. The Politics of Climate Change. Cambridge: Polity Press, 2009.
- Douglas M. Risk Acceptability According to the Social Sciences. L.: Routledge and Kegan Paul, 1986.
- Huntington S. West is unique, and not so universal // Foreign Affairs. 1996. Apr. 8.
- Perrow Ch. Normal Accidents: Living with High Risk Technologies. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1999.
- Urry J. Climate Change & Society. Cambridge: Polity Press, 2011.
- Urry J. Global Complexity. Cambridge: Polity Press, 2003.
- Urry J. Mobilities. Cambridge: Polity Press, 2008.

Статья поступила: 27.02.24. Принята к публикации: 08.07.24.

DIAGNOSING THE SYNERGICALLY COMPLEX RISKS THROUGH THE CONTENT OF THE CULTURAL GENOTYPE

KRAVCHENKO S.A.

MGIMO University, Russia; Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Sergei A. KRAVCHENKO, Dr. Sci. (Philos.), Professor, Head of Sociological Department of the MGIMO University; Chief Researcher of the Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (sociol7@yandex.ru).

Abstract. The article examines the process of the development and complication of risks, starting with the transition from the traditional society to the “risk society” and the “world risk society” and further to the modern society, the essential features of which, according to the anthroposociocultural approach of N.I. Lapin, are “synergistic complexities”. They represent realities as the result of a nonlinear process of their formation in the context of the past, present and future. Their immanent essence is manifested in the self-development, self-organization and hybridization of nature, society, technology, which is expressed in the emergent effects of instability, inequality, and dynamic chaos that cover all the spheres of human life. As a result, risks become qualitatively more complex – they ultimately acquire the synergistically complex nature. However, at all stages of their development, the content of risks is determined not only by global trends of the transformation of the universe, but also by local national factors and the genotype of country’s culture. Seven types of synergistic complexities established in the new Russia and the synergistically complex risks that correspond to them are considered and analyzed. To diagnose these types of risks, the author’s nonlinear humanistic sociological imagination is proposed.

Keywords: risk, nonequilibrium, nonlinearity, “synergic complexity”, synergistic complex risk, genotype of culture.

REFERENCES

- Alle M. (1994) Behavior of a rational person under conditions of risk: criticism of the postulates and axioms of the American school. *THESIS*. No. 5: 217–241. (In Russ.)
- Baudrillard J. (2000) *Towards a critique of the political economy of the sign*. Moscow: Biblion-Russkaya kniga. (In Russ.)
- Bauman Z. (2002) *Individualized society*. Moscow: Logos. (In Russ.)
- Bauman Z. (2011) *Collateral Damage. Social Inequalities in a Global Age*. Cambridge: Polity Press.
- Beck U, Beck-Gernsheim E. (1995) *The Normal Chaos of Love*. Cambridge: Polity Press.
- Beck U, Beck-Gernsheim E. (2013) *Distant Love*. Cambridge: Polity Press.
- Beck U. (2000) *Risk Society. On the way to another modernity*. Moscow: Progress-Tradiciya. (In Russ.)
- Beck U. (2007) *Cosmopolitan Version*. Cambridge: Polity Press.
- Beck U. (2010) *World at Risk*. Cambridge: Polity Press.
- Beck U. (2016) *The Metamorphosis of the World*. Cambridge: Polity Press.
- Cascio J. (2020) *Facing the Age of Chaos*. Apr 29. URL: <https://medium.com/@cascio/facing-the-age-of-chaos-b00687b1f51d> (accessed 27.03.24).
- Castells M. (2010) *The Rise of the Network Society*. 2nd ed. Oxford: Wiley-Blackwell.
- Douglas M. (1986) *Risk Acceptability According to the Social Sciences*. London: Routledge and Kegan Paul.
- Douglas M. (1992) *Risk and Blame: Essays in Cultural Theory*. London: Routledge.

- Douglas M., Vildavski A., Dejk K. (1994) Risk. *THESIS*. No. 5: 242–276. (In Russ.)
- Giddens A. (2009) *The Politics of Climate Change*. Cambridge: Polity Press.
- Historical consciousness of Russians: assessments of the past, memory, symbols (experience of sociological measurement)*. (2022) Ed. by M.K. Gorshkov. Moscow: Ves' mir. (In Russ.)
- Gorshkov M.K., Klyucharev G.A. (2023) *Continuing education in the modern context*. Moscow: Yurajt. (In Russ.)
- Gorshkov M.M. (2020) "There is such a profession – to study society." *Selected articles, interviews, biographical revelations*. Moscow: Ves' mir. (In Russ.)
- Gorshkov M.M., Komissarov S.N., Karpuhin O.I. (2022) *At the turn of the century: sociodynamics of Russian culture*. Moscow: FNISC RAN. (In Russ.)
- Huntington S. (1996) West is unique, and not so universal. *Foreign Affairs*. Apr. 8.
- Ivanov V.N. (2010) *Love and humor*. Moscow: Neft' i gaz. (In Russ.)
- Knight F. (1994) Concepts of risk and uncertainty. *THESIS*. No. 5: 12–28. (In Russ.)
- Knyazeva E.N., Kurdyumov S.P. (2007) *Synergetics: Nonlinearity of time and landscapes of coevolution*. Moscow: KomKniga. (In Russ.)
- Kravchenko S.A. (2009) Dynamics of sociological thinking and imagination. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 14–24. (In Russ.)
- Kravchenko S.A. (2019) Digital Risks, Metamorphoses and Centrifugal Trends among the Young People. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 48–57. DOI: 10.31857/S013216250006186-7. (In Russ.)
- Kravchenko S.A. (2021) The Demand of the "Rigidity Turn" for The Sustainable Development: Contours of the Concept. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 12–22. DOI: 10.31857/S013216250015998-0. (In Russ.)
- Kravchenko S.A. (2023) Civilizational Challenges to Russia's Sustainable Development. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations]. Vol. 67. No. 2: 30–40. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-2-30-40. (In Russ.)
- Kravchenko S.A. (2024) The emergence of the synergistically complex power in digital era: challenges to human capital. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies]. No. 2: 65–79. DOI: 10.17976/jpps/2024.02.06. (In Russ.)
- Lapin N.I. (2021) *The complexity of the formation of a new Russia. Anthroposociocultural approach*. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- Luman N. (2007) *Social systems*. St. Petersburg: Nauka. (In Russ.)
- Parkhomenko T.A. (2021) *Russian civilization: between West and East*. Moscow: In-t naslediya. (In Russ.)
- Perrow Ch. (1999) *Normal Accidents: Living with High Risk Technologies*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press.
- Podberезkin A.I., Gebekov M.P. (2012) *National human capital is at a crossroads*. Moscow: MGIMO-Un-t. (In Russ.)
- Prigozhin I. (1989) Rediscovery of time. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. No. 8: 3–19. (In Russ.)
- Prigozhin I., Stengers I. (2022) *Order out of chaos: A new dialogue between man and nature*. Moscow: URSS. (In Russ.)
- Russian Arctic: indigenous peoples and industrial development. (2016) Ed. by V.A. Tishkov. Moscow–St. Petersburg: Nestor-Istoriya. (In Russ.)
- Social mobility in an increasingly complex society: objective and subjective aspects*. (2019) Ed. by V.V. Semenova, M.F. Chernysh, P.E. Sushko. Moscow: FNISC RAN. (In Russ.)
- Stepin V.S. (2011) Globalization and dialogue of cultures: the problem of values. *Vek globalizatsii* [Century of Globalization]. No. 2: 8–17 (In Russ.)
- Capitals and regions in modern Russia: myths and reality fifteen years later*. (2018) Moscow: Ves' mir. (In Russ.)
- Tikhonov A.V. (2007) *Sociology of management*. Moscow: «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya». (In Russ.)
- Tikhonova N.E. (2018) Stratification by life chances of mass strata in modern Russian society. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 53–65. DOI 10.7868/S0132162518060053. (In Russ.)
- Tikhonova N.E. (2014) *Social structure of Russia: theories and reality*. Moscow: Novyj hronograf, IS RAN. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2020) *Society of trauma: between evolution and revolution (experience of theoretical and empirical analysis)*. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- Urry J. (2003) *Global Complexity*. Cambridge: Polity Press.
- Urry J. (2011) *Climate Change & Society*. Cambridge: Polity Press.
- Urry J. (2008) *Mobilities*. Cambridge: Polity Press.
- Yanitsky O.N. (2004) Russia as a risk society: Methodology of analysis and contours of the concept. *Obshchestvennye nauki i sovremennost* [Social sciences and modernity]. No. 2: 5–15. (In Russ.)
- Yanitsky O.N. (2008) "Critical case": social order in the "risk society". In: *Sociological theory: history, modernity, prospects*. St. Petersburg: V. Dal'. (In Russ.)
- Zubok Yu.A. (2007) *The phenomenon of risk in sociology. Experience in youth research*. Moscow: Mysl'. (In Russ.)

Социологическая публицистика

© 2024 г.

Н.В. БЕРЕЗИНА

ТЕОРИЯ МЕДИА И БУДУЩЕЕ ЦЕРКВИ

БЕРЕЗИНА Наталья Владимировна – кандидат социологических наук, научный сотрудник Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН (A-editor@yandex.ru).

Аннотация. Рассматриваются религиозные аспекты теории Г.М. Маклюэна, основателя теории медиа, в приложении к сегодняшней политике христианской Церкви. Идеи Маклюэна о причинах расцвета христианской Церкви в первые века и ослабления в XV в. (Реформации, раскол и появление Протестантизма) до сих пор мало известны российским исследователям. В современности, по мнению Маклюэна, христианство совершает те же ошибки, отчего рискует снова столкнуться с ослаблением и расколом. Иллюстрацией к игнорированию тенденций электронной эпохи может служить сегодняшнее поведение русского православия. Анализ построен на основе концепции, выведенной автором из выступлений, интервью и открытых писем Маклюэна, исследованиях о количестве и качестве православных христиан в постсоветской России, сведений о политике Православной Церкви в современной России, а также включенных наблюдений автора.

Ключевые слова: религия • православие • постсоветская Россия • древние Церкви • теория медиа • Маклюэн

DOI: 10.31857/S0132162524080116

Введение. Одной из значимых тенденций современной интеллектуальной мысли можно назвать переосмысление идей прошлого. В некоторых случаях обращение к идеям прошлого помогает ответить на вызовы, с которыми сталкивается человечество в ходе развития научно-технического процесса. Так, учения святых отцов о душе оказывали влияние на решение вопросов об использовании abortивных методов и вспомогательных репродуктивных технологий, о недопустимости экспериментов с человеческим геномом и т.д. Иногда великие идеи остаются незамеченными или неоцененными своим поколением, и лишь после исполнения самых смелых пророчеств получают настоящую славу. Такова во многом судьба философии канадского исследователя Герберта Маршалла Маклюэна, автора фразы «The medium is the message» (Средство передачи сообщения – и есть сообщение), основателя «теории медиа» о незаметном, но основополагающем влиянии средств коммуникации на жизнь общества в целом и каждого человека в отдельности. При жизни Маклюэн был популярен как ученый и медийная личность, наибольшую известность он получил благодаря исследованиям в области сущности медиа и их воздействия на общество. Идеи Маклюэна произвели большое впечатление на современников, живших в эпоху телевидения, однако в наши дни наследие Маклюэна рассматривается как гениальные предсказания эпохи Интернета, когда почти каждый человек ежедневно

по многу раз выходит во всемирную сеть и подвергается влиянию людей и событий, происходящих сейчас там, где он никогда не был и не будет физически, но настолько важных для него, как будто они происходят с ним. Доведенное до предела под влиянием электронных коммуникаций общество Маклюэн назвал «Глобальной деревней».

Маклюэн делил общества по преимущественному способу передачи информации на аудиальные (дописменные) и визуальные (рукописные и книгопечатные). В книгах Маклюэн не раз называл россиян более приспособленными к новой электрической эпохе, так как они, в отличие от представителей Запада, были меньше завязаны на индивидуалистической печатной культуре [McLuhan, 1964: 209, 264, 274], остались ближе к дописменной (аудиальной) [McLuhan, 1962: 182, 226], которая во многом повторяется на новом витке развития в электрическую эпоху.

Работы о теории и будущем медиа вызывают неослабевающий интерес в Канаде – на родине философа, и во всем мире. Однако такой аспект исследований Маклюэна, как развитие Церкви в электрическую эпоху, пока не раскрыт для русского читателя, хотя он был убежденным католиком и, много лет преподавая в католических колледжах и Университете св. Михаила, пытался втянуть теологов в дискуссию о силе медиа, происходящих и грядущих переменах и обо всем, что сегодня можно назвать сбывшимися пророчествами [Овчаренко, 2011; Больц, 2015]. В ярких и нестандартных для научной литературы книгах Маклюэн категорически мало говорил о церкви и религии, однако с удовольствием обсуждал эти темы в интервью и открытых письмах, которые – зная важность этой темы для отца, – в 1992 году издал его сын Эрик Маклюэн в сборнике «The Medium and the Light: Reflections on Religion». Несмотря на непривычный провокативный стиль изложения, идеи Маклюэна следует как минимум принять во внимание. Он указывал Церкви на нежелание решать проблемы, встающие перед ней в XX в.; как будет видно, не реагирует она на них и в веке XXI.

В нашей статье предпринята попытка представить целостную систему взглядов Маклюэна на настоящее и будущее Церкви. Обычно под Церковью в его работах имеются в виду или древние ветви христианства (православие и католичество), или только католичество. Фрагменты этой системы представлены в многочисленных интервью и публичных переписках.

Jesus is the message¹. Маклюэн имел уникальный взгляд на религию. Себя он позиционировал как католик, однако критиковал Римско-католическую церковь за неспособность адекватно реагировать на вызовы электрической эпохи, подтверждением чего в конце жизни Маклюэн назвал уход из Церкви почти всех его детей [McLuhan, 1977b].

Церковь однажды совершила похожую ошибку, когда проигнорировала революцию Гутенберга, которая сменила рукописную культуру на печатную. Книгопечатная эпоха в целом менее благоприятна для христианства, чем электрическая: она породила индивидуального человека, который погружается вглубь себя и исследует свою душу, свою собственную религиозность, однако сплоченность Церкви как сообщества верующих ей не свойственна. Такая разобщенность, по мнению Маклюэна, привела к расколам, появлению протестантизма и сект.

Электрическая эпоха началась в 1900 г., когда Макс Планк с помощью квантовой механики доказал, что материальный мир состоит из резонансных интерфейсов и не является непрерывным, что означало конец эры ньютоновской физики. Знаменитую фразу «Бог умер!» Маклюэн однозначно трактует как «Ньютон умер!» [McLuhan, 1977a], то есть рухнул слишком рационализированный, состоящий из материи и ее линейных связей мир. Главное новшество электрической эпохи – возможность, а со временем неизбежность мгновенного обмена информацией (как в дописменных обществах) со всем миром, нивелирование физических расстояний, превращение мира в «Глобальную деревню».

¹ Иисус и есть Послание.

Маклюэн задает вопрос: в эту новую эпоху имеет ли будущее Церковь как наследник Христом установленного института? Ответ канадского медиевиста несколько уклончив – с одной стороны, Богоустановленная Церковь не может быть разрушена, ибо «врата ада не одолеют ее»², с другой – Католической Церкви вредит ее жесткая иерархичность – следствие письменной культуры, амбассадором (посланником) которой было христианство в первые века. Греко-римская культура имела визуальную ориентацию, так как опиралась на письменные документы и соответствующий тип власти, что с самого начала было чуждо восточным церквям, отвергшим иерархичное устройство и власть Рима. Новая эпоха – «хорошее время, чтобы стать русским православным: они отделились от Рима, основанного на письменности. Восточная церковь – это «акустическая» церковь, от которой Рим всегда был очень далек на своем пути к визуальности» [McLuhan, 1977b].

В электрическую эпоху мир становится «мгновенным и одновременным», пространство превращается в глобальное акустическое резонансное единство, где нет ни специализации, ни привычной линейной логики. Границы между странами, континентами, социальными слоями – все это исчезает, уступая место глобальному единству. Мир в состоянии «глобальной деревни», резонирует в едином порыве. Взаимодействие церквей друг с другом в электрическую эпоху носит непосредственный характер, больше не нужно предпринимать каких-то усилий для поддержания «общения» между отдельными церквями, и кафоличность (соборность, единство Церкви) достигаются естественным образом, без усилий со стороны духовенства, и даже вопреки их намерениям.

Разумеется, в ситуации непрерывной резонансной связи всех со всеми меняется и человеческая телесность, которая играет особую роль в христианстве. Погружаясь в информационное пространство – например, разговаривая по телефону, человек как бы исчезает в том месте, где он находится физически, и пребывает где-то в виртуале вместе с собеседником, который тоже исчезает в месте нахождения своего физического тела. Человека электрической эпохи Маклюэн называет «Супер-ангелом», который не имеет телесного состояния, то есть буквально развоплощен в момент погружения в технологию. Именно феномен «развоплощенности» современного западного человека и породил интерес к восточным культурам, нацеленным на стирание частной идентичности.

По Маклюэну развоплощен весь современный мир, и это представляет серьезную угрозу для воплощенной Церкви. Не сумевшая заметить и использовать этот тренд христианская церковь потеряла много верующих, ушедших в поисках духовности в более чуткие к новым веяниям культы, но Маклюэн, как истинный христианин, помнит, что врата ада не одолеют Церковь, и пытается быть услышанным братьями во Христе.

Уделяя много внимания информационной среде, Маклюэн не идеализирует ее. «Князя мира сего» он называет великим пиарщиком, великим продавцом нового оборудования и программного обеспечения, великим инженером-электриком и великим мастером средств массовой информации, который одновременно создает окружающую нас информационную среду и маскируется в ней [McLuhan, 1999]. Именно поэтому недопустимо игнорирование Церковью перемен: чтобы выстоять в борьбе с врагом, надо хотя бы осознавать его присутствие и проявление.

Как и в эпоху Реформации, происходит слом устоявшихся социальных механизмов, становятся неэффективными старые методы социального упорядочения из до-электрической эпохи. Новый, электрический человек бунтует, выступает против централизованной бюрократии и церковной иерархии, порожденных письменной и печатной культурой, ведь в едином резонирующем пространстве не может быть центра, который влияет, и периферии, которая подвергается влиянию, не посылая ответный импульс. Характер власти становится настолько другим, что меняется само понятие власти.

В XX в. Церковь показала неготовность не только меняться, но хотя бы учитывать в богословии и литургии новые условия, навязанные эпохой электричества. Изменения

² Новый Завет: Евангелие от Матфея: Глава 16, Стих 18.

в мире происходят быстрее и быстрее с каждым днем, но Церковь эти процессы игнорирует, вероятно, надеясь, что совсем скоро все вернется на круги своя. Этот печальный вывод Маклюэн озвучил в интервью после нескольких десятилетий работы в католических колледжах и университете, где безуспешно пытался достучаться до богословского сообщества [McLuhan, 1977a].

Несмотря на активную критику политики Папы Римского и современной ему католической церкви, Маклюэн с оптимизмом смотрит на будущее христианства в новую эпоху – телевизионную, точнее – «экранную». Лучшей иллюстрацией для лозунга «The medium is the message» Маклюэн назвал явление самого Иисуса Христа: он, как посланник, сообщил людям много важного, но главное послание содержится в самом факте явления Бога во плоти. Евангелия – не просто собрание мудрых высказываний Иисуса, это в первую очередь зафиксированные свидетельства Боговоплощения. Именно поэтому традиционное приветствие среди православных в главный христианский праздник – Пасху – звучит как «Христос воскрес!» (каноничный ответ – «Воистину воскрес!»), то есть смерть человеческая была преодолена, что является неопровержимым подтверждением божественности Христа. Иисус назвал себя главой Церкви, а последователей своих – телом Церкви. То есть в общении верующих и происходит жизнь Церкви («где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них»³). Когда информация распространяется столь быстро, что «все связаны со всеми», взаимодействие общин верующих и цельность тела Церкви может достичь масштабов, которые и не снились до-информационной эпохе.

Резюмируя суждения Маклюэна, можно сделать вывод о двух важнейших силах, влияющих на жизнь Церкви сегодня. Первая, непреходящая сила, которая провела церковь сквозь все сложности от основания и до наших дней – Богоустановленность – не даст ей пойти по неверному пути и утратить истину, которая защитит церковь от распада в самые сложные времена. Вторая – информационный взрыв, который в XX в. поменял мир настолько кардинально, незаметно и неотвратно, что перемены эти остались незамечены почти всеми, в том числе и древними Церквями. В XV в. Церковь пропустила аналогичный информационный взрыв, вызванный изобретением книгопечатного станка Гуттенбергом, в результате чего от древней католической церкви отделились протестантизм и множество сект. Сейчас Христова Церковь имеет небывалую возможность стать Вселенской церковью благодаря технологиям, которые вовлекают человека в постоянное ментальное присутствие в электрическом пространстве, превращая его в «Супер-Ангела». Весь мир превращается в «Глобальную деревню», где «каждый влияет на каждого». Тело Церкви – все верующие со всех континентов, – может сплотиться так, как никогда ранее.

Церковь Православная в электрическую эпоху. Сегодня, как и во времена Реформации, Церковь настолько не стремится подстроить богословие и литургику под изменившиеся обстоятельства, что рискует снова столкнуться с волной расколов. Важно отметить, что речь идет не о базовых положениях христианства, а о традициях, взятых из светского этикета и оставшихся в Церкви навсегда в роли священных предметов и ритуалов. Так произошло со священнической атрибутикой власти (жезл, омофор (паллиум)), элементами этикета из гражданского политеса (поклоны, целование *рук/предметов одежды*, обращение «*Ваше святейшество*», «*Ваше преосвященство*»), использованием свечей в богослужениях (*перед императором в Римской империи обычно шли свещеносцы*) и даже специальной роскошной одеждой для проведения богослужений [Дворкин, 2008]. Многочисленные дорогие ритуальные элементы священнического облачения, которые в первые века были понятными символами знатности и власти (фелонь, епитрахиль, митра в православии, каппа магна, моцетта в католичестве), сейчас воспринимаются в лучшем случае как дань священной традиции, в худшем – как пережитки. Примечательно, что традиции особого одеяния не просто не несли священный смысл, но и порицались такими отцами Церкви, как Иоанн Златоуст, Григорий Великий и т.д. В эпоху раскола в Западном

³ Новый Завет: Евангелие от Матфея: Глава 18, Стих 20.

христианстве именно из попытки Лютера и его сторонников реформировать Римский католицизм сформировалось Лютеранство и другие протестантские деноминации, которые, в числе прочего, отказались от многих помпезных элементов священнического одеяния или заменили их на более скромные символические элементы (например, богато украшенные ризы древних церквей (православных и католических) сегодня контрастируют с более скромными ризами у лютеран; Кальвинисты и Цвинглиане от риз отказались⁴).

Все это касается внешней, материальной стороны жизни Церкви. Христианство как сила, поменявшая мир, – конечно, не во внешней атрибутике, а во внутреннем наполнении. Маклюэн делал акцент на развоплощенности (мы бы сказали, виртуальности) современного мира, когда духовная жизнь людей происходит в виртуальном пространстве, отсюда и концепция человека – «Супер-Ангела» (обычно в христианстве под ангелом понимается духовное (бестелесное) существо, которое может лишь для вида, так сказать, для удобства коммуникации, принять человеческий облик). Христос – воплощенный Бог. Вероятно, по аналогии и основанную им Церковь Маклюэн называет воплощенной, вступающей в конфликт с сегодняшним развоплощенным миром и человеком. О чем этот конфликт? Изначально сформировавшееся на базе иудаизма христианство – очень телесно-ориентированная религия: например, главным таинством в древних Церквях является Евхаристия – преломление Священных Даров, общее употребление ритуального вина и хлеба, которые, согласно Преданию, являются «по природе» кровью и плотью Христа, чтобы все верующие физически приобщились к божественной природе Главы Церкви. Таких телесно-ориентированных ритуалов очень много в жизни практикующего верующего: регулярные посещения служб, где вживую читаются и поются ритуальные слова, сжигаются свечи, прихожан окуривают благовониями и совершают помазание маслом; особое одеяние священников – например, епитрахиль – элемент одежды, которой священник накрывает голову кланяющегося кающегося для отпущения грехов и допуска к исповеди и т.д. Все это делает христианство не просто времязатратным, но и весьма энергозатратным для человека, привыкшего проживать интеллектуальную и ментальную часть своей жизни в положении Супер-Ангела, то есть в виртуальном пространстве, физически при этом уставившись в экран телефона, телевизора и т.д.

Только ментального приобщения к христианским идеям или к виртуальному сообществу недостаточно с точки зрения древних церквей; настоящими верующими в современной риторике считают лишь прихожане, активно живущие церковной жизнью люди. Однако, по данным опросов, проведенных с начала 90-х гг. в России, около 80% россиян называют себя христианами. Но физически соблюдающих требования Церкви, связанные с их участием в литургии и выполнением других ритуалов (соблюдение постов, чтение Библии, молитв и т.д.), – незначительное количество [Михайлова, 2017; Каарияйнен, Фурман, 2007], что показывает явную неготовность российских православных (обычно это крещенные люди, официально принятые в лоно Церкви) выполнять физические требования к православным.

Упомяну, что государство активно поддерживает Церковь. Такая практика существует во многих странах. Для России с ее историей атеистической пропаганды обращает на себя внимание юридический статус религиозных организаций [Самойловский, 2023], прежде всего РПЦ, позволяющий, среди прочего, осуществлять через «церковные лавки»⁵ торговлю без уплаты НДС или соответствующих лицензий требующихся, например, при торговле изделиями из драгоценных металлов⁶, не подавать налоговую отчетность, не платить земельные налоги и т.д. Важно, что большинство православных приходов

⁴ Одежда пастора – ошейник паба Господа // Protestant.ru. URL: <https://www.protestant.ru/news/church/ofchrist/oshejnik> (дата обращения: 14.04.2024).

⁵ Магазины, обычно расположенные прямо рядом с храмом, часовней и т.п.

⁶ Будут ли контролировать продажу ювелирных изделий в храмах? // Русский ювелир. 2021.09.03. URL: https://russianjeweller.ru/!_news/2021/03/otrasl_21_03_08_02_savin.html (дата обращения: 14.04.2024).

в России входят в структуру «Русская Православная Церковь» под руководством Московского Патриарха (далее – РПЦ), остальные православные приходы носят общее название «неканонические» [Кострюков, 2022]. Учитывая, что последние по сравнению с РПЦ – малочисленны и локальны, в настоящей статье рассматривается именно политика РПЦ. Очевидно, такая поддержка обусловлена важностью функций, в первую очередь социальных, которые государство возлагает на религиозные организации, прежде всего на РПЦ. Представители Церкви также регулярно подчеркивают, что в сложных для страны условиях Церковь выполняет духовные и светские функции поддержки людей. Однако тот условный идеал, когда значительная часть населения является не номинальными верующими, а практикующими прихожанами, не просто не достигнут – движение в этом направлении, судя по всему, до недавнего времени практически отсутствовало [Поспелова и др., 2021; Лункин, 2013; Филатов, Лункин, 2005]. Спустя три десятилетия с момента завершения атеистической пропаганды советского государства (отсчет с 1988 г. – года официального совместного празднования в Москве тогда еще не воссоединившимся РПЦ и РПЦЗ тысячелетия крещения Руси) число прихожан не превышало 5–7% [Тощенко, 2008], не более 9% посещали храм раз в месяц или чаще [Каргина, 2009; Синелина, 2013], соблюдать посты, читать правила и Евангелие, регулярно причащаться готовы были не более 4% [Синелина, 2009]. Лишь в последние годы наметилась динамика на увеличение числа прихожан: например, в 2023 г. регулярно (минимум раз в месяц) посещали церковь, мечеть или синагогу 15% опрошенных (против 7% еще в 2017 г.)⁷, или, по другим данным, почти четверть верующих (21% в 2017, 23% в 2019 и 24% в 2024 гг.)⁸. Говоря о важности взаимной поддержки Церкви и государства, часто приводят пример времен расцвета Римской империи (IV–IX вв.). Однако важно понимать, что поддержка эта носила несколько иной характер: христианское сообщество было столь сильно и влиятельно, что борьба с ним в II–III вв. сменилась симбиозом эпохи Вселенских Соборов, когда государственные ресурсы предоставлялись в обмен на социальный и духовный капитал от Церкви.

Выводы. С опорой на поддержку государства РПЦ проводит политику, направленную, в том числе, на увеличение числа прихожан и усиление своего влияния на общество. Мы видим, что влияние РПЦ в России – в сравнении с приведенной выше эпохой расцвета Римской Империи – иное, чем в века, когда христианство распространилось на всю территорию Римской империи и зон ее влияния. Возвращаясь к теории Маклюэна, напомним, что Церковь тогда была амбассадором письменной культуры в мире преимущественно не письменном, а акустическом (приоритетному способу передачи информации), что и позволило ей получить власть менять мир и его развитие.

В наши дни, благодаря электрическим технологиям, происходит возвращение к акустическому – по Маклюэну – способу передачи информации. Церковь, как и в эпоху Реформации, не заметила происходящую революцию и продолжает действовать преимущественно в парадигме печатной культуры. При этом нельзя сказать, что Церковь совершенно игнорирует достижения технического прогресса – РПЦ все активнее представлена в Интернете, многие представители духовенства участвуют в публичных обсуждениях в Интернете общественно- и политически значимых событий, многие храмы в крупных городах имеют постоянно обновляемые интернет-сайты и т.д. Однако назвать Церковь амбассадором интернет-эпохи нельзя, и стремлений в этом направлении не наблюдается. Ни Православная, ни Католическая Церковь не готовы даже увидеть «Супер-Ангела» – виртуального человека, тем более направить его и в целом руководить обществом находящихся в виртуальном состоянии людей. Маклюэн видел такую возможность для

⁷ Религия и общество: мониторинг // ВЦИОМ. 2023. 27.07. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religiya-i-obshchestvo-monitoring> (дата обращения: 02.08.2024).

⁸ Дорога к храму // ВЦИОМ. 2024.18.06. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doroga-k-khramu> (дата обращения: 02.08.2024).

Церкви, активно приглашал теологов в дискуссию о переменах в мире [McLuhan, 1959], в которую те категорически не желали вступать.

В наши дни погруженность человека в экраны своих телефонов и компьютеров достигла таких масштабов, о которых во времена Маклюэна (1960–1980-е гг.) не могло идти и речи. Однако тенденция игнорирования веяний времени, как видим, сохраняется, и это можно назвать серьезным упущением. Несмотря на Богоустановленность Церкви на духовном уровне, на материальном политика Церкви проводится конкретными людьми и сообществами. Первые лица Церкви не только были грамотнейшими людьми своих эпох, но и – в самые удачные для Церкви периоды – тонко чувствовали глобальные перемены и умели построить политику Церкви так, чтобы сверхъестественная поддержка сочеталась с умелым руководством паствой и грамотным взаимодействием с «сильными мира сего».

Может ли Церковь снова стать амбассадором нового мирового порядка, направлять умы народов, получить власть, сопоставимую или превосходящую государственную, и в целом снова занять положение необратимо меняющей мир силы? Пророк эпохи электричества Маршал Маклюэн видел такую возможность, однако на данный момент мы видим: вопрос жизни Церкви в условиях всепроникновения виртуальной среды является скорее вопросом выживания во враждебной среде, никак не духовного или политического лидерства, как у Церкви первых веков, навсегда изменившей мир.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Больш Н. Ваше внутреннее вовне и ваше внешнее внутри: мифический мир электронных медиа // Логос. 2015. Т. 25. № 2(104). С. 162–172.
- Дворкин А. Очерки по истории Вселенской православной церкви: курс лекций. 4-е изд., испр. М.: Риза; Н. Новгород: Христианская биб-ка, 2008.
- Каарийнен К., Фурман Д.Е. Религиозность в России на рубеже XX–XXI столетий // Общественные науки и современность. 2007. № 2. С. 78–95.
- Каргина И.Г. «Фуззи» религиозность как следствие трансформаций современного христианства в модернизирующемся обществе // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2009. № 4. С. 89–96.
- Кострюков А.А. Новое исследование по истории расколов. Рец. на: Бочков П., свящ. Обзор неканонических православных юрисдикций XX–XXI вв. Т. 5: Дисциплинарно-психологические расколы. СПб: Свое издательство, 2020 // Вестник ПСТГУ. Сер. 2: История. История Русской Православной Церкви. 2022. № 105. С. 163–166.
- Лункин Р.Н. Изменение религиозной ситуации в российских регионах в зеркале полевых исследований // Социология религии в обществе Позднего Модерна (памяти Ю.Ю. Синелиной). Мат. III Междун. Науч. конф. / Отв. ред. Лебедев С.Д. Белгород: ИД «Белгород», 2013. С. 273–295.
- Михайлова Л.Б. Специфика религиозного сознания в постсоветском социокультурном пространстве // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 53. № 3. С. 167–183. DOI: 10.5840/eps201753350.
- Овчаренко Е.Ф. Теоретик массмедиа – Маршалл Маклюэн // Вестник Московского ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2011. № 6. С. 136–138.
- Пospelова А.И., Дударёнок С.М., Федирко О.П. От «религиозного ренессанса» к стагнации и «новой» религиозности: локальные трансформации Дальнего Востока // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2021. № 1. С. 139–150. DOI: 10.35231/18186653_2021_1_139.
- Самойловский А.Л. Церковь: право, налоги, льготы // Наука. Общество. Оборона. 2023. Т. 11. № 1(34). С. 10. DOI: 10.24412/2311-1763-2023-1-10-10.
- Синелина Ю.Ю. Новые тенденции в изменении религиозности россиян // Вестник Московского ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2013. № 1. С. 76–82.
- Синелина Ю.Ю. Этапы изменения религиозности населения в России (1989–2006) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2009. № 4. С. 77–88.
- Тощенко Ж.Т. Религиозная идентичность и бюрократия // Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах) / Отв. ред. М.П. Мчедлов. М.: ИС РАН, 2008. С. 62–85.
- Филатов С.Б., Лункин Р.Н. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Социологические исследования. 2005. № 6. С. 35–45.

- McLuhan M. A Peculiar War to Fight: Letter to Robert J. Leuwer // *The Medium and the Light. Reflections on Religion* / Ed. by E. McLuhan, J. Szklarek. Eugene, Oregon: Wipf and Stock Publishers, 1999. P. 89–93.
- McLuhan M. *Autre homme, autre chrétien à l'âge électronique: en collaboration avec Pierre Babin*. Lyon: Éditions du Chalet, 1977a.
- McLuhan M. *Communication Media: Makers of the Modern World* // *Communications and the Word of God*. Toronto: St. Michael's College, 1959. P. 9–22.
- McLuhan M. *Future church: Edward Wakin interviews Marshall McLuhan* // *U.S. Catholic*. 1977b. Vol. 42. No. 1. January. P. 6–11.
- McLuhan M. *The Gutenberg galaxy: the making of typographic man*. Canada: University of Toronto Press, 1962.
- McLuhan M. *Understanding media: the extensions of man*. Canada: McGraw-Hill, 1964.

Статья поступила: 18.04.24. Финальная версия: 24.07.24. Принята к публикации: 29.07.24.

MEDIA THEORY AND THE FUTURE OF THE CHURCH

BEREZINA N.V.

Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS, Russia

Natalya V. BEREZINA, Cand. Sci. (Sociol.), Researcher Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS, Moscow, Russia (A-editor@yandex.ru).

Abstract. The religious aspects of the theory of G.M. McLuhan, the founder of media theory, are considered in application to the current situation in the Russian Orthodox Church. McLuhan's ideas about the Christian Church, the reasons for its flourishing in the first centuries and weakening in the 15th century (the era of the Reformation, schisms and of Protestantism) are still little known to researchers. According to McLuhan, in modern times, Christianity is repeating the mistakes of the 16th century, which is why Christianity risks weakening and splitting again. McLuhan admits that Eastern Orthodoxy is more in line with the spirit of modernity, for Russia is one of the countries not advanced in written culture as far as the West. McLuhan aims his criticism at the Catholic Church of the Second Vatican Council times, but we clearly see that the behavior of Russian Orthodoxy today might serve as an equally vivid illustration of ignoring the problems of changing eras. Analysis of the construction of the basis of the concept, derived by the author from speeches, interviews and open letters of M. McLuhan, research on the quantity and quality of Orthodox Christians in post-Soviet Russia, taken from open sources, conveys information about the policy of the Orthodox Church in modern Russia, as well as important conclusions of the author.

Keywords: religion, Orthodoxy, post-Soviet Russia, ancient Churches, media theory, McLuhan.

REFERENCES

- Bolz N. (2015) Your inner is outside and your outside is inside: the mythical world of electronic media. *Logos*. Vol. 25. No. 2 (104): 162–172. (In Russ.)
- Dvorkin A. (2008) *Essays on the history of the Ecumenical Orthodox Church: a course of lectures*. 4th ed., rev. Moscow: Riza; Nizhny Novgorod: Hristianskaya bib-ka. (In Russ.)
- Filatov S.B., Lunkin R.N. (2005) Statistics of Russian religiosity: the magic of numbers and ambiguous reality. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 35–45. (In Russ.)
- Kaariainen K., Furman D.E. (2007) Religiosity in Russia at the turn of the 20th–21st centuries. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity]. No. 2: 78–95. (In Russ.)
- Kargina I.G. (2009) "Fuzzy" religiosity as a revolution in the transformation of modern Christianity into a modernizing society. *Gosudarstvo, religiya, tserkvi v Rossii i za rubezhom* [State, religion, churches in Russia and abroad]. No. 4: 89–96. (In Russ.)
- Kostryukov A.A. (2022) New research on the history of schisms. Rew. on: Bochkov P., priest. Review of non-canonical Orthodox jurisdictions of the XX–XXI centuries. T. 5: Disciplinary-psychological splits. St. Petersburg: Own publishing house, 2020. *Vestnik PSTGU. Ser. 2: Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi* [Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's Humanitarian University. Series 2: History. History of the Russian Orthodox Church]. No. 105: 163–166. (In Russ.)
- Lunkin R.N. (2013) Changing the religious situation in Russian regions in the mirror of field research. In: *Sociology of religion in Late Modern society (in memory of Yu. Yu. Sinelina)*. Mat. of the III Intern. Scientif. Conf. Ed. by S.D. Lebedev. Belgorod: ID "Belgorod": 273–295. (In Russ.)

- McLuhan M. (1959) *Communication Media: Makers of the Modern World*. In: *Communications and the Word of God*. Toronto: St. Michael's College: 9–22.
- McLuhan M. (1962) *The Gutenberg galaxy: the making of typographic man*. Canada: University of Toronto Press.
- McLuhan M. (1964) *Understanding media: the extensions of man*. Canada: McGraw-Hill.
- McLuhan M. (1977a) *Autre homme, autre chrétien à l'âge électronique: en collaboration avec Pierre Babin*. Lyon: Éditions du Chalet.
- McLuhan M. (1977b) Future church: Edward Wakin interviews Marshall McLuhan. *U.S. Catholic*. Vol. 42. No. 1. January: 6–11.
- McLuhan M. (1999) A Peculiar War to Fight: Letter to Robert J. Leuver. In: *The Medium and the Light. Reflections on Religion*. Ed. by E. McLuhan, J. Szklarek. Eugene, Oregon: Wipf and Stock Publishers: 89–93.
- Mikhailova L.B. (2017) Specifics of religious consciousness in the post-Soviet sociocultural space. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and philosophy of science]. Vol. 53. No. 3: 167–183. DOI: 10.5840/eps201753350. (In Russ.)
- Ovcharenko E.F. (2011) Mass media theorist – Marshall McLuhan. *Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 10: Zhurnalistsika* [Bulletin of Moscow University. Series 10: Journalism]. No. 6: 136–138. (In Russ.)
- Pospelova A.I., Dudarenok S.M., Fedirko O.P. (2021) From “religious renaissance” to stagnation and “new” religiosity: local transformations of the Far East. *Vestnik LGU im. A.S. Pushkina* [Bulletin of Leningrad State University named after A.S. Pushkin]. No. 1: 139–150. DOI: 10.35231/18186653_2021_1_139. (In Russ.)
- Samoilovsky A.L. (2023) Church: law, taxes, benefits. *Nauka. Obshchestvo. Oborona* [Science. Society. Defense]. Vol. 11. No. 1 (34): 10. DOI: 10.24412/2311-1763-2023-1-10-10. (In Russ.)
- Sinelina Yu. Yu. (2009) Stages of change in the religiosity of the population in Russia (1989–2006). *Gosudarstvo, religiya, tserkvi v Rossii i za rubezhom* [State, religion, churches in Russia and abroad]. No. 4: 77–88. (In Russ.)
- Sinelina Yu. Yu. (2013) New trends in supporting the religiosity of Russians. *Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 18. Sotsiologiya i politologiya* [Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and political science]. No. 1: 76–82. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2008) Religious identity and bureaucracy. In: *Religion in the self-awareness of the people (religious factor in the determining processes)*. Ed. by M.P. Mchedlov. Moscow: IS RAN: 62–85. (In Russ.)

Received: 18.04.24. Final version: 24.07. 24. Accepted: 29.07.24.

© 2024 г.

Д.Ю. АГАФОНОВА, Г.Ф. РОМАШКИНА

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ: ДОВЕРИЕ И ОБЩЕСТВЕННОЕ УЧАСТИЕ (на примере Тюменской области)

АГАФОНОВА Дарья Юрьевна – ассистент кафедры общей и экономической социологии (d.y.agafonova@utmn.ru); РОМАШКИНА Гульнара Фатыховна – доктор социологических наук, профессор кафедры экономической безопасности, системного анализа и контроля (g.f.romashkina@utmn.ru). Обе – Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия.

Аннотация. В работе изложены результаты исследования потенциала роста общественной активности на основе региональных социологических опросов. Показана динамика и структура институционального и обобщенного доверия в Тюменской области в 2013–2023 гг. Даны сравнительные межрегиональные оценки институционального и обобщенного доверия, потенциала роста общественной активности семи российских регионов в 2023 г. На примере жителей Тюменской области проведен анализ противоречивости взаимосвязей между основными ресурсами социального капитала. Создана типология общественного участия «активные», «политические участники», «общественные активисты», «пассивные», которая затем использовалась для оценки связи с социальным капиталом. Показан рост уровня общественной активности, связанный в первую очередь с обобщенным доверием и коммуникативным ресурсом. Выделены препятствия к росту активности в общественно-полезной деятельности.

Ключевые слова: социальный капитал • доверие • общественное участие • регион • волонтерство • интервью

DOI: 10.31857/S0132162524080122

Введение. Социальный капитал, согласно П. Бурдьё, – это сумма ресурсов, которые индивидум аккумулирует через сети знакомств и групповую принадлежность; его воспроизводство предполагает установление социальных связей и обмен при помощи институтов [Bourdieu, 1986]. По мнению классиков, социальный капитал облегчает действия акторов внутри социальной структуры, расширяя информационные потоки и социальное влияние, сокращает транзакционные издержки, способствует развитию сотрудничества и кооперации [Fukuyama, 2001; Uslaner, 2013].

Исследования связей между социальным капиталом и общественной активностью проводились для разных социальных страт, инструментами активизации были названы коллективная эффективность [Collins et al., 2014], реализация общественных инициатив [Гужавина, 2019] и др. Целью работы было исследование взаимосвязи между социальным капиталом и общественным участием на примере Тюменской области. Социальный капитал интерпретирован через концепцию П. Бурдьё.

Методика и данные. База данных составлена по результатам исследований участников Программы «Социокультурные портреты регионов России», методика которой разработана под научным руководством Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой (ИФ РАН) [Социокультурная..., 2022: 25]. В статье используются результаты мониторинга 2013–2023 гг. в Тюменской области, выборки районированные, репрезентативные по половозрастной структуре, образованию и типу поселения, ошибка выборки по одному признаку не превышает 1,5%¹. Привлечена база данных «Социокультурный портрет регионов России – 2023» (N = 2914 см. табл. 1)².

Вычислялись индекс институционального доверия в регионе как среднее арифметическое от уровня доверия к региональным институтам (суд, губернатор области, профсоюзы, прокуратура, полиция, правительство региона, региональные отделения политических партий, законодательное собрание региона, муниципальные органы управления) и индекс обобщенного доверия, в которых недоверие соответствовало 0, а полное доверие 1 (см. Приложение, в. 1–2). Такая кодировка позволяет интерпретировать результаты как приблизительную оценку вероятности доверия. Включены вопросы, посвященные общественной активности (в. 3.1–3.3), ресурсы общения (в. 4). Применялись статистические методы: медианный критерий, сравнение средних по критерию F Фишера, кластеризация методом k-средних³. Анализ данных осуществлялся в SPSS-24, Python Data Analysis Library.

Уровень доверия. Обобщенное доверие в среднем растет очень медленно, в целом люди скорее склонны не доверять незнакомым людям (рис. 1). Уровень институционального доверия в регионе сильно варьирует, в последние три года устойчиво растет. Средняя повышательная тенденция не распространяется на доверие региональным СМИ и региональной представительной власти. Аутсайдеры доверия – СМИ, политические партии и профсоюзы. Доверие региональным отделениям партий за последние 10 лет существенно выросло, но поддержка относительно невысока, в 2023 г. индекс равен 0,46.

Эти результаты подтверждают вывод, что высокий уровень доверия вертикальным институтам противостоит недоверию институтам горизонтальным [Латов, 2021]. Доверие граждан к органам муниципального управления, согласно нашим данным, постепенно возрастает, но остается невысоким. Низкий уровень доверия граждан к местному самоуправлению отмечают и другие исследователи [Майкова, 2023].

Таблица 1

Объем выборочных совокупностей межрегионального исследования, 2023 г.

Регионы	Республика Башкортостан	Вологодская область	Курская область	Пермский край	Свердловская область	Тюменская область	Чеченская Республика	Всего
Кол-во чел.	513	400	400	401	400	400	400	2914

¹ Выборка, кол-во чел.: 2013 г. – 1271, 2016 г. – 1514, 2017 г. – 1640, 2018 г. – 1610, 2019 г. – 1642, 2021 г. – 1727, 2023 г. – 1430.

² Свидетельство о регистрации БД № 20246238347. Выражаем благодарность научным коллективам, проводившим межрегиональное социологическое исследование: ВолНЦ РАН (рук. А.А. Шабунова), КурГУ (рук. Е.А. Когай), ПермГУ (рук. Е.Б. Плотникова), УрФУ (рук. А.Н. Тарасова), ТюмГУ (рук. Г.Ф. Ромашкина), УрФУ (рук. А.Н. Тарасова), ЦСПИ АН РБ (рук. Р.М. Валиахметов), ЧГУ (рук. М.М. Юсупов). Данные предоставлены на условиях взаимного обмена.

³ Кодировка переменных: 0 – нет участия, 1 – есть участие. Среднее интерпретируется как доля отметивших участие. Оптимальное количество кластеров определено методом «Elbow Method For Optimal», оценка качества модели кластеризации 0,584, что значимо на уровне $p < 0,000$. Следовательно, объекты внутри кластеров относительно похожи друг на друга, а кластеры достаточно хорошо разделены между собой.

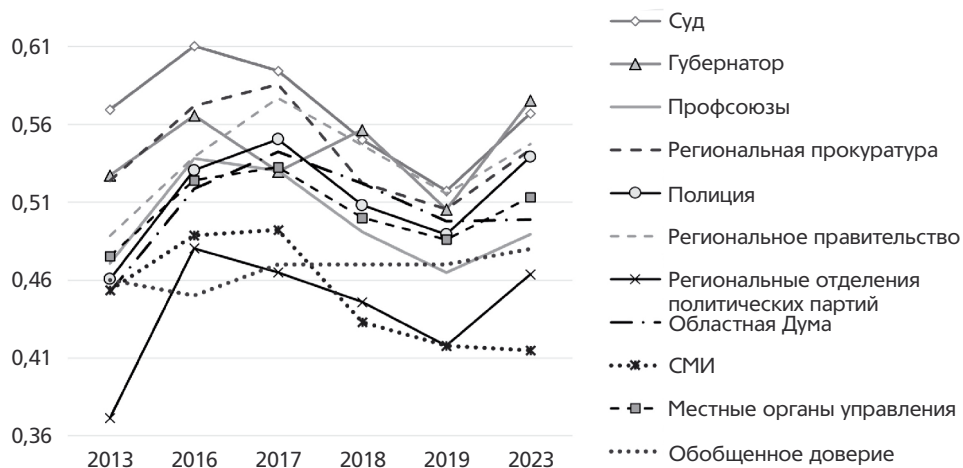

Рис. 1. Динамика составляющих индекса институционального доверия региональным органам управления, институтам и организациям, динамика индекса обобщенного доверия, Тюменская область, 2013–2023 гг.

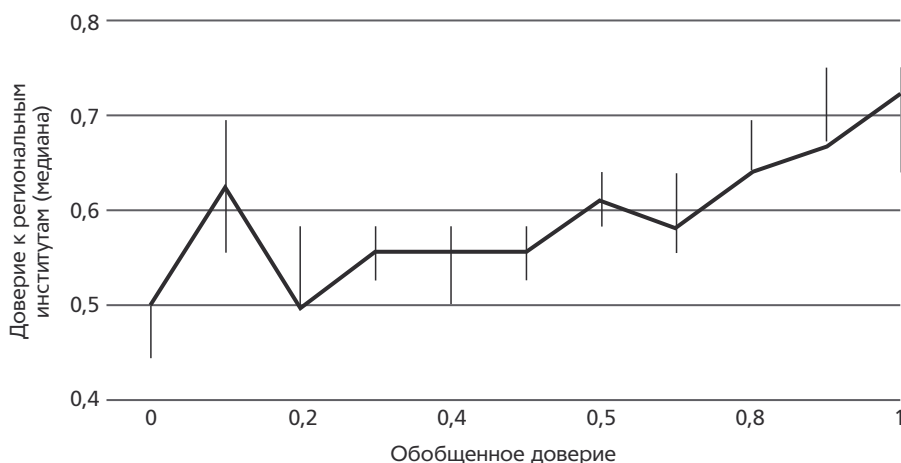

Рис. 2. Взаимосвязь между обобщенным доверием и средним доверием к региональным институтам, «База данных "Социокультурный портрет регионов России – 2023"»

Более высокая предрасположенность к доверительному отношению характерна для наименее образованных, самых старших или самых младших возрастных когорт, жителей сельских территорий. В среднем повышение обобщенного доверия сопровождается повышением институционального доверия (рис. 2).

Данные закономерности характерны для каждого из регионов в отдельности и для объединенной выборки в целом. Однако эти выводы не распространяются на межрегиональные сравнения. Вероятно, различия институциональной и социокультурной среды столь высоки, что прямая связь между институциональным и обобщенным доверием в среднем для регионов пропадает (рис. 3).

Традиционно высокое доверие президенту и правительству РФ выразили жители рассмотренных регионов. Доверие губернаторам не отличается существенно от доверия

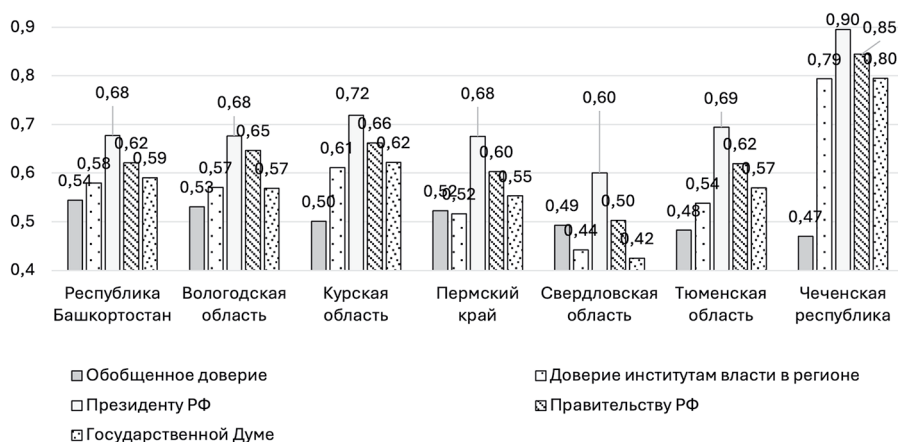

Рис. 3. Среднее значение доверия президенту РФ, Правительству РФ, Государственной думе РФ, индексов институционального доверия к девяти региональным институтам и обобщенного доверия, «База данных "Социокультурный портрет регионов России – 2023"»

институтам защиты и управления. Обобщенное доверие превышает доверие региональным институтам только в промышленно развитых регионах выборки – в Свердловской области и в Пермском крае. Разброс средних между регионами по индексу обобщенного доверия весьма мал (критерий Фишера $F = 5$, $p < 0,001$)⁴, в отличие от разброса средних институционального доверия в регионе ($F = 88$, $p < 0,001$). Можно предположить, что перекош обеспечивает включение в выборку данных по Чеченской Республике, которые существенно отличаются от средней тенденции в части доверия к институтам власти. Однако исключение Чечни из выборки снизило абсолютный разброс, но общие тенденции не изменились ($F = 5$, $F = 58$ по обобщенному и институциональному доверию соответственно).

По результатам исследования общественная активность граждан значительно более выражена, чем прямое участие в деятельности политических партий (62 против 2,5%). В 2023 г. граждане принимали участие в местных выборах; отметили это участие примерно треть опрошенных. Субботники, прочие виды коллективной общественно-полезной деятельности отметили 26%, сбор пожертвований – 25%, волонтерство – 12%. Остальные виды общественной активности не превысили 10%. Женщины более склонны к общественной активности (57%), более высокий уровень образования способствует повышению уровня общественного участия.

Взаимосвязь общественного участия и уровня доверия. Чтобы выявить оси различия уровней доверия и общественного участия на примере Тюменской области, проведен кластерный анализ по ответам на вопросы 3.1, 3.2 (см. Приложение). Среднее значение переменных в кластерах характеризует вероятность наличия признака (табл. 2).

Кластер 1 – «Пассивные» – самый малочисленный, 12% выборки. Люди в этом кластере в наименьшей степени участвуют во всех видах общественной и политической деятельности. Кластер 2 – «Политические участники», 23% выборки, для них характерно стопроцентное участие в выборах, но они не активны в других видах общественной деятельности. Кластер 3 – «Общественные активисты», 37% выборки. В этом кластере высокая активность по благоустройству, сбору пожертвований, волонтерству, участию в общественных организациях, но практически нет участия в политической, религиозной и профсоюзной деятельности. Кластер 4 – «Активные», 28% выборки, демонстрируют самый

⁴ Критерий Фишера F считается значимым, если $F > 10$ при $p < 0,05$.

Таблица 2

Тепловая карта средних значений переменных по кластерам методом k-средних, Тюменская область, 2023 г.

Кластер	Выборы	Проведение избирательной кампании	Коллективное благоустройство, субботники	Работа ТСЖ, домового комитета, совета дома, самоуправления	Сбор пожертвований, средств, вещей	Деятельность профсоюзных организаций	Деятельность общественных организаций	Волонтерство	Деятельность политических партий	Деятельность религиозных организаций	Подписание обращений, петиций в органы власти	Митинги, демонстрации	Забастовки	Потенциал участия в протестах
1	0,00	0,01	0,10	0,04	0,09	0,02	0,01	0,06	0,01	0,01	0,02	0,01	0,00	0
2	1,00	0,22	0,00	0,10	0,14	0,06	0,01	0,04	0,01	0,00	0,05	0,02	0,00	0
3	0,35	0,04	0,91	0,08	0,55	0,06	0,54	0,62	0,02	0,03	0,11	0,04	0,01	1
4	0,81	0,16	0,87	0,41	0,95	0,47	0,49	0,81	0,16	0,14	0,10	0,19	0,00	1

высокий уровень вовлеченности во все виды общественно-полезной деятельности, выборы и волонтерство. Наиболее значимыми препятствиями к общественной активности, по мнению жителей Тюменской области в 2023 г., являются безразличие к общим делам и индивидуализм (32%); несамостоятельность людей (32%), неверие в возможность влиять на решения властей (31%).

В регионах РФ средние оценки препятствий отличаются (рис. 4), но статистически значимы эти различия по критерию Фишера только для вариантов: «Неверие в возможность оказывать влияние на решения властей» ($F=21$), «Привычка надеяться на других, в том числе на власть» ($F=14$), «Недостаток времени, чрезмерная занятость» ($F=11$). Отсутствие способности к самоорганизации во всех регионах отмечает около 20% опрошенных, этот показатель статистически не варьирует по регионам.

Рис. 4. Оценки препятствий общественной активности, «База данных "Социокультурный портрет регионов России – 2023"»

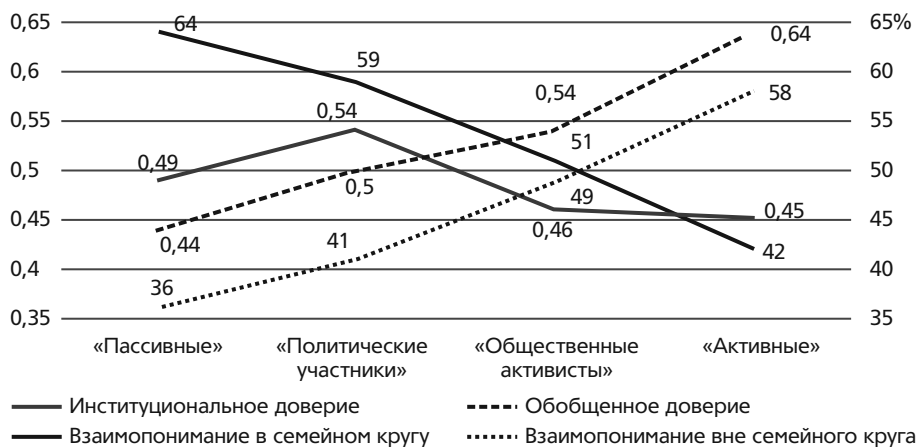

Рис. 5. Средний уровень институционального и обобщенного доверия на уровне региона по кластерам, Тюменская область

Примечание. Минимальное значение индексов доверия – 0, максимальное – 1, левая ось. Коммуникативный ресурс выражен в %, правая ось.

Проведем сравнение структуры социального капитала выделенных выше четырех групп на примере Тюменской области (рис. 5). Практически по всем показателям социального капитала «Активные» и «Пассивные» – это кластеры-антиподы.

Подтверждено: люди, регулярно вовлекаемые в общественную активность, отличаются более высоким уровнем доверия [Мерсиянова, 2023], но это касается только обобщенного доверия. Социальная группа «Пассивные» в основном опирается на семейный круг (64 против 36%), они мало доверяют незнакомым (0,44), а отношение к институтам практически равномерно распределено между доверием и недоверием (0,49). Чуть выше уровни институционального и обобщенного доверия при сближении представлений о коммуникативных ресурсах в группе «Политические участники». Эта группа почти те же «Пассивные», но их круг общения и взаимопонимания чуть шире, участие в общественной деятельности выше, в первую очередь это определено участием в выборах. «Общественные активисты» – граждане со сбалансированным коммуникативным ресурсом. В этой группе обобщенное доверие выше институционального. «Общественные активисты» – потенциал расширения группы «Активные». В группе «Активные» самое высокое обобщенное доверие, преобладают коммуникации вне семейного круга, снижен уровень институционального доверия.

Значимость всех препятствий к общественной активности резко возрастает в оценках групп «Активные» и «Общественные участники». Например, безразличие к общим делам отмечают 40–43%. Оценки неспособности к самоорганизации почти в два раза выше в группе «Активные» по сравнению с «Пассивными» (22% против 12%), несамостоятельность отмечают 36% «Активных» и 22% «Пассивных».

Чем старше люди, тем они более склонны замыкаться внутри семейного круга (68% среди тех, кто старше 65 лет, 39% в группе 18–24 лет). Доля людей, находящих взаимопонимание вне семейного круга, выше в сельских районах (74%), чем в городе (26%). Респонденты, которые находят взаимопонимание вне семьи, более склонны доверять незнакомым людям, их мнение существенно более консолидировано.

Выводы. На уровне региона институциональное доверие существенно варьирует в динамике, по уровням власти и территориям. Обобщенное доверие практически не варьирует между территориями и очень слабо растет в динамике. Количественные оценки

общественного участия сильно варьируют между регионами. Чем выше уровень общественного участия, тем выше оценки препятствий, но нет статистически значимой вариации между регионами в оценках отсутствия способности к самоорганизации.

Все ресурсы социального капитала прямо связаны между собой. Однако при выделении социальных страт такая прямая связь нарушается. Типология общественной активности позволила выделить социальные группы с более высоким уровнем обобщенного доверия, укрепляющего социальный капитал, противостоящим доверию к институтам власти. Потенциал повышения общественной активности включает расширение коммуникативного круга и повышение обобщенного доверия.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Вопросы, привлекаемые к анализу

В.1. Уровень институционального доверия.

В.1.1. «Скажите, пожалуйста, в какой мере вы доверяете или не доверяете региональным органам управления, институтам, организациям?»: суду; губернатору области; профсоюзам; прокуратуре; полиции; правительству региона; региональным отделениям политических партий; законодательному собранию региона; муниципальным, местным органам управления; СМИ (печать, радио, телевидение).

В.1.2. «Скажите, пожалуйста, в какой мере вы доверяете или не доверяете федеральным органам управления, институтам, организациям?»: президенту РФ, Правительству РФ, Государственной Думе. Шкала 5-членная, порядковая: 0 – совсем не доверяю; 1 – полностью доверяю.

В.2. Уровень обобщенного доверия или доверия к незнакомым людям.

В.2.1. «В целом, считаете ли вы, что большинству людей можно доверять или, напротив, нужно быть осторожными, имея дело с людьми?»; 0 – «Даже излишняя осторожность не помешает», 1 – «Большинству людей можно доверять», шкала 10-балльная.

В.3. Уровень общественного участия.

В.3.1. «В каких мероприятиях общественной и политической жизни вам приходилось участвовать в прошедшем году?» Выборы, проведение избирательной кампании; коллективное благоустройство, субботники; работа ТСЖ, домового комитета, совета дома, совета самоуправления; сбор пожертвований, средств, вещей; деятельность профсоюзных организаций; деятельность общественных организаций; волонтерство; деятельность политических партий; деятельность религиозных организаций; подписание обращений, петиций в органы власти; митинги, демонстрации; забастовки. Шкала: 0 – нет участия, 1 – есть участие.

В.3.2. «Готовы ли вы принять участие в акциях протеста (против снижения уровня и качества жизни, нарушения прав и свобод человека)?» Шкала: 0 – не готов, 1 – готов.

В.3.3. «Какие препятствия вы считаете главными для общественной активности и проявления людьми своей гражданской позиции?» Отсутствие способности к организации; привычка надеяться на других, в том числе на власть; недостаток времени, чрезмерная занятость; безразличие к общим делам, индивидуализм; недостаток знаний, некомпетентность; неверие в возможность оказывать влияние на решения властей; опасения негативной реакции со стороны окружающих; боязнь наказания, преследований со стороны вышестоящих руководителей, властей, правоохранительных органов. Шкала: 0 – нет ответа, 1 – есть ответ.

В.4. Коммуникативный ресурс.

В.4.1. «Среди каких людей вы встречаете наибольшее взаимопонимание?» Варианты ответов: В семье (семейный круг); в компании друзей; среди соседей; на работе; в кругу единомышленников; среди людей моей национальности (вне семейный круг). Шкала: 0 – нет ответа, 1 – есть ответ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гужавина Т.А. Гражданское участие как экстерналия социального капитала // Социологическая наука и социальная практика. 2019. № 1(25). С. 37–54.
- Латов Ю.В. Институциональное доверие как социальный капитал в современной России (по результатам мониторинга) // Политические исследования. 2021. Т. 30. № 5. С. 161–175. DOI: 10.17976/jpps/2021.05.11.
- Майкова Э.Ю., Симонова Е.В. Взаимосвязь доверия к местному самоуправлению и участия в самоуправленческих практиках (на примере Тверской области) // Социологические исследования. 2023. № 2. С. 28–40. DOI: 10.31857/S013216250023178-8.
- Мерсиянова И.В., Брюхно А.С. Социальное настроение россиян: структура и влияние на помогающее поведение // Социологические исследования. 2023. № 9. С. 29–40. DOI: 10.31857/S013216250027776-6.
- Социокультурная эволюция России: 30 лет исследований / Под ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой, А.А. Шабуневой. М.: Весь Мир, 2022.
- Bourdieu P. The forms of capital // Richardson J. (ed.). Handbook of theory and research for the sociology of education. Westport, CONN: Greenwood Press, 1986. P. 241–258.
- Collins C.R., Neal J.W., Neal Z.P. Transforming Individual Civic Engagement into Community Collective Efficacy: The Role of Bonding Social Capital // American Journal of Community Psychology. 2014. No. 54. P. 328–336. DOI: 10.1007/s10464-014-9675-x.
- Fukuyama F. Social capital, civil society, and development // Third World Quarterly. 2001. Vol. 22. No. 1. P. 7–20. DOI: 10.1080/713701144.
- Uslaner E.M. Trust as an Alternative to Risk // Public Choice. 2013. Vol. 157. No. 3. P. 629–639.

Статья поступила: 15.05.24. Финальная версия: 01.07.24. Принята к публикации: 05.07.24.

SOCIAL CAPITAL: TRUST AND PUBLIC PARTICIPATION (CASE STUDY OF TYUMEN REGION)

AGAFONOVA D. Yu.*, ROMASHKINA G.F.*

*Tyumen State University, Russia

Darya Yu. AGAFONOVA, Assistant (d.y.agafonova@utmn.ru); Gulnara F. ROMASHKINA, Dr. Sci. (Sociol.), Prof. (g.f.romashkina@utmn.ru). Both – Department of Economic Security, System Analysis and Control of the Tyumen State University, Tyumen, Russia.

Acknowledgement. This work is supported by the RSF, grant No. 23-28-01321.

Abstract. The study presents findings of an investigation into the growing potential factors of public activity based on regional sociological surveys. It demonstrates dynamics and structures of institutional and generalized trust in the Tyumen region from 2013 to 2023. Comparative interregional assessments of institutional and generalized trust, as well as the potential for growth of public activity across seven Russian regions in 2023, are offered, too. The analysis addresses contradictions in the interrelationships among key social capital resources. A typology of public participation – categorized into “active,” “political participants,” “public activists,” and “passives” – was developed using the example of the Tyumen region residents and subsequently used to evaluate its connection to social capital. The study illustrates increasing public activity levels, primarily linked to generalized trust and communicative resources. Barriers to the growth of engagement in socially beneficial activities are identified.

Keywords: social capital, trust, public participation, region.

REFERENCES

- Bourdieu P. (1986) The forms of capital. In: J. Richardson (ed.). *Handbook of theory and research for the sociology of education*. Westport, Conn.: Greenwood Press: 241–258.
- Collins C.R., Neal J.W., Neal Z.P. (2014) Transforming Individual Civic Engagement into Community Collective Efficacy: The Role of Bonding Social Capital. *American Journal of Community Psychology*. No. 54: 328–336. DOI: 10.1007/s10464-014-9675-x.
- Fukuyama F. (2001) Social capital, civil society, and development. *Third World Quarterly*. Vol. 22. No. 1: 7–20. DOI: 10.1080/713701144.

- Guzhavina T.A. (2019) Civic Participation as an Externality of Social Capital. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsialnaya praktika* [Sociological Science and Social Practice]. No. 1 (25): 37–54. (In Russ.)
- Latov Yu.V. (2021). Institutional Trust as Social Capital in Contemporary Russia (Based on Monitoring Results). *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies]. Vol. 30. No. 5: 161–175. DOI: 10.17976/jpps/2021.05.11. (In Russ.)
- Maykova E.Y., Simonova E.V. (2023) The Relationship between Trust in Local Government and Participation in Self-Governance Practices (on the Example of the Tver Region). *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 28–40. DOI: 10.31857/S013216250023178-8. (In Russ.)
- Mersyanova I.V., Bryukhno A.S. (2023) Social Mood of Russians: Structure and Influence on Helping Behavior. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 29–40. DOI: 10.31857/S013216250027776-6. (In Russ.)
- Socio-cultural evolution of Russia: 30 years of research.* (2022) Ed. by N.I. Lapin, L.A. Belyaeva, A.A. Shabunova. Moscow: Ves Mir. (In Russ.)
- Uslaner E.M. (2013) Trust as an Alternative to Risk. *Public Choice*. Vol. 157. No. 3: 629–639.

Received: 15.05.24. Final version: 01.07.24. Accepted: 05.07.24.

Г.Ф. БАЛАКИНА, О.Д. НАТСАК

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ И АДАПТАЦИОННЫЕ ПРАКТИКИ НАСЕЛЕНИЯ ТУВЫ: ГЕНДЕРНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ

БАЛАКИНА Галина Федоровна – доктор экономических наук, главный научный сотрудник Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов СО РАН, Кызыл, Россия (balakina.gal@yandex.ru); НАТСАК Органа Доржуевна – кандидат философских наук, учёный секретарь Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тува, Кызыл, Россия (nod695596@gmail.com).

Аннотация. Особенности социального самочувствия и адаптационных практик населения Тувы в разрезе гендерных групп рассматриваются на базе данных социологического опроса, проведенного в республике Тува под руководством авторов статьи в июне – июле 2023 г. Анализируется социальная успешность выбираемых жизненных стратегий с точки зрения социального благополучия, продолжительности жизни, трудовых предпочтений. В мужской гендерной группе по сравнению с женской отмечен более высокий уровень пессимизма в оценке социально-экономической ситуации и собственных экономических перспектив, пониженное стремление к поиску своей ниши в рыночных условиях. Для женщин характерен более высокий уровень оптимизма. Сделан вывод, что мужчины выбирают менее социально успешные адаптационные практики, что наряду с генетическими тенденциями долголетия у женщин приводит к более низкой продолжительности их жизни и сниженному уровню их социального самочувствия.

Ключевые слова: Республика Тува • гендерная группа • мужчины • женщины • социальное самочувствие • социальные практики • социальные девиации

DOI: 10.31857/S0132162524080139

Введение. Социально-экономическая ситуация в современной России требует исследования возможностей выхода из возникающих кризисных ситуаций. К современным трансформационным процессам, определяющим необходимость адаптации населения Тувы, относятся: изменения в реальном секторе экономики (рост объемов добычи полезных ископаемых, объемов строительства жилья, совершенствование инфраструктуры для повышения транспортной доступности республики), изменения на рынке труда (рост предложения вахтовых рабочих мест), расширение сферы социальных трансфертов, ускорение компьютеризации, цифровизации экономики, социальной сферы и быта. Особенностью социального развития республики является отставание показателей ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ): за 2005–2021 гг. несмотря на серьезное отставание ОПЖ мужчин и женщин Тувы от аналогичных показателей по России, общероссийская тенденция повышения ОПЖ по всему населению была характерна и для Тувы, разрыв между показателями ОПЖ по России и Туве в эти годы сократился с 17 до 4–5%. ОПЖ составила в 2021 г. по РФ – 70,06 и по Туве – 66,87 года, при этом ОПЖ мужчин России – 65,51 и Тувы – 62,48 года, женщин соответственно 74,51 и 70,84 года. Низкая продолжительность жизни мужчин обусловлена тем, что девиантные модели поведения в Туве в большей степени актуализированы в мужских практиках, чем в женских; они влияют на высокие показатели мужской смертности, усиливают гендерный дисбаланс в демографической структуре республики [Натсак, 2023: 90].

Теоретико-методологическая и эмпирическая базой исследования послужила гендерная методология; ее применение актуально в отношении обществ, в которых статистически значимы разрывы по ряду демографических, социальных и экономических показателей. Гендерный методологический подход был раскрыт в работах Э. Гидденса [Гидденс, 1999], российских ученых [Айвазова, 2007; Здравомыслова, Темкина, 2007; Силласте, 2019].

Для понимания внешних исходных факторов, которые оказывают воздействие на гендерную дифференциацию социального самочувствия жителей Тувы и их адаптационные практики, использованы статистические данные. Для анализа социального самочувствия, ценностных ориентаций и установок в сфере труда используются данные социологического опроса населения Тувы, проведенного под руководством авторов в июне – июле 2023 г. с привлечением сотрудников Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (ТИГПИ). Был опрошен 421 человек трудоспособного возраста, жители городов и сельских территорий. Выборка репрезентативна по полу, возрасту, уровню занятости. Территориально выборка включала 5 городских и 9 сельских населенных пунктов: города Кызыл, Ак-Довурак, Шагонар, Чадан, Туран и кожууны: Кызылский, Пий-Хемский, Каа-Хемский, Улуг-Хемский, Тандинский, Овюрский и Эрзинский. Среди опрошенных 53,2% женщин и 46,8% мужчин; 28,7% молодых людей в возрасте от 18 до 30 лет, 44,4% лиц в возрасте 31–50 лет; 85,1% тувинцев, 12,3% русских и 2,6% представителей других этносов (хакасов, бурят, киргизов, белорусов). Получены характеристики социального самочувствия населения в гендерном разрезе, выявлена степень распространенности таких адаптационных практик, как ориентация на открытие собственного дела и развитие бизнеса, повышение уровня образования и квалификации.

Социальное самочувствие. При оценке текущей социально-экономической ситуации в Туве женщины более склонны к позитивному восприятию, мужчины – к негативному отношению к складывающемуся положению: вариант ответа, что ситуация в республике «на грани катастрофы», выбирает почти в два раза больше мужчин (12,1%), чем женщин (6,7%). Оценивая современную социально-экономическую ситуацию в Туве, женщины несколько чаще мужчин отмечали стабильный характер развития республики (29,1 против 26,8%), а также усматривали признаки стабилизации экономического положения (26,9 против 23,7%). Аналогичная дифференциация между ответами мужчин и женщин наблюдалась в оценке ситуации на уровне населенных пунктов. На характеристики «плохое», «очень плохое» социально-экономическое состояние места проживания указывали больше мужчины, чем женщины.

В оценке перспектив экономических преобразований в республике Тува мужчинам свойственны негативные ожидания по сравнению с женщинами (табл. 1). Женщины в большей степени уходят от ответа, выбирая вариант «затрудняюсь ответить», и демонстрируют более позитивную оценку курса экономических преобразований.

В ходе анализа настроений в социальном окружении опрошенных выявлено, что у мужчин выше уровень пессимизма (табл. 2). Мужчины значительно чаще указывали на патриотические настроения в своем окружении. Также мужчины чаще отмечали, что для окружающих характерны состояния страха, растерянности.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Как вы оцениваете перспективы республики Тува на пути экономических преобразований?», в %

Оценки	Мужчины	Женщины
Не сомневаюсь в успехе	39,9	44,8
Вряд ли удастся добиться успеха	27,3	17,9
Скорее всего, экономические реформы ждут неудачи	13,6	7,6
Затрудняюсь ответить	19,2	29,6

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Как вам кажется, какие чувства проявились, окрепли у окружающих вас людей за прошедший год?», в %

Варианты ответа	Мужчины	Женщины
Надежда	20,7	28,7
Ощущение свободы	1,5	3,6
Гордость за свой народ, патриотизм	25,8	16,5
Чувство собственного достоинства	6,1	5,4
Страх	17,2	13,5
Озлобленность, агрессивность	2,0	4,9
Усталость, безразличие	8,6	9,9
Растерянность	8,6	7,2
Затрудняюсь ответить	9,6	10,3

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Какие проблемы нашего общества беспокоят вас?», в %

Проблемы	Мужчины	Женщины
Рост цен, инфляция	71,2	68,9
Кризис в экономике, спад производства, кризис неплатежей, несвоевременная выплата зарплаты, пенсии, пособия, стипендии	30,8	24,8
Рост преступности	35,9	41,4
Угроза безработицы	37,4	43,2
Ухудшение межнациональных отношений	9,6	9,9
Жилищная проблема	38,4	48,6
Ухудшение экологической ситуации	21,2	24,3
Наркомания, алкоголизм	34,8	51,8
Кризис морали и нравственности	19,7	26,1
Другое	1,5	1,8

Женщины чаще отмечали такие состояния, как ощущение надежды, свободы, и в то же время озлобленность, агрессию, а также усталость и безразличие.

Отмечается гендерная дифференциация в проблемах, которые больше всего волнуют респондентов (табл. 3). Женщин больше, чем мужчин, беспокоят преступность, безработица, алкоголизм, наркомания, а также кризис морали и нравственности. Мужчин больше волнуют экономические вопросы – рост цен, инфляция, спад производства, потенциальные неплатежи зарплат, пособий и иных выплат.

В ожиданиях относительно динамики собственного материального положения женщины в Туве оптимистичнее видят свои индивидуальные экономические перспективы: не сомневаются в собственном успехе 45,7% женщин и 38,9% мужчин, считают, что надежды на успех нет 12,1% мужчин и 3,6% женщин. На уверенность в собственном будущем безусловно влияют такие факторы, как доход, образование, занятость, определяющие концентрацию жизненных шансов и стратификацию общества и социальных групп [Тихонова, 2018: 54–55; Каравай, 2019; Каравай, 2021].

Следует отметить и большую нацеленность женщин на вхождение в рыночную ситуацию (табл. 4). Среди женщин более выражена установка на предпринимательскую деятельность, что подразумевает готовность найти свою рыночную нишу при более высоком риске. Из числа опрошенных безработными на момент исследования являлись 7,6%, доля безработных среди женщин – 6%, среди мужчин – 9,4%. По данным Росстата, в 2022 г. в республике Тува 37,1% безработных составляли женщины и 62,9% – мужчины, тогда как в целом по Российской Федерации безработные распределяются по полу в равной

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «Что бы вы предпочли, если бы могли выбирать?», в %

Ответы	Мужчины	Женщины
Иметь небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне	52,6	47,6
Много работать и хорошо зарабатывать, без особых гарантий на будущее	13,6	14,3
Иметь собственное дело	24,2	29,6
Затрудняюсь ответить	9,6	8,5

пропорции¹. Мужчины в республике Тува ощущают неустойчивость материального положения в рыночной экономике, поэтому могут стремиться к стабильности с ограниченными доходами.

Женщины эмоционально более подвержены страху потери работы. К возможной потере работы женщины психологически меньше готовы: 56,8% женщин и 43,2% опрошенных мужчин указали на то, что не готовы к таким переменам. Вместе с тем уверенность в успешности поиска работы у женщин выше. В случае потери работы большинство респондентов вне зависимости от пола ожидают, что поиск новой работы займет некоторое время: 20,6% женщин и 15,7% мужчин полагают, что легко могут найти работу. К тому же женщины выбирают более социально успешные практики, менее склонны отказываться от продолжения образования и от намерений дать хорошее образование детям вследствие каких-либо трудностей. Из-за нынешней ситуации в стране от продолжения образования вынуждены были отказаться 6,3% женщин и 7,7% мужчин, от необходимых медицинских услуг соответственно 14,0% женщин в сравнении с 7,0% мужчин и от санаторно-курортного лечения 10,7 и 16,7%.

Женщины Тувы имеют более высокий уровень образования по сравнению с мужчинами, что повышает их адаптационный потенциал. Так, по данным Всероссийской переписи населения 2020 г. более 63,6% женщин имели высшее (законченное и незаконченное) и среднее профессиональное образование в сравнении с 53,0% мужчин². Можно констатировать, что женщины в Туве проявляют более высокие ожидания будущих положительных результатов в отношении общей экономической ситуации в регионе и в восприятии своей индивидуальной экономической успешности. Тогда как гендерные контрасты в склонности к оптимизму/пессимизму, описанные в некоторых зарубежных и российских исследованиях [Bjugren, Elert, 2019: 1; Кессельман, Нацкевич, 1998: 45], указывают, что мужчины более оптимистичны, чем женщины. Так, шведские исследователи К.М. Бьюгрен, Н. Элерт, анализируя восприятие населением экономического положения страны и видение будущего, выявили этот факт; однако при резких спадах развития экономики гендерные различия в оптимизме нивелируются. Кроме того, мужчины имеют тенденцию больше ошибаться в прогнозах и оценках [Bjugren, Elert, 2019: 9].

Выводы. Основной вывод настоящего исследования заключается в том, что мужчины в Туве выбирают менее социально успешные адаптационные практики. Выявленная гендерная дифференциация в индивидуальном экономическом оптимизме и пессимизме характеризуется более высоким уровнем социализации женщин: они позитивней воспринимают изменения в социально-экономических процессах, охотнее выбирают возможность повышения уровня образования и квалификации по сравнению с мужчинами. Мужчины чаще ощущают неуверенность, тревогу и страх за экономическое положение семьи. Женщины Тувы, по данным нашего исследования, более активно освобождаются от патерналистских ожиданий, становятся более самостоятельными в решении жизненных проблем, готовы заняться предпринимательством, найти свою рыночную нишу. В то же время частота упоминаний практик выживания в обеих гендерных группах несколько выше, чем практик социального прогресса, что обусловлено социально-экономической обстановкой в республике, соотносится с контекстом жизни в Туве.

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023. Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 05.04.2024).

² Всероссийская перепись населения 2020 г. Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom3_Obrazovanie (дата обращения: 15.02.2024 г.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Айвазова С.Г. «Игра в гендер» на поле российской политики: возможности институциональных изменений // Россия реформирующаяся: ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. М.: ИС РАН, 2007. Вып. 6. С. 319–331.
- Балакина Г.Ф. Специфика адаптационных практик этнических групп Республики Тыва // Новые исследования Тувы. 2023. № 4. С. 255–273. DOI: 10.25178/nit.2023.4.18.
- Гидденс Э. Социология. М., 1999.
- Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Патриархат и «женская власть» // Российский гендерный порядок: социологический подход / Отв. ред. Е.А. Здравомыслова, А.А. Темкина. СПб.: ЕУ в СПб., 2007. С. 68–97.
- Каравай А.В. Действия россиян по улучшению собственного материального положения в эпоху COVID-19 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 121–137. DOI: 10.14515/monitoring.2021.2.1837.
- Каравай А.В. Основные модели социально-экономической адаптации в разных странах российского общества // Terra Economicus. 2019. Т. 17. № 3. С. 128–145. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-3-128-145.
- Натсак О.Д. Неполные семьи и монородительские практики женщин в современном тувинском обществе (генезис, специфика, стратегии). Абакан: Хакас. кн. изд-во им. В.М. Торосова, 2023.
- Силласте Г.Г. Социальные трансции и формирование нового гендерного порядка // Женщина в российском обществе. 2019. № 2. С. 3–16. DOI: 10.21064/WinRS.2019.2.1.
- Тихонова Н.Е. Стратификация по жизненным шансам массовых слоев современного российского общества // Социологические исследования. 2018. № 6. С. 53–65.
- Vjuggren C.M., Elert N. Gender differences in optimism // IFN Working Paper. 2019. No. 1275. P. 1–12.

Статья поступила: 21.02.24. Финальная версия: 09.04.24. Статья принята к публикации: 21.06.24.

SOCIAL WELL-BEING AND ADAPTATION PRACTICES OF THE TUVA POPULATION: GENDER DIFFERENTIATION

BALAKINA G.F.*, NATSAK O.D. **

*Tuvan Institute of Integrated Development of Natural Resources SB RAS, Russia; **Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Russia

Galina F. BALAKINA, Dr. Sci. (Econ.), Chief Researcher, Tuvan Institute of Integrated Development of Natural Resources SB RAS, Kyzyl, Russia (balakina.gal@yandex.ru); Organa D. NATSAK, Cand. Sci. (Philos.), Academic Secretary, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Kyzyl, Russia (nod695596@gmail.com).

Acknowledgements. The article was prepared as part of the RSF research project No. 23-28-10009.

Abstract. The authors have explored the features of the assessing the socio-economic situation in the Republic of Tuva by representatives of the gender groups on the basis of a sociological survey conducted under the guidance of the authors of the article in June-July 2023. They have analyzed social success of the chosen life strategies in terms of social well-being, life expectancy, and work preferences. The authors have found an increased propensity to risk in the male gender group compared to the female, as well as deviant behavior, passivity, and a reduced desire to find one's own niche in market conditions. The gender contrast in the level of general and individual economic optimism/pessimism is due to a higher education level of women in Tuva and, as a result, corresponding socio-professional status and income. A low social activity of men arises out the high unemployment rate in Tuva, low rate of creative high-tech, well-paid jobs. The lag of men in these areas is a cause of insecurity, anxiety and fears for the economic situation of the families. Tuvan men have a slightly lower level of optimism than women, what does not coincide with the trends in modern development. We conclude that men choose less socially successful adaptation practices, which, along with genetic trends in female longevity, leads to a lower life expectancy and a reduced level of social well-being.

Keywords: Republic of Tuva, gender group, men, women, social well-being, adaptation practices, social deviations.

REFERENCES

- Aivazova, S.G. (2007) "The game in gender" in the field of Russian politics: The possibilities of institutional changes. In: *Russia reforming: A yearbook*. Ed. by M.K. Gorshkov. Moscow: IS RAN. Iss. 6: 319–331. (In Russ.)
- Balakina G.F. (2023) Specific features of adaptation practices of ethnic groups in the Republic of Tuva. *Novye issledovaniia Tuvy [The New Research of Tuva]*. No. 4: 255–273. DOI: 10.25178/nit.2023.4.18. (In Russ.)
- Bjuggren C.M., Elert N. (2019) *Gender differences in optimism*. IFN Working Paper. No. 1275: 1–12.
- Giddens A. (1999) *Sociology*. Moscow. (In Russ.)
- Karavai A.V. (2019) Basic Models of Socio-Economic Adaptation in Different Strata of Russian Society. *Terra Economicus*. Vol. 17. No. 3: 128–145. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-3-128-145. (In Russ.)
- Karavay A.V. (2021) The behavior of Russians aimed at improving Their Financial Situation in the Era of COVID-19. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]*. No. 2: 121–137. DOI: 10.14515/monitoring.2021.2.1837. (In Russ.)
- Natsak O.D. (2023) *Single-parent families and single-parent practices of women in modern Tuvan society (genesis, specifics, strategies)*. Abakan: Hakas. kn. izd-vo im. V.M. Torosova. (In Russ.)
- Sillaste G.G. (2019) Social transitions and the formation of a new gender order. *Zhenschina v rossiiskom obshchestve [Woman in Russian society]*. No. 2: 3–16. DOI 10.21064/WinRS.2019.2.1. (In Russ.)
- Tikhonova N.E. (2018) Stratification by Life Chances of the Mass Strata of Modern Russian Society. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. No. 6: 53–65. (In Russ.)
- Zdravomyslova E.A., Temkina A.A. (2007) Patriarchy and "women's power". In: *Russian gender order: A sociological approach*. Ed. by E.F. Zdravomyslova, A.A. Temkina. St. Petersburg: EU v SPb. P. 68–97. (In Russ.)

Received: 21.02.24. Final version: 09.04.24. Accepted: 21.06.24.

© 2024 г.

СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА НАСЕЛЕНИЯ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ (итоги конференции)

VI Международная научно-практическая конференция «Социальная динамика населения и человеческий потенциал» была организована ИСЭПН ФНИСЦ РАН 20–21 июня 2024 г. при поддержке ООН РАН, НИИОЗММ ДЗМ, НИИ статистики Росстата, ВолНЦ РАН, КССиД МГУ. В конференции приняли участие ученые и практики из 38 регионов России и зарубежных стран. Пленарное заседание с приветственным словом открыл директор ИСЭПН ФНИСЦ РАН, чл.-корр. РАН **В.В. Локосов**.

Чл.-корр. РАН **М.Ф. Черныш** (ФНИСЦ РАН) в своем докладе отметил, что наше общество не статично, и именно социальная мобильность оказывается одним из факторов, способствующих его поддержанию и воспроизводству. В рамках анализа культурных предпосылок социальной мобильности были упомянуты две концепции: диффузионизм и эволюционизм. Концепция диффузионизма применима к изучению социально-культурного взаимодействия между представителями различных социальных групп. Идея равенства, популярная в современных обществах, порождает совершенно новые обстоятельства жизни, новый тип культуры и новые основания мобильности. На фоне так называемой культурной революции формируется новый тип общества, характеризующийся «выравниванием» социальных позиций как мотивации социального действия. Актуализируются новые принципы жизни. В связи с этим фокус внимания был смещен на отдельные аспекты миграционного поведения. Отмечено, что миграционный прирост происходит в регионах с наиболее развитой инфраструктурой больших городов и благоприятным климатом, в связи с чем лишь у трех федеральных округов РФ есть подобные перспективы: Центральный, Северо-Западный и Южный ФО. С опорой на культурные доминанты можно утверждать, что приоритетными направлениями социальной мобильности будущих поколений станут: большой город, средний класс, малодетная нуклеарная семья и развитые страны.

Акад. РАН **Р.И. Нигматулин** (ИО РАН) в рамках доклада определил место РФ в мировом рейтинге по темпам роста ВВП. Им подчеркнуто, что после 2011 г. Россия развивается в разы медленнее, чем большинство стран мира (среднегодовой темп роста ВВП за десятилетний период до 2022 г. по миру в целом составил 2,7%, по РФ – 0,6%); прогнозируется увеличение темпов и масштабов отставания, что впоследствии приведет к серьезным проблемам в социальной сфере. По европейским нормам лишь 20–22% населения России можно отнести к среднему классу (в Европе их число достигает 60%). В нашей стране наблюдается аномально высокое классовое расслоение (в 2 раза больше, чем в США и Германии и в 7 раз больше, чем в Польше), которое усугубляется в региональном разрезе. Доля ВВП, приходящаяся на социальную сферу (здравоохранение, образование, наука и культура), обеспечиваемая государственным бюджетом, в два раза ниже, чем в западных социальных государствах (9 против 20%). В результате в России самая высокая смертность среди стран ЕС, низкий уровень рождаемости (СКР в 2023 г. – 1,41), а также низкий уровень здоровья населения (119 место из 187 стран в рейтинге международного журнала «Ланцет»), в стране стремительно развивается депопуляция. Указы Президента и Национальные проекты в полном объеме не выполняются и не могут быть реализованы без реформирования экономического порядка и смены кадровой политики. В контексте совершенствования кадрового потенциала необходима переориентация на специалистов

(а не менеджеров), требуется инвестиционная поддержка опорных проектов и научно-исследовательских институтов, а также увеличение затрат на НТР с 5 до 10% ВВП.

Чл.-корр. РАН **А.Р. Бахтизин** (ЦЭМИ РАН) продолжил тему значимости новых национальных проектов и специфики закреплённых в них целевых показателей. Остро стоят сегодня проблемы, связанные с низкой рождаемостью: к 2050 г. число стран и территорий с уровнем рождаемости ниже уровня простого воспроизводства населения достигнет 155 (76% от общего числа), а к 2100 г. увеличится до 198 (97%). Попытки повысить рождаемость в России приводят к прогнозируемым демографическим последствиям, так, перенос материнского капитала на первого ребенка привел к резкому снижению вторых рождений. Для повышения ожидаемой продолжительности жизни в нашей стране требуется в 1,5–2 раза увеличить расходы на здравоохранение. Для обеспечения темпов роста экономики выше среднемировых показателей и выход на четвертое место в мире по объему ВВП требует темпов роста экономики не ниже 5,5%. Докладчик отметил, что денежно-кредитная политика влияет на долгосрочную траекторию экономического развития, жесткая денежная политика оказывает негативный эффект на объем производства даже через десятилетия.

Подробнее о возможностях мониторинга актуальной статистической информации рассказали **Р.А. Хамзин** (НИИ статистики Росстата) и **О.А. Золотарева** (ИЭС РАН, НИИ статистики Росстата). Докладчики подчеркнули, что Росстат сегодня активно внедряет новые технологии для оптимизации работы с данными, в частности, разрабатываются интерактивные панели в BI-системе, позволяющие визуализировать имеющиеся материалы в виде картограмм и графиков по сопоставимым данным. Помимо этого, совершенствуется теория и методология государственной статистики, формируется система статистической информации о демографической и социально-экономической ситуации, реализуются задачи по укреплению информационной безопасности.

Завершил пленарные выступления доклад проф. **А.И. Антонова** (МГУ имени М.В. Ломоносова), где отмечалось, что демографическая ситуация в России остается сложной. С 1960-х гг. в стране сложился суженый режим воспроизводства, который, согласно среднему варианту прогноза Росстат, к 2046 г. приведет к уменьшению численности населения на 8 млн человек. В парадигме фамилистического пронатализма устранение убыли населения достигается не за счет привлечения иммигрантов, а посредством поощрения обществом и государством ценности многодетного образа жизни и усиления потребности в нескольких детях. Многолетние исследования репродуктивных установок демонстрируют преобладание малодетной модели родительства, прочно закрепившееся в массовом сознании. Установки формируются в детстве и редко изменяются на протяжении жизненного пути. Активизация семейно-демографической политики требует новых мер поддержки семей с детьми и воздействия на поколения детей, рожденных после 2024 г. Формирование установок на среднететность в демографическом понимании (3–4 ребенка в семье) возможно при условии правильной просемейной социализации, начиная с самого раннего развития ребенка. Исследования показывают, что успех просемейной социализации может повысить долю семей с тремя и более детьми до 20% к концу репродуктивного периода. Актуализируется потребность в долгосрочных проектах демографического развития, направленных на достижение норматива простого воспроизводства населения, при успешной реализации которых можно надеяться на увеличение суммарного коэффициента рождаемости до 2,08–2,10 к концу 2050-х гг., до 2,12–2,14 к концу 2060-х. Успешная демографическая политика требует ориентации на формирование потребности в многодетной семье, при этом политика просемейной социализации детей должна противостоять антисемейной идеологии и пропаганде суррогатных форм брачности и внесемейного плюрализма.

Участники конференции смогли принять участие в работе шести секций: «Семейно-детный образ жизни: результаты исследований, проблемы и перспективы» (рук.: **А.И. Антонов**, **С.В. Ляликова**), «Здоровье населения и его обеспечение» (рук.: **И.Б. Назарова**,

О.Н. Калачикова, Т.А. Игнатова), «Формирование и воспроизводство демографического потенциала» (рук.: Н.Е. Русанова, А.Е. Иванова, М.В. Цимбал), «Жилищная политика и рынок жилья: социально-экономические проблемы» (рук.: И.В. Пилипенко, С.Г. Стерник, С.Ю. Шаров), «Кадровое обеспечение отраслей экономики и социальной сферы: риски и возможности» (рук.: А.В. Ярашева, О.А. Александрова, Д.И. Марков, А.В. Попов), «Социально-экономические проблемы человеческого развития и человеческий потенциал» (рук.: Е.В. Моргунов, М.А. Вершинина).

Также в рамках конференции были организованы круглые столы «Молодежь за перемены: новые подходы к решению социально-демографических и экономических проблем» (модераторы: Е.И. Медведева, С.В. Крошилин) и «Жизненные стратегии многодетных семей и актуальные социальные нормы семейной жизни»¹ (модераторы: А.Б. Синельников, С.В. Ляликова). Первый – обеспечил включение молодых ученых и начинающих исследователей в обсуждение актуальной проблематики в сфере социальных, экономических и демографических проблем. На втором – обсуждения сосредоточились на основных аспектах образа жизни семей с тремя и более детьми.

С.В. ЛЯЛИКОВА, И.Б. НАЗАРОВА

ЛЯЛИКОВА Софья Викторовна, науч. сотр. (lyalikova.sociology@yandex.ru); НАЗАРОВА Инна Борисовна, д. экон. н., гл. науч. сотр., зав. лабораторией (inna-nazarova@mail.ru). Обе – Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

POPULATION SOCIAL DYNAMICS AND HUMAN POTENTIAL (RESULTS OF THE CONFERENCE)

DOI: 10.31857/S0132162524080143

Sofia V. LYALIKOVA, Researcher (lyalikova.sociology@yandex.ru); Inna B. NAZAROVA, Dr. Sci. (Econ.), Chief Researcher Head of laboratory (inna-nazarova@mail.ru). Both – Institute of Socio-Economic Problems of Population of FCTAS RAS, Moscow, Russia.

© 2024 г.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИИ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

1 мая 2024 г. на базе Ташкентского государственного университета узбекского языка и литературы (ТГУУЯЛ) им. А. Навои (Узбекистан) совместно с Санкт-Петербургским государственным технологическим институтом (техническим университетом (СПбГТИ(ТУ)) прошла международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы социологии и прикладной психологии в современном мире».

После приветственных слов ректора, представителей администрации и членов ученого совета ТГУУЯЛ с пленарным докладом выступила О.В. Васина (СПбГТИ(ТУ)), сделавшая акцент на необходимости междисциплинарного подхода в социологических исследованиях, говоря о т.н. смешанных методах, которые позволяют расширить возможности современной прикладной социологии.

¹Круглый стол организован в рамках гранта РНФ № 23-28-00518.

А.С. Гонашвили (СПбГТИ(ТУ)) рассказал об опыте международного сотрудничества между отечественными и зарубежными вузами. Проф. **Л.А. Осьмук** (НГТУ) отметила высокую степень автономии современного университета, что позволяет говорить о нем как социальном объекте, взаимодействующем с городом, в котором находится. Для жителей же города университет и его кампус – это отдельная территория, а преподаватели и студенты – это социальные субъекты, отличимые от всех остальных жителей. Докладчик предложила выделить четыре вида шкал положительного и отрицательного влияния университета на город.

В рамках конференции были проведены заседания четырех секций. В работе секции, посвященной актуальным проблемам современного общества и социологии, выступили: проф. **Б.А. Фарфиев** (МИАУ) в своем докладе сделал акцент на методологических проблемах в структуре социологических исследований по социологии религии. Проф. **Ш.М. Садыкова** (МИАУ) рассказала о роли социологических исследований в практике управления. **Ф.Б. Файзиева** (ТГУУЯЛ им. А. Навои) обратила особое внимание на то, что иногда население, участвующее в опросах в качестве респондентов, не до конца понимает роли своего участия в этих исследованиях. **Х.Ф. Акрамов** (ТГУУЯЛ им. А. Навои) рассказал о современных проблемах в области математических методов в социологии. **У.Ф. Сабилова** (НУУ им. Мирзо Улугбека) отметила, что в условиях четвертой информационной революции, реализуется принцип «информация здесь и сейчас», в связи с чем наблюдается переход на модель «образование в течение всей жизни».

Также на секции в рамках обсуждения социологических проблем **А.А. Толиповым** (УОБ РУ) была затронута тема военной социологии (социологии военного дела), которая рассматривает очень широкий круг проблем: социальную структуру вооруженных сил; ценности, мотивацию и мировоззрение военнослужащих и гражданского персонала вооруженных сил; вооруженные силы как социальный институт и его взаимоотношения с другими социальными институтами; структуру военного коллектива и управление военными (боевыми) операциями в обществе и в отдельных социальных группах влияния; социальную реабилитацию и адаптацию ветеранов вооруженных сил, участников боевых действий (войн).

О.В. ВАСИНА

ВАСИНА Ольга Владимировна, к.социол.н., доц., зав. кафедрой социологии Санкт-Петербургского государственного технологического института (технического университета), Санкт-Петербург, Россия (olgahalliste@mail.ru).

CURRENT ISSUES OF SOCIOLOGY: INTERNATIONAL EXPERIENCE

DOI: 10.31857/S0132162524080158

Olga V. VASINA, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Head of the Department of Sociology of the St. Petersburg State Institute of Technology, St. Petersburg, Russia (olgahalliste@mail.ru).

© 2024 г.

О РАБОТЕ III ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ФОРУМА

В конце мая в Воронеже прошел III Международный демографический форум «Демография и глобальные вызовы», в работе которого приняли участие ученые из Венгрии, Сербии, Китая, Японии, Армении, Беларуси, Молдовы, Узбекистана, Таджикистана, Кыргызстана, Азербайджана, Казахстана и 60 российских регионов (в том числе, Донецкой и Луганской Народных Республик, Республики Крым).

Форум, проводимый Воронежским государственным лесотехническим университетом им. Г.Ф. Морозова (ВГЛТУ) при поддержке Правительства Воронежской области и Российского общества социологов (РОС), был посвящен поиску решений современных проблем социально-демографического, этнокультурного развития регионов России и стран глобального мира для улучшения качества и уровня жизни населения. Открыли работу форума ректор ВГЛТУ **М.В. Драпалюк** и проф. **И.А. Сосунова** (Москва).

Научная часть Пленарного заседания началась с выступления проф. **А.И. Антонова** (МГУ имени М.В. Ломоносова), который проанализировал проблемы и построил перспективы социальной и демографической ситуации в России на основе данных, полученных в ходе межрегиональных исследований, проведенных в 2010–2022 гг. По мнению докладчика, на протяжении последних шести десятилетий у россиян происходило ослабление потребности в детях: двухдетная модель репродуктивного поведения, сложившаяся в 1990–2010 гг., сменилась на однодетную модель, а сегодня молодежь добровольно отказывается заводить детей. Избежать депопуляции населения он предложил путем популяризации семейно-детного образа жизни среди представителей поколения, рожденного в 2000–2009 гг., поскольку они являются главным репродуктивным контингентом в 2020–2029 гг. Расчеты проф. **В.Л. Бабурина** (МГУ имени М.В. Ломоносова), основанные на анализе национальных статистических данных за последние двадцать лет, позволили сформулировать вывод, что депопуляция не является проблемой в целом для России, она грозит исключительно русскому, украинскому, белорусскому и финно-угорским народам. Политика по росту рождаемости и увеличению численности населения за счет выходцев из Центральной Азии создает угрозу на экзистенциальном уровне в целом российской идентичности, а также русским, которые во второй половине столетия могут оказаться в меньшинстве на своей исторической родине.

О негативных изменениях в репродуктивном поведении россиян обратил внимание в своем докладе и проф. **В.А. Ионцев** (МГУ имени М.В. Ломоносова), охарактеризовав современную молодежь «цифровым поколением», руководствующейся не российскими традициями, а суррогатными западными ценностями, что привело к естественной убыли населения более чем на 16 млн человек за счет снижения рождаемости, высокой смертности среди мужского населения трудоспособного и репродуктивного возраста, росту числа аборт и искусственных выкидышей, убийств (включая детей) и самоубийств, миграционного потока в ходе СВО. Только переход страны на евразийский путь социально-демографического развития, по его мнению, позволит сохраниться российской цивилизации.

Из доклада проф. **Д.Е. Махновского** (СПбГЭУ) участники форума узнали о тенденциях изменения численности населения Земли. Основываясь на прогнозных данных ООН, докладчик констатировал, что несмотря на продолжающееся увеличение численности населения, темпы естественного прироста человечества на 1 млрд постепенно сокращаются. Пиковое значение землян ожидает в 2058 г., когда численность достигнет 10 млрд чел. При этом к 2050 г. ожидается снижение коэффициента фертильности до 2,15, что приведет к простому воспроизводству населения планеты.

О негативном влиянии изменения климата на социальные процессы говорилось в совместном докладе проф. **С.Г. Максимовой, Д.А. Омельченко, О.Е. Ноянзиной** (все – АлтГУ), основанном на данных социологических опросов, проведенных в 2022–2023 гг. в Алтайском крае, Республике Алтай и Республике Тыва ($N = 2257$). В докладе были озвучены наиболее значимые проблемы для жителей исследованных регионов: здоровье, финансовые затруднения, алкоголизм и наркомания, отсутствие работы, трудности в проведении досуга. Среди социальных проблем каждый второй участник опроса назвал плохие дороги в селе, каждый пятый – отсутствие центрального отопления, каждый десятый – отсутствие доступа к питьевой воде, перебои со светом, связью и Интернетом. Докладчики пришли к заключению, что процесс адаптации к изменениям климата жителей усложняется социально-экономическими проблемами, недостатками государственного

и муниципального управления и объективными проблемами в их развитии, вызванными экстремальными природными условиями. Исследуя в ходе анкетного опроса жизненные установки сельской молодежи юга Тюменской области ($N = 462$), проф. **Н.Г. Хайруллина** (ТИУ) выявила аналогичные проблемы (отсутствие дорог, рабочих мест, плохое качество воды и др.). Несмотря на это, каждый второй респондент связывает свое будущее со своим сельским поселением, а наличие развитой социальной инфраструктуры, стабильной работы и заработка позволит молодежи закрепиться на малой родине.

Региональные особенности социально-демографического развития в Республике Азербайджан нашли отражение в докладе проф. **З.Н. Эминова** (ИГ им. акад. Г.А. Алиева МНПО АР, Баку); о достижениях целей устойчивого развития в Сербии доложила проф. **С.Л. Обрадович** (Географический ин-т, Белград); о выявленной взаимосвязи денежной массы на рождаемость в Китае проинформировал **Дж. Юфан** (Центральный ун-т финансов и экономики, Пекин); о распределении семейных обязанностей и гендерных установках жителей Республики Беларусь доложила **Т.М. Шавердо** (ИС НАН РБ, Минск); о влиянии факторов социально-демографического развития на профессиональное образование в Республике Таджикистан рассказала проф. **Д.С. Амонова** (Российско-Таджикский ун-т, Душамбе).

Н.В. ЯКОВЕНКО, Х.Н. САДЫКОВА

ЯКОВЕНКО Наталия Владимировна, д. геогр. н., проф., гл. науч. сотр. Воронежского государственного лесотехнического университета им. Г.Ф. Морозова, Воронеж, Россия (n.v.yakovenko1971@gmail.com); САДЫКОВА Хадия Нургалиевна, к. социол. н., доц. Тюменского индустриального университета, Тюмень, Россия (hadia87@mail.ru).

ABOUT THE WORK OF 3rd THE DEMOGRAPHIC FORUM

DOI: 10.31857/S0132162524080165

Natalia V. YAKOVENKO, Dr. Sci. (Geogr.), Prof., chief researcher of the Voronezh State Forestry University named after G.F. Morozova, Voronezh, Russia (n.v.yakovenko1971@gmail.com); Khadiya N. SADIKOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. prof. Of the Tyumen Industrial University, Tyumen, Russia (hadia87@mail.ru).

© 2024 г.

ЮБИЛЕЙНЫЙ КОНГРЕСС О ПРОБЛЕМАХ МОЛОДОЙ СЕМЬИ

23 мая в стенах РГСУ прошел XX юбилейный Международный конгресс «Российская семья», посвященный молодой семье.

Открывая работу конгресса, ректор РГСУ **А.Л. Хазин** отметил, что в России Год семьи проводится второй раз и не случайно, поскольку семейные проблемы необходимо решать на государственном уровне. Лидер фракции «Справедливая Россия – патриоты – за правду» **С.М. Миронов** указал, что партия выступает за закрепление статуса многодетной семьи на законодательном уровне и о необходимости дополнительных мер поддержки молодых семей. Член Комитета СФ ФС РФ по социальной политике, курирующий вопросы молодых семей, **И.В. Новиков**, обратил внимание, что в разрабатываемой стратегии молодежной политики до 2030 г. закладывается законодательная база по поддержке студенческих семей. С приветственными словами также выступили проф. **Г.И. Климантова** (РГСУ), **И.Ю. Святенко** (зам. Председателя СФ ФС РФ), **Е.Ф. Лахова** (председатель ООГО «Союз женщин России»).

Научная часть Пленарного заседания началась выступлением проф. **Г.И. Климантовой** (РГСУ), которая рассмотрела вопросы взаимодействия вузов в формировании семейной политики России в отношении молодой семьи. Для улучшения социально-демографического развития требуется помощь многодетным и молодым семьям, популяризация семейных ценностей

среди студенческой молодежи, поддержка брачно-семейной активности в студенчестве. Данная проблематика была продолжена в докладе **К.В. Абрамова** (ВЦИОМ), который представил результаты онлайн-опроса студентов из 272 российских вузов ($N = 100$ тыс.). Согласно данным, каждый четвертый студент планирует вступить в брак через шесть лет, каждый третий через четыре-пять лет, каждый десятый признался, что не планирует вступать в брак и создавать семью. При этом каждый шестой студент хотел бы иметь одного ребенка, около половины опрошенных – двух детей, трех и более детей – один из семи опрошенных, каждый десятый не планирует заводить детей. Омбудсмен **И.В. Легасова** обратила внимание, что с 2016 г. в стране наблюдается хроническая убыль населения и снижение численности женщин, которые могут рожать детей. Несмотря на это Чечня, Кабардино-Балкария, Якутия и Бурятия показывают самый высокий уровень рождаемости, а регрессивными регионами являются Ленинградская, Смоленская, Саратовская, Рязанская, Волгоградская области и Мордовия. По прогнозам в 2030–2031 гг. родится минимальное количество детей. Для обеспечения расширенного воспроизводства необходимо проводить деурбанизацию и развивать село и т.д.

Проф. **Д.К. Танатова** (РГСУ), на основе опроса весной 2024 г., среди студентов ($N = 5438$), состоящих в зарегистрированном или в религиозно одобряемом браке, проанализировала состояние, проблемы и возможные прогнозы в отношении студенческих семей. Готовность к браку и семейным отношениям в перспективе высказали 62% студентов, состоящих в незарегистрированном браке (сожительство). В случае наступления беременности три четверти опрошенных, состоящие в официальном браке, готовы рожать ребенка, а состоящие в религиозно одобряемом браке признались, что отложат рождение ребенка на будущее.

Живой интерес в работе секции «Многодетная семья – социальная элита России» вызвали доклады: **С.В. Ляликовой** (ИСЭПН ФНИСЦ РАН), которая на основе выборочного наблюдения за использованием суточного фонда времени 6955 нуклеарных семей, проживающих в российских городах, выявила, что в будние дни на уход за детьми матери затрачивают 148,2 мин., отцы – 39,4 мин. (в выходные дни 117,3 и 67,2 мин. соответственно). Лишь треть подростков вовлечены в заботу о своих братьях и сестрах, при этом в многодетных семьях они больше времени затрачивают на заботу, чем в семьях с двумя детьми. О роли семьи в сохранении родных языков и традиционной культуры коренных народов Севера говорил **С.Х. Хакназаров** (ОУИПИИР, Ханты-Мансийск). Результаты мониторинга последних трех десятилетий среди ханты и манси ХМАО, выявили неуклонное снижение численности коренных жителей, свободно владеющих родными языками и соблюдающими традиции и обычаи своего народа. Носители языка и традиций встречаются в местах компактного проживания: в родовых угодьях, на стойбищах. **Л.И. Грошева** (АНО ВО «Ин-т деловой карьеры», Тюмень), основываясь на результатах анкетного опроса, проведенного среди жителей областного центра ($N = 925$), построила образ детей и родителей в многодетной семье.

В рамках Конгресса в Москве и одновременно в трех городах (Луганск, Ижевск, Воронеж) работали секции, где обсуждались проблемы воспитания детей в молодых семьях, технологии социальной работы с молодыми семьями, а также социально-психологические и педагогические аспекты их сопровождения.

Д.К. ТАНАТОВА, М.А. ХАМАТХАНОВА

ТАНАТОВА Дина Кабдуллиновна, д. социол. н., проф., зав. кафедрой социологии, этнографии и социометрии Российского государственного социального университета, Москва, Россия (dktanatova@mail.ru); ХАМАТХАНОВА Макка Алаудиновна, к. социол. н., доц. Тюменского промышленного университета, Тюмень, Россия (hamathanovama@tyuiu.ru).

ANNIVERSARY INTERNATIONAL CONGRESS ON PROBLEMS OF YOUNG FAMILY

DOI: 10.31857/S0132162524080173

Dina K. TANATOVA, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Head of the Department of Sociology, Ethnography and Sociometry, Russian State Social University, Moscow, Russia (dktanatova@mail.ru); Makka A. KHAMATKHANOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof. of the Tyumen Industrial University, Tyumen, Russia (hamathanovama@tyuiu.ru).

Размышления над новой книгой

© 2024 г.

О.М. РОЙ

ФЕНОМЕН РЕСЕНТИМЕНТА: ИСТОРИЧЕСКАЯ АЛЛЮЗИЯ ИЛИ СУРОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ?

РОЙ Олег Михайлович – доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия (roi_omsk@mail.ru).

Аннотация. Новая книга Л. Фишмана¹ посвящена феномену современного мира, удивительным образом сочетающему установку на обеспечение политического равенства между людьми и неравенство, возникающее на периферии этого «обеспечения». В статье рассматриваются эволюция и содержание феномена ресентимента. Согласно Ф. Ницше, ресентиментом является чувство, испытываемое человеком к своему врагу или к тому, кого он считает виновным в своих неудачах, что вызывает его агрессию по отношению к другому. Л. Фишман прослеживает различные исторические формы, обращая внимание на то, что главным субъектом ресентиментных действий зачастую выступает не плебей, а носитель ценностей господствующего класса. В этих условиях ресентимент становится важнейшим инструментом политической борьбы, предметом апелляции одной социальной силы относительно другой. Таким образом, автор подходит к рассмотрению феномена ресентимента с иной стороны, чем родоначальники этой концепции Ф. Ницше и М. Шелер, рассматривая его как разновидность ложного сознания, а концепцию ресентимента в ее изначальном виде – как его критику справа. В современном мире феномен ресентимента воплощается в самых разнообразных формах – от прекариата до противостояния между государствами. И пока в мире существуют разделение общества на сильных и слабых, социальное неравенство, двойные стандарты, ресентимент будет находить для себя благоприятную почву.

Ключевые слова: ресентимент • социальный порядок • класс господ • класс рабов • социальное неравенство • прекариат

DOI: 10.31857/S0132162524080189

Феномен ресентимента был описан в одном из произведений Фр. Ницше, и определялся как мораль рабов, противостоящая морали господ. Чувство враждебности к тем, кто является причиной гонений и неудач, лежит в основе этого феномена, формируя бессильное стремление его носителей улучшить свое положение в обществе. Находящиеся в угнетенном и зависимом положении субъекты формируют собственные ценности, сублимируя чувство характерной для себя неполноценности в особую систему морали. При этом ресентимент рассматривается как самообман, выдача нужды за добродетель, что выступает источником напряженности в обществе. Подобно «призраку коммунизма», воплотившемуся во вполне осязаемые формы, «призрак ресентимента» не имеет четкого очертания и используется в качестве инструмента политического влияния.

Исследование выполнено за счет гранта Минобрнауки России в форме субсидий из федерального бюджета на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

¹ Фишман Л. Неравенство равных: концепция и феномен ресентимента. М.: Изд. Дом ВШЭ, 2024. 270 с.

Исторические предпосылки ресентимента. Ницше связывал формирование ресентимента с появлением христианства, призывавшего к уравниванию угнетенных слоев населения и высших классов. И поэтому для него христианство консервирует психологию угнетенности, парализует волю человека. Ресентимент формирует формальное равенство при реальном неравенстве. И возникают вопросы: насколько фатальным для общества и присущим его природе является феномен ресентимента? Насколько значимым является влияние демократических тенденций в политической сфере современного общества на судьбы ресентимента? Является ли ресентимент простой аллюзией, мемом или имеет глубокие основания в современном обществе?

Ключевой научной проблемой монографии, на наш взгляд, является реконструкция феномена ресентимента в исторической перспективе, его влияние на общественные отношения. Автор последовательно рассматривает эволюцию ресентимента, выявляя характерные свойства этого феномена, его ключевые характеристики.

Развивая теорию в политическом дискурсе, немецкий философ М. Шелер объяснял феномен ресентимента политической неустойчивостью общества и необходимостью высших классов идти на компромиссы с низшими классами. Вслед за Ницше Шелер усматривал ресентимент в противопоставлении аристократов и плебеев, но, в отличие от своего старшего соотечественника, не рассматривал этот феномен как отличительную черту христианской религии. Учрежденный аристократами социальный порядок выступает основой консервации сложившихся в обществе отношений, разделяя составляющие его социальные группы по признаку происхождения и принадлежности роду. Всякий социальный порядок предусматривает внутри себя иерархическую систему привилегий и норм, служащих препятствием для проникновения в высший круг случайных элементов. Однако ресентимент не означает простой неудовлетворенности низших классов сложившимся социальным порядком и осознания его несправедливости – он проявляется «в эпоху подъема силы низших классов», т.е. когда низшие классы осознают себя равными высшему классу, которому они готовы противостоять, отстаивая свои права. Такое равенство может быть достигнуто посредством уравнивания политических прав граждан независимо от их происхождения и принадлежности к сословию. Получение права не влечет автоматического повышения социального статуса и улучшения материального благосостояния, что вызывает зависть и негодование ущемленного. Однако рассматривая проблему генезиса ресентимента, Л. Фишман задается вопросом: способен ли завистливый и лишенный возможностей плебей изменить сложившийся порядок, подвергнуть его рефлексии и возможному, пусть и теоретическому, переустройству? Скорее это может сделать только сам носитель ценностей господствующего класса, признающий несправедливость установленного порядка и готовый участвовать в его изменении. Не секрет, что значительная часть восстаний и государственных переворотов в мире поддерживалась и возглавлялась представителями господствующих сословий.

По мнению Л. Фишмана, генезис ресентимента следует искать в высших классах или близких к ним социальных группах (с. 29). Но в дальнейшем свойственный ресентименту комплекс моральных чувств и поведенческих стратегий может быть перенят другими классами. Большой интерес в монографии вызывает авторский анализ действовавшей в Западной Европе системы майората, подвергшей дискриминации младших наследников, вынужденных заниматься деятельностью, несвойственной высшим классам. Другой категорией дискриминируемых были незаконнорожденные наследники, бастарды, роль которых в истории человечества оказалась подчас отличной от ожидаемой. Многие незаконнорожденные дети оказались весьма удачливыми в своей карьере, сублимируя душевную травму своего происхождения достижением значительных высот в творчестве (А. Герцен, А. Фет, О. Кипренский и многие другие).

В то же время, считает автор монографии, родоначальники концепции ресентимента отрицали наличие у аристократии какой-либо зависти к другим сословиям, усматривая ресентимент исключительно в «морали рабов» – людей не только неблагородных, но и подлых. На примере сюжетов из классической литературы и ряда исторических источников автор показывает, что в действительности это далеко не так. Он последовательно раскрывает

особенности аристократической формы ресентимента, когда положение дискриминируемого лица сочетается с чувством невозможности изменить свое положение. Похожее отношение иллюстрирует соотношение аристократии завоевателей и аристократии покоренных народов.

Различия, возникающие между высшими и низшими классами, подчас приводили к переоценке ценностей и формированию новых элит посредством морального, религиозного утверждения превосходства низших классов над высшими. Значительная роль в этом продвижении отводится образованию, оказывающему решающее воздействие на «формирование ресентиментных настроений в классово и сословно разделенных обществах» (с. 50). Л. Фишман подходит к рассмотрению феномена ресентимента с гораздо более широких позиций, нежели родоначальники этой концепции, рассматривая его как разнovidность ложного сознания, а концепцию ресентимента в ее изначальном виде – как его критику справа. Классический дискурс ресентимента описывается как критика неуспешных людей и их реакций на свое положение с точки зрения успешных и процветающих – или по крайней мере *тех, кто хочет воспринимать себя таковыми* (курсив автора) (с. 102).

Наиболее древние истоки исследуемого феномена рассматриваются автором в главе «Архаические формы ресентимента и их значение». Примечательным выглядит образ Ивана-дурака в русских народных сказках как олицетворение не раскрывшего свой реальный потенциал героя, сталкивающегося с определенными трудностями на своем пути, вызванными его ущемленным положением. Социальное унижение героя после определенных испытаний преодолевается получением нового социального статуса. В восточных обществах ресентимент воплощается в положении жрецов, обретающих господствующее положение за счет своих знаний и тайных обрядов. Таким образом они обретают высокий социальный статус благодаря своим личным качествам и заслугам. В своем роде жрецы становятся промежуточным звеном между классом господ и классом рабов, формируя коммуникационное поле между этими классами. Воспроизводя базовый архаический сюжет ресентимента, автор заключает, что «он восходит к отношениям неравенства, распространяющимся скорее на естественную иерархию внутри рода, семьи, между сильными и слабыми, здоровыми и больными, молодыми и стариками и пр.» (с. 71). Однако в дальнейшем на смену аналогии с родственными связями приходит актуализация социальных, классовых отношений, апофеозом которых становится лозунг буржуазных революций – лозунг братства, призванный скрыть неприкрытые противоречия между соперничающими и недоверяющими друг другу сословиями, когда одно из них считалось оскорбительным провозглашение его братания с другим.

Феномен ресентимента и его исторические формы. Центральное место в монографии Фишмана занимает глава «Ресентимент: концепция и феномен», где рассматривается современная трактовка исследуемого объекта с позиции его исторических предпосылок. И одной из ключевых его загадок является вопрос о том, почему заимствованный из французского языка термин стал одним из ключевых символов немецкой философии? История Франции играет ключевую роль в развитии концепции ресентимента. В ней произошла Великая революция, способствующая кардинальному перемещению сословий, разрушению социальных и культурных перегородок между различными классами общества. Именно во Франции буржуазия за короткое время превращается в одно из привилегированных сословий, воплощая свою мечту в воссоединении материального достатка и благородства происхождения. В то же время формирование ресентимента происходило здесь уже при Старом порядке в процессе обострения противоречий между ведущими сословиями. Как пишет автор, аристократы и буржуа в рамках этого противостояния взаимно переплетаются своими ресентиментами. Основным фигурантом генезиса ресентимента становится старая аристократия, чья социальная мобильность обретает нисходящий вектор. В этот же период, на рубеже XVI–XVIII вв., наряду с предпосылками ресентимента создаются и предпосылки его преодоления, позволяющие размывать социальные перегородки между ведущими сословиями. К революции «французское общество подходит с рядом нерешенных, обострившихся проблем. Тем не менее оно успевает выработать внутри себя этические и политические дискурсы универсалистско-гуманистического толка, которые далеко выходят за рамки тупикового, варящегося в сословных предрассудках

ресентиментного мироощущения» (с. 86). Восходящий класс вырабатывает просвещенческое мировоззрение, в котором ресентимент присутствует в виде почти не имеющих значения следов, растворяясь в потоке истории. В монографии приводится любопытное свидетельство точки зрения Э. Берка, утверждавшего, что «объективных причин у Французской революции не было, поскольку прежний строй обладал достаточной жизнеспособностью» (с. 98). Поэтому весь смысл французской революции заключался в мятеже против христианской религии со стороны «клики профессиональных литераторов» и их стремления к неограниченной власти. В этом смысле ресентимент не является причиной революций, но выступает важнейшей их предпосылкой, будучи вплетенным в многообразие общественных отношений и оказывающим на них значительное влияние. Несмотря на оспариваемую автором точку зрения Э. Берка, такой взгляд на природу Великой французской революции представляется распространенным, отражая внутренний потенциал ресентиментного мировоззрения.

В Германии и других европейских странах этот процесс будет протекать более эволюционно, а «специфическая принадлежность части нисходящего аристократического и восходящего третьего сословия формируется значительно позже» (с. 86). Однако именно в Германии происходило накопление «завистливой вражды», вызванной последствиями войн, что способствовало формированию особого образа ресентимента с явно выраженным чувством реванша. Ресентимент становится самостоятельным явлением в морали, распространяясь на значительный массив исторических фактов и явлений. Люди, подверженные морали ресентимента, противопоставляются Ницше образу свехчеловека (*Übermensch*), способного преодолеть ресентимент. Сверхчеловек призван остановить вырождение нравственно-этических и моральных принципов в обществе, подавить в себе животные инстинкты путем обретения неограниченных прав и возможностей.

Дополняет представленную автором картину неравенства между сословиями, на наш взгляд, британский кейс, выраженный американско-сербским экономистом, профессором Университета Нью-Йорка Бранко Милановичем в книге «Видение неравенства: От Французской революции до конца Холодной войны». Миланович считал, что говоря о «законах рынка», А. Смит утверждал, что на достатке простолюдинов строится по-настоящему мощное государство. Полемизируя с А. Янгом, который считал, что низшие классы нужно держать в бедности, иначе они никогда не станут трудолюбивыми, шотландский философ отмечал, что передовое общество не может быть обществом, где рабочим плохо платят. Смит подтверждал свою точку зрения ссылкой на сравнение Испании и Португалии, с одной стороны, и Нидерландами – с другой, где высокий уровень оплаты труда и низкая процентная ставка делали жизнь более привлекательной и способствовали интенсивному развитию этой страны. Такая точка зрения в то время рассматривалась нетривиальной и была реальным вызовом установившемуся в большинстве европейских стран порядку [Milanovic, 2023].

Таким образом, уже к концу XVIII в. складывается несколько точек зрения на исход неравенства между сословиями ряда государств, источниках социальных потрясений и вражды. Все чаще начинает проявляться точка зрения о недопустимости значительных диспропорций в уровне жизни населения, их влияния на благосостояние общества. Важно, что речь идет не просто о равенстве политических прав, а о необходимости формирования условий экономического равенства, для которого в то время отсутствовали объективные основания. Форсирование промышленной революции требовало вовлечения в производственный процесс массовой дешевой рабочей силы, что в конечном счете и проявлялось в невозможности уравнивания политических прав. Развитие промышленной революции, приведшее к расширению масштабов материального производства и повышения политического статуса буржуазии, способствовало также ослаблению роли женщин и оттеснению их в «сферу домашних дел» (с. 149). В этом, по-видимому, и проявлялся кризис демократии в эпоху Модерна, незаинтересованности в ее развитии со стороны ведущих участников политического процесса. Результатом этого становится политика «двойных стандартов», о которой автор пишет в одном из параграфов своей книги. Поэтому, по мнению автора, «неравенство не просто не искореняется,

но постоянно находятся новые причины для его обнаружения в очень близких, по существу, социальных группах» (с. 163).

Интересным выглядит анализ феномена прекаризации как питательной среды для ресентимента. Ресентимент является одной из особенностей массового сознания прекариата – класса социально неустроенных людей, не имеющих полной гарантированной занятости. «Прекаризация порождает комплекс чувств, оценки и самооценки, характерных именно для ресентимента» (с. 165). Проводимые в стране исследования прекариата свидетельствуют о широком распространении этого явления в современной России. В составе этого протокласса находится около половины экономически активного населения в России [Голенкова, 2015; Тощенко, 2021]. В России значительная часть трудоспособного населения находится на временной работе, не имея социальных гарантий и оплачиваемого отпуска, многие вынуждены иметь множество подработок, отправляться на сезонные, вахтовые работы. Значительную часть прекариата составляют мигранты, доля которых, по разным оценкам, составляет от 6 до 10 млн человек. Большая часть мигрантов не имеет постоянной работы, вынуждены выполнять свои трудовые функции за сравнительно небольшую заработную плату.

Прекариат не уверен в своем будущем, лишен гарантий социального обеспечения, демонстрируя зависть к удачливым людям, осознавая собственное бессилие. Дополняет озлобленность прекариев осознание, что стоящие на их пути ограничения к обретению устойчивости и благополучия являются искусственными. Принадлежность к прекариату не всегда является признаком невостребованности: люди могут попадать в эту группу просто потому, что их реальные навыки не соответствуют заданным в конкретном обществе стандартам либо связаны с миграционным статусом соискателя.

В то же время заслуживает внимание современная тенденция, связанная с тем, что все большее количество занятых стремится уйти из формального сектора, расширяется доля самозанятых и фрилансеров, составляющих обширную базу прекариата и бросающих вызов традиционному salariату. В современном обществе возникают категории занятых, которые осуществляют свою деятельность вне традиционных форм организации трудовой деятельности. Расширение форм деятельности, связанной с повышением роли информационных услуг, способствует появлению разнообразных форм занятости, не предусматривающих долгосрочных контрактов, не предполагающих выстраивания перспективной карьеры внутри организации-работодателя, не привязанных к конкретному региону. Наряду с классами, сформированными на предыдущих стадиях развития, формируются классы, соответствующие эпохе информационного общества, к коим следует отнести классы владельцев информационного продукта и сетей коммуникации, а также потребителей информационного продукта. В качестве одного из таких классов, к примеру, выступает когнитариат, интеллектуальный творческий труд которого возможен «вне рабочего времени, офиса и с использованием средств производства, компьютеров и иной техники, находящихся в личной собственности создателя информационного продукта. В данных условиях продукт труда становится личной собственностью создателя, но его распространение ограничено сетями коммуникации создателя и его сообщества» [Бреслер, 2023: 71]. Дополняют эту группу лица свободных профессий, для которых возможность извлечения дохода здесь и сейчас расценивается выше, нежели гарантии долгосрочной занятости и стабильность трудоустройства.

Современные тенденции свидетельствуют, что можно говорить об отсутствии фатальности ущемленного положения прекариата, его возможности сформировать свою субъектность, стать классом «для себя». Информационное общество способно к созданию предпосылок, позволяющих осознающим себя неперспективными субъектам сохранять шансы на улучшение своего положения.

Судьбы ресентимента в современном мире. В то же время сложившиеся социально-экономические условия делают менее адекватными противопоставления традиционных политических сил (левых-правых, капитализм-социализм), перенося их в сферу политических ярлыков с заданным для них набором штампов и клише. Однако, поскольку в современном

обществе нет зон, свободных от ресентимента, то и понимание нормы становится предметом толкования и столкновения между различными политическими силами.

В меньшей степени внимание автора, на наш взгляд, уделено трансформации феномена ресентимента в современном мире, где тенденция якобы расширения демократических институтов приходит в противоречие с тенденциями нарастающего экономического неравенства. Уклонение собственника от обязательств перед своими работниками, рост безработицы и отмена ряда жизненно значимых социальных гарантий сопровождаются утверждениями правительственных чиновников о приверженности ценностям демократии, сокращении дистанции в уровне благосостояния между социальными стратами. Тем не менее примечательной тенденцией последнего столетия, в соответствии с точкой зрения французского исследователя Т. Пикетти, выступает резкий рост имущественного неравенства, сопровождающий замедление темпов экономического роста. Эта ситуация приводит к существенной концентрации общественного богатства в руках ограниченного круга лиц, наделенных дополнительными возможностями серьезного политического влияния [Пикетти, 2015]. Это неравенство нарастает в условиях зрелой демократии и информационной открытости, вызывая неоднозначную реакцию со стороны одних общностей относительно других. Кроме того, популярными в этих условиях становятся глобалистские лозунги, исходящие из приоритета международных проблем над национальными. Социальную базу ресентимента формируют целые страны и континенты, представители которых выражают недовольство сложившейся системой распределения имущественных благ и политического влияния. К примеру, многие развивающиеся страны считают себя обделенными при принятии международными организациями решений по климату, продовольственной безопасности и пр. Помимо проблем глобального экономического неравенства, огромную популярность обретают сегодня идеи экологической безопасности, ограниченности благоприятных условий жизнедеятельности, неравного доступа к удовлетворению своих экологических потребностей со стороны различных категорий граждан и регионов.

Перспективным представляется рассмотрение тенденций в развитии современного российского общества, где проблемы экономического неравенства соседствуют с не менее серьезными проблемами неравенства между регионами. Рост различий в уровне жизни между регионами формирует своеобразную форму регионального ресентимента, способствующего росту регионального сепаратизма и утрате консолидирующих общество ценностей национального единства. Даже в мировом спорте стала формироваться ярко выраженная тенденция на оттеснение из соревновательного поля сильных конкурентов по поводам, не соответствующим спортивным критериям.

Безусловным украшением монографии Л. Фишмана является ее заключительный пассаж о феномене смердяковщины в развитии российского общества, его ресентиментном значении в истории России. Положение героя Достоевского Смердякова как бастарда, высказывающего в разговоре с Марьей Кондратьевной явно непатриотические высказывания, выступает весьма симптоматичным для сложившейся в настоящее время ситуации, когда значительное количество граждан страны допускает похожие высказывания. В то же время образ Смердякова можно трактовать и с позиции бунта против своего положения, против существующего порядка. Таким образом, явление смердяковщины во многом является продуктом несправедливости общества, наличия в нем двусмысленности и лживости.

Заключение. Монография Л. Фишмана является своевременным и актуальным обобщением сложившихся к настоящему периоду тенденций в сфере непрекращающейся с давних пор борьбы между волей сильных (господ) и волей слабых (рабов, «толпы») слоев населения, венцом которой становится система моральных ценностей, порождающих чувство протеста и недоверия одних к другим. Возникший как феномен зависти и мести со стороны людей, стоящих на определенных ступенях социальной и духовной лестницы, ресентимент проявляет себя как комплекс чувств угнетенных в чем-то категорий населения, который может быть рассмотрен в качестве инструмента политического давления одной социальной группы на другие. В процессе своей эволюции ресентимент воплощается в разнообразные формы политического и социального противостояния социальных групп, возникающего по поводу

неравного доступа к ресурсам, информации или принятию решений. По меткому выражению Д. Оруэлла, среди равных всегда находятся самые равные, способные обратить в свою пользу достигнутые результаты общественного производства. И это обстоятельство всегда будет питать психологию ressentiment, закладывая ее в основу различные формы противодействия сложившемуся социальному порядку. В монографии Л. Фишмана ressentiment представлен как исторически развивающийся феномен, раскрывающий все новые и новые грани своего содержания на различных этапах развития современного общества. И в этом заключается ее важное эвристическое значение, способствующее расширению дальнейших исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бреслер М.Г. Когнитариат. Специфика формирования и перспективы развития в России // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 4. С. 65–81. DOI 10.17506/18179568_2023_20_4_65.
- Голенкова З.Т., Голиусова Ю.В. Прекариат как новая группа наемных работников // Уровень жизни населения регионов России. 2015. № 1(195). С. 47–57. EDN TQALIF.
- Пикетти Т. Капитал в XXI веке / Пер. с англ. М.: Ad Marginem, 2015.
- Тощенко Ж.Т. Публичный и приватный жизненный мир прекариата: основные черты и ориентиры // Социологические исследования. 2021. № 11. С. 24–36. DOI: 10.31857/S013216250016200-3.
- Milanovic B. *Visions of inequality From the French Revolution to the End of the Cold War*. Harvard University Press, 2023. ISBN: 9780674264144.

THE PHENOMENON OF RESENTMENT: HISTORICAL ALLUSION OR HARSH REALITY?

ROY O.M.

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch RAS, Russia

Oleg M. ROY, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Leading Researcher at the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia (roi_omsk@mail.ru).

Abstract. The article examines evolution and content of the resentment phenomenon. According to the theory of F. Nietzsche, resentment is the feeling experienced by a person towards his enemy or towards the one whom he considers guilty of his failures, which causes his aggression towards another. L. Fishman traces various historical forms of resentment, drawing attention to the fact that the main subject of resentment actions is often not the plebeian, but bearers of the values of the ruling class. Under these conditions, resentment becomes the most important instrument of political struggle, the subject of appeal from one social force to another. Thus, the author studied the phenomenon of resentment from another perspective than the founders of this concept, F. Nietzsche and M. Scheler. He treats it as a type of false consciousness, and the concept of resentment in its original form as its criticism from the right. In the modern world, the phenomenon of resentment is embodied in a wide variety of forms – from the precariat to confrontation between states. And as long as there is a division of society into the strong and the weak in the world, social inequality, double standards, resentment will find favorable soil.

Keywords: resentment, social order, master class, slave class, social inequality, precariat.

REFERENCES

- Bresler M.G. (2023) Cognitariat. Specifics of formation and development prospects in Russia. *Diskurs-Pi* [Discourse-Pi]. T. 20. No. 4: 65–81. (In Russ.)
- Golenkova Z.T. Goliusova Yu.V. (2015) Precariat as a new group of hired workers. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living standards of the population of Russian regions]. No. 1(195): 47–57. (In Russ.)
- Piketty T. (2015) *Capital in the XXI century*. Moscow: Ad Marginem. (In Russ.)
- Toshchenko Zh. T. (2021) Public and private life world of the precariat: main features and guidelines. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. [Sociological studies]. No. 11: 24–36. (In Russ.)
- Milanovic B. (2023) *Visions of inequality From the French Revolution to the End of the Cold War*. Harvard University Press.

SOCIOLOGICAL STUDIES

Monthly

2024 No. 8

ON THE 50th ANNIVERSARY OF SOCIS

- 3 Sociology of Professions – Situation and Prospects (Round Table)

ECONOMIC SOCIOLOGY. SOCIOLOGY OF LABOR

- 22 SMELOVA A.A. Social Studies of Finance as a New Vector for Sociological Research of Modern Society
37 ANDREEVA Ju.V., LUKYANOVA E.L. Labor Biographies of Russian Workers: from Search to Survival

DEMOGRAPHY. MIGRATIONS

- 49 MOKIN K.S. Evolution of Migration Research: from the USSR to Modern Russia
61 VORONINA N.S. Dynamics of Russians' Attitudes towards Immigrants: Results of the Analysis of European Social Survey Data for 2006–2021

POLITICAL SOCIOLOGY

- 79 GABARAEVA M.R. "Decolonization" Discourse in Anti-Russian Telegram Channels Aimed at North Caucasus (A Content Analysis)
94 VASILEVA O.V. Patriotism as a Pragmatic and/or Affective Choice (on the materials of the Republic of Sakha (Yakutia))

HISTORY OF SOCIOLOGY

- 105 ATANESYAN A.V. Political Sociology in Armenia: Stages of Institutionalization and Priorities
117 DANILOV A.N. Belarusian Authors on the Pages of the Journal "Sotsiologicheskie issledovaniia"

ANNIVERSARY

- 124 S.A. KRAVCHENKO is 75!
125 KRAVCHENKO S.A. Diagnosing the Synergically Complex Risks Through the Content of the Cultural Genotype

SOCIOLOGICAL JOURNALISM

- 137 BEREZINA N.V. Media Theory and the Future of the Church

FACTS. COMMENTS. NOTES

- 146 AGAFONOVA D. Yu., ROMASHKINA G.F. Social Capital: Trust and Public Participation (case study of Tyumen Region)
155 BALAKINA G.F., NATSAK O.D. Social Well-Being and Adaptation Practices of the Population of Tuva: Gender Differentiation

ACADEMIC EVENTS

- 161 LYALIKOVA S.V., NAZAROVA I.B. Population Social Dynamics and Human Potential
(results of the conference)
- 163 VASINA O.V. Current Issues of Sociology: International Experience
- 164 YAKOVENKO N.V., SADIKOVA Kh.N. About the Work of III the Demographic Forum
- 166 TANATOVA D.K., KHAMATKHANOVA M.A. Anniversary International Congress
on Problems of Young Family

REFLECTIONS ON A NEW BOOK

- 168 ROY O.M. The Phenomenon of Resentment: Historical Allusion or Harsh Reality?

175 CONTENTS

NEW BOOKS IN SOCIAL SCIENCE (inside front cover)

IN THE NEXT ISSUES (back cover)